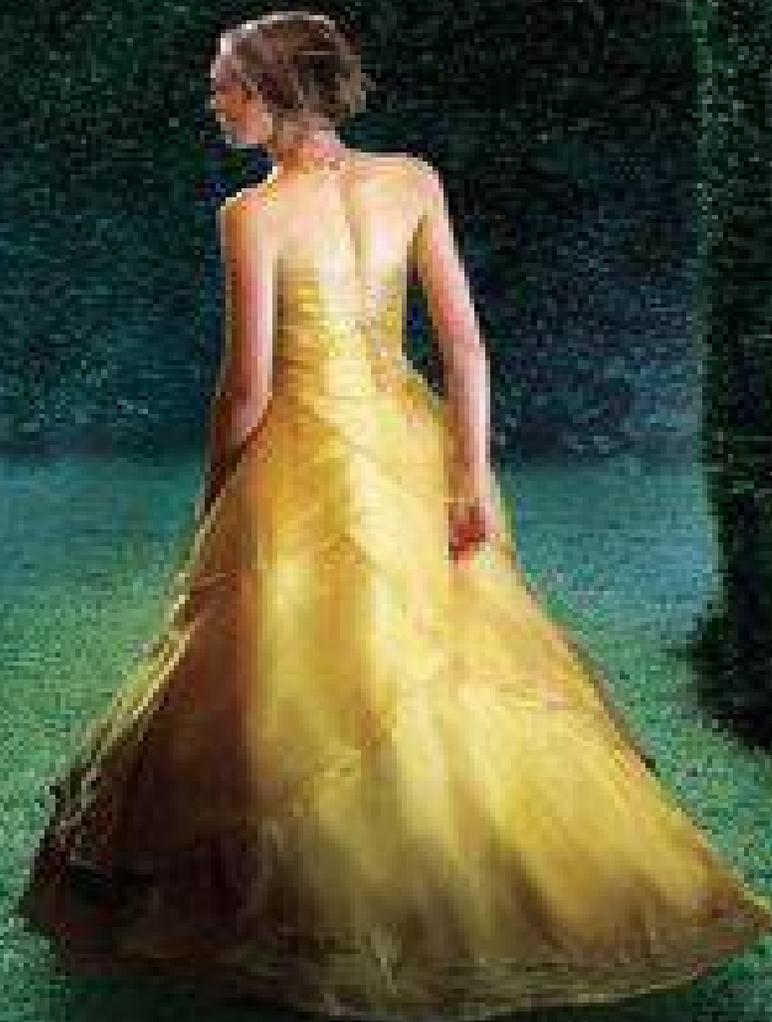

Дом Эмбер

КЕЛЛИ МУР • ТАКЕР РИД • ЛАРКИН РИД

vk.com/world_of_different_books

«Мне было шестнадцать, когда моя бабушка умерла в первый раз...»

Сара Парсонс никогда не видела Дом Эмбер, большое поместье в штате Мэриленд, которое принадлежало её семье на протяжении трех столетий. Никогда не бродила по его лабиринту в виде живой изгороди, не находила там тайные комнаты; она никогда не замечала тени, преследовавшие его, не находила потерянные бриллианты в его стенах.

Но всё это скоро изменится. После того как не стало её бабушки, Сара со своим другом Джексонном решают поискать бриллианты — и дом оживает. Она узнает, что она может видеть видения о прошлом этого дома, например, жившего в восемнадцатом столетии морского капитана, спрятавшего сокровища, или очаровательную прабабушку, сошедшую с ума от горя. Она сближается с Джексонном и с молодым человеком по имени Ричард Хэтэуэй, чьи семейные истории глубоко переплетены с её собственной. Но когда видения начинают представлять угрозу дорогому ей человеку, Сара решает сделать всё возможное, чтобы добраться до истока тайн дома и остановить ход истории, прежде чем он не закрепится навечно.

Келли Мур, Ларкин Рид, Такер Рид
Дом Эмбер

***Оригинальное название:** Amber House by Kelly Moore, Tucker Reed, Larkin Reed*

***Серия:** Amber House #1*

Трилогия дома Эмбер #1

***Главы:** 29 + Пролог и Эпилог*

***Жанр:** Триллер*

***Дата выхода в оригинале:** 1 октября 2012*

***Переводчик:** Настя Гулик*

***Редакторы:** Марта Нежсина, Елена Ермакова*

***Вычитка:** Настя Сыпало*

*Капитану — нашему отцу и
дедушке, который строил для нас дома на деревьях,
обустраивал комнату в морском стиле
и хранил историю нашей семьи
ещё со времен Джеймстауна.
Благодаря которому мы появились на свет.
Нам бы хотелось, чтобы ты мог прочитать эту книгу.*

Пролог

Я бывала здесь раньше.

Я уже бегала по бесконечным залам, двери которых открывались в другие места. Я повторяла слова, которые должна была запомнить, направления...

— Если у тебя есть шанс...

Бесконечные двери впереди и позади меня, только вот я стала слишком большой, чтобы проходить через них, или слишком маленькой, чтобы дотянуться до ручки.

— ...шанс выбрать....

Она прошла мимо меня и, оглянувшись с серьезным взглядом, поманила меня, её белое платье развевалось на бушующем ветру.

— ...тогда выбери путь....

Я устала. Было такое чувство, что я постарела от вечного бега. Это больно. Но мне нужно продолжать идти. Найти нужную дверь.

— ...путь, который ведет...

Он тоже был здесь, где-то здесь. За одной из этих дверей, если бы я только могла выбрать которую. Кто? Я ничего не помнила. Только улыбку. Только его белоснежную широкую улыбку.

Глава 1

Мне почти исполнилось шестнадцать лет, когда моя бабушка умерла в первый раз.

Была середина октября. Всё ещё тепло, как летом, но деревья уже окрасились в багряный и желтый цвета. Дома, в Сиэтле, обычно все деревья были вечнозелёными с добавлением выцветших коричневых тонов. Эти нелепые яркие цвета вдоль берегов реки Северн были первым, во что я здесь влюбилась — осень в том виде, в каком она и была задумана.

Сейчас сложно вспомнить самый первый день — это как смотреть на фотографию под водой, — картинка дрожит, изображение размыто. Но существует часть меня, которая никогда этого не забудет. И это важно подключиться к этой части, заставить себя вспомнить. Иногда если я по-настоящему сконцентрируюсь, воспоминания волнами накатывают на меня. Все они. От начала и до конца. Затем всё начинается сначала. Полный круг.

Всё началось на похоронах. Мы стояли на холме к западу от дома, за чугунной решеткой среди других надгробий. Всех членов семьи моей бабушки, начиная от первых переселенцев, хоронили на этом кладбище. Бабушка выбрала участок для себя, когда была ещё маленькой. Что может быть даст вам некоторое представление о семье моей бабушки и их болезненных наваждениях.

Это был один из немногих разговоров с моей бабушкой, который мне запомнился. Мне тогда было около шести. Она рассказала мне о выбранном ею месте отдохновения, затем радостно добавила:

— Однажды тебя тоже здесь похоронят. — Я разрыдалась.

И вот десять лет спустя я стою среди незнакомцев, на кладбище, на том самом месте, которое моя бабушка описала мне, под живой частью дерева, оставшейся после давней катастрофы. На новой мраморной плите, стоящей в его тени и ожидающей момента, когда её воздвигнут на предназначенное ей место с простой надписью «ИДА УОРРЕН МАКГИННЕ — НАКОНЕЦ-ТО МЫ ВОССОЕДИНИЛИСЬ». Мы стоим в ряд над открытой могилой, и скворцы на проводе, и слушаем речь священника, который напоминает нам, что «для всех под солнцем есть своё время». Какая-то старушка протирает глаза платком и громко всхлипывает. Все остальные будто замерли, включая мою мать. В какой-то момент папа хотел взять её за руку, но она притворилась что не заметила этого. Её взгляд сфокусировался

на какой-то точке вдалеке.

Сэмми, мой пятилетний братишка играет в прятки среди надгробий — как всегда он напевает одни и те же шесть нот — и на мгновение мне хочется к нему присоединиться. Наверное, всё это выглядит так, словно у меня нет должного уважения к смерти. Но я едва знала свою бабушку. Я могла бы по пальцам одной руки посчитать количество её визитов к нам. И нас никогда не приглашали сюда, чтобы навестить её. Моя мама всегда вела себя с бабушкой скорее как с дальним знакомым, чем с членом семьи. Так что мне сейчас немного сложно вникнуть в ход происходящего.

И мне плохо оттого, что я не чувствую себя плохо.

Чуть выше на холме и в отдалении от остальных стоит пара, отец и сын, оба светловолосые, загорелые, с хорошей фигурой и в одинаковых черных костюмах. Я заметила, как некоторые из провожающих кивали на них, и мне стало интересно, кто они.

Чуть ближе, на другой стороне ровной прямоугольной ямы, стоит сиделка моей бабушки, Роза Валуа, со своим подростком-внуком, который на целую голову выше неё. Они были единственными темнокожими среди довольно однообразно одетой толпы. Когда я смотрю на них, парень отводит взгляд, как будто его застали за подглядыванием.

Мои щеки краснеют. Я бессознательно одергиваю помывшийся в чемодане черный свитер, который мой друг Джеси одолжил мне, чтобы я одела его поверх старой белой блузки. Всё, что на мне одето, — плохо подобрано и мало сочетается — немного унижительно перед друзьями моей бабушки, но определенно со стороны моей матери было бы неплохо предупредить меня, что возможно будет присутствовать и пара ребят.

Внук миссис Валуа снова бросает на меня взгляд. Его брови ползут вверх. Теперь подглядываю именно я.

Я пытаюсь сфокусировать свое внимание за пределами окруженного забором кладбища. На золотистых полях. На деревьях, тянущихся вверх вдоль речного берега. На доме, притаившемся вдалеке и скрытом за широким садом.

В ожидании мелькает у меня мысль. И я невольно вздрагиваю.

Утренний воздух разговаривает со мной. Ветер ерошит мои волосы и шепчет мне в ухо. Деревья сплетничают приглушенными голосами. Упавшие листья носятся по земле, как крадущиеся животные. Я слышу эхо голосов, возможно, это голоса каких-то лодочников на реке.

Кажется, мы с Сэмми единственные, кто замечает это.

После церемонии люди собираются группами и направляются к дому. Все кроме пары отец-сын — я видела, как они спускались к подъездной дорожке и сели в черный джип. Мне бы хотелось иметь возможность лучше рассмотреть того, кто моложе.

Я пробегаю мимо остальных провожающих, пробегаю через ворота и бегу вниз по холму, оставляя некоторое пространство между собой и другими людьми. Я хочу первой оказаться в семейном доме, о котором я много слышала, но никогда не видела.

Это было одно из мест, которым присваиваются имена, — Дом Эмбер. В 1600х это была небольшая хижина из камней и дерева, которая росла с каждым поколением, как живой организм. К ней достроили каменное крыло, второй этаж, затем и третий, достроили спереди новый вход, дом оброс мансардами, фронтонами и балконами. По большей части дом был отделан белыми досками, позеленевшими от времени, с множеством застекленных окон и то тут, то там вылезавшими дымоходами. Возможно, по описанию покажется, что дом был беспорядочным, но это не так. Всё сходилось в красивом ансамбле. Всё было

целостным.

У входа я повернула латунную ручку, металл был теплым в моей руке. С небольшим щелчком дверь плавно открылась.

Тени собрались внутри, холодные и таинственные. Воздух был тяжелым от пыли и молчаливо пустым. Я увидела золотистый пол, толстые персидские ковры, винтовую лестницу. Антикварные столы, стулья, светильники. Среди разнообразных произведений народного творчества висели старые, написанные маслом портреты. Даже без рассказов я знала, что здесь жили целые поколения, которые прикасались, пользовались и рассматривали одни и те же вещи. Тут чувствовалось что-то мрачное. Как в месте, где вот-вот что-то должно было произойти. Как в церкви.

Затем меня догнала толпа, сбилась в кучу позади девушки, которая грубо блокировала дорогу, её рот приоткрылся в виде небольшой буквы О.

— Ты мешаешь пройти, Сара, — заметила моя мама.

Я сжала губы и отступила.

Моя мама скользнула внутрь — черный лебедь ведущий за собой стайку одетых в черное женщин. Она точно не выглядела помятой. Даже несмотря на то, что мы приехали сюда практически из аэропорта, на её выглаженном темно-сером костюме не было ни единой складочки. Она развернулась и приготовилась приветствовать скорбящих лишь с легким намеком на приветственную, но грустную улыбку. Её гости проходящие мимо и пожимавшие ей руку, казалось, были слегка сбиты с толку её холодным спокойствием. Они во все глаза рассматривали дом, переговариваясь приглушенными голосами, располагаясь в комнате, которая прилегала к прихожей. Большинство проходило через вторую слева дверь, где безошибочно узнаваемый звон фарфора и столового серебра позволял определить место, где был подан великолепный обед.

На мгновение я пожалела, что не последовала за толпой на ланч. Мой желудок издавал отвратительное бурчание. Но я была не настолько голодна, чтобы ждать в очереди с двадцатью седовласыми пожилыми дамами и вдыхать токсичные ароматы Шанель № 5. Так что, когда я увидела Сэмми, торопливо пробежавшего мимо меня, я устремилась за ним — моя равнодушная попытка отстрочить момент, когда он улизнет, а меня пошлют на его поиски.

Он, наверное, почувствовал, что я иду за ним по пятам, потому что он удвоил скорость. Он повел меня в гостиную, а затем в библиотеку и в застекленную галерею с двумя арками, ведущими в разные крылья дома, закрытые и неосвещённые.

— Сэм! — зашипела я так незаметно, как только могла, еле поспевая за ним. — Сэм. Остановись.

Не замедляясь, он повернул налево. В следующий раз я заметила его, когда он забирался вверх по лестнице. Я проследовала за ним, по пути стараясь внимательно всё рассматривать, не упускать ни одной детали. Восьмифутовые напольные часы на изгибе лестницы остановились на 10:37. Колонны на лестнице были разными, каждая отличалась от остальных. Картины на стенах изображают библейские сцены. Одна из рам на стене накрыта черным сукном.

Лестница заканчивается длинной площадкой, на лакированном полу которой выложена Роза Ветров, как будто бы карта, служащая для передвижений по дому. Держась рукой за резной столб, я осматриваюсь. К северу от меня находится стена из окон, на юге — перила с видом на прихожую. На запад и восток простирается коридор из портретов, уходящий куда-

то во мрак.

В западном крыле взгляд выхватывает какую-то тень среди множества других. Спиной ко мне неподвижно стоит заблудившаяся гостья. Мне становится интересно, что она тут забыла.

— Простите? — зову я её. — Вы кого-то ищете?

Не говоря ни слова и даже не повернувшись, она устремляется прочь.

— Да ладно вам, — с притворной жизнерадостностью говорю я. — Я что, невидимка? Эй, — снова позвала я. — Мэм?

Она проходит через двери и скрывается из виду.

Слегка обидевшись на то, что меня проигнорировали, я иду следом за ней. Но, засомневавшись, я через несколько шагов останавливаюсь. Я не хочу идти дальше. И я удивлена этим своим нежеланием.

Я пожимаю плечами. Качаю головой. Пусть себе вынюхивает. Зачем она мне далась? В конце-то концов, это же не мой дом.

И тут я слышу Сэмми раньше, чем он успевает материализоваться, выйдя из тени в западном крыле. Он выныривает из-за двери. Забыв о любопытной гостье, я снова начинаю преследовать его. Он нашел мальчишескую комнату, набитую разными морскими штуковинами: латунными светильниками, картинами, изображающими охоту на китов, гарпуном, пристроенным в углу. Всё это аккуратно сложено и покрыто пылью, но когда я захожу внутрь, я чувствую, что комната как будто замерла в ожидании.

Сэмми развлекает себя, вращаясь в кресле, стоящем рядом со столом. Механизм издает слабый неприятный скрип.

— Движение на полу.

— Паук, — информирую я его и поднимаю ногу, чтобы раздавить насекомое.

— Не нужно, — кричит он, и я колеблюсь, как раз настолько, чтобы тот успел убежать под стоящий под наклоном стол.

— Мерзость, — говорю я. — Зачем ты остановил меня?

— Она хорошая мама. Она здесь живет, — рассудительно ответил Сэм.

Я вздохнула и пожала плечами. Очередная бредовая идея Сэма. Плевать.

— Слушай, — сказала я, пытаясь пробудить в себе авторитет старшей сестры, — предполагается, что мы не должны здесь находиться, дружок.

— Ладно, — Он с легкостью спрыгнул с кресла.

Я заметила как он сжимает в руке какое-то старое чучело животного.

— Поставь это на место, Сэмми.

— Это Злобный Медведь. Теперь он мой. Ей он больше не нужен.

Я попыталась схватить медведя, но промахнулась. Как профи, Сэм проскользнул мимо меня и убежал. Я крикнула ему вдогонку:

— Верни его на место!

— Неа! — крикнул он через плечо, когда его голова исчезала вниз по лестнице.

— Сэм, — зашипела я, перебегая через лестничную площадку, и была слегка ошеломлена, когда обнаружила, что на меня уставилось море лиц. Я остановилась, залившись краской, и решила, что Сэм больше не является моей проблемой. Держа голову так высоко, как только могла я спокойно проплыла вниз по лестнице. Потом приступила к работе — общаться с людьми. Слушать.

Мой папа всегда говорит, что подслушивать — это плохая привычка. Но это было

больше похоже на инстинкт. Может быть, это было не слишком этично, но как бы ещё я могла узнать важные для себя вещи, если бы не подслушивала в нужный момент.

В основном люди вокруг меня говорили о моей бабушке, что вполне логично, если учесть что это были её похороны.

— Такая чувствительная душа, — сказала одна женщина другой. — Мне кажется, она так и не оправилась от трагедии.

Я запомнила этот факт — трагедия — потом вернулась к подслушиванию.

Некоторые люди говорили о доме, как будто бы их пригласили сюда на экскурсию, а не на похороны.

— Один из старейших домов в штате, вы же знаете, мне говорили, что всё вещи здесь — это бесценный фамильный антиквариат.

— Ну, даже если и так, Мередит не пришла сегодня, — она говорит, что не входила в этот дом с тех пор, как ей было двенадцать, она тогда что-то увидела в детской комнате.

Последний оратор заметила меня и странно посмотрела. Я мило ей улыбнулась и посмешила уйти подальше.

— Я слышала, что её печень не выдержала, но со всеми несчастьями, которые перенесла Ида, неудивительно, что она пила.

Выпивка, отметила я и подумала, это многое объясняет.

— Говорят, в этой семье часты случаи безумия — вы видели их мальчика?

Услышав это, я резко развернулась, мои руки рефлекторно сжались в кулаки, но прежде чем я успела открыть рот, на мое плечо легла папина рука и развернула меня в противоположном направлении.

— Перестань подслушивать. — Он наклонился и прошептал мне. — Иногда ты можешь услышать вещи, которые ты не захочешь слушать.

Я оглянулась и с удовлетворением заметила красные пятна на щеках женщины, когда она увидела, как я отшатнулась. Папа улыбнулся мне легкой, уставшей улыбкой и сжал мои плечи, прежде чем отпустить меня.

Я снова обратила свое внимание на лица на портретах моих предков. Мама не знала, что я знаю, но я слышала как она строила планы по телефону, чтобы распорядиться имуществом моей бабушки с помощью одного из лучших аукционных домов на Восточном Побережье. Казалось, что она спешит избавиться от всего этого и покончить с Домом Эмбер. Не то чтобы мне было не всё равно. Просто я не могла понять, кто может захотеть приобрести портрет чьего-то давно умершего и незнакомого предка.

Но эти лица были семьей. Может быть, подумала я, мне стоит взглянуть на них.

Самый новый портрет принадлежал моей бабушке. Я сразу же её узнала. Миловидная молоденькая блондинка, примерно двадцати лет. Мне показалось, что портрет висит вместо какого-то другого, потому что вокруг картины виднелся прямоугольник чуть светлее, чем остальные обои. Мне стало интересно, кто оказался недостойным висеть здесь.

Болеё старым изображением был потемневший от времени портрет пары, если бы вам удалось пройти мимо большого стола у входа, вы заметили бы симпатичного вида молодого человека и девушку. У него были темные волосы и глаза, а его скулу рассекал интересный шрам. У неё были золотисто-каштановые волосы с вдовьим выступом¹, а глаза казались слишком большими для её лица. Рядом с ними была ещё одна картина, завешенная черной тканью, как на лестнице. Я осознала, что в комнате с морской тематикой тоже была такая же картина. Я приподняла уголок ткани. Оказалось что это зеркало. Должно быть, кто-то

накрыл всё зеркала.

— Сэм?

Голос принадлежал моей маме, которая внезапно вспомнила, что она мать и что она должна присматривать за своим ребёнком. Если она заметит меня, то потребует чтобы я нашла его. А я и так сделала достаточно много для этого.

Я нырнула в галерею позади лестницы. Слева от меня находился коридор, ведущий к закрытым высоким двойным дверям. Справа от меня был другой коридор, конец которого исчезал в темноте. Но вместо того чтобы поддаться своим инстинктам исследователя, я толкнула вращающуюся дверь слева и чуть позади от меня. Кухня.

Где миссис Валуа и её внук повернулись и уставились на меня.

Я никак не могла придумать причину, почему я могла сюда прийти. Я заставила себя заговорить.

— О, — сказала я, пятясь назад. — Простите.

— Ты хочешь... — начала было миссис Валуа, но её внук опередил её:

— Не хочешь ли присесть, Сара?

Я остановилась, пораженная и ошеломленная этим приглашением — частично оттого что оно звучало скорее воинственно, чем приглашающе. Может быть, я сделала что-то, что обидело этого парня? Или он хотел меня напугать?

Вероятно последнеё, решила я. Я подошла к столу, выдвинула стул и села. Посмотрев ему в глаза, я спросила:

— Ты знаешь, как меня зовут?

— Твоя бабушка говорила о тебе. — Он, не мигая, посмотрел в ответ.

Бабушка говорила обо мне? С чего бы это, если мы виделись с ней едва ли полдюжины раз за всю жизнь? Я качнула головой.

— В это сложно поверить. Она едва меня знала.

И тут же пожалела об этом. В смысле что я только что сделала? Назвала его лжецом?

Вроде бы это его не задело. Он холодно спросил:

— Может быть, ты хочешь что-нибудь выпить?

Миссис Валуа бросила на него взгляд, как будто спрашивая его, с чего он поддерживает этот неудобный разговор, но повернулась ко мне.

— Могу я предложить тебе содовой?

Он поправил её.

— Спорю, Саре больше понравится вишневая кола из тайника в задней части холодильника. — Потом он улыбнулся, только уголками губ и его брови приподнялись. Как будто он проверял меня. Как будто он хотел, чтобы я попыталась с ним спорить.

И к тому же, откуда он знал об этом? Бабушка и об этом упоминала? А она откуда знала?

— Да, — неохотно согласилась я. — Вишневая кола больше подойдет.

Миссис Валуа подошла к огромному холодильнику — кажется, это была единственная современная вещь во всем доме. Пока она инспектировала его содержимое, я рассматривала парня передо мной.

Как я посчитала, он был примерно моего возраста. Сидя близко к нему, я увидела, что он весь в шрамах — выглядело так, как будто он пострадал после какого-то пожара, когда он был младше. Над манжетой его рубашки с левой стороны и над воротничком на его шоколадного цвета коже виднелась сеть линий и пятен. Шрамы пробегали по его шеё до

подбородка и скул. Высокие скулы. Слегка миндалевидные зеленые глаза. Они смотрели прямо на меня, рассматривали меня. Я заставила себя перевести взгляд на его руки — большие и квадратной формы, с длинными пальцами. Я всегда думала, что о человеке очень многое можно сказать, если посмотреть на его руки. Может быть, потому что я восхищалась руками своего отца — руки хирурга, полные умения и интеллектуальной одаренности. Руки этого парня напоминали руки моего отца.

Пока я рассматривала его, его правая рука потянула манжету левой руки, чтобы прикрыть шрам. Мысленно я пнула себя ещё раз. Иногда у меня был настоящий талант строить из себя идиотку.

Миссис Валуа вернулась с содовой. В стеклянной бутылке, ей богу. Парень взял её, чуть ослабил крышечку и протянул бутылку мне.

— Это моя любимая, — сказала я, поддаваясь ему. — Спасибо.

— Твоя бабушка тоже любила её, — сказал он.

Я сделала несколько глотков, задумавшись, может ли передаваться по наследству вкус к сладким безалкогольным напиткам. Парень продолжал смотреть на меня, не грубо, просто с любопытством, как будто он ожидал продолжения разговора.

— Прости, — наконец выдавила я, — Я не знаю, как тебя зовут.

Он покачал головой, как будто не мог этому поверить. Прости, но бабушка о тебе не упоминала.

— Джексон, — сказал он.

— Рада с тобой познакомиться, — я кивнула ему и его бабушке. — С вами обоими.

Казалось, это сподвигло миссис Валуа на какие-то действия:

— Взаимно, — ответила она, — но мне нужно проверить еду, убрать какие-то блюда.

— Ой, — сказала я, и собралась встать. — Я могла бы вам помочь, миссис Валуа.

— Нет, — оставайся на месте, — коротко сказала она.

— Отвлекись здесь от старых куриц... — Джексон кивнул.

— Следи за тем, кого ты называешь старыми, молодой человек. — Она направилась было к двери, но вернулась. — И пока я не забыла, Сара, зови меня просто Роза. Когда меня называют «миссис Валуа», я сразу же чувствую все прожитые годы. Для вас, дети, каждый кто старше тридцати уже в шаге от могилы... — Двери за ней захлопнулись.

Теперь определенно была моя очередь начать разговор.

— Почему твоя бабушка занимается всем этим? — спросила я. — Я думала, что она была сиделкой моей бабушки.

— Неа, не совсем. Бабушка на пенсии. Она лет двадцать работала в отделении интенсивной терапии в Балтиморе. Она просто помогала Иде. Они были близкими подругами большую часть жизни. Она из уважения занялась этим.

— А тогда, Боже, — сказала я, — они, должно быть, были очень хорошими подругами — ты видел пиршество на обеденном столе?

— Бабуля никогда не делает ничего наполовину. И она любит готовить. — Он был доволен этими словами.

— Надеюсь, осталось что-нибудь. На вид всё очень вкусно. Как ты думаешь, я могла бы взять что-нибудь с собой в отель?

— Вы не остаетесь? — Это удивило его.

— Здесь? — переспросила я. — Нет. Даже на сегодня. Мама ненавидит это место. Она собирается его продать.

Он отвел глаза, пытаясь скрыть это, но я заметила выражение шока на его лице. И я подумала, снова класс, Сара. Разве мама не говорила тебе, что они живут здесь? Она, скорее всего, продает всё за их спиной. Что я могла сказать?

— Мне жаль.

Он откинулся назад, его лицо снова ничего не выражало.

— Я просто... удивлен. Такое место как это... Никто не ожидает, что его продадут незнакомцам.

— Наверное. — Я слегка пожала плечами.

— Как бы то ни было, — Пришел его черед пожимать плечами, — слишком плохо, что вы не останетесь. Я надеялся, что мы с тобой... — Он замолчал, и я ждала, думая, как он собирался закончить предложение. Он выглядел смущенным.

— Надеялся, — наконец произнес он, его голос стал таким тихим, что я была вынуждена придвинуться ближе, — мы могли бы поискать сокровище.

Такой концовки я точно не ожидала.

Миссис Валуа — Роза — снова вошла через вращающиеся двери, её руки были заняты кучей посуды. Я спрыгнула и крутанулась, когда моя рука задела бутылку с колой, столкнув её со стола. Джексон поймал её в воздухе, прежде чем успела пролиться хоть одна капля. Мои глаза расширились. Его рефлексы были очень быстрыми.

— Там повсюду крошки, — проворчала Роза на другом конце комнаты. — В диване заведутся тараканы. — Она сгрузила тарелки в раковину. — Никто из них её не любил. Почему бы им всем просто не разойтись по домам?

Она вышла через вращающуюся дверь и снова исчезла.

Джексон поставил бутылку обратно на стол и казался смущенным, а не самоуверенным, чего обычно ожидаешь от парня. Но я всё ещё была сосредоточена на том, что он только что сказал.

— Сокровище, — прошептала я. — Ты ведь шутишь, правда?

— Что, — сказал он, — ты никогда не слышала о потерянных алмазах Капитана? Все в округе слышали о них. Я всегда хотел отыскать их.

— Что? Отыскать. А я тебе зачем нужна?

— Ты что, шутишь? Это же твой дом. Я не могу это сделать без тебя.

— Как по мне это больше похоже на городскую легенду. Как по мне это пустая трата времени.

— А для меня это звучит как полная стипендия в университете Джона Хопкинса, — если мы найдем их.

— Ты хочешь поступать в университет Джона Хопкинса? — это было впечатляюще.

— План был таким, да. Но это стоит немного больше, чем бабуле удалось сохранить под матрасом. Я бы сказал, что стоит поискать.

Я была готова сказать ему нет — это всё звучало просто смешно. Если здесь и был какой-то тайник с алмазами, почему моя бабушка не нашла его? А если даже она не нашла его, то как я найду его? Когда мы вообще будем этим заниматься? Где мы собираемся его искать?

И ещё, это будет полный отстой, если мама продаст дом и кто-нибудь будет рыться здесь и наткнется на сундук полный сокровищ. И просто представьте, если всё это окажется правдой. Только представьте себе выражение лица моей мамы, когда я выложу перед ней горсть алмазов, найденных в месте, которое она ненавидит — подарок от бабушки, сказала

бы я. Это стоит того, заняться поисками. Хотя бы на пару дней.

— Может быть, — сказала я, распрямляя плечи.

Он с удовлетворением кивнул, как будто он и ожидал от меня положительного ответа. И я подумала, что уже начинаю уставать от ощущения, что он знает меня намного лучше, чем я знаю его. Бабушка не могла ему так много рассказать обо мне.

— Ладно, — резко сказала я, поднимаясь. — Мне лучше начать сейчас искать моего брата. Место такое большое, что я могу умереть раньше, чем найду его.

— Игра в прятки.

— Что? — нахмурившись, удивленно спросила я.

— Прятки? Детская игра? В которую любят играть дети?

Мне это не понравилось. Это тревожило. Бабушка никак не могла сказать ему, что мы с Сэммом...

Но потом я почувствовала себя глупо. Это был просто ничего не значащий комментарий. Он ничего не имел в виду. Он не знал ни Сэмми, ни меня. Даже моя мама не знала о нас с Сэмми.

Кивнула и вышла, не говоря ни слова.

Глава 2

Я чувствую себя неудобно, какой-то незнакомец знает обо мне слишком много. Это странно неприятное чувство. Как будто бы моя жизнь была для кого-то просто поводом для разговоров.

И эта история с игрой в прятки — это ещё более странно. То как он сказал об этом. Как будто он знал.

Наверное, это было моим единственным настоящим талантом — моя способность находить младшего братишку. Я не была красавицей с утонченным вкусом, как моя мать, или гениальной и энергичной, как мой отец. А мои учителя с радостью проинформируют любого, кто согласится слушать, что я неорганизованная, медлительная, с вызывающим поведением и — диагноз, поставленный самой себе — СДВГ². Но в чем я была хороша, так это всегда находить Сэмми.

Об этом я узнала, когда мне было двенадцать, а ему едва исполнилось два года. Он только-только начал всё познавать самостоятельно. В тот первый раз мы были в универмаге в деловой части Сиэтла. Мама подняла взгляд от кучки шелковых платков, в которой она рылась и обнаружила, что коляска Сэмми пуста. Она обвинила меня и начала его звать, проверяя все ближайшие проходы. Потом она начала паниковать. Мы разделились, а продавщица вызвала службу безопасности и с полдюжины парней среднего возраста в униформе бегали с нами по округе. К нам присоединились другие покупатели с криками «Сэмми» и никто из них не понимал, как много удовольствия получал сам малыш.

Но я знала. Я просто видела это. Я стояла там, посреди косметического отдела, представляла его пухлую физиономию, широкую улыбку, маленькие ямочки на его локтях и коленях, которые мне так нравились. Я почти чувствовала его, как он затаился и хихикает. Сначала мне показалось, что я всё придумала — почти незаметная электрическая вибрация. Но потом я последовала за этим чувством, последовала за нитью. Затем это стало просто игрой. Горячо. Холоднее. Напоминало игру, когда твои родители прячут подарок и направляют тебя — «становится теплее, ещё теплее».

Я нашла его, спрятавшимся в вертящейся металлической стойке среди вороха платьев. Он был очень доволен собой и радостно кричал: «Ты нашла меня, тебе водить», - как будто

упрекая меня. Маленький шутник.

Мама не знала, каким образом я нашла его, я никогда ей не говорила. Даже тогда я знала, что она не будет в большом восторге от подобного дара. Мама ненавидела всё, что имело отношение к так называемому Нью Эйдж мусору. Так что я подумала, что она не захочет ничего знать о моем радаре на Сэмми.

Но она знала достаточно, чтобы всегда посылать меня отыскать его.

— Сара? — я подпрыгнула. Пожилая дама, сидевшая на диване, помахала мне. — Иди сюда, дорогая, — сказала она в манере я-состоятельная-женщина-и-мне-позволено-растягивать-односложные-слова. — Сядь-ка рядом со мной. Ты просто копия Иды, когда та была в твоём возрасте.

Я села рядом с ней, окутанная ароматом её лавандовых духов, и едва вслушивалась в её болтовню, сперва о временах, когда моя бабушка была ещё девочкой, потом о моей «творческой» прабабушке Фионе, которая устраивала безумные вечеринки во времена Сухого закона и любила танцевать в лунном свете и могла предсказать твою судьбу с помощью колоды карт. Прабабуля предсказала будущую этой женщины, когда ей было всего одиннадцать лет.

— Все было в точности, как она предсказала, — говорила она. — Неудачный брак, две дочери, всё слово в слово. — Она рассмеялась и захлопала в ладоши как ребёнок. — Фиона определенно была экстрасенсом.

Мне она показалась полной дурой.

— Вы слышали какие-нибудь истории об этом доме? — спросила я, закидывая удочку. Ну да, я слегка заинтересовалась потерянными алмазами. Может быть, это была сказка, может быть, нет, но разве не круто было бы найти их? Кроме того, я ведь была фанаткой Толкиена — могла ли я просто так отказаться от поиска сокровищ?

— Истории, — сказала она. — О небеса, разумеется, слышала, дитя мое. Это дом стоит здесь уже больше трех столетий, в конце концов.

— Например, какого рода истории?

— Ну, ты и сама знаешь. Мертвецы. Призраки. Потайные ходы. Самоубийства. Внебрачные дети. Обычные истории.

— А как насчет... — я понизила голос, — сокровищ?

Она рассмеялась.

— Что? Разве Дом Эмбер и без того не переполнен сокровищами? Оглянись вокруг девочка. Все вещи только в этих прихожих могут стоить больше миллиона долларов. Не то чтобы твоя мать мечтала об их продаже, я уверена в этом. Это всё часть семейных историй.

— Вы правы, — вежливо согласилась я, мне показалось, что эту пожилую леди может хватить удар, когда она узнает, что именно это и планирует моя мама. — А как насчет... тайных кладов?

— Тайные клады. А, ты должно быть об утраченных алмазах Капитана. — Она зловеще улыбнулась и наклонилась чуть ближе, как будто собиралась поведать особо интересную сплетню. — Твой пра-пра-пра-много-раз-пра-дедушка, Капитан Фостер, во время Революции был контрабандистом, и поговаривают, что даже немного пиратствовал. История гласит, что ему нравилось незаконно торговать алмазами. Сложно отследить. Легче унести. К сожалению, у алмазов есть склонность к исчезновению. Говорят, что он просто спятил, когда смотрел на них. Кто знает? Дом Эмбер хранит свои секреты. Но они уже в прошлом, а прошлое не так-то легко расстается со своими тайнами.

— Сара?

Моя мама оказалась в пределах слышимости. Мне не нужно было быть экстрасенсом, чтобы понять, что она более чем взволнована, застав меня за обсуждением семейных преданий с соседями. Или чтобы догадаться, какими будут её следующие слова.

— Ты не могла бы поискать Сэмми? Пожалуйста, милая.

Я подумала что могла бы приложить усилия, и «милая» и «пожалуйста» были приятным жестом. Ещё один плюс в пользу гостей.

Я отыскала Сэмми наверху в морской комнате, разговаривающего с медведем.

Он сидел, скрестив ноги на кровати, сделанной в форме морского причала, отделанной деревом, что создавало впечатление отдельной комнаты с выдвижными ящиками и двумя иллюминаторами. Над кроватью был вырезан орёл, смотревший на вас с широкой десятифутовой доски. В углу нависала деревянная русалка.

— Интересно, кому принадлежала эта комната, — сказала я.

— Сейчас она принадлежит мне.

— Сэм, — сказала я, покачав головой, — ты же знаешь, мама не желает оставаться здесь. Она забронировала для нас гостиницу.

— Неа, — заупрямился он. — Я хочу остаться здесь. На его лице появилось хитрое выражение. — Пошли со мной, Сара.

Он сорвался с места и, поднырнув под меня, выбежал из комнаты и помчался по коридору. В основном вся канитель с поисками Сэмми была не такой уж утомительной, пока он не начинал бегать так быстро.

Я вышла в коридор. Сэм стоял перед какой-то дверью.

— Слушай, дружок, — сказала я, пытаюсь придать твердости своему голову. — Нам нужно вернуться вниз.

— Иди сюда, — настаивал он.

— Ладно, — я с недовольным видом пошла к нему. — Что?

— Смотри сюда, — сказал он, и открыв двери сделал рукой приглашающий жест как настоящий шоумен. — Это твоя комната. Я выбрал её для тебя. — Он подошел и схватив меня за руку потащил в сторону двери. — Смотри, Сара. Ну же? — Его голос был нетерпеливым. — Я нашел её для тебя.

Я заглянула внутрь.

Это была комната с цветами. Не в том безвкусном варианте из гляцевых журналов, а в том виде, в каком её изобразили бы братья Гримм в Белоснежке. Стены были вручную расписаны мальвами, ирисами, розами, лилиями, и ещё какими-то невероятно воображаемыми цветами, скрытыми в сумеречных тенях. Кровать с балдахином была застлана кружевным бельем, накрытая лоскутным одеялом, напоминавшим мозаику в тех же тонах, что и стены комнаты. Две полки с книгами в кожаном переплете обрамляли кукольный домик с фронтонами, балконами и окнами с зелеными ставнями.

Как только я взглянула на эту комнату, я поняла, что когда-то она принадлежала моей матери. Я знала это, хотя и сомневалась, что мама спала здесь, играла, или вообще когда-нибудь жила здесь.

Но это было видно по мелочам, наполнявшим комнату: фотографиям, морским ракушкам напротив книжных полок. Как было перекинуто одеяло через спинку кресла. Все это были следы присутствия моей матери, в точности такие же, как и в Сиэтле, среди стали, стекла и высветленного дерева. На мгновение я замерла, у меня отвисла челюсть, я

подумала, как она вообще могла переехать отсюда туда.

Ладно. Может быть, здесь и были спрятаны сокровища, может быть, их и не было. Но в одном я была полностью уверена. Я не прощу себе, если упущу шанс провести ночь в комнате, подобной этой. Хотя бы те несколько дней, которые мама всё-таки собиралась провести в Мэриленде.

— Я сдаюсь, Сэмми. Это моя комната.

— Всегда пожалуйста, — с гордостью ответил он.

— Ага, спасибо, — как всегда с опозданием ответила я. — Но слушай меня. Даже не думай, что мама позволит нам остаться здесь и сдастся без боя. Ты же понимаешь это?

— Ага.

— Тогда, друг мой Сэм, давай-ка поработаем над планом.

И мы его придумали. Люди, которые не знали Сэмми, могли бы подумать, что я слишком многого от него хочу. Люди всегда предполагали, что Сэмми не вполне всё понимает, потому что он отличался от других детей. Когда ему исполнилось четыре, они придумали для него диагноз — аутизм. Как будто это была болезнь. Но мне никогда не казалось, что в Сэмми что-то неправильно и это нужно исправлять.

Мне всегда казалось, что у него был дар, выстраивать связи в голове, и он делал это быстрее чем большинство людей. Даже когда он был маленьким, у него проскальзывал тонкий юмор, и он делал что-то забавное и удивляющее. И он был таким милым, непосредственным. Не таким как другие люди. Не похожим на нормальных людей.

Я думаю, что он был самым странным, самым удивительным из моих друзей. И я знала, что он был вдвое умнее меня. Так что я могла рассчитывать на то, что он сыграет свою роль. Когда я объяснила ему свой план, он улыбался от восторга. Он всё понял. Он в деле.

Последние гости разошлись где-то через час после того, как мы с Сэмми составили наш заговор. Люди тянулись к двери и пожимали руку маме, давая ей последнюю порцию сочувствия. Она не прислушивалась ни к кому из них. Весь день она оставалась отстраненной, что не давало ей шанса приобрести хорошую репутацию у соседей, хотя мне кажется, ей было на это наплевать.

Мама, папа, Роза, Джексон и я потратили целый час на уборку, мытье, подметание и распахивание в холодильник огромного количества оставшейся еды, пока мама наконец не решила, что с неё хватит.

— Давайте предоставим Розе доделать всё стальное, кого мама вызывала для помощи по уборке?

— Кейт, — ответила Роза, выглядя слегка обиженной за забытую женщину. — Её зовут Кейт. Она очень милая женщина.

— Она приходит дважды в неделю? — спросила мама.

— По средам и субботам.

— Тогда она могла б прийти, мне кажется.

И тут мама прочистила горло. Я насторожилась. Как бы мама ни была сейчас очаровательна, я слышала подвох, я знала, что у мамы полностью отсутствует чувство такта.

— Роза, мне кажется, для вас не будет сюрпризом новость о том, что я намереваюсь продать Дом Эмбер.

Роза неодобрительно скрестила руки на груди. Папа выглядел мрачным.

Мама сглотнула и продолжила.

— Я хотела вас предупредить сейчас, чтобы дать достаточно времени вам и вашему

внуку, чтобы подыскать...

— Не требуется, — ответила Роза.

— Что? — спросила мама и, слегка удивившись, вскинула голову.

— Мы с Джексоном никуда не уезжаем. Этот коттедж и земля принадлежат нам.

— Прошу прощения?

— Фиона ещё в двадцатые годы передала это прадеду Джексона. Мы владеем участком земли у западной границы от хижины Нанги до реки. У меня есть документы.

— О, — слабым голосом сказала мама. — Я не знала об этом. Что ж. Тогда всё хорошо, — неуверенно добавила она.

— Именно, — согласилась Роза. Она передала корзинку с какими-то остатками еды своему внуку и подтолкнула его в сторону двери. — Сообщите нам, если мы сможем ещё чем-нибудь помочь вам. — Её тон даже не предполагал вежливости и желания что-либо делать, но, кажется, мама не обратила на это ни малейшего внимания.

— Мне бы понадобилась ваша помощь, Роза, при разборке старых документов моей матери и со всем остальным, так как вы знакомы с этим местом как никто другой.

Понятия не имею, откуда у мамы хватило смелости произнести эту фразу. Всем же было ясно, что Роза не в восторге от неё. Мне кажется, что как близкая подруга моей бабушки Роза могла злиться на маму за то, что та всегда держалась на расстоянии от неё. Не то чтобы я в чем-то обвиняла маму. Даже несмотря на то, что я была ребенком, я ощущала наличие какой-то старой обиды или сражения, которое мешало им, как наличие постороннего человека, и мне никогда не нравился тот сладко-саркастичный тон, который бабушка всегда применяла в присутствии мамы.

Но прямо сейчас я хотела б, чтобы маме хватило здравого смысла позволить Розе скрыться за дверью. В комнате повисла неприятная тишина, пока Роза раздумывала над ответом. Я прямо видела, как она готова взорваться.

Именно в этот момент Сэмми спрыгнул со своего стула и погладил Розу по руке.

— Это было так хорошо, Роза.

— Что, милый?

— Хорошо, что у бабушки был такой друг, как ты. Спасибо тебе.

Пока я стояла и удивлялась, что могло заставить Сэмми сказать такое, я прямо видела, как злость вытекает из неё. Она неловко потрепала Сэмми по голове и сказала:

— Твоя бабушка и для меня была хорошим другом, малыш.

Я заметила как Джексон смотрит за этой игрой с легкой улыбкой на лице.

— Я вернусь утром и приготовлю завтрак для этого ребенка. — Внезапно Роза посмотрела на маму. — Ида всегда говорила, что ты не слишком увлекаешься готовкой. Потом посмотрим, какая помощь тебе может понадобиться.

Моя мать раздумывала, обижаться ли ей, но потом передумала.

— Спасибо, — произнесла она. — Я так понимаю, что сотрудники службы по озеленению приходят сюда раз в неделю, но не мог бы Джексон продолжать работу, которую он делал для моей матери?

— Как он пожелает. — Роза пожала плечами.

— С удовольствием, миссис Парсонс. — Джексон кивнул. — Сбережения для школы. Спасибо.

— Нет, это тебе спасибо, — ответила мама. — И спасибо вам, Роза, за всё, что вы сделали для приема. Вы по всем пунктам превысили мои ожидания. Еда была великолепна, а

дом, цветы, всё выглядело замечательно. — Она вытасила чек, который лежал в её кармане. — Это сможет возместить деньги, которые вы потратили на продукты. Плюс небольшая компенсация за потраченное время и усилия.

— Пересчитайте и впишите стоимость еды и я заберу чек завтра. — Роза снова разозлилась. — Я делала это не ради денег. Никто из этих людей не переступал порог этого дома последние двадцать пять лет, но я знаю, что Ида всё-таки хотела, чтобы у неё были надлежащие проводы. И она хотела б, чтобы Дом Эмбер выглядел наилучшим образом.

Потом она вышла. А Джексон закрыл за ними двери.

Мы вчетвером расселись вокруг кухонного стола за холодный ужин из остатков еды. Сэмми был оживленным и воодушевленным, и только я знала почему — он играл свою роль в придуманном нами заговоре.

Прежде чем уйти, папа сделал ещё один шаг навстречу маме.

— Я бы хотел, чтобы ты осталась со мной. Ты можешь спать в отдельной спальне. Дети могли бы лечь в гостиной, где есть раскладной диван...

— Спасибо, Том, но мне нужно быть поблизости, чтобы всё разобрать и сложить. Отель подойдет лучше.

— Тогда может быть дети могли бы остаться на ночь. Я здесь живу уже восемь месяцев, а они так и не приехали навестить меня. Я мог бы показать им больницу и привез бы их завтра вечером.

— Это невозможно. Что Сара будет делать с Сэмми целый день? Кроме того, мне может понадобиться её помощь. Я хочу закончить здесь и вернуться обратно как можно быстрее.

Лицо моего папы стало непроницаемым.

— Поступай, как знаешь, Анна, — сказал он. Он снял свою куртку с крючка возле двери. — Ты всегда так делаешь. — Он поцеловал Сэмми в макушку и похлопал меня по плечу. Я могла б почувствовать к нему жалость, вот только я знала, что основная вина лежала на нем. Судя по нескольким «услышанным» мной телефонным разговорам, он чересчур близко сошелся с чрезмерно доброжелательной педиатром Сэмми в Сиэтле. Так что когда он получил работу, на которую он надеялся, от Джона Хопкинса здесь, в Мэриленде, мама решила, что он должен переехать сюда один. Она всё время утверждала что они просто поживут отдельно, но я также подслушала её разговор с адвокатом. Я думала о том, чтобы предупредить папу, но не сделала этого. Пока.

Он ушел и нас осталось только трое.

— Ладно, ребята, — сказала мама, — давайте уберем эти последние оставшиеся тарелки.

Сэмми убирал со стола, мурлыкая себе под нос свои обычные шесть нот, а я оттирала, намыливала и ополаскивала посуду, и ставила её в сушилку. У моей бабушки определенно было ограниченное понимание современных удобств. Огромный холодильник. Без посудомоечной машины.

Мама в это время рылась в шкафах.

— Слава Богу, — сказала она, обнаружив припрятанные запасы лекарств в узком шкафчике, которые состояли в основном из разнообразных жидкостей. Она вытасила маленькую бутылочку аспирина. Затем она собрала свой кошелек, пальто, куртку Сэмми, косметичку, таблетки и свои ключи. — Давайте уходить отсюда.

Я бросила взгляд на Сэмми, многозначительно приподняв брови. Он слегка нахмурился и покачал головой, выражая чувство неодобрения моим чувством момента. Я была

вынуждена кашлянуть, чтобы скрыть готовый вырваться смешок.

Не поворачиваясь и даже не смотря на маму, Сэмми прошептал.

— Нет. — Мой братишка. Хитрюга.

— Что? — спросила мама, абсолютно не понимая, к чему он клонит.

— Нет, — сказал он уже чуть громче. — Нет, нет, нет, нет, нет! — С каждым разом голос всё повышался, пока при звуке последнего не задрожали стекла. Потом он начал рыдать, бессловесно, так громко, как только мог.

— В чем дело? — закричала мама, с оттенком безнадежности. — Что происходит?

— Мне кажется, он не хочет уходить, — прокричала я в ответ. Сэмми продолжал выть, не уступая в силе сирене машины скорой помощи.

— Я хочу, чтобы вы оба немедленно забрались в машину! — Мама попыталась настоять на своем.

Сэмми усилил истерику. Продолжая кричать, он начал стучать себя по голове и вертеться по кругу, по его щекам текли слезы. Мама, онемев, стояла на месте, в её глазах плескалась истерика. Я развела руками, чтобы показать, насколько я бессильна.

— Господи, я не смогу сегодня это вынести. Я, правда, не могу. Перестань! Прекрати это! — Она застонала. — Ладно! — я ожидала большего сопротивления, но она, вероятно, была слишком уставшей. — Мы остаемся, — закричала она.

Сэмми понизил шум подобно шлангу, который сперва работал на полную мощь, затем выпускал лишь тоненькую струйку. Он сделал глубокий вдох, затем длинно, протяжно выдохнул.

Чертовски блестяще сыграно. Хотела б я, чтобы у меня была возможность аплодировать.

Мама снова полезла в шкафчик. На этот раз она вытащила бутылку водки и налила в бокал на дюйм выше кубиков льда. Мне почти стало жалко её. Она провела целый день в месте, которое она действительно ненавидела, была приветлива с людьми, которые ей не нравились. И она только что потеряла свою мать. Наверное, ей было больно.

— Где мы будем спать? — резко спросила она.

— Не волнуйся о нас, — успокаивающим тоном сказала я. — Я уложу Сэмми.

— Ладно, — сказала она. — Хорошо, я собираюсь спать в комнате моей матери здесь, внизу. Кажется, что её достаточно хорошо почистили. Единственная комната в доме с телевизором.

— Мы поднимемся наверх, можно?

— Хорошо. Просто... — она остановилась, раздумывая над тем, что собирается сказать. — Не волнуйтесь насчет звуков... которые вы можете здесь услышать. Вы ведь знаете, что в старых домах раздается множество скрипов и стонов?

— Разумеется, мама. Мы знаем. Даже не думай об этом. Мы будем в порядке. Могу я одолжить лептоп?

— Конечно. Но здесь нет интернета, если ты на него рассчитываешь.

— Нет интернета? А как же я тогда свяжусь с Джеси?

— В библиотеке есть телефон.

— Ага, точно. Не бери в голову. — Мама определенно не в курсе, что мои друзья не болтают по телефону. Я могла бы послать сообщение, но только такая идиотка, как я, могла забыть зарядку от телефона на столе дома. — Мы вернемся в Сиэтл через пару дней.

— О Господи, я надеюсь что да, — произнесла она.

Сэмми подошел и встал рядом со мной. Впервые за всё время мама заметила у него в

руках медвежонка. Между её бровями появилась крошечная морщинка.

— Сэмми, ты не можешь играть с ним. Он старый и грязный. Она протянула руку, чтобы забрать его. Сэмми открыл рот и собрался снова начать выть.

— Хорошо, всё в порядке! — сказала она.

Он тут же успокоился. Уголки его губ слегка приподнялись.

Я создала чудовище.

Мы пошли к машине, чтобы вытащить наши спальные принадлежности, остальной багаж мог подождать до завтра. Потом мама направилась напрямиком в комнату бабушки.

— Отправляйтесь спать, — сказала она нам, затем исчезла за углом.

Сэмми широко мне улыбнулся.

— Всегда пожалуйста, — напомнил он.

— Точно, спасибо тебе, — согласилась я. — Ты всё сделал правильно. — Я засмеялась оттого, каким довольным собой он выглядел. — Эй, чемпион, в твоей сумке случайно нет фонарика?

Он решительно кивнул.

— Не хотел бы ты немного тут всё разведать, прежде чем мы отправимся спать?

Он решительно кивнул.

Мы выключили в передних залах весь свет, желая заняться исследованиями в темноте. Таким образом если бы мама вдруг вышла в коридор, отсутствие света не сподвигло бы её на дальнейшие розыски. К тому же верхний свет полностью исключал ощущение приключений.

Темнота была плотной, теплой, бархатистой. Луч фонарика давал слабое освещение, выхватывая то лицо с портрета, то фарфорового кота, притаившегося в углу. Когда мы на цыпочках пробирались по лестнице в западное крыло, я по пятам следовала за Сэмом, положив руку ему на плечо. Я чувствовала, как напрягаются его лопатки в ожидании появления призраков, потому что сама чувствовала то же самое.

Первая комната с правой стороны холла выглядела как кабинет; комната слева напоминала уютную гостиную, сквозь окна которой проникал слабый ночной свет. Дверь в ванную комнату была справа, затем располагалась мастерская. Я рассмотрела швейную машинку со всё ещё зажатым куском ткани, и подумала, что же могла шить моя бабушка. Через коридор находилась обшитая деревянными панелями бильярдная комната с одним из тех столов, у которых отсутствовали карманы. И в самом конце коридора пара французских дверей скрывала то, что мы ещё не могли увидеть.

Мы открыли обе створки двери. И одновременно у нас перехватило дыхание.

Перед нами простирались залитые лунным светом джунгли, накрытые застекленной металлической сеткой, высотой в два этажа. Слева от нас в темноту уходила металлическая лестница, где-то позади зеленых стен плескался фонтан. Мы бродили по каменным дорожкам, которые вели вдоль ложа из папоротников и цветов, пока не отыскали скрытый в тени неглубокий бассейн. В темноте его поверхность казалась темной и бездонной, по воде плавали плоские листья лилий.

У Сэмми перехватило дыхание, затем он вздрогнул и медленно поднял луч фонарика. На противоположной стороне стояла мраморная статуя женщины в платье в греческом стиле. Мы подошли ближе.

— У неё грустный вид, — сказал Сэмми, разглядывая прикрытые глаза статуи. Они были высечены из камня, гладкие, без ресниц. Она невидящими глазами смотрела на свою раскрытую ладонь, на которой словно капли крови блестели четыре красных камня. Мне

стало интересно, лежат ли они свободно или высечены из камня. Я оперлась на скалу в стене бассейна и протянула руку, чтобы потрогать их.

Позади меня Сэмми выключил свет. Пытаясь удержать равновесие в темноте, я промахнулась мимо статуи — я вообще не могла найти её. Часть меня невольно подумала, могла ли она отодвинуться?

— Эй, — сказала я, повернувшись. — Сэмми? Куда ты пошел?

— Сара, — услышала я его шепот.

— Сэм, — прошипела я, следуя на звук голоса. — Вернись. — Я последовала за его шагами направо, затем снова направо по тропинке, глубже в темноту. — Сэм?

— Сара, — снова позвал он далеко впереди.

— Сэм, сейчас неподходящее время для прятков. — Я пошла быстрее, затем побежала, продираясь через ветви, которые, казалось, выросли из темноты. Налево, направо, я слышала его шаги впереди меня. — Сэм. Остановись!

— Сара, — снова прошептал он.

Комната, казалось, была бесконечной. Я никак не могла увидеть железные перекладины стен — было слишком много звезд. Я замерла и прислушалась, пытаюсь сдержать свое шумное дыхание. Странно, но я не слышала фонтана. Я начала идти назад, следуя по тому же пути, которым я сюда добралась.

— Сэмми! Ты до чертиков...

И тут я наткнулась на него, вынырнувшего из темноты, его фонарик внезапно замерцал.

— Сара... — начал он.

— Больше так не делай, — сказала я, чересчур крепко сжав его руку.

Он кивнул, но спросил:

— Не делать чего?

— Не убегай вот так.

— Но, Сара, я никуда не убегал.

Лунный свет стал приглушенным. Там, где только что были звезды, теперь плыли облака, и небо казалось пустым. Несколько тихих всплесков превратились в миллион капель отлетающих от стеклянных стен какофонией звуков. По мне пробежал холодок.

Мы прокрались обратно в дом через зал по коридору и захватили наши сумки со скамейки, где мы их и оставили.

— Сегодня больше никаких исследований, Сара?

— Нет, Сэм, на сегодня хватит. Пора спать. Но давай потише, кажется, мама до сих пор не спит. Я слышу звуки телевизора.

— Нет, Сара, — я ничего не слышу.

— Да. Просто голоса. Так что потише. Мы же не хотим, чтобы она вышла.

Мы пошли наверх. Я помогла Сэму найти его пижаму, затем отправилась в ванную со своей. В старой фланелевой пижаме мне стало лучше, я уже не чувствовала холода.

В моей комнате свет был выключен — я уже называла её своей — но оттуда исходил странный блеск. Когда я проскользнула внутрь, там был Сэм. Своим собственным способом Сэмми нашел выключатель на дне кукольного домика и отделение для батареек, используя свой фонарик. Все маленькие выключатели в кукольном домике были включены. Это походило на что-то волшебное. Я почти ожидала, что вот-вот появятся куклы и начнут бродить по дому.

— Молодец, Сэм, — сказала я. Но всё же включила в комнате верхний свет.

Уложив Сэмми в его постель, я вернулась в собственную комнату. Я выключила прикроватную лампочку, и комната снова погрузилась в темноту. И стало совсем тихо, очень тихо. Это было не похоже на город, где всегда был свет и из окна слышен гул движения. В тишине и темноте моя голова наполнилась звоном, который, казалось, звучал на таких высоких волнах, что их невозможно было услышать.

Когда я была маленькой, я отказывалась спать без света. Не то чтобы я боялась, но мне было слишком страшно оттого, что темнота может сотворить с моим восприятием вещей, как это заденет мои чувства. Мой слух становился слишком острым, осязание — слишком ярко выраженным, если я задумывалась над этим, я могла внезапно чувствовать кучу всего, слышать биение собственного сердца, бьющегося у меня в груди.

Засыпание в этой комнате напомнило мне о детстве. Но сейчас настороже были не мои уши или кожа — это была какая-то часть меня, которой я не могла дать определения. Какая-то часть, которая притаилась в темноте и выжидала.

Глава 3

Я вынырнула из сна, который был прямым отражением моей реальности, — голоса в темноте, статуя, плачущая алмазными слезами. Яркое светило солнце; в Сиэтле сейчас было 8 часов утра, но здесь уже 11. Разгар дня. Я натянула джинсы и рубашку, которые засунула в свою сумку со спальными принадлежностями и спустилась вниз.

Роза стояла на ступеньке лестницы и заводила большие напольные часы, с её левой руки свисали черные покрывала, которыми были завешаны зеркала.

— Доброе утро, — поздоровалась я. — Могу я вам помочь?

— Нет, дитя, — ответила она. — Я здесь единственная, кто знает, где и как должны лежать вещи. Затем запоздало добавила, — Но спасибо.

Мне было интересно, насколько Роза считала меня втянутой в мамины отношения. С кем-то, кто поступил несправедливо с её подругой.

— Зачем это было нужно, Роза? — Я кивнула на черную ткань.

— Просто южное суеверие, — рассеянно сказала она, так как была занята переводом стрелок на нужное время. — Это помогает ушедшей душе перейти в иной мир и не попасть в зазеркалье.

— Зазеркалье? — повторила я. — Как Алиса?

— Не я изобрела это понятие, — раздраженно ответила Роза. — Люди верят, что можно видеть то, что находится по другую сторону зеркала. Место, куда после смерти попадают души, прежде чем отправиться к конечному пункту назначения. Если мы сможем увидеть их, то они могут подумать, что смогут вернуться через зеркало назад. И, вероятно, что такие души не смогут двигаться дальше и будут продолжать оставаться там, где они могут быть близко к тем, кого они любили. — Она слегка подтолкнула маятник и снова привела часы в движение. — Это всего лишь обычай, — продолжила она. — Ты ведь понимаешь?

— Мне все ясно. — Я пожала плечами.

Мама высунула голову из библиотеки.

— Вы уже освободились, Роза? — И снова нырнула обратно. Роза подняла брови и тихонько фыркнула, я предположила, что это из-за грубости моей мамы. Но всё же она последовала следом за ней.

Когда я вошла в кухню, Сэмми сидел там, медвежонок сброшен на пол рядом с его стулом. Он поглощал блинчики, которые, как я предположила, сделала Роза. Хорошо, что ей

нравится как минимум один член нашей семьи. Я села рядом с ним.

— Для меня что-нибудь осталось?

Он на полдьюма не донес вилку до своего раскрытого рта.

— Неа, — он повернул вилку в мою сторону и я проглотила последний кусочек блинчика. Он был замечательным — легким, маслянистым, с настоящим кленовым сиропом.

— Вкуснятина, — сказала я.

— Всегда пожалуйста, — ответил он.

— Спасибо тебе, — сказала я. — Роза вкусно готовит.

— Лучше чем мама.

— Даже ты готовишь лучше, чем мама, — сказала я ему. Он рассмеялся. — Ты кому-нибудь рассказывал о наших исследованиях, Сэм?

— Неа.

— Молодец. — Он снова кивнул.

Роза зашла на кухню через вращающиеся двери. Она подошла к шкафчику под раковиной и вытащила коробку с черными пакетами для мусора.

— Забыла тебе сказать: в духовке для тебя подогревается тарелка, если ты голодна.

— Спасибо, — сказала я в приступе благодарности. — Сэмми дал мне кусочек и он был потрясающе вкусным.

— Это всего лишь лепешки. Не хотела выбрасывать тесто. Воспользуйся прихваткой и подложи под тарелку подстилку.

— Обязательно, — пообещала я. Я решила, что смогу перенести неприязнь Розы ко мне, если она будет включать приготовление блинчиков.

Я направилась к духовке, но Сэмми остановил меня.

— Могу я тебе показать кое-что, Сара?

— Что там у тебя, Сэм? — Я вздохнула.

Он взял в одну руку медвежонка, другой рукой взял за руку меня и потянул меня через вращающиеся двери в сторону зала и по направлению к гостиной. Он остановился перед маленьким боковым окном.

— Смотри.

На газоне стоял во всем своем великолепии одинокий дуб. Его раскидистые ветви удерживали домик, построенный на нескольких уровнях, с маленькими скамейками и частичной крышей в углу.

— Круто, Сэм, — сказала я. — Мы позже осмотрим его.

— Кто это? — спросил Сэм, показывая сейчас на какие-то кусты у корней дерева.

Я прищурилась. Игра света позволяла предположить, что в тени кто-то сидит. Но ветки кустов заколыхались на ветру, показывая, что это всего лишь иллюзия.

— Там никого нет.

— Никого? — повторил Сэмми.

— Именно. Там никого нет. Могу я теперь поесть?

Я искала одну из прихваток, воспользоваться которыми я обещала Розе. В третьем ящике шкафчика рядом с духовкой я наткнулась на коробку с осколками какого-то предмета из китайского фарфора. Мне стало интересно, зачем кому-то хранить все эти кусочки, даже если это и была какая-то красивая вещь — лавандовая изнутри, голубая снаружи, с трехмерными цветами вишни, пестревшими по основанию. Похоже, что это был кувшин. Я подняла ручку, сделанную и разрисованную в форме ветки.

И перед моим мысленным взором тут же появляется картинка с изображением кухонного стола. Веселье вокруг. Много сока. И тут его задевает какая-то детская рука и сталкивает его со стола. Я вижу, как он падает, переворачиваясь в воздухе. Ударяется об пол и мгновенно, со звоном, разбивается на множество кусочков. Красный, как кровь, сок разливается по полу. Я почти слышу в голове бабушкино восклицание: «Ох, Анна». И я практически вижу юное лицо моей мамы: вызывающее, с легким оттенком самодовольства.

Я трянула головой.

Это было... странно.

В смысле у меня достаточно яркое воображение, но все эти ожившие картинки в моей голове — это слегка странно.

Я осторожно кладу ручку обратно в коробку, но мой палец задевает другой осколок. Появляется капелька крови. Класс. Засунув палец в рот, в следующем ящичке я наконец-то отыскиваю прихватку.

Сэм проследовал за мной на кухню и, усевшись за столом, с завистью посматривает на мои блинчики. Я улыбнулась. Я взяла намазанный маслом и политый сиропом кусочек и вернула долг Сэмми, плюс проценты. Продолжая жевать, он вышел через двери, таща на буксире медведя.

— Эй, — крикнула я ему вдогонку. Он повернулся, его брови поползли вверх. — Всегда пожалуйста, — сказала я повторив то, что он обычно говорил мне.

Всё ещё с набитым ртом он улыбнулся.

— Сэм, держись подальше от реки и того домика на дереве, пока я не смогу пойти с тобой. Обещаешь?

— Я обещаю, Сара. — Он вышел.

Я уже почти доедала, вошла мама, неся почти пустую кружку с кофе. Таким был её обычный завтрак — пара чашек черного кофе. Она уставилась на мою тарелку.

— Только не говори мне, что ты съела всю стопку блинчиков.

Вместо ответа я наколола на вилку кусочек, окунула его в сироп и растаявшее масло, потом посмотрела ей прямо в глаза и отправила его в рот. Мама никогда не называла меня толстой, что было бы нелепо, так как я была скорее тощей. И я привыкла к её резкости и критике — я могла с этим справиться. Но пока я жевала и проглатывала, я думала, что, может быть, пребывание в этом доме сделало её отношение чуть худшим, чем обычно.

Она нахмурилась и прочистила горло.

— Завтра мы едем в Балтимор. Ваш отец хочет показать вам Джона Хопкинса. Я ожидаю, что ты возьмешь на себя Сэмми. Хорошо?

— Разумеется, мама. Мы с Сэмми оба хотим там побывать.

— Раздавались ли какие-нибудь забавные звуки прошлой ночью?

— Спала как убитая. — Я отрицательно покачала головой.

Она посмотрела на меня, как будто сомневалась в моей искренности.

— Ладно, вероятно мы здесь останемся ещё на день-два. Ты же знаешь, как я ненавижу гостиницы.

Я это знала.

— Мы с Сэмом не против, — сказала я. — Хм, мама? — Она выжидающе посмотрела на меня. — Я заколебалась, прежде чем задать вопрос. — Ты когда-нибудь разбивала маленький голубой китайский кувшин?

Её лицо быстро превратилось в маску гнева и отвращения.

— Она даже не смогла выбросить осколки? Как и всё остальное в этом доме, это что, тоже часть алтаря? Ты ведь выбросишь их в мусор, ради меня, милая?

— Конечно, — солгала я.

— За пару дней мне нужно переделать кучу работы. Просмотреть бумаги, провести инвентаризацию, подготовить все к продаже. Я хочу, чтобы ты присматривала за Сэмми, убедись, что он не попадет в неприятности.

— Разумеется. Конечно.

— Где Сэмми сейчас?

— Просто гуляет.

Мы обе подошли к окну, чтобы проверить. Сэмми был там, играл в прятки в кустах. Он был далеко, но я слышала, как он радостно болтает.

— Он, что, разговаривает сам с собой? — голос мамы был обеспокоенным и обвиняющим. Она всегда искала в Сэмми признаки странного поведения, в точности как всегда искала у меня признаки целлюлита.

— Он всего лишь играет. И громко разговаривает. Маленькие дети всегда так делают.

— Ага, — ответила она. Шизофреники тоже.

Я едва успела подумать про себя: «Очень мило», — когда мы услышали резкий стук — молоточек у входной двери.

— Боже, — сказала она. — Кто это может быть? У меня все в порядке с внешним видом?

— Ты выглядишь отлично, мам. — Моя мама всегда выглядела отлично, макияж всегда был безупречным, на одежде не было складок. Ни грамма целлюлита.

Она направилась к входной двери. Я услышала, как она открывает её.

— Мать честная! — я слышала её визг так четко, как будто она была рядом. — Роберт, я так рада тебя видеть! — сказала она столь же высоким голосом.

Голос Роберта был более приглушенным. Я не могла расслышать его ответ.

— Сколько же мы не виделись? — продолжала мама своим сопрано на полной громкости. — Двадцать лет? Это, наверное, твой сын. Он похож на тебя. Я видела вас обоих вчера вдалеке. Жалела, что вы не смогли остаться. Я так рада, что вы вернулись, теперь мы можем поговорить. Господи, он такой высокий и привлекательный, Роберт. Ты можешь поверить, что у нас уже такие взрослые дети?

Я не смогла услышать, верит ли Роберт. Моя мама продолжала в том же духе.

— Ты должен увидеть мою Сару. Она на кухне.

Боже мой. Она притащит их сюда. А я в мятой футболке и джинсах с сиропом, размазанным по лицу. Я почти швырнула свою тарелку с блинчиками в раковину, потом повернулась и так туго, как только могла, стянула свои спутанные волосы резинкой, которая была на моем запястье.

— Сара, детка....

В дверях показалась странная женщина, которая выглядела как моя мама, её глаза сияли, на щеках пылал румянец. Затем я поняла — почему. Роберт, которого я узнала как отца в той паре в черных костюмах с бабушкиных похорон, следовал за ней. В нем было полных шесть футов роста, золотистый загар, белоснежные зубы и прочее. Ему было где-то лет сорок с небольшим, но даже я была поражена.

— ...Я бы хотела представить тебя моему старому другу, сенатору Роберту Хэтэуэю.

Он улыбнулся сияющей улыбкой. Я пожала его протянутую руку так сильно, как только могла. Не оторвать бы её.

— Рядом с вами познакомиться, сенатор Хэтэуэй.

— А это, — мама махнула рукой на кого-то, стоящего рядом, — сын Роберта, Ричард.

Ричард — другая половина пары — вышел на свет, с улыбкой на лице. И у меня мелькнула мысль: «Спасибо, мама. Огромное тебе спасибо. Почему бы мне просто не застрелиться». Отец был сногшибательным; сын был таким же, и ему было семнадцать.

— Привет, — запинаясь, сказала я.

— Привет, — поздоровался он, продолжая улыбаться.

— Сара очень похожа на тебя, Анна. — Это был сенатор, так мило с его стороны.

— Благодарю вас, — автоматически ответила я, с удивлением заметив, что мой голос в точности звучит как мамин. Она положила руку мне на плечо и добавила:

— Мне всегда льстит, когда кто-нибудь говорит о подобном сходстве.

Ладно, подумала я, заберите кто-нибудь этого двойника. Я хочу назад свою обычную маму.

— Я никогда раньше не был в Доме Эмбер, миссис Парсонс, — проговорил Ричард. — Я бы с удовольствием осмотрел его.

Мама и сенатор выжидающе посмотрели на меня. Внутренне я вздохнула и пожелала, чтобы у меня оказался освежитель дыхания. Внешне я улыбнулась, надеясь, что в зубах не застрял блинчик.

— Разумеется. Правда, я сама не слишком много здесь видела. Можем осмотреть всё вместе.

— Замечательно, — сказал он.

Мы обошли библиотеку и гостиную, я блестяще проводила экскурсию, давая объяснения, типа «Это библиотека» или «Это гостиная».

Когда мы прошли в парадный зал, он вставил:

— Это парадный зал. Затем рассмеялся, правда, при этом он ни на что не намекал. Я засмеялась в ответ и слегка расслабилась.

— Прости, — сказала я. — Я не слишком хороший экскурсовод. А почему ты вообще захотел пойти? — спросила я.

— Ты шутишь? В этой части Мэриленда любой бы воспользовался случаем побродить по Дому Эмбер.

— Правда? — спросила я. — Кто угодно в возрасте до тридцати?

Он улыбнулся и пожал плечами.

— Мама была большим коллекционером древностей. Она всегда хотела побывать внутри этого дома. Наверное, она и меня этим заразила.

— Была? — переспросила я.

— Да, — ответил он после паузы. — Она... ушла несколько лет назад.

— Мне жаль.

— Мы с папой неплохо справляемся. — Он сменил тему, махнув рукой в сторону портретов, которые я заметила накануне: — Это картины примерно семнадцатого века, так что это вероятно Сорча и Лиам О'Мэлли, основатели Дома Эмбер. Как и часы, — сказал он когда мы пошли дальше, — это восемнадцатый век, и выглядит, как будто тут есть свои оригинальные краски. — Он повернулся и махнул в сторону картин с библейской тематикой. — Считается, что эти картины рисовал Эдвард Хикс.

Я была слегка изумлена.

— Ладно, — сказала я. — Ты ведь просто прочитал это всё заранее, ведь так?

— Почти, — он ухмыльнулся. — Я просто использовал свои познания в области антиквариата. Но это было впечатляюще, не правда ли?

— Ага, — сказала я. — Ты должен быть политиком.

— Ну, это же семейное дело. — Он рассмеялся.

Мы дошли до компаса в виде розы ветров на полу, и он повернул голову в сторону комнаты Сэмми.

— Знаменитая морская комната. Принадлежала сыну капитана, Мэттью. Он умер молодым, вероятно от туберкулеза.

— Откуда ты знаешь всё это? — спросила я. — Это же моя семья, а я не знаю совсем ничего.

— Фиона Уоррен — прабабка твоей мамы — написала книгу об этом доме. У моей мамы был экземпляр.

— И ты его читал?

Он снова улыбнулся.

— Не полностью. Но она более интересная, чем ты себе представляешь. Она вроде бы пишет документальную книгу, но там есть подробности, которых никто не мог знать. А ещё, иногда она дважды повторяет одну и ту же историю, но рассказывает её двумя разными способами. Она была немного сумасшедшей. Буквально. Она какое-то время провела в лечебнице.

— У меня просто замечательное генетическое наследие.

— У нас обоих. — Он направился к следующей двери. Моя комната.

— Нет, подожди...

Но он уже открыл её. Пижама на полу. Не зазанная постель. Раскрытый чемодан, со свисающими личными предметами. Класс.

— Я так понимаю, это твоя комната?

— Ага. Прости насчет беспорядка. Я слегка проспала, и у меня ещё не было времени... убраться.

Он ухмыльнулся. Я улучила момент и полюбовалась на эту ухмылку. Широкая, слегка кривоватая, во весь рот. Он слегка склонил свой длинный, прямой нос. Без ямочек — хорошо. Сильный подбородок — хорошо. Поразительные голубые глаза — просто замечательно. Он откинул прядь волос, упавшую на лоб. Довольно приятная на вид шевелюра. Я осознала, что стою и пялюсь и отвела взгляд. — Дверь вон там, — сказала я, махнув рукой, — это ванная. Но другие двери я пока не открывала.

— Ну, мне кажется, эта должна вести в комнаты Капитана, — сказал он.

Я проследовала за ним в гостиную, следом за которой располагалась спальня. Над камином висела написанная маслом картина, изображавшая корабль, попавший в шторм. Стены были увешаны коллекцией пистолетов и сабель, собранных, наверное, со всего света. Он взял со стола кусок слоновой кости и протянул его мне. На ней была вырезана сценка из китобойного промысла.

— Это резьба по кости. Моряки часто использовали для этих целей зубы китов. Сейчас такое уже нигде не купишь. В большинстве стран запретили продажу.

Комната Капитана была просто завалена разными вещами — на каждом столе, камине, полках. В сочетании с оружием и всё, что касалось запрещённого китобойного промысла, комната выглядела довольно мрачно.

— Не думаю, что этот парень мне бы понравился, — сказала я.

— Он был судовладельцем, который контрабандным путем поставлял оружие колонистам во время Революции, а затем занялся работоторговлей. — Он пожал плечами. — По крайней мере, так написано в книжке твоей прабабки.

Теперь мне захотелось поскорее убраться из его комнаты.

— Давай уйдем отсюда. — Я вышла, он последовал за мной.

— Постой, мы что-то пропустили. — Он открыл дверь рядом со входом в гардеробную Капитана. — Это была комната его жены.

Данная комната просто поразительно отличалась от любой другой комнаты в Доме Эмбер. Из мебели тут была только кровать, шкаф для одежды и сундук. На стене висела единственная картина, на которой были нарисованы двое симпатичных детей и распятие.

— Вау, — вырвалось у меня.

— Немного минималистично, не правда ли? — сказал он, заходя внутрь. — Фиона писала, что Дейдрре Фостер была больна, большую часть своей жизни. Капитан держал её взаперти, подальше от её детей, — видимо она была безумна.

— Ещё один сумасшедший предок, — сказала я, оставаясь в дверном проеме. — Повезло мне.

Он снял что-то с туалетного столика.

— Хм. Интересно, как это здесь оказалось, — пробормотал он, передавая мне вещь, которую он держал в руках.

Я шагнула было внутрь, чтобы взять вещь у него из рук, но я как будто наткнулась на стену. У меня появилось стойкое ощущение печали, наполнявшей эту комнату. Воздух стал холодным.

— Давай пойдем куда-нибудь в другое место, — сказала я, тряхнув головой. На его лице появилось недоуменное выражение, но он направился к выходу.

— Сувенир, — сказал он. Он перевернул мою ладонь и положил на неё вещь — маленький, гладко отполированный зеленый камень с персиковыми и темно-зелеными прожилками. Странно, подумала я, каким образом что-то из той комнаты может быть таким теплым.

Мои пальцы сомкнулись вокруг него.

— Спасибо. — Я засунула его в свой карман.

Он закрыл тяжелую дверь. И тут я заметила замочную скважину посреди украшенного резьбой креста, вдавленную в металл. Прикоснувшись к ней, я словно услышала металлический звук поворачивающегося ключа. В голову закралась непрошенная мысль: здесь держали безумную женщину.

И именно в этот момент Ричард решил высказать зловещую фразу.

— Ты же в курсе, что в этом доме водятся призраки.

— Призраки? — И изо всех сил постаралась не вздрогнуть.

— Так говорят. Может быть, это Дейдрре.

В непосредственной близости от этой изолированной комнаты при мысли о призраках по мне побежали мурашки. Но я не собиралась позволить Ричарду заметить это. Я пожалала плечами.

— Что ж, — сказала я, — В таком старом доме как этот призраки просто обязаны быть.

Он оценивающе посмотрел на меня, затем на его лице растянулась широкая улыбка.

— Куда теперь? — спросил он.

С меня хватит этих депрессивных комнат.

— Западное крыло, — ответила я. — Я хочу показать тебе кое-что.

— Оранжерею? — предположил он.

Так это помещение так называется?

— Оранжерею, — подтвердила я. Он опередил меня, а я шутливо его обогнала. — Эй, — сказала я. — Кто из нас проводит здесь экскурсию?

— Мне показалось, что мы уже решили, что гид здесь я, — ответил он, и я услышала, как он намеревается восстановить лидерство.

Я пошла быстрее, затем побежала. Он наступал мне на пятки. Я пробежала через лестничную площадку, пронеслась под аркой по направлению к западному крылу. Он потянулся к моей руке, я прибавила скорость. Я не собиралась позволять ему догнать меня. Я чуть не врезалась в стенку в конце зала, в точности как я делала, когда была маленькой. Смех вытекал из меня, как воздух, выдуваемый из воздушного шарика.

Сильные пальцы схватили меня за руку как раз перед ударом. Ричард потянул меня обратно и начал замедлять движение. Мы столкнулись и я увидела что он смеётся также сильно, как и я.

— Ты что, тоже теряешь разум? — спросил он.

— Я бы так не сказала, — ответила я. — С другой стороны, разве не все сумасшедшие так считают?

— Я знаю, что мне делать, — выдохнул он. Мы оба продолжали стоять, тяжело дыша, и смеясь от того, как мало воздуха у нас было. И я всё ещё ощущала, как его рука сжимает мою руку, словно теплый браслет.

Соберись, сказала я себе. Раздвинув шторы, я позволила солнечному свету осветить темный зал.

— Пошли, — сказала я, распахивая французские двери.

Мы осторожно ступили на металлическую рифленую платформу, с которой начинала подниматься винтовая лестница. Этим утром здесь были птицы — несколько ярких вкраплений, поющих среди ветвей и порхающих в воздухе. Мы обменялись улыбками. Я прошла мимо лестницы, он шел следом за мной. На площадке я посмотрела вдаль и попыталась вспомнить дорожку, ведущую к фонтану.

Статуя, охраняющая фонтан, была на месте. Огромные кремовые цветки лилий были раскрыты. В их тени плавала пятнистая оранжевая рыба, размером со ступню.

— Сара? — позвал Ричард.

— Я здесь, — ответила я музыкальным голосом, который смутил меня.

Он появился из растительной арки, в его глазах читалось восхищение.

— Посмотри сюда, — сказал он.

— Я знаю. Просто восхитительно, ага?

— Это просто необходимо нарисовать. — Он очертил пальцами рамку. — Девушка возле фонтана.

Парень явно льстил мне. Я покраснела. Я — неудачница.

— Кто построил это? — спросила я, пытаясь скрыть свое смущение. — Фиона?

— Вообще-то родители Фионы. На рубеже прошлого века. — Он показал на статую. — Фиона специально о ней просила. Персефона. Дочь Деметры, похищенная смертью, чтобы жить в подземном мире.

А красные камни у неё в руке, это зернышки граната, которые были символом её пленения. При дневном свете я увидела, что вода капала в бассейн из слепых глаз статуи,

стекая по кончикам пальцев на мраморный подол её одежд. Это было даже ужасно.

— Её ещё звали Нестис, — вспомнила я. — Своими слезами она могла оживить мертвого.

— Точно, она похожа на плакальщицу, — он с удивлением рассматривал статую. — Откуда ты это знаешь?

— У моего преподавателя по античности на стене висел постер.

— Могу я показать тебе кое-что ещё более восхитительное?

— Конечно, — кивнула я.

— Как мы можем выйти отсюда?

Я повела его к выходу из западного крыла вниз по залу и через солярий и, пройдя через очередные французские двери, мы вышли в патио с каменными плитами. После сырости оранжереи, воздух был холодным и свежим. Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

— Сара? Ты ещё здесь?

Я открыла глаза и слегка прищурилась от яркого света. Ричард наблюдал за мной с вопросительной улыбкой. Он махнул левой рукой в сторону ступенек, а правой — слегка подтолкнул меня в спину.

— Давай наперегонки.

Затем он побежал вниз по ступенькам, оглядываясь на меня и смеясь. Я припустилась за ним. Каменные ступеньки спускались вниз по склону и вились между подпорными стенками, папоротниками, цветами и лианами, плетущимися вверх. Они заканчивались каменной площадкой, которая вела к причалу. К реке. Где был пришвартована чудесная золотисто-оранжевая парусная лодка.

— Боже, — сказала я, не веря своим глазам. — Это... Это принадлежало моей бабушке?

— Наверное, теперь это ваше. Она называется «Жидкий янтарь».

Я склонилась, чтобы рассмотреть название.

— Жидкий Янтарь IV. — Работа не представляла собой ничего особенного, но она не имела ничего общего с блестящими конструкциями, которые я видела раньше. — Она выглядит достаточно старой.

— Как и все остальное в Доме Эмбер, не так ли? — Он кивнул. — Мне кажется, на ней плавали ещё твои прабабушка и прадедушка, так что ей вероятно лет сто.

— И она всё ещё на плаву?

— И судя по тому, что я слышал, она достаточно быстра. Ты умеешь ходить под парусом?

— Ты шутишь? Я же из Сиэтла. Мы живем на воде.

— Ты заработала дополнительные очки, Парсонс.

Очки? Я задумалась. Он что, ведет подсчет?

— Мы должны поплавать на яхте, — сказал он.

— Я же даже не знаю, готова ли она...

— Я приглашаю тебя поплавать на моей лодке. Мы с отцом живем в полумиле от вас, вниз по реке.

— Ой. — Он что, приглашает меня на свидание? — С удовольствием. Я люблю плавать.

— Тогда послезавтра, идет?

Если бы только со мной был мой телефон, чтобы я могла сфотографировать его и послать фотку Джеси. Она ни в жизнь не поверит мне без документального подтверждения. Я кивнула так прохладно, как только смогла.

— Думаю, что смогу втиснуть тебя в расписание.

— Отлично, — с легкостью ответил он, как будто он составлял подобные планы ежедневно. Скорее всего, так и было. — Я заберу тебя в десять тридцать, и мы поплывем вниз в сторону залива. Ты же сможешь проснуться так рано?

Я ухмыльнулась.

— Будет непросто, но я постараюсь. — Он ухмыльнулся в ответ. — У тебя разве нет уроков?

— Тщательное планирование. Только четыре дня в неделю.

— Счастливчик.

— Ты и так это знала, — ответил он, всё ещё широко улыбаясь. — Мы должны возвращаться.

— А. Правильно. Разумеется.

— После тебя, — сказал он, делая жест рукой в сторону ступенек.

Нет. Ни за что. Я не позволю ему рассматривать мою задницу все четыре лестничных пролета, даже с учетом того, что моя задница выглядит неплохо. — Ты первый.

Когда мы вернулись, мама и сенатор сидели в гостиной и пили кофе. Всё выглядело достаточно уютно, с недоверием подумала я.

— Пап, мы с Сарой собираемся в пятницу поплавать. У тебя же нет планов на Ласточку, не так ли?

— Абсолютно никаких. — Сенатор улыбнулся улыбкой, которая скорее всего блистала на всех плакатах. — Ты должен представить Сару другим ребятам в округе.

— Разумеется, — сказал Ричард.

— Ой, — воскликнула мама, как будто её внезапно посетила какая-то мысль. — У меня только что появилась блестящая идея. Через десять дней Саре исполняется шестнадцать. Я знаю, что у нас мало времени, но разве не замечательно было бы собрать вместе всех наших старых друзей, Роберт? Устроить большую вечеринку? Ричард мог бы пригласить молодежь.

Вечеринка? Мысленно повторила я. Отпраздновать здесь мой День Рождения? А что случилось с планами уехать отсюда как можно скорее?

— На следующий уикенд у меня нет никаких планов, — с энтузиазмом ответил сенатор. — Вместе мы сможем всё организовать. Ведь так, Ричард?

— Если здесь будет еда, мои друзья точно придут, — ответил Ричард с легкой улыбкой.

— Мы могли бы устроить маскарад, — продолжала импровизировать мама. — Будет почти как на Хэллоуин. — Она повернулась ко мне. — Мне было немного жаль, что у тебя не будет вечеринки на шестнадцатилетие, как было у меня, бабушки и всех девочек в Доме Эмбер. Теперь она будет.

У всех девочек в Доме Эмбер? Внезапно мама стала хранительницей традиций? Видимое я слишком долго пребывала в шоке, потому что она снова подтолкнула меня.

— Это же блестящая идея, разве нет, Сара?

Все ожидали моего ответа. Я честно понятия не имела, что должна сказать. Если бы мы были в Сиэтле, на мое шестнадцатилетие я бы пошла в кино с Джеси. Если бы мне совсем повезло, я бы получила в подарок машину. И теперь ни с того ни с сего у меня будет огромная костюмированная вечеринка с кучей незнакомцев. И при этом предполагается, что я не буду расстраивать маму перед её другом-сенатором. Мой голос был неожиданно писклявым, когда я смогла выдавить:

— Замечательно, мам.

На лбу у мамы появилась едва заметная складочка.

— Отличная идея, Энни, — подтвердил сенатор. Энни? Разве мою маму кто-нибудь когда-нибудь называл Энни?

— Но, Боже, Роберт, может быть это трудновыполнимо. Мне нужны помощники, ресторатор, флорист... Господи, и ещё много разных вещей.

— Всё будет в порядке, — с уверенностью сказал он. — Я знаю парня, который открывает ресторан в округе Колумбия. Он, конечно, будет слегка ошеломлен, но при такой публике... он с радостью сам заплатит тебе за возможность припарковать здесь фургон с названием его ресторана.

— Если у меня есть ресторатор, — выдохнула мама, — всё остальное будет просто.

Ещё одна сверкающая улыбка.

— Я позвоню ему. Ты сама увидишь. Всё будет в полном порядке. — Уверенность исходила от него как солнечные лучи. Не удивительно, что люди проголосовали за него. Он вытащил визитку с государственной печатью и что-то написал на обороте. — Это мой личный телефонный номер. Позвони мне. Мы с Ричардом дадим тебе имена и адреса. И я скорее всего и сам смогу тебе немного помочь.

— Ой, я так взволнована, — сказала мама. — Я не была на таких вечеринках бог знает сколько. — Разве это не волнующе, золотко?

— Волнующе, — согласилась я, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос звучал радостно. Я вспомнила, насколько сильно маме не терпелось уехать отсюда, мне стало интересно, что же заставило её передумать. Неужели сенатор?

— Я бы хотела, чтобы ты познакомился с моим сыном, перед уходом, Роберт. Сара, ты видела Сэмми?

Нет. Я его не видела. Я провела так много времени, восхищаясь белоснежной улыбкой Ричарда, что потеряла всякий след Сэмми. И что ещё хуже, когда я сейчас подумала о нем, я не смогла его почувствовать.

— Найди его для меня, Сара. — Мама прочитала это на моем лице.

— Разумеется. — Может быть. Я вышла в передний холл. Сделала несколько глубоких вдохов, представляя при этом Сэмми, его песочного цвета волосы, радостную улыбку, чертиков в его глазах.

Ничего. Почему я не чувствовала Сэмми?

— Сара, — раздражаясь, позвала мама. — Может он просто вышел на улицу?

— Да, — ответила я, с усилием заставляя свои ноги двигаться.

— Я встречу с ним в другой раз, Энни, — сказал Роберт. — Мне нужно идти. Может быть... — он вежливо промолчал, — тебе нужна помощь, чтобы отыскать его?

— Нет, — ответила мама. — Сара найдет его. Она всегда находит.

— Тогда всё хорошо, — сказал сенатор, когда я оказалась почти вне зоны слышимости. — Прости, что ухожу так внезапно. У Ричарда турнир...

Я прошла через галерею и начала бежать. Я не хотела, чтобы мама видела мою панику, но я паниковала. Включился режим абсолютной паники. Почему я не чувствую его?

Я могла думать только о реке на границе Дома Эмбер, медленно бегущей, холодной и глубокой. Жаждающей утащить Сэмми вниз.

Глава 4

Я распахнула наружные двери солярия.

— Сэмми! — Тишина. Крича и прислушиваясь, я пробежала по дорожке, которая проходила под западным крылом, и пробиралась через сады пока не наткнулась на живую изгородь. По широкой дуге я вернулась к передней части дома. — Сэмми! — Мой голос эхом вернулся ко мне. Я вполне уверена, что меня услышали сейчас и в соседнем округе.

Тяжелый черный седан сенатора уже исчез из вида, когда я добежала до лужайки перед столовой.

— Сэмми!

Ничего. Никакого ответа.

Я подумала о домике на дереве и побежала мимо входной двери к дубу. Но лестница висела в десяти футах над землей. Нет никаких шансов, что он может быть на дереве.

— Сара, в чем проблема? — Мама вышла через парадную дверь.

— Я не знаю, где он, мам.

— Ты найдешь его. Всегда находишь.

— Ты не понимаешь. Я не знаю, где он.

Вероятно мама увидела панику в моих глазах. Она повернулась и зашла внутрь.

С криками я обежала вокруг теплицы. Я знала, что его не было на ступеньках, которые вели вниз к реке; мы с Ричардом только что оттуда. Я снова вернулась через западные сады к полям за их пределами. Я проверила кладбище. Стоя на краю обрыва, я прокричала его имя и прислушалась.

Всё также никакого ответа. Никаких звуков кроме пения птиц. Я слышала даже воду. Вода всегда с шумом пробегает мимо скалистых берегов, но в этот раз она как будто с трудом преодолевала силу гравитации. Я снова подумала о том, что Сэмми мог упасть в эту холодную воду и поэтому больше не чувствую его тепло.

— Сэмми! — закричала я. — Ответь мне. Прекращай играть!

— Он, наверное, где-то в другом месте. Просто обязан где-то находиться.

Я снова побежала, вбежала в лес на западной стороне участка. Я слышала шорох, вероятно, это какое-то животное, вниз по склону и за маленьким оврагом. Я присмотрелась сквозь листву и заметила маленькое белое пятнышко.

— Сэмми! — позвала я. — Больше никаких прятков. Пора возвращаться домой.

Слабый звук, похожий на смех. Шорох в кустах начал двигаться в сторону холма подальше от меня, очень быстро.

— Сэмми! Остановись! — Я снова побежала вниз по склону. Маленький негодяй тоже бежал. Я всего лишь могла видеть белое пятно, когда он пробирался сквозь листву. — Стой, Сэм!

Я перепрыгнула через ручей на дне оврага и начала подниматься вверх. Тяжелый труд. Я с трудом верила, что маленький монстр смог развить такую скорость. Мои ноги горели.

— Сэмми!

Склон начал выравниваться. Впереди стал виден просвет, концентрация солнечного света. Для Сэмми было бы лучше, чтобы он спокойно сидел на полянке, когда я до неё доберусь.

Я схватилась за свой бок и вылезла из кустов на открытое пространство. Я замерла перед большим квадратным деревянным срубом. Несмотря на теплый день из трубы валил дым. На переднем крыльце в кресле-качалке расположилась пожилая женщина в темном бесформенном платье. Она с интересом посмотрела на меня.

— Простите, — задыхаясь, выдавила я, — за вторжение.

— О, — улыбаясь, сказала она, выглядя удивленной оттого, что я с ней заговорила. — Я должна была сразу же поздороваться. Рада видеть тебя, Сара.

Она знала, как меня зовут. Я решила, что это должно быть мать Розы. Она выглядела достаточно старой.

— Я ищу своего брата. Вы его видели?

— Ты знаешь, кто я, дитя мое? — спросила она, наклоняясь вперед.

— Нет. Простите. Никто не упоминал о вас.

Она кивнула.

— Наверное Провидение привело тебя сюда. — Она откинулась назад. — Сэмми здесь нет.

— Я же только что видела его. Он бежал сквозь лес. Пробегал прямо здесь. Вы должны были заметить его.

— Сэмми здесь нет, — твердо повторила она. — Он на пути домой.

— Откуда вы знаете? — слегка разочарованно спросила я. — Кто же тогда здесь пробегал?

Она улыбнулась.

— Ты можешь верить моим словам, девочка. С Сэмми всё в порядке. Иди домой. — В её южном акценте я заметила какие-то иностранные нотки.

— Хм, хорошо. Спасибо.

— Но ты скоро вернешься сюда, и мы снова увидимся, — наказала она. — Я должна тебе кое-что рассказать, что-то что ты должна узнать. И мы с тобой сможем помочь друг другу.

Ага, конечно, подумала я.

— Хорошо, — солгала я, начиная пятиться назад. Затем развернулась и побежала.

— Приходи повидаться со старой Нангой, — проговорила она мне вслед. — Возвращайся снова.

Когда я преодолела последний подъем на пути к дому я увидела как Сэмми выходит из ближайших к реке деревьев. Он нес в руке медвежонка, другой рукой держал за руку Джексона. И он был одет в зеленую футболку. Не в белую.

— Где ты его нашёл? — спросила я, приблизившись к ним.

— Он был ниже по реке, возле нашего дома.

— Вы живете возле реки? — Разве Роза и Джексон не должны жить вместе с пожилой женщиной?

— Да. Он сказал, что играл в прятки вместе со своим другом.

Ребенок в белой футболке.

— А что, здесь в округе есть маленькие дети?

— Насколько я знаю, нет, но кто-то мог переехать недавно. Вдоль реки всё время что-то строится.

— Я спрятался очень хорошо, Сара, — сказал Сэмми, — но Джексон легко нашёл меня и сказал: — Пора идти домой, Сам. — Он тоже хорошо ищет.

— Спасибо тебе, — поблагодарила я Джексона.

— Без проблем, — ответил он, пожимая плечами. — Рад помочь.

И тут появилась мама.

— Сэмми, — заплакала она со смесью злости и облегчения. Я даже посочувствовала этому. Заколебавшись на мгновение, Сэм засунул медведя под мышку и побежал к лестнице,

где стояла мама. Она подняла его на руки и крепко обняла.

— Итак, — сказала я, поворачиваясь обратно к Джексону, — по-видимому мы останемся здесь ещё на неделю или две. Этого времени хватит для поисков бриллиантов?

Правда была в том, что я не полностью купилась на сказку о том, что в доме моей бабушки на протяжении более чем две сотни лет могли быть спрятаны сокровища. Но после экскурсии Ричарда, у меня зародился обновленный интерес к семейной истории. Я захотела порыться в каждом шкафу и залезть в каждый угол этого места и посмотреть, что ещё может быть скрыто здесь. И при этом стараться не привлекать внимания мамы к этим поискам, потому что у меня было чувство, что ей это не понравится.

Что в свою очередь означало преимущественно ночную жизнь. И для этого мне нужна была помощь Джексона. Я честно признавалась себе в том, что я была слишком труслива для прогулок по Дому Эмбер в темноте без сопровождения кого-то старше пяти лет. Если Джексон хотел отыскать бриллианты, то я была готова составить ему компанию. И если в процессе поисков мы таки отыщем клад — тем лучше.

Он выглядел полным надежды. Я улыбнулась.

— Может быть, — ответил он. — Когда начнем?

— Сегодня, если ты не против. — Я пожала плечами. — Здесь трехчасовая разница во времени — я не могу спать. Встретимся в кухне в одиннадцать тридцать? Остальные к этому времени отправятся спать.

— Хорошо. Я буду там.

— Кстати, — сказала я, — а что за пожилая женщина живет в доме в лесу?

Во взгляде Джексона промелькнули эмоции, которые я не смогла прочесть. Он осторожно спросил.

— Пожилая женщина?

— Нанга. Она сказала мне идти домой, и что Сэмми нашелся. Ты говорил с ней об мне?

— Не я.

Снова запутавшись у меня вырвался смешок.

— Тогда я надеюсь, что я не нарушила границы?

— А что конкретно она сказала?

— Она сказала, что я должна вернуться и поговорить с ней.

— Серьёзно?

— Да, серьёзно. Мне кажется, что она хочет, чтобы я ей помогла с чем-то.

— Сара, — он выглядел так, как будто собирался сказать что-то ещё.

— Что?

Передумав, он тряхнул головой и двинулся обратно в ту сторону, откуда пришел. Не поворачивая голову, он громко произнес.

— Много людей хотели бы поговорить с Нангой. Если можешь, то должна.

Ну и ладно, подумала я. При первой же возможности.

Когда я вошла в дом, я обнаружила, что Роза возится с Сэмми в ванной — видимо в ней проснулась сиделка. Он безропотно подчинялся. Ему это несвойственно. Кажется, Роза ему нравилась, а он нравился ей.

Она увидела меня.

— Вам тоже стоит помыться, молодая леди, — сказала она деловым и делай-то-что-приказал-врач тоном. В этих лесах полно ядовитого плюща и ядовитого сумаха, и, держу

пари, ты даже не представляешь, как выглядит хоть что-то из этого. Используй много мыла, чтобы смыть масла. И проверь себя на наличие клещей. Клещи любят потайные места.

Нет ничего лучше хорошей прогулки по лесу, подумала я, но я в любом случае должна воспользоваться мылом.

Сперва я порылась в бабушкиных запасах в поисках соли для ванн, халата и пары больших полотенец. Потом я отправилась на второй этаж в западное крыло, подальше от всех остальных, чтобы посмотреть смогу ли я найти местечко для долгой, горячей, первоклассной ванной.

Арка сразу позади лестницы вела в коридор, через который я пробегала накануне. С каждой стороны было по три двери.

В третьей по счету комнате я нашла то, что искала, — ванную, выкрашенную в нежных оттенках розового на полу и стенах, с огромной ванной, с ножками в виде когтей, стоящей под витражным окном.

Замечательно.

Я расстелила одно полотенце на полу и повесила второе на забавную скульптурную ручку, которая крепилась к стене рядом с ванной. Заткнув слив, я высыпала полбутылки пенящейся соли и сделала воду как можно горячее, насколько я смогла вытерпеть. Оказавшись в ванной, я откинулась на наклонную спинку, вытянула ноги и блаженно вздохнула, когда пар начал превращать мои мускулы в масло. Я намылилась огромным количеством мыла, чтобы «смыть с себя масло». Затем с головой окунулась в воду. Поднимающиеся пузырьки легонько хлопались; рев сантехники стал напоминать вой китов. Вынырнув за глотком воздуха, я снова погрузилась в глубину. Я могла слышать голос моей мамы где-то вдалеке, звук переносился по трубам. И я слышала, как мой брат что-то напевает высоким, тонким голосом

Звук становился всё громче и четче.

Он что, в ванной, возмущившись, подумала я. Он в ванной!

Со всплеском я вынырнула на поверхность.

— Сэмми, что, черт возьми, ты здесь...

В помещении никого не было.

Бормотание оказалось просто эхом, отдававшимся в пустой комнате. Сэм был где-то близко. А в моей ванной стало холодно. Обхватив себя руками, я высунула голову в коридор.

— Сэм?

Дрожа в своем махровом халате и оставляя мокрые следы на ковре я последовала на звук шести пронзительных нот. И оказалась перед закрытой дверью в спальню.

Мелодия стихла. Мое сердце бешено билось. Я заставила себя открыть дверь в комнату Дейрдре Фостер

— Сэм, ты здесь?

В комнате было темно. И пусто. В зеркале на стене было видно мое отражение. И чьё-то ещё позади справа.

Я развернулась, мое сердце подкатило к горлу.

Сэмми стоял и смотрел на меня, его светлые, влажные волосы после ванной беспорядочно сбились.

— Ты меня звала, Сара?

— Да, — ответила я и вздрогнула.

— Здесь холодно, Сара, — сказал Сэмми, — давай пойдем в другое место.

Он взял меня за руку и вывел из комнаты.

Папа появился, когда я заплетала свои влажные волосы. Мама не была рада его появлению.

— Слушай, так как ты не позволяешь детям посетить меня сегодня, я подумал, что могу прийти сам. Я хотел бы провести время с ними, прежде чем ты снова увезешь их через весь континент. — Он держал большой коричневый пакет, источавший вкусные ароматы. — Я принес китайской еды, соблазнял он. — Если ты хочешь чтобы я ушел...

— Нет, ну разумеется, нет, — сказала она. — Оставайся.

Нельзя было назвать её приветливой. Интересно, что случилось с брызжущей весельем женщиной, которую я видела сегодня утром.

— Пошли, я покажу тебе свою комнату, папочка, — сказал Сэмми, беря его за руку и ведя вверх по ступенькам.

— Дай-ка я угадаю, дружок. Ты выбрал себе морскую комнату?

Как он мог знать? Подумала я, поднимаясь следом за ними. Потом я вспомнила. Папа учился на медицинском в Мэриленде. Они с мамой познакомились и влюбились друг в друга в Балтиморе. Вероятно, он бывал здесь несколько раз — а может и много раз. Мы с Сэмми были единственными, кто никогда не был в Доме Эмбер.

Сэмми проводил экскурсию.

— Это моя кровать, — сказал он, похлопав по ней.

— Мне она нравится, Сэмми. А ты знал, что это настоящая корабельная кровать с настоящего корабля?

— Угу. А это мой звонок, — Сэм с энтузиазмом дернул за кольцо.

— Вот это да, приятель. — Папа изо всех сил пытался изобразить мистера Дарлинга из Питера Пена. — А ну-ка потише, не так громко.

Сэмми рассмеялся. Он залез на кровать и погладил резное украшение, нависавшее над ней. — А как тебе мой орел? — спросил он.

— Это кормовая фигура, Сэм. С задней части корабля.

— Ага. Он слез и перебежал на противоположный угол. — А это моя русалочка.

— Тоже очень красивая, Сэм. Это носовая фигура, её крепили к передней части корабля. Папа сел на кровать и взял медвежонка Сэма. — А это кто?

— Он мой. Это Злобный Мишка.

— Это твоя мама так его называет? — Папа вздрогнул.

— Это его имя. — Сэм забрал медведя. — Злобный Мишка. — Он повернулся к выходу из комнаты. Пойдем. Я покажу тебе комнату Сары. Это я её ей отдал.

Мы с папой пошли к выходу. Сэмми стоял в проходе моей комнаты, дожидаясь нас. — Смотри, — с гордостью сказал он.

— О, Сэм, ты нашел для Сары эту комнату? Она ве-ли-ко-леп-на, — сказал папа.

— Угу. А как тебе этот кукольный домик? — Он погладил его по шаткой крыше. — Все огни по-настоящему светятся, когда есть батарейки. Может быть, здесь живут маленькие люди.

— Просто замечательный кукольный домик. Чудесная комната. Дружок, тебе не кажется, что Сара всегда хотела, чтобы у неё была такая комната?

— Угу.

— Чего я не могу понять, ребята, так это почему ваша мама решила остаться здесь.

— Я это сделал, — с гордостью проболтался Сэм. — Сара сказала мне и я сделал, не

никому не говори, потому что это секрет.

— Может мы уже поедим? — раздался голос мамы снизу.

— Пошли, — сказал Сэмми, выбегая за дверь.

Папа посмотрел на меня. Я поежилась.

— А что именно он сделал?

— Просто... немножко покричал.

— Сара. Перестань. Ты же знаешь, что нельзя поощрять его аутическое поведение.

— Я знаю, пап. И мне жаль. Но для нас это было очень важно. И тебе нужно было это увидеть. Я не могла поверить в то, что он сделал. Я испугалась, он был таким настоящим. Парень должен играть в кино.

— Твоя мать, наверное, билась в истерике. — Засмеялся он, затем взъерошил волосы у себя на голове. — Ты нечестно играешь, Сара. Помоги Боже тому, кто встанет между тобой и тем, что тебе нужно. Это одновременно и хорошо, и плохо. Как и со всеми супер силами, этой нужно пользоваться с умом.

— Мне кажется, ты путаешь меня с мамой.

— Ты ведь знаешь, чья это комната, не так ли?

— Её.

— Она тебе сказала?

— Нет. Я просто сама додумалась до этого.

— Детка, ты до очень многих вещей додумываешься сама. Ты всегда была проницательной. Ещё одна супер сила. — Он улыбнулся.

Мне пришлось моргнуть, чтобы сбить непрошеные слезы, удивившись оттого, насколько сильно я по нему соскучилась.

Он выглядел так, как будто ему было неудобно.

— Пошли, пока твоя мама не решила заново подогреть еду.

— Не слишком беспокойся об этом, — сказала я. — Не думаю, что она знает, как включается духовка.

На обед у нас были свинина в томатном соусе, блинчики со свининой, сечуанская говядина и печенья с предсказаниями.

— Джексон нашел меня сегодня, папочка. Я прятался, а Джексон меня нашел.

— Правда? — спросил папа.

— Угу. Он даже более хорош в прятках, чем Сара.

— Лучше, — поправила его мама.

— Он даже более лучше, — сказал Сэмми.

— Без более, просто лучше. Он лучше.

— Точно, — просиял Сэмми. — Он лучший!

Папа рассмеялся. Мама нет.

— Он должно быть очень хороший искатель, Сэм, если он лучше Сары.

— Лучше. — Сэм кивнул.

Над столом повисла тишина. Мне это не понравилось.

— Ты слышал о моей вечеринке, пап?

— У тебя будет вечеринка? Здесь? — Определенно не слышал, его лицо выражало удивление.

Мама тут же стала защищаться — наверное, ей было немного неловко оттого, как безумно она выглядела, предложив это.

— Ей исполняется шестнадцать. Это важная дата. Когда мне исполнилось шестнадцать, у нас был прием. Господи, разве не будет здорово, если мы отпразднуем это?

— А что Сара думает по этому поводу? — Папа повернулся ко мне.

— Сара думает, — намеренно медленно проговорила я, — что вечеринка с сотней незнакомцев это её версия ада.

— С сотней? — повторил папа.

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь, — набросилась на меня мама. — Во-первых, не все они будут незнакомцами. Там будет Ричард, и вероятно, к тому времени ты успеешь познакомиться с некоторыми его друзьями...

— Ричард? — спросил папа.

— Сын сенатора, — ответила я.

— Сенатора... — в глазах папы мелькнул свет. — Это случайно не сенатор Роберт Хэтэуэй?

— Роберт заходил сегодня, чтобы выразить свое сочувствие, — нетерпеливо пояснила мама. — Он сказал, что поможет мне со списком гостей.

— И как поживает Роберт? — спросил папа с преувеличенным интересом.

— У него всё хорошо. Он просил передать тебе привет.

— Как мило с его стороны вспомнить обо мне. Ты ему рассказала, где я? Рассказала подробности?

— Нет, конечно. Я просто сказала ему, что ты снова вернулся на работу в Джон Хопкинс.

— А как дела у миссис Хэтэуэй?

— Я не спрашивала.

— Она умерла, — вырвалось у меня. — Несколько лет назад.

Я не должна была этого говорить. Мне следовало бы прикусить язык и держать рот закрытым.

— Скорбящий вдовец, хм? — произнес папа. — Как удобно для тебя.

Мама сузила глаза.

— Как смеешь ты меня критиковать? Как ты смеешь намекать, что я сделала что-то неправильно? Не вешай на меня это.

В ответ папа промолчал. Не смотря в мою сторону, он проговорил сквозь стиснутые зубы.

— Ты не обязана соглашаться на эту вечеринку, если не хочешь, Сара.

Мама даже глазом не моргнула.

— Ты ошибаешься, Том. В этом вопросе у Сары вообще нет права голоса. На эту вечеринку придут одни из самых влиятельных людей в округе, и в связи с тем, что я намереваюсь продать Дом Эмбер вместе со всем содержимым, я с радостью соглашусь на то, чтобы Дом Эмбер сверкал и сиял всеми огнями. Такую рекламу невозможно оплатить. Так что вечеринка состоится, и Сара будет присутствовать на ней с широкой улыбкой на лице. Разумеется, ты тоже приглашен, если захочешь прийти.

Бросив салфетку на тарелку, она вышла. В полном отчаянии я устала на свою еду.

— Ну же, Сара, детка, — проговорил папа. Мы же не хотим выбрасывать все эти вкусности. Давай-ка доедать.

— Нет, — сказал Сэмми. Он начал стучать кулаком по голове.

— Эй, не делай так, — папа поймал руку Сэмми. — Как насчет мороженого вместо

этого?

— Нет! Нет, нет, нет! — прокричал Сэмми. Он высвободил руку, спрыгнул со стула и выбежал из комнаты. Я услышала топот его шагов по лестнице.

— Это моя вина, — сказала я. — Не стоило поддерживать эту её идею.

— Нет. Не ты же это предложила. Ничто из этого не является твоей виной. — Папа вздохнул. — Она не хочет, чтобы я был рядом. Может быть мне лучше перестать вмешиваться.

— Но ты же придешь на вечеринку?

— Если ты хочешь, чтобы я там был, то приду. — Он встал. Неуклюже наклонившись, он поцеловал меня в макушку. — Я схожу, проверю как там Сэмми, хорошо?

— Ага. Лучше иди.

Папа протер глаза тыльной стороной ладони. Я притворилась, что не заметила этого.

— Я скоро вернусь, — проговорил он. — Чтобы помочь с посудой.

Никто не взял свои печенья с предсказаниями. Вздохнув, я разломала свое. Отражение в зеркале покажет тебе того, кого ты хочешь видеть.

Я закатила глаза. Мне всегда попадают паршивые предсказания.

Я разобралась с большей частью еды, когда папа вернулся.

— Он уснул, — сказал он. — Просто упал на кровать, обнял медведя и отключился. С ним всё будет в порядке.

— Да, так и будет, — ответила я. — Он невероятно оптимистически настроенный малыш.

— Ты случайно не знаешь, почему он назвал своего медведя именно так?

— Злобный Мишка? Понятия не имею. А что?

— Когда-то твоя бабушка проводила для меня экскурсию по дому. Она его тоже называла Злобный Мишка. Я сказал бы, что это немного странно. А ты?

— Может быть, она рассказывала Сэмми о нас во время одного из своих визитов?

— Может быть. — Папа взял мочалку и начал мыть тарелку. — Я остановила его.

— Не беспокойся об этом. Уже поздно, а тебе нужно выспаться. Иди. Я не хочу быть причиной иска о халатности.

— Ты уверена, что справишься сама?

— Я пожалала плечами. — Практически уже всё сделано.

Прежде чем уйти, он сжал меня в объятиях. Результат разлуки, подумала я. Он никогда так не делал, когда мы были в Сиэтле. Я всё доделала. Когда я ходила из комнаты в комнату, выключая свет, я захотела, чтобы у меня был телевизор. Но единственный телевизор был в комнате бабушки, в которой сейчас спала мама.

Девять часов. Два с половиной часа до назначенного времени. Если бы у меня был номер Джексона, я бы позвонила ему и всё отменила.

Я поднялась наверх и выудила из чемодана свой телефон, подумав, что я могла бы позвонить Джеси, но он был выключен. И, ну разумеется, я забыла зарядку.

Я прокралась в комнату Сэма и вытащила фонарик из его рюкзака, потом спустилась вниз, в библиотеку. Мне показалось, что я видела телефон в этой комнате.

Он там был, на столике между двумя креслами. Для набора номера нужно было крутить диск, как в старых фильмах с Богартом. Мне потребовалась секунда, чтобы разобраться, как он работает.

— Джеси. Это Сара. Помнишь меня? — Я передернулась. По телефону у меня бы

дурацкий голос.

Мы немного поболтали. Она сказала, что сделала себе татуировку — написанное на иврите изречение из Талмуда: Чем больше думаешь о себе, тем меньше тебя любят.

— Способ прорекламирровать евреев, — сказала я ей. — Я почти уверена, что татуировки нельзя считать кошерными. А раввин знает? Впрочем, плевать на него, твоя мама знает?

Она лишь рассмеялась. Я рассказала ей о вечеринке, но она не сможет приехать. Даже если бы она смогла оплатить билет на самолет, у неё была назначена репетиция в костюмах для Тайного сада. Я рассказала ей о красавчике сенаторском сыне.

— Модельная внешность? — спросила она.

— Модельная внешность, — подтвердила я. Я пообещала, что вышлю ей на почту фотки, как только я окажусь где-нибудь, где будет интернет. Я скучала по своему компьютеру.

Оставалось ещё полтора часа. Я исследовала библиотеку. Она была огромна — полки размещались на всех четырех стенах от пола до потолка. Насколько я могла видеть, книжки были в твердых обложках, большинство даже в кожаном переплете. На небольших латунных табличках были написаны тематики. Тут была секция французских авторов и секция с немцами. Тяжеленный Оксфордский словарь без сокращений лежал открытым на подставке рядом с антикварным глобусом.

Я уселась в одно из кожаных кресел и начала рассматривать стопку книг, которые моя бабушка оставила на столе. Конан Дойл и Кристи, Лавкрафт и По. У неё определенно была тяга к смерти. На дальнем конце стола лежала книжка, открытая на картинке с домом, стоящем на скале и просматривающемся между деревьями. Я привстала и рассмотрела перевернутую картинку — это был Дом Эмбер. Я проверила обложку. «Место во времени», Фионы Кэмпбелл Уоррен.

Об этой книге мне рассказывал Ричард. У бабушки просто должен был быть экземпляр. Я закрыла книгу и сунула её под мышку. Может быть, она поможет мне убить немного времени.

Я сидела за кухонным столом. Окно в наружной двери уставилось на меня словно большой черный глаз. Я хотела было передвинуть кресло так, чтобы мне не приходилось видеть его, но ещё больше я не хотела сидеть к нему спиной. Положив тяжелую книгу на стол, я открыла её.

После титульной страницы размещалась фотография автора, моей прабабки. Она была просто изумительной. Тонкие черты лица, отличная фигура, и копна густых волос. Она была немного похожа на мою маму. На следующей странице было пояснительное предисловие редактора.

Фиона Кэмпбелл Уоррен это необыкновенная женщина с неординарным видением. На следующих страницах она настолько умело сплела исторические факты, семейные предания и вымышленные истории, что читатель поверит в то, что она путешествовала по местам, жила в тех временах и встречалась с людьми, о которых она пишет. Затем, как будто задумавшись над своими записями, она заново описывает факты и персонажей, но слегка их переиначивает, перенося вас в другое время, и рассказывая иной ход событий — по собственным словам Фионы, «ещё одно если бы».

Затем шел переход к научному описанию, но я не стала его читать. После предисловия шло стихотворение под названием «Ещё одно если бы». Я не была поклонницей поэзии, но

оно было любопытным. Я прочла его:

*Мы выбираем дороги в запутанном лабиринте,
Движимые надеждой, преследуемые историей.
По счастливой случайности мы спокойны, в печали, мы идем не разбирая дороги,
Мы слепо идем навстречу тайнам.
Но время уходит от нас неслышными шагами,
Чтобы прислушаться, нужно разбудить Её, и подняться
Чтобы отыскать точку, где встречаются прошлое и будущее.
И хоть выбор кажется случайным, хотя случайность опровергает
Умысел, знай, что твоя судьба в твоих руках.
Отдели место, которое разрушает Время, которое поворачивает
Её течение, её капризное движение, твои команды.
И ты исцелишь рану, так свершаются все благие перемены.
Ты получишь возможность сделать выбор заново,
И выбрать путь, который приведет тебя к иному концу.*

И что это должно значить? Она что, и правда думала, что время можно изменить, или это просто метафора? «Ещё одно если бы», ну да, конечно. Почему-то теперь я не удивлялась тому, что эту женщину на какое-то время заперли в лечебнице.

Она также предлагала что-то вроде семейного древа — Семьи Дома Эмбер, — в котором она перечислила всех моих предков, которые владели этим имуществом, начиная с пары, о которой упоминал Ричард, Лиам и Сорча О'Мэлли. Я нашла Дейрдре Фостер в середине семнадцатого века, на четыре поколения раньше, и её мужа, Капитана Фостера, любителя китов и оружия, который определенно был женат ещё на ком-то до несчастной Дейрдре. Я прошлась взглядом от несколькими чисто американских имен: Тейт и Вебстер, Гидеон и Квинси, до Майв Макалистер и нескольких ирландских вкраплений. Мейв была бабушкой Фионы. Древо заканчивалось дочерью Фионы, — моей бабушкой — Идой Уоррен. Я думала, что она будет упомянута последней, на момент публикации книги, как единственный ребенок Фионы, единственная, кому суждено было стать владелицей Дома Эмбер. Мама будет последней. Я никогда не попаду в этот список.

Мои веки слипались. Дома не было ещё и восьми часов. Я закрыла книгу и наклонилась вперед, положив руки на стол, намереваясь закрыть глаза лишь на минутку.

И уснула.

Священник стоит над могилой бабушки, говоря нам о том, «для всех под солнцем есть свое время». Бабушка стоит рядом с ним, и смотрит на меня с легкой улыбкой на лице.

Женщина в черном пальто исчезла, но все остальные были на месте, но все были как-то странно одеты и стояли перед разными надгробиями по всему кладбищу. Все они смотрели на меня. Бабушка сказала:

— Однажды ты тоже будешь здесь лежать.

Я попыталась сказать «Никогда», — но не смогла выговорить ни слова.

Я услышала возрастающее эхо голосов, звавших меня: «Сара, Сара...»

Глава 5

— Сара.

Я подскочила, эхо голосов всё ещё звучало в моей голове. Мне потребовалась секунда, чтобы понять, что я сижу в бабушкиной кухне.

Джексон просунул голову в дверь.

— Прости, — улыбнулся он. — Ты всё-таки заснула. А мне показалось, что ты говорила, что сейчас по твоему времени только пол-девятого.

Я проклинала себя за свое легкомыслие.

— Должно быть, это всё из-за утренних упражнений, когда я бегала по вашим кишащим клещами лесам.

— Ну да, ты сидишь прямо в центре самой большой популяции клещей в стране, если не в мире. — Он закрыл за собой двери. — Чтобы избежать их, — сказал он, накинув капюшон толстовки для демонстрации, — тебе нужен бронежилет. — Он ухмыльнулся, сбросил капюшон и расстегнул куртку. — С чего мы начнем?

— Как насчет того, чтобы подняться по лестнице на третий этаж? Я там ещё не была. А ты?

— Нет. Идем туда.

Мы на цыпочках вышли из кухни и начали подниматься на третий этаж. Когда мы прошли площадку второго этажа, лестница сделала виток и стала очень практичной. Узенькие ступеньки закончились на третьем этаже небольшим коридорчиком с тремя дверьми. Я открыла первую справа.

Свет от неполной луны освещал комнату, в которой находилось всего четыре вещи: маленький стол со стулом, латунный торшер и небольшой стеклянный шкаф с книгами в одинаковых кожаных обложках. Кое-что, к чему следует, потом вернуться, подумала я.

За дверью слева скрывался старый и пыльный хаос: сломанный мольберт, повалившийся набок, всё ещё удерживающий разорванный холст, на котором когда-то был нарисован пейзаж, и коробка, полная тюбиков с красками, пролившимися на пол.

На другой стороне, за третьей дверью, лучи наших фонариков осветили длинную, узкую комнату с наклонным потолком и единственным окошком в дальнем конце. Посредине чердака висела древняя лампочка со свисающим шнурком. Джексон подошел, потянул за шнурок и каким-то чудом лампочка зажглась. Её слабый свет осветил кладбище забытых вещей, сложенных в тени у стен комнаты и в V-образной форме у основания наклонного потолка.

Я пробежалась пальцами по ручке старой, изношенной детской коляски и подумала обо всех младенцах, которых в ней укачивали, которые были моими предками и давным-давно умерли и были похоронены. Безголовый манекен хвастался затянутой в корсет талией. Лысая китайская кукла сидела в сломанном кресле, её пустые глаза пристально уставились на то, что было воспоминаниями о детской.

Я открыла сундук. Кружевная фата пожелтевшего свадебного платья рассыпалась в пыль от моего прикосновения. Под ней оказался смокинг жениха, который лежал на старомодной кружевной детской одежде, детский матросский костюмчик и кучка кожаной обуви.

— Отвратительно, — невольно прокомментировала я и, швырнув одежду обратно в сундук, вернула её в темноту.

— Никогда бы не подумал, что ты так чувствительна. — Джексон фыркнул.

Он обо мне думал? Я пожала плечами и сказала:

— Мерзко. Гадость.

— Ладно, — проговорил он. Я тебя понял. Это гадость. — И он улыбнулся, широко и

расслабленно. Он казался... счастливым. Я поняла, что до этого он всегда казался мне слегка жестким, как будто он постоянно был настороже. Но сейчас, он, кажется, расслабился. — Это всё из-за теплого и влажного климата — у нас миллион насекомых. Некоторых из них ты больше нигде не увидишь: жучок, который живет только в скалах Чесапикского побережья, или паук, которой водится исключительно на берегах этой реки.

— Я ненавижу пауков. — Меня передернуло. — У меня есть теория, что они появились благодаря каким-то чужеродным штукам типа метеорита, который упал на Землю миллион лет назад.

— У тебя, что, легкая форма арахнофобии? — Он хмыкнул.

— Ха, — ответила я. — Я всего лишь немного боюсь пауков.

Он начал было мне объяснять, что такое «арахнофобия», но до него быстро дошло, что это была маленькая шутка.

— А, юмор, — улыбнувшись сказал он. — Сложная штука.

Пока мы работали, он поддерживал легкую беседу, отпуская шутки и забрасывая меня вопросами. Какую самую восхитительную вещь ты видела? Для меня — это северное сияние; для него — ураган, пронесшийся над Чесапиком. Если бы ты могла отправиться путешествовать куда-угодно, куда бы ты поехала? Я в Париж; он — в Нью-Йорк. Там встретились мои родители. Что лучше — собаки или кошки? Однозначно — собаки. Я не стала упоминать, что лично мне кошки всегда напоминали о моей маме. Каким-то образом я начала рассказывать ему о Джеси и о том, как однажды она затащила корову в школу по наружной лестнице и как потом пришлось искать кран, потому что спуститься вниз самостоятельно корова уже не могла. Он откинул голову назад и расхохотался.

— Видимо Джеси очень классная, — сказал он, как будто смог понять это всего лишь по одной истории. Мы проболтали около часа, пока вытаскивали коробки одну за другой и рассматривали их содержимое.

Я смогла б сказать достаточно быстро, что тут не было ничего, что могло бы приблизить нас к легендарным алмазам Капитана. Но все находки были интересными лично для меня — как например маленькая коробочка внутри ящика твоей матери с тремя детскими молочными зубами и локон мягких тонких волос — это было отрадно, давало какую-то связь, и в то же время было слегка отвратительно. В коробках были документы, старая одежда, разбитые сокровища, когда-то любимые игрушки, — вещи, которые даже для тех, кто не жил в Доме Эмбер казались достойными того, чтобы сохранить их. Каждая коробка открывалась со стоном и ощущением распада, которые оседали на моей коже и заполняли мои легкие. Через какое-то время это начало давить на меня. Всё казалось устоявшимся, молчаливым и неизбежным, казалось, что все кусочки моей жизни однажды тоже окажутся здесь — истлевшие, разложившиеся и печальные.

— Я больше здесь не выдержу, — проговорила я, борясь с удушьем. — Там ещё много осталось?

Внезапно я почувствовала, что легкость, которую я ощущала в Джексоне, исчезла. Расслабленные линии отступили, на смену им пришло спокойное, без эмоций выражение лица, которое я так часто у него наблюдала.

— Нет, — ответил он. — Я просмотрел всё отсюда и до окна. Старый китайский фарфор, белье и бумаги, а также прочий мусор.

— Тогда я бы хотела убраться отсюда поскорее. У меня осталась всего пара коробок. Нужно было принести с собой клейкую ленту. — Я кивнула на небольшую стопку бумаг,

которые я отложила. — Мне бы хотелось получше спрятать это, чтобы сохранить от мышей и моли.

— Я могу сбегать вниз и принести рулон из кухни, — сказал он.

И оставить меня здесь одну? Грустно подумала я. Но вслух сказала:

— Ага, это было бы здорово. Спасибо.

— Без проблем, — ответил он и вышел через открытую дверь.

Я вытащила на свет оставшиеся коробки. Дважды, пока я работала, я была вынуждена оглянуться, какая-то часть меня заставляла меня осматривать комнату. Я думала, почему Джексон так долго возится. Даже если он шел очень осторожно, он должен был уже вернуться.

Когда я закончила с последней коробкой, то решила, что не хочу здесь больше задерживаться. Я могу вернуться и перевязать всё в другой раз.

Я заметила свитер Джексона, накинутый на спинку сломанного стула, и сунула его под мышку, чтобы освободить руки для коробки с фотографиями, которые я хотела забрать с собой. И тут я с опозданием поняла, что прежде, чем уйти, мне придется выключить верхний свет. При мысли о том, что я окажусь поглощенной тенями чердаке, мне стало плохо. Оглянувшись вокруг последний раз, для собственного успокоения, я включила свой фонарик и дернула за шнурок, чтобы выключить лампочку.

Засунув фонарик под мышку в пару к толстовке, я наклонилась, чтобы поднять ящик. Когда я поднялась, полностью перегруженная, фонарик выскользнул и полетел мне под ноги. Я замерла в полном недоумении и беспомощная, с занятыми руками и как в замедленной съемке я наблюдала, как он откатывается от меня. Он остановился под наклонной крышей, и слабо светился в пыльной ловушке.

В окружившей меня темноте я поставила коробку, а затем опустилась на колени и оперлась на руки. Отчаянно желая, чтобы Джексон не решил вернуться как раз в этот момент, и чутко ощущая открытое и обнаженное место между плечами, я потянулась и наклонилась под углом потолка. Пальцы коснулись чего-то холодного и металлического, что заставило меня одернуть руку.

И тут погас свет.

Тьма нахлынула на меня словно водопад. Я почувствовала, что тону, как будто вместе со светом ушел весь воздух. Я попятилась и встала, слепо ища шнурок лампочки, поднимая руки вверх и шаря ими по воздуху. Что-то нащупав, я пошатнулась и замерла.

Тишина звенела у меня в ушах, это напоминало жужжание, вздохи. Воздух как будто пульсировал. Как будто кто-то тяжело дышал.

Фу-фуф-фу-фуф-фу-фуф-фу-фуф

Звук раздавался впереди меня, из дальнего угла чердака.

Кровь превратилась в воду и рассыпалась, как будто внутри меня все покрылось льдом. Я замерла от звука этого дыхания. Все мои чувства усилились.

Теперь я могла слабо видеть — темно-серые накопления остатков древности, тонкий луч света, проникающий через единственное окно. Я прищурилась, чтобы попробовать рассмотреть получше. Может быть, я увидела бледную тень. Могло ли там что-то притаиться вне освещенной зоны. Может быть, оно сейчас наблюдает за мной.

Дыхание прекратилось. Поднялась мучительная тишина. Я замерла, прислушиваясь; я напрягала зрение. Я замерла в ожидании звуков с противоположного конца чердака.

Вместо этого услышала шаги позади меня, на лестнице.

Джексон.

С чувством дикого облегчения я повернулась. Но я прямо чувствовала, что дверь чердака была заперта. Джексон оставил её открытой. Я чувствовала, видела, что кто бы ни поднимался сейчас по лестнице, теперь стоял перед этой закрытой дверью. Стоял, не двигался, молчал. И не помогал.

Позади меня раздался звук скользящей по дереву цепи.

Я почувствовала такой холод, такое стеснение, что едва смогла вдохнуть воздух. Слезы потекли, словно кровь из уголков глаз.

Я заставила себя повернуться. Я заставила себя посмотреть.

В лунном свете стояла женщина. Свет бил ей в спину и было трудно рассмотреть её. Я видела густые кудри черных волос. Скрюченные мускулистые руки, бесформенный полупрозрачный халат. Она была неподвижна. Возможно, она была высечена из камня. По её локону пробежал паук, и я резко выдохнула. Я захотела заткнуть себе рот кулаком, чтобы из моего горла не вырвался крик.

Она заговорила. Голос был одновременно грубым, отрывистым, шипящим и мягким.

— Ты слушаешь? Ты меня слышишь?

Да, подумала я. Да, да, да. Я слышу тебя. Да.

— Ты знаешь, что меня нельзя запереть здесь. Ты знаешь, что я могу оставить это место, когда только пожелаю. Ты знаешь, что ты не можешь меня остановить.

Ричард говорил, что в доме водятся призраки. Ричард говорил, что Дейдрре держали взаперти. Мертвую, безумную Дейдрре. Боже мой, Боже мой, Боже мой.

Она склонила голову набок. Голос поднялся почти до крика.

— Ты думаешь, что ты в безопасности? Думаешь, я не могу причинить тебе вред? Могу. Я могу добраться до тебя. Я найду тебя в твоих снах.

За эхом этого крика я услышала, как из моего горла вырвался слабый стон.

— Не спи, — нежно пропела она, как будто для ребенка. — Нет, нет. Никогда не спи. Потому что теперь я там живу.

А потом она начала двигаться, она пошла на меня. Рывок цепей, шуршание одежды. И крик, который я до этого удерживала за зубами, наконец, вырвался на волю.

— Сара? — прокричал Джексон со стороны лестницы. — Сара? Что такое? Что случилось?

Я развернулась и побежала к двери. Луч от фонарика Джексона светил сквозь щель снизу. Слишком поздно я заметила, что дверь не была закрыта — она всё также была распахнута. Я ударилась о нее. Я начала падать.

Джексон поймал меня. Он опустился на пол, позволяя мне опереться на него, свернуться в его руках, устроиться у него на груди. Я чувствовала жуткую боль в области лба. Дрожащей рукой я прикоснулась к нему. Огромная шишка уже начинала проступать.

— Она была прямо позади меня, — прошептала я.

— Здесь никого нет, Сара.

— Включи свет. Включи свет! — я визжала, я не хотела этого, но ничего не могла с собой поделать.

Он встал и нашел шнурок. Свет включился. Я попыталась встать, но упала, белые пятна мелькали перед глазами. Джексон снова меня поймал.

— Отдышись немного, — сказал он. — Расскажи мне, что ты видела.

Я огляделась, чтобы убедиться, что её нигде нет.

— Ты подумаешь, что я сошла с ума, — сказала я.

— Скажи мне.

— Здесь был призрак, — сказала я, низко наклонив голову.

— Нет... — он пытался подобрать слова. — Этого не может... Ты не могла видеть...

призрака, — проговорил он.

— Ты не знаешь. Я видела её. Я её видела! — Я снова повысила голос.

— Шшш, — сказал он, пытаясь успокоить меня. — Это не был призрак. Это... — Он тряхнул головой, как будто не хотел говорить то, что собирался. — Это... дом. Это всё Дом Эмбер.

— Что ты несешь? — Я уставилась на него, боль в голове внезапно стала невыносимой. — Тут была женщина. Я её видела. Она собиралась навредить мне.

— Нет, — сказал он. — Нет. Ида тоже видела что-то. Она называла их тенями. Когда она прикасалась к определенным вещам, кусочки прошлого оживали для неё. Она говорила, что это были воспоминания дома.

— Тени? Воспоминания дома? — Что? И кстати: — Почему ты не сказал мне? Если ты об этом знал? Почему не предупредил меня?

— Я не был уверен, что ты тоже их видишь. — Он опустил глаза и слегка пожал плечами. — Не был уверен, что они настоящие, потому что Ида была слегка...

— Сумасшедшей? — закончила я предложение за него, и он продолжил.

— А потом ты сказала, что Нанга хочет поговорить с тобой. И я подумал, — он снова пожал плечами, — это лишь между тобой и Нангой. — Он задумался. — Ида говорила, что они не смогут причинить тебе вред. Это всего лишь прошлое. словно маленькое окошко в прошлое. И ты можешь смотреть сквозь него. Это особый дар, который есть только у некоторых представительниц твоей семьи.

У сумасшедших, подумала я. Я потерла лицо рукой. Я заметила, что легонько раскачиваюсь, как делаю всегда, когда я расстроена. Я заставила себя остановиться.

— Они не смогут навредить мне?

— Нет. Так говорила Ида.

— И Нанга знает что-нибудь об этом?

— Если кто-нибудь и знает, так это она.

— А кто такая Нанга?

— Это... моя родственница. Я думаю, что она могла бы помочь. Ида всегда говорила, что Нанга хочет помочь, что у неё есть какой-то план.

— Если она разговаривала не со мной, тогда с кем? — Я снова осмотрела глубины чердака. — Кто стоял за дверью?

— Я не знаю.

Я поднялась на дрожащих ногах, Джексон помогал.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Я не знаю, — ответила я.

Он нашел мой фонарик, который все ещё ярко горел.

— Он выключился, — жалуясь, словно маленький ребенок, сказала я.

— Нет, — ответил он, — скорее всего ты просто не видела его из-за видения. Ты была в прошлом. В темноте прошлого. Свет там никогда не горит.

Она была заперта в темноте, подумала я. Потом я вспомнила нашу первую ночь здесь, когда фонарик Сэмми погас в оранжерее. Может быть, я тогда тоже видела тени, даже не

зная об этом? А как я выберусь в следующий раз?

— Ты справишься с лестницей? — спросил он. Я кивнула.

Он сунул мою коробку себе подмышку, и выключил свет. Я наступала ему на пятки, пока мы не оказались на площадке второго этажа. Он кивнул на коробку. Куда ты хочешь это отнести?

Я прошла в свою комнату и, включив маленькую прикроватную лампу, указала ему на кровать.

— Можешь засунуть под неё?

Она исчезла под оборками покрывала. Он направился к выходу, но повернулся у двери. Он начал говорить, запнулся и начал снова.

— Если ты расскажешь об этом своей матери, она уйдет. Вы никогда сюда не вернетесь.

— А, может быть, я хочу уехать отсюда.

— А, может быть, и не хочешь, — парировал он. Его глаза молили. И я подумала. — Почему вдруг эти алмазы так важны для него?

— Я не знаю, — повторила я.

— Пожалуйста, — сделай для меня одну вещь, — прежде чем примешь решение.

— Какую?

— Поговори с Нангой. Если получится, вернись к её хижине и поговори с ней. Пожалуйста. — Он повернулся и ушел.

Если получится? Мелькнула мысль в моей голове, пока я прислушивалась к его удаляющимся шагам.

И тут снизу я услышала звук включенного телевизора. Я понадеялась, что мама не слышала, как мы тут ходим. Может быть, она задремала под его бормотание.

Я почистила зубы и залезла в кровать. Думая ни о чем. Вспоминая слова Дейрдре. «Не спи», — сказала она. Хотела б я не спать. Я лежала в постели, не шевелясь и прислушиваясь к голосам, раздающимся в темноте.

— Сара.

Я очнулась от обрывочного сна, который я хотела бы вернуть. Я пыталась собрать все кусочки воедино — женское лицо, ощущение спокойствия, чувство дома — но они улетучились, как дым.

Лунный свет просачивался сквозь кружевные занавески на окне и пускал странные тени на моей кровати. Было такое чувство, что я закрыла глаза всего мгновение назад, но часы на столе показывали, что прошло несколько часов.

Воздух в моей комнате стал холодным.

— Сара?

Я знала этот голос. Это был Сэмми. Он пришел ко мне в комнату. И хотя я говорила себе, что спятила, но я боялась отвечать ему.

— Сара? — голос был ровным и неестественным. — Где моя коробка?

Я пошарила рукой в поисках лампы возле кровати. И почему только я её выключила? Мелькнула у меня безумная мысль. Мои пальцы нащупали кнопку. Я нажала. Свет зажегся.

Сэмми стоял передо мной. Его глаза были широко открыты. Но при этом он не бодрствовал. Хождение во сне. Когда ему было года три, такое с ним часто случалось.

— Сэм? — спросила я и выбралась из постели.

— Где моя коробка, Сара?

Я взяла его за руку. Он позволил мне вести себя без малейшего сопротивления, спокойно, легко. Раньше с подобными случаями справлялся папа. Теперь, наверное, это было моей задачей. Я проводила его к постели, усадила его, и подняла ноги на матрас. Я нажимала на его плечи, пока его голова не легла на подушку.

— Где моя коробка?

— Шшш, шшш, — сказала я, укрывая его одеялом, и подтыкая его под подбородок. — Мы найдем её утром, приятель. Засыпай.

Он закрыл глаза. Его рот приоткрылся. Он начал похрапывать. Я поддалась непреодолимому желанию и поцеловала его в лоб.

Потом я вернулась в свою постель.

Глава 6

Проснувшись утром, я осторожно и с неохотой начала размышлять над странными вещами, произошедшими вчерашней ночью. Что это было? Галлюцинация? Призрак? Подумав хорошенько, я решила, что вряд ли она разговаривала непосредственно со мной. Скорее это было похоже на повторный показ какого-то фильма. Дежа вю на две сотни лет позже. Жизнь, включенная на бесконечное проигрывание снова и снова.

Я задумалась, чувствует ли она это повторение.

Когда я села, боль в моей голове начала пульсировать в такт с биением сердца. Я осторожно прикоснулась ко лбу и нашла шишку размером с половину яйца. Замечательно. И как я объясню это маме? Особенно в связи с наполненным весельем визитом в Балтимор. Не говоря уже об удовольствии от встречи с папиными сослуживцами. Как мне это им объяснить?

Я нашла тональный крем и осторожно его наложила, затем чуть начесала волосы вниз и на лоб. Потом я посмотрела на себя в зеркало.

Кошмар, выглядела я ужасно.

Я сидела в кухне над тарелкой с овсянкой, когда вошла мама.

— Сара, я надеюсь, что ты будешь присматривать за Сэ... — Она запнулась и посмотрела на меня с неверием во взгляде. — Господи, что ты сделала со своим лицом?

— Споткнулась в темноте о свой чемодан и ударилась о столбик кровати, — высказала я предположение, решив проверить, купится ли она на это.

— Неужели, Сара? — Мама вздохнула и покачала головой. — Именно по этой причине воспитанные люди стараются поддерживать в комнате порядок.

Потрясающе. Судя по этой фразе, я была просто растяпой и неряхой. Видимо для всех остальных придется придумать какую-то более уважительную причину.

Тут вошел Сэм и его глаза слегка расширились, когда он увидел меня, но он ничего не сказал. Он просто остановился передо мной и протянул свои ручки, чтобы прикоснуться к моим щекам. Он притянул к себе мое лицо, затем легонько поцеловал мою шишку.

— У Сары вава.

Как можно не любить этого малыша?

Мама увидела, что Сэмми на буксире тащит Злобного Мишку, и собралась было отпустить какое-то замечание, но я отрицательно покачала головой. Мой новоприобретенный авторитет. Она слегка сжала губы, но решила позволить нам с Сэмом поступать по-своему.

— Просто забирайтесь в машину, — сказала она.

Мне пришлось сесть на переднем сидении, так как Сэм должен был сидеть сзади, но я тут же повернулась к окну и зрительно отстранилась. Я не хотела болтать с мамой — я хотела подумать. Я знала, что если я собиралась сказать хоть что-нибудь об увиденном, то я должна сделать это сейчас, пока мама не начала тратить деньги на вечеринку. Но я также знала, что если я скажу хоть слово, то я больше никогда не попаду в Дом Эмбер. А я не уверена что мне нужно именно это. Я вообще ни в чем не была уверена.

То, что я могла делать в Доме Эмбер было... невероятно. Может быть слегка пугало. Но Джексон сказал, что они не тронут меня, что это всего лишь тени прошлого. И это были мои тени — люди, которые для меня были кусочками головоломки. И должна заметить, что я заинтересовалась. Да и в любом случае, через две недели мы всё равно уедем.

Наверное, я должна остаться и посмотреть, что произойдет дальше.

Меньше чем через час мы были в Балтиморе. Мама ездила по улицам с уверенностью бывшего жителя. Она ходила здесь в школу — женский Колледж Нотр Дам. Она познакомилась с папой на смешанной вечеринке, на танцах, куда приглашались учащиеся из других близлежащих привилегированных школ. Папа был из Коннектикута и ходил в колледж при университете Джона Хопкинса; он пришел на вечеринку со своим кузенком, который был курсантом в военно-морской академии в Аннаполисе. Всё остальное, как они всегда говорят, уже история.

Я предположила, что мы отправимся напрямиком в больницу, но у мамы были на уме другие развлечения. Наша первая остановка была у магазина МакКоли — самый старый канцелярский магазин в Балтиморе, как объяснила нам мама. Внутри было темно и полным полно самой разнообразной бумажной продукции. Мы подошли к прилавку в глубине магазина, где пожилой мужчина оторвался от работы и посмотрел на нас.

У мамы на лице растянулась сияющая улыбка.

— Мистер Перкинс. Вы до сих пор здесь. — Я всегда удивлялась, насколько музыкальным становился её голос, когда она старалась быть очаровательной.

— Неужели это мисс МакГиннесс?

— Боже мой. Вы абсолютно правы! Ну и память у вас.

— Мужчина никогда не забудет такую хорошенькую девушку, как вы.

— В моем возрасте такая лесть только подстегивает. — Она прикоснулась к его руке. Она флиртовала с пожилым джентльменом. Бррр.

— Есть что-то, чем я могу помочь сегодня?

— Я надеялась, что вы сможете помочь, потому что я в отчаянии, — начала мама. Затем она вывалила на него всю свою историю: как нам неожиданно пришлось приехать сюда из Сиэтла на похороны её матери и что ей пришлось отказаться от празднования моего Дня Рождения, но теперь «сенатор Хэтэуэй» пообещал помочь ей организовать всё здесь, что было «невероятной удачей», но всё происходит «в невероятной спешке», в следующие выходные, может ли он сделать всё так быстро?

— Хммм, — осторожно пробормотал мистер Перкинс. — А о чем конкретно идет речь?

— Пригласительные, достаточно много, с пометкой о необходимости письменного ответа. Было бы идеально, если они будут темно-синего цвета с золотой надписью. Тисненой. Скажем, двести пятьдесят штук?

Двести пятьдесят? Мысленно повторила я.

— У вас есть текст?

Мама показала ему страницу из записной книжки с кожаной обложкой.

— Очень мило, — прокомментировал он. Он сжал губы, пока обдумывал решение.

Мама ждала затаив дыхание. — Хорошо, — сказал он. — Для вас и сенатора.

— Слава небесам, спасибо вам! Насколько быстро всё будет готово?

Мистер Перкинс позвонил на склад.

— У нас есть то, что вам нужно в необходимом количестве — темный индиго. Если мы немного подсуетимся, то всё будет готово этим вечером. — Он, извиняясь, пожал плечами. — За дополнительное вознаграждение.

— Разумеется, — вырвалось у моей мамы. — Вы просто волшебник, мистер Перкинс.

Когда мы вышли на улицу, мама вскинула кулак в победном жесте, но я почувствовала тошноту. В моей голове всё время продолжала вертеться эта цифра. Двести пятьдесят гостей приглашены на празднование Дня Рождения мисс Сары Парсонс. Во что, Бога ради, она меня втянула?

Нашей следующей остановкой снова был не госпиталь. Мы поехали в дорогой торговый квартал чуть ниже Mt. Вернон Сквер, где мама въехала на парковку возле узкого кирпичного здания, которое оказалось магазином женской одежды. Сэмми начал подвывать.

— Мам, — сказала я, — не думаю, что Сэм спокойно выдержит ещё один такой заход. Может, ты нас просто высадишь у госпиталя?

Она выставила свои длинные ноги с водительской стороны, передала ключи парковщику и подошла к дверце со стороны Сэмми. Она присела рядом с ним.

— Последняя остановка, золотко, и потом ты получишь газировку из одного замечательного магазина, который я знаю. Ты сможешь побыть здесь?

— А Злобный Мишка тоже получит свой стакан? — Он перестал выть.

Я видела, что она собиралась сказать нет. Я видела, что она хотела сказать нет, но она вовремя остановилась.

— Разумеется, детка, он тоже получит свою порцию, но ты должен пообещать мне, что вы со Злобным Мишкой будете хорошо себя вести в этом магазине. Ты обещаешь?

— Угу, — ответил он.

Удачи тебе с этим, подумала я.

Внутри магазина мы прошли в комнату, поднявшись по небольшой лестнице и миновав две большие каменные кадки, наполненные дорожками цветами. Платье, представленное в самом центре, было свадебным.

Это не предвещало ничего хорошего.

К нам сразу же подошла привлекательная, безукоризненно одетая женщина.

— Меня зовут Мэри, — пробормотала она моей маме. — Чем я могу вам помочь, мадам?

— Нам нужно два платья в полный рост для каждой из нас. Что-нибудь слегка консервативное для меня, но не слишком. И что-то по-настоящему экстравагантное для моей дочери. Мы будем праздновать её шестнадцатилетие.

— Разумеется, мадам. — Она провела нас к кожаным диванам, вокруг которых размещались стеклянные столы, на которых стояли высокие вазы с лилиями. — Могу я предложить вам что-нибудь? Шампанское? Горячее какао для маленького джентльмена?

— Шампанское звучит неплохо. Сэм? Как насчет горячего какао?

— Два. Один для Злобного Мишки. — Он кивнул.

Мама с Мэри обменялись раздраженной улыбкой, затем она наклонилась для серьезного разговора с Сэмом.

— Милый, мне кажется, что вы со Злобным Мишкой могли бы разделить какао...

— ДВА! — прокричал он.

Мама вспыхнула, но Мэри вежливо сказала:

— Мы, разумеется, принесем Злобному Мишке его собственную порцию какао.

Помощница Мэри бросилась за напитками, пока Мэри начала заполнять вешалку платьями. Я с растущей тревогой смотрела на них, чувствуя отвращение от того, что мне придется всё это примерять. Но затем вешалка скрылась в задней комнате и мгновением позже первое платье вернулось в комнату надетое на одну из продавщиц, нанятую очевидно больше для работы моделью, чем из-за её способностей справляться с кассовым аппаратом. Богатым клиентам не придется утруждать себя примеркой. Особенно при том, что платье значительно лучше будет выглядеть на моделях.

Так что я уселась, попивая разделённый со Злобным Мишкой какао и наблюдая, как Сэм зарисовывает пробелы в раскраске, которую помощница Мэри волшебным образом откопала для него, пока мама тихо покачивает головой при виде очередного платья. Я проявила слабый интерес при появлении восьмого по счету — элегантного черного платья, — на что мама лишь нахмурилась. Мэри, по-видимому, поняла, что мое мнение вряд ли будет приниматься в расчет при выборе, и всё свое внимание направила на маму.

Где-то пятнадцатое платье — нечто розовое с кружевным лифом — получило от мамы «возможно». Для неё, злобно нахмурившись, понадеялась я. В любом случае, мимо нас проплывали всего две модели, в бесконечных вариациях цветов и стилей. Мэри выглядела более чем разочарованно, когда наконец появилось темно-зеленое платье в греческом стиле, из органди, которое одновременно облегало и струилось при каждом шаге модели. Лицо мамы просветлело.

— Мне кажется, что это платье будет отлично смотреться на вашей фигуре, мадам. — Мэри тут же оживилась.

Определенно мама была с ней согласна. Первый выбор сделан. Но вешалка опустела и для меня ничего не было. Пока, с ненавистью подумала я.

— Простите, но мы не нашли ничего для юной леди, — извинилась Мэри.

— Я застряла на мысли что ей пойдет золотисто-осенний цвет, — проговорила мама. — Он оттенит её кожу и заставит её сиять. Но мне очень понравилось то кремовое платье с вышивкой. А тебе оно понравилось? Милая?

Ой. Неужели со мной заговорили? Хм. А я помнила, о каком платье идет речь?

— Да, именно. Она было чудесным. Если речь не шла о том черном платье-футляре, которое мне понравилось, мне было плевать.

— На какую дату нужно платье? — спросила Мэри, воодушевившись при мысли о дополнительной комиссии. — Если мадам будет угодно, я могу уточнить у дизайнера. Может быть, она сможет организовать это платье в золотом цвете.

— Это было бы идеально.

Мэри позвонила. Они сняли с меня мерку. Платье будет готово в следующую пятницу в Арлингтоне. От моей мамы требовалось организовать доставку.

Я понятия не имела, сколько денег мама только что потратила, но видимо сумма была внушительной, если судить по широкой улыбке на лице Мэри.

Дальше мы остановились возле магазина деликатесов в менее дорогом районе Балтимора. Сэм получил свою обещанную шоколадную газировку и обычный сэндвич с индейкой и салатом. Потом мы, наконец, поехали в папин госпиталь.

Папа встретил нас у главного старого входа к Джону Хопкинсу. Он воскликнул:

— Черт возьми, детка, что с тобой случилось? — затем он присел на корточки и посветил мне в глаза одним из тех маленьких фонариков, которые доктора всегда носят с собой. Видимо я прошла тест, потому что он выпрямился и подготовился к следующему мероприятию — VIP-туру. Он включал в себя все лестницы в старой ротонде госпиталя, проход мимо нескольких запрещённых зон и купол в самой верхушке.

Я считала ступеньки, когда папа начал рассказывать нам об основателе госпиталя, мистере Джоне Хопкинсе. Семья Хопкинса была квакерами, освободившими всех своих рабов за несколько лет до того, как это сделали во всем округе, заставив Хопкинсов бросить школу и работать на полях вместо них.

Приблизительно после сотой ступеньки мы с Сэмми слышали всё, что только можно было о том, насколько Хопкинс был удачливым в делах и что у него были и плохие времена.

— Он влюбился в свою двоюродную сестру, Элизабет, — проинформировал нас папа.

Не слишком умно с его стороны, подумала я, всё ещё считая, 137, 138. Кто же захочет влюбляться в кузенов.

— Ни один из этой трагичной пары потом не завел семью, — продолжал папа, — что привело к тому, что у Хопкинсов оказалось много денег, которые некому было оставить. Так что ему в голову пришла эта замечательная идея, организовать больницу и медицинский колледж. — 169,170. Я уже начала задыхаться.

— Это был союз школы и больницы, — информировал нас папа, уже слегка охрипший к этому времени, — который привел к научным достижениям и некоторым величайшим открытиям в медицине XX века.

Мы все сконцентрировались на ступеньках, пока поднимались по винтовой лестнице внутри купола, ныряя в очередной люк и поднимаясь на следующий уровень, и проходя последние шестьдесят шесть ступенек, которые были настолько узкими, что приходилось выворачивать ступню чтобы ступить на них. Очередной люк — двести тридцать одна, двести тридцать две — и внезапно под нами оказался весь Балтимор. Мои ноги как будто налились свинцом, но вид того стоил. Я сделала несколько фоток, чтобы послать их Джеси.

И тут папа, наконец, восстановил дыхание.

— Только подумайте, — сказал он, если бы Хопкинсу удалось окончить образование или если бы он женился на своей кузине, он возможно бы и не основал ни этот госпиталь, ни университет. И тогда тысячи людей, которых лечили в госпитале, или миллионы людей, которым помогли исследования в университете Хопкинса, могли бы просто умереть. Вся наша история такова — она построена на бесконечном количестве случайных событий, которые вместе соединяются в нечто, подобное этому. И если изменить хоть одно, тогда... — Папа пожал плечами.

Я мысленно закончила предложение, *весь мир тоже может измениться*.

Мы пообедали с папой, потом мама нас забрала. Дорога домой проходила в тишине. Мама сфокусировалась на дороге и своих мыслях. Я бы сказала, что она была удовлетворена прогрессом, которого она добилась при организации грандиозной вечеринки. Она забрала и свое платье, и приглашения — все это было аккуратно сложено в багажнике автомобиля.

Когда мы приехали, в доме было темно, горела только лампочка на крыльце. Мы с Сэмми ждали, пока мама освободит руки, чтобы выключить лампочку на крыльце и включить свет в холле.

— Сара, — прошептал Сэм. Я наклонилась к нему. Он показал пальцем направление. —

Почему она в зеркале?

— Кто? — я повернулась, чтобы посмотреть. Но тут вспыхнул свет.

И я ничего не увидела в зеркале — ни отражения портрета, ни блеска стекла, вообще ничего. Я снова повернулась к Сэмми.

— О чем ты говоришь?

Но Сэмми уже шел дальше.

Мама отнесла приглашения в кабинет на первом этаже в западном крыле, который, как я предположила, стал чем-то вроде главного офиса для планирования вечеринки, так что я воспользовалась случаем и решила пройтись по западному крылу.

— Пойдем со мной, Сэм, — сказала я. Я пока не была готова к прогулкам в одиночку.

Комната бабушки была справа, её окна выходили на реку. Это была большая комната с собственной ванной и классным восьмиугольным закутком в углу. Постельные принадлежности, маленький диван и два кресла — всё было отделано современной ситцевой тканью с цветочным рисунком, а большая часть мебели была последних моделей, что меня удивило. Может быть, бабушка не хотела, чтобы прошлое окружало её в комнате, где она спала.

Единственным исключением из всех предметов двадцатого века была старинная колыбель в углу. Мне стало интересно, когда бабушка к ней прикасалась, могла ли она видеть спящего там младенца.

Наискосок от бабушкиной спальни была комната в китайском стиле, которая была заставлена всевозможными вещами с Дальнего Востока: вазами, шкатулками, и прочими произведениями искусства, а также там стоял комод, отделанный латунью. Я закрыла двери, даже не думая заходить туда — там была куча вещей, которые Сэмми мог бы с легкостью разбить.

Последняя комната занимала весь конец коридора с видом на реку и переднюю лужайку. Она была почти пуста, с богатым паркетным полом — я предположила, что это бальный зал. В зале был небольшой уголок, где, как я решила, находился оркестр, отгороженный от танцующих пар. В дальнем конце располагались французские двери, которые вели на кирпичное крыльцо и лестницу за ним.

Глухое эхо в пустоте комнаты вызвало у меня желание узнать, смогу ли я заставить себя увидеть что-нибудь из прошлого — смогу ли я вызвать видение по заказу. Пока Сэмми кружился по комнате, с очевидным желанием вызвать у себя головокружение, я подошла к крыльцу и прикоснулась к перегородке оркестровой зоны. Я сжимала дерево, пока у меня на руке не отпечатался узор, склонила голову, сконцентрировалась и услышала, увидела...

Ничего. Я, наконец, разжала руку, чувствуя себя слегка нелепо. Как экстрасенсы делают это? Это был не слишком хороший дар, если я даже не могла контролировать то, что происходит. Если это снова произойдет.

Я пожалала плечами и закружилась по залу в сторону Сэмми под воображаемую музыку вальса, припоминая балетные движения со второго класса. Я ударила по выключателю и потянулась к дверной ручке.

И тут за моей спиной вспыхнул золотистый свет. Настоящая музыка сменила мою воображаемую мелодию, смешавшись со звуками шагов по полу и болтовней дюжин людей. Я развернулась и увидела танец, бал в самом его разгаре, женщин в платьях с кринолином, совершающих одинаковые движения напротив ряда мужчин в смокингах. Тени, с удивлением и удовлетворением подумала я. Я увидела их.

Мое внимание привлекла девушка в бледно розовом платье, с белоснежной кожей и почти черными волосами. Она выглядела... знакомой. Родственница? Она могла бы быть одной из моих дальних прабабушек. Это не так уж плохо, не так пугающе. Это было похоже на волшебство, на фильм, и я зачарованно наблюдала за видением, пока не услышала голос моего маленького брата.

— Сара, проснись. Я хочу уйти.

И картинка с танцорами исчезла, как будто кто-то выключил телевизор, и комната погрузилась в темноту. Я немного расстроилась, я хотела, чтобы они вернулись. И я улыбнулась про себя. Когда видения не включают безумную женщину, кричащую на тебя в темном чердаке, они могут быть достаточно неплохими. Интересными.

— Ладно, Сэм, пойдем-ка отсюда.

Идя следом за своим младшим братом, я напевала мелодию, которую никогда раньше не слышала, мелодию, которая не звучала в этих стенах на протяжении столетий.

Глава 7

У девушки в зеркале было симпатичное лицо в обрамлении темно-каштановых локонов. Она — я - прихватила шпилькой выбившийся локон и с удовлетворением кивнула собственному отражению. Я вышла из своей комнаты и постучала в дверь соседней комнаты.

— Ты там?

— Сара-Луиза! Входи.

Мальчик сидел за столом заваленным деревяшками и инструментами. Он скреплял края матовым клеем, который идеально подходил и скрывал стыки деталей. Его лицо было бледным и худым. Мой брат. Мэтти.

— Дорогой, — сказала я, — ты же не должен сейчас работать.

— Я закончил со всей сложной работой, Сара, — ответил он. — Мне осталось только скрепить и склеить все детали.

— Сделаешь всё завтра или на следующей неделе, когда будешь чувствовать себя лучше.

— Мы с тобой можем не притворяться друг перед другом. — Он улыбнулся и потрянул головой. — Мы всегда должны быть честными.

— Прости меня. — На глаза навернулись слезы. Я со злостью смахнула их.

— Садись. Помоги мне. Я хочу закончить эту штуку. Я хочу, чтобы люди, которые через сотню лет будут смотреть на неё, могли бы сказать: «Должно быть тот кто её сделал был умным парнем».

— Ты должна взять её себе и хранить в ней свои самые драгоценные сокровища и всегда помнить обо мне.

— Я буду, — сказала я охрипшим голосом и я — она — села рядом со своим братом.

— Сара. — Он улыбнулся и прикоснулся к её руке.

— Сара.

Я слышала голос Сэмми как будто издалека, но не хотела отвечать ему. В комнате мальчика было безопасно, вокруг мелькали холодные тени от моих видений. Я не хотела уходить.

— Сара. Проснись, Сара.

Своей маленькой пухлой ручкой Сэмми хлопал меня по руке. Я села в утреннем радостном свете, но в моей голове всё ещё застрял сон. Мне казалось, я знаю эти лица. Я видела их на одной из картин на стене.

Какой странный сон. Такой печальный. Такой настоящий. Может быть, я видела отголоски в своем сне? Я задумалась. Но тогда почему мне казалось, что я была одной из них, вместо того, чтобы наблюдать за ними?

Есть ли кто-нибудь в мире, у кого есть ответы? Я отложила вопрос в сторону; сейчас у меня не было времени думать об этом. У меня впереди был грандиозный день. Катание на яхте с Ричардом, сыном сенатора.

— Зачем ты меня будил, Сэмми? — спросила я.

— Затем, Сара. Я готов завтракать. Пошли со мной. — Он потянул меня за руку.

— Ладно, — улыбаясь, ответила я.

Сегодня утром были французские тосты, поджаренные до золотисто-коричневого цвета. Ещё одна невероятная услуга от Розы, которая всё ещё помогала маме и которая всё ещё кормила вкусностями Сэмми и, как мне казалось, заодно и меня.

Когда мы покончили с тостами, я усадила Сэмми перед телевизором в бабушкиной комнате за мультиками и приняла душ в ванной возле кухни, который был теплее и уютнее, чем выложенная плиткой ванная наверху. Когда я направлялась в мамину комнату чтобы одолжить её фен, мне пришлось ответить на стук в дверь. За дверью оказалась женщина средних лет, которую, к счастью, кажется, никак не взволновало полотенце, накрученное на мои волосы.

— Чем я могу вам помочь? — спросила я.

— Я каллиграф, — слегка нетерпеливо ответила она.

— Хмм, кто?

— Каллиграф. — Она посмотрела на лист бумаги в своей руке. — Мой наниматель Анна Парсонс? Для написания приглашений? — Видимо на моем лице всё ещё было написано недоумение, потому что она добавила: — Я пишу адреса от руки.

— О Боже, правда? — выговорила я, впуская её. Я подумала, что, наверное, была немного грубой, потому что она нахмурилась в ответ. Но серьезно, неужели сейчас существуют люди, которые зарабатывают себе на жизнь подобным образом?

Я показала ей дорогу в кабинет и поспешила обратно в бабушкину ванную, потому что мои волосы высохали в волнистом беспорядке. Тридцать минут спустя они были высушены, выпрямлены и слегка вились на кончиках. Я сделала всё возможное, чтобы скрыть свою шишку, затем я сделала себе маникюр. Слегка сбрызнула себя цветочно-цитрусовым Sunrise, немного карандаша для глаз и блеска для губ и я решила, что выгляжу неплохо. Для меня. С темно-синим синяком от ушиба. Я вздохнула.

Я одела белую майку под рубашкой с бело-голубыми полосками вместе со своим любимым жакетом, пару браслетов и ожерелье из бисера. Я посмотрела на себя в зеркало. Ладно, ожерелье лучше убрать. Я не хочу, чтобы он думал, что я слишком старалась.

Кроме того это показалось просто неправильным. Этот жакет был слегка мешковат. Плюс он немного сбивался в кучу, если его постоянно не оттягивать. О чем я определенно буду забывать.

Боже. Я снова поднялась по лестнице к своему чемодану. А как насчет длинных рукавов? Слишком скучно. Капри? Может быть, если бы мои ноги были загоревшими. Я сжала зубы, чтобы сдержать нарастающую панику.

После десяти минут панического переодевания, я появилась в кухне в том же виде, с которого я начинала — без серег и браслетов, плюс ожерелье.

— Вижу, ты подготовилась к своему свиданию? — Роза бегло осмотрела меня.

— Что? Нет. — Я почувствовала, что краснею. — Это не свидание, Роза, мы просто поплаваем под парусом.

— Ну-ну. — Она передала мне пакет, завернутый в пластик. — Я сделала тебе брауни, чтобы взять с собой. Ты не можешь идти с пустыми руками — не тот уровень.

Ой-ой. Я даже не подумала о том, что нужно что-то брать с собой.

— Вау, Роза, это невероятно предусмотрительно с твоей стороны. Спасибо тебе.

— Ты следи за этим парнем. Я надеюсь, что его поведение намного лучше, чем было у его отца в ваши годы.

— Не волнуйся за меня. Я уже взрослая девочка.

— Не настолько. — Она фыркнула. — Тебе почти шестнадцать. Может быть тебе нужен аспирин? Всё ещё болит?

— Что? Ах да. — Шишка. Видимо мои ухищрения никак не помогли. — Я знаю, где бутылочка, спасибо, Роза. — Она повернулась, чтобы уйти. Я остановила её. — А Джейсон где-то поблизости?

— Он работает в саду. Позади восточного крыла.

— Спасибо, — ответила я и нырнула в галерею через французские двери. Я вышла на каменную дорожку, которая вела налево, извиваясь вдоль живой изгороди, переходящую в совокупность плит между клумбами. Я заметила, как Джексон склонился над одной из них с инструментом в руке. Несмотря на теплый день, он был одет в рабочую рубашку с длинными рукавами. Когда он увидел меня, он уселся на нижнюю стенку бордюра.

— Сажаешь — сказала я, — или вскапываешь?

— Сажаю, — ответил он, указывая на кучку луковиц. — Ида просила меня посадить их ещё с месяц назад. И я подумал, что это последнее, что я могу сделать для неё. Осень — это лучшее время, чтобы сажать нарциссы, — ответил он, поясняя это такому несведущему в ботанике человеку, как я.

— Ааа.

Он сменил тему:

— Ты выглядишь очень мило, — и я подумала про себя, насколько формально-вежливо это звучит. Я задумалась, что случилось с тем парнем, который так легко болтал со мной на чердаке, но, может быть, судя по тому, как закончилась ночь...

— Спасибо, — ответила я. — Я отправляюсь в плавание.

— С Ричардом Хэтэуэем.

Он знает? Откуда? Как будто это его касается. Проглотив свое раздражение, я ответила.

— Я просто рада возможности побыть на воде. Мне нравится плавать.

— Ты можешь брать «Жидкий Янтарь» в любое время. Я подготовлю её для тебя.

— Для меня? — глупо повторила я? М-да, гениально. Для тебя, видимо имелось в виду для всей семьи. Новые владельцы. — Это мило с твоей стороны. А ты плаваешь?

— Ида использовала меня, чтобы прогуливаться на «Янтаре». Она говорила, что если на лодке не плавать регулярно, она потеряет свои крылья. «Янтарь» уже старая, но я могу поспорить, что она окажется быстрее лодки Ричарда Хэтэуэя.

Он выжидал. Я попыталась подыскать слова.

— Слушай, — сказала я, — насчет той штуки с тенями...

— Да?

— Наверное, со мной уже всё в порядке. Пока. В том смысле, что я всё ещё чувствую себя слегка странно, но я бы хотела продолжить искать, если ты не против.

Он снова так сделал, тот случай когда ты можешь видеть и читать все мысли в глазах человека, тогда как его лицо остается абсолютно бесстрастным. Мне стало интересно, что здесь творится; а ещё мне стало интересно, что он так тщательно пытается скрыть.

— Сегодня? — спросил он.

— Ага. В то же время и на том же месте?

— Договорились.

Так как мне удалось загнать его в угол, я решила задать все интересующие меня вопросы.

— С чего вдруг ты решил назвать моего брата Сэмиус на днях?

— Всего лишь небольшое прозвище. Мне показалось, что оно ему подойдет.

— Я его так называю.

— Серьезно? — Он пожал плечами. — А я-то удивлялся, почему он ответил, когда я его так позвал.

— Тебе нравится Толкиен? — Спросила я. Ведь именно из его книжек я взяла прозвище, имя моего любимого хоббита, Сэмиуса Гэмджи.

— Не так чтобы очень, — ответил он с легкой улыбкой. — У меня есть знакомая, которой нравится «Властелин Колец». Я прочитал его из-за неё.

Наверное, она ему по-настоящему нравится, подумала я, если он смог осилить двенадцать сотен страниц фэнтези, от которой он не получил большого удовольствия.

— У меня это тоже одна из любимых.

Он кивнул. Между нами повисла тишина, и я поняла, что он снова наблюдает за мной, как будто он оценивает меня.

— Ну, — коротко сказала я, — мне пора.

В ответ он посмотрел на меня бесстрастным взглядом.

— Желаю хорошо провести время. Не позволяй Хэтэуэю убить тебя.

— Я постараюсь, — слегка саркастично ответила я и развернулась на каблучках. Я направилась обратно в кухню, чтобы забрать пакет с Розиными брауни, затем пошла в западное крыло, чтобы сказать маме, что я ухожу.

Мама была погружена в работу вместе с каллиграфом, надписывая конверты и вычеркивая имена из списка, который прислал сенатор.

— Увидимся позже, — сказала я.

Мама подняла глаза. Её лицо смягчилось в одобрительной улыбке. Мой наряд прошел испытание.

— Развлекайся.

Я возмущилась при виде чувства облегчения на лице моей мамы. В том смысле, я, конечно, знала, что по её мнению у меня уже давным-давно должен быть бойфренд, или, по крайней мере, я должна ходить на «свидания», что бы она под этим не подразумевала. Не то чтобы она намекала на что-то. Напрямую. Всего лишь отпускала незначительные комментарии, которые доводили меня до безумия. Неужели, Джеси собирается на танцы? Вероятно, она была в восторге, что я наконец-то иду куда-то с кем-то. Как ей угодно, подумала я.

— Спасибо, — ответила я и направилась к дверям солярия.

Ричард уже ждал, когда я дошла до последней ступеньки каменной лестницы. «Ласточка» была больше чем «Янтарь», и гораздо новее. Красивее.

— Милая лодка, — восхищенно проговорила я.

— Милое ожерелье, — в том же духе ответил он. — Что случилось?

Я в замешательстве потянулась к своим бусинкам.

— Нет, — засмеялся он. — Я имел в виду твою голову.

Точно. Класс.

— Да, видишь ли, прошлой ночью у меня была одна грандиозная идея....

— Ха-ха-ха, — ответил он, улыбаясь в притворном веселье.

Повисла тишина, определенно сейчас была моя очередь говорить. Слегка запаниковав, я показала на пакет с брауни и выпалила.

— Провизия. На случай если мы окажемся на необитаемом острове. — И сразу же пожалела о сказанном. Это не было смешно, это не было даже мило. Это было просто...

— Отлично, — улыбаясь, сказал Ричард. Он взял у меня увесистый пакет и задумчиво подкинул его на руке, как будто он весил тонну. — А для себя что-нибудьхватила, Парсонс?

Теперь видите? Вот это было мило.

Я усмехнулась ему в ответ и, взяв предложенную руку, забралась на борт. Он положил брауни на крышку внушительной корзинки для пикника, прыгнул на причал, освободил конец и толкнул корпус вперед. Когда лодка начала отходить от причала, он умело прыгнул обратно на борт.

— Ты за штурвалом, хорошо?

— Мне подходит. — Он взял на себя всю тяжелую работу, а мне досталось управление.

Папа начал учить меня ходить под парусом, когда я была ещё ребенком. Воды в Пьюджет-Саунд были бурными и холодными, так что было крайне важно всему научиться. Я всегда была в папиной команде. Позже Сэмми стал работать в паре со мной. Если ты увлекаешься этим с самого начала, то это въедается в твою кровь.

Течение относило нас к середине канала, где ветер наполнил паруса. Здесь начиналось всё волшебство.

Хождение под парусом это словно танец между лодкой и ветром. Тебе нужно удерживать парус и поймать ветер, чтобы ты мог плыть туда, куда тебе нужно. Если ветер будет дуть тебе в спину, а нос будешь держать в нужном направлении, тогда ты «будешь бежать впереди ветра». Что более или менее напоминает полет.

Мы двигались вниз по Северну и ветер дул в северном направлении, в сторону Чесапика. Так что мне приходилось маневрировать, а Ричарду регулировать парус таким образом, чтобы мы могли хоть немного поймать ветер. Мы могли бы наращивать скорость, держа на северо-восток, используя юго-восточный ветер и течение реки.

Я говорю «река», потому что так она называется на картах. Но Северн возле Дома Эмбер был скорее устьем залива. Чесапик простер толстые пальцы воды там, где текли ручьи, наполнявшие его, поэтому вода была чистой, но течение было тихим и неторопливым. Найти способ плыть с подветренной стороны было тяжело.

Так как я была за штурвалом, у меня была некоторая возможность осмотреть окрестности: несколько скромных домиков, но в основном здесь располагались огромные дома, стоящие посреди бархатных газонов. Возле многих размещались причалы. Где-то на полпути к заливу, река обтекала остров. Канал расширился и свернул на север. Дома вдоль

южного берега теснились все ближе друг к другу, пока они не слились в город Аннаполис. Гавань наполнилась кораблями всевозможных форм и размеров, которые располагались перед кампусами из бледно серого гранита — Военно-морская академия США. Взяв немного на юг, к устью небольшой реки, я увидела колониальное сердце города, очаровательные домики с остроконечными крышами, стоящие стена к стене. Потом мы двинулись к северо-востоку, направляясь подальше от берега.

Перед нами широко раскинулась бухта, на которой вода собралась в небольшие волны, подгоняемые ветром. Огромный корабль из стали рассекал канал в самом глубоком месте, двигаясь на север и замедляя движение при приближении к Балтимору.

Ричард улыбнулся мне с озорством во взгляде и сделал знак сменить курс. Я ослабила штурвал. Паруса рвались когда «Ласточка» неуклюже двинула на северо-запад на полной скорости.

Мы, едва покачиваясь, скользили по волнам. Мои волосы дико развевались, собирая влагу из воздуха. Я смеялась и не помнила, когда я начала. Мы шли вровень со стальным гигантом, я помахала матросам, которые наблюдали за нами у поручней. Мы проходили мимо них всё ещё на полном ходу.

Когда мы слегка вырвались вперед, Ричард снова сделал знак сменить курс.

Он хотел пройти перед танкером. Маневр был не только опасным, но безумным. Я открыла рот, чтобы закричать: «Не делай этого», — но Ричард уже наполнил парус, заставляя нос стремительно отклоняться от направления на порт. Если я заколеблюсь, то замедлю наше движение, что может оказаться фатальным. Так что я изо всех сил навалилась на штурвал, поворачивая «Ласточку» против ветра. Наша скорость немедленно начала падать. Корабль за нашими спинами равнодушно плыл дальше, ещё в отдалении, но всё более напоминая надвигающийся на нас небоскреб.

— Продолжай поворачивать её, — прокричал Ричард. Он поворачивал кливер в сторону порта, чтобы поймать немного больше ветра.

Это не очень хорошо, подумала я. Мы прошли полпути, но сейчас нос танкера толкал нас в сторону, пока мы убирались прочь с его пути. Я больше никого не видела у поручней. Стальные борта просто поднимались всё выше и выше в небо. Корабль просигналил и этот звук ударил меня как нечто вполне осязаемое.

Но затем «Ласточка» начала курсировать по волнам, отходящим от корабля, как серфер, катающийся на волнах. Мы набирали скорость за счет огромного количества воды, уходящей из-под корабля.

Ричард просто ревел от смеха.

— Йееес, — прокричал он потом. — Прямо руля, — и он рывком поднял грот на оставшиеся несколько дюймов, выравнивая парус. — Направляй её на юго-восток пока мы обходим корму, затем поверни её.

Когда корабль прошел мимо нас, мы уже далеко ушли на восток и были в безопасности от двигателей. Я повернула её ещё раз на девяносто градусов, возвращаясь обратно к устью реки Северн. Ричард повернул парус вдоль правого борта и снова захватил ветер. Мы на хорошей скорости пронеслись мимо болотной части на южной стороне устья реки. Когда мы снова приблизились к Аннаполису, и «Ласточка», и мое сердцебиение наконец-то замедлились.

Мы двигались вверх по реке, пока не показался остров. Когда мы приблизились к нему, Ричард свернул паруса и бросил якорь. Его улыбка все ещё была широкой и лукавой.

— Как тебе понравилась прогулка? — спросил он.

— Неплохо, — сказала я, выдавив улыбку. — Адреналиновый наркоман.

Он засмеялся, наслаждаясь собой. Затем он заглянул в корзинку для пикника.

— Ветчина или тунец?

Я подумала, что странно, что аппетит у меня, по-видимому, не пропал.

— Ветчина, — ответила я. Я развернула сэндвич и обнаружила, что он и правда не пропал. Видимо из-за страха я зверски проголодалась. Мы оба съели по два сэндвича, по куску пирога и брауни, запив всё это колой.

— Ты управляешься с лодкой, как парень, и ешь, как парень, — заметил Ричард. — Ещё пара очков в твою пользу, Парсонс.

Он всё ещё вел подсчет. И я поняла, что мне хочется одержать верх.

Обратная дорога до Дома Эмбер была более спокойной. Ричард укрепил парус и взял штурвал, так что я смогла просто сесть и расслабиться. И украдкой разглядывать рулевого. Он заодно проводил для меня экскурсионный тур и рассказал о том, как католические переселенцы, привезенные лордом Балтимором, заселили территорию племени Пискатауэй на обоих берегах реки Северн.

— Они имели отношение к племени Покахонтас, но существовали отдельно от него. Эпидемия оспы забрала большую их часть.

Он указал на большой прямоугольный кирпичный особняк, который он с сенатором называли домом.

— Он не настолько стар, как Дом Эмбер, — сказал он, — но в любом случае, ни один дом в округе таковым не является.

Когда канал сужался, его берега поднимались. Деревья поднимались по обрывам, добавляя теней к вечернему времени, когда мы добрались до Дома Эмбер. Ричард умело замедлил лодку, когда мы приблизились к устью реки и вовремя повернул, чтобы выровнять лодку параллельно причалу. Он привязал «Ласточку». Всё было сделано очень аккуратно.

Он протянул свою руку. Я приняла её и приземлилась рядом с ним, не сумев повторить его кошачьи движения, но очень близко. Я жаждала получить ещё баллы. Он усмехнулся, как будто прочитал мои мысли.

— Мы с друзьями устраиваем завтра вечеринку, — сказал он. — Хочешь к нам присоединиться?

«Хочешь к нам присоединиться?» не похоже на приглашение на свидание, невесело подумала я. Это приглашение, но не ещё одно свидание.

— Разумеется, — ответила я. — Как мне добираться?

— Я заеду за тобой. Это на южной стороне реки возле острова Herald. Я буду проезжать как раз мимо твоего дома. Если дашь мне свой номер, я сброшу тебе смс.

— С радостью, но не могу. Забыла дома зарядку.

— Ладно. — Он засмеялся. — Тогда, около девяти?

— Звучит здорово. Спасибо. — Слова Розы насчет людей низкого класса звенели у меня в ушах. — Мне нужно захватить с собой что-нибудь?

Он задумчиво кивнул.

— Ты не сделаешь и шага к моей машине, если нехватишь с собой ещё один увесистый пакет с брауни.

Когда я вернулась, Сэмми сидел на кухне, и лизал замороженный сок, его губы были цвета мятой земляники.

— Чем ты занимался весь день, приятель?

— Играл в прятки.

— Неужели? И с кем же?

— Ни с кем.

— Одному тяжело играть в прятки, не так ли? — Я снисходительно улыбнулась.

— Неа. Мне всего лишь нужно быть хорошим искателем. Но я ведь хороший искатель, как ты, Сара.

— А где ты взял сок?

— Роза сделала его для меня. Ты тоже можешь взять, если хочешь.

Я выудила из морозилки порцию и разморозила её под проточной водой в раковине. Затем лизнула.

— Вкусно.

— Всегда пожалуйста, — сказал Сэмми.

— Ага. Спасибо. — Я вздохнула.

— Я знаю кое-что, чего не знаешь ты. Но тебе нужно всего лишь сказать «пожалуйста».

— Пожалуйста, Сэм. — Я кивнула. — Скажи мне то, что ты знаешь.

— Папочка приезжает. — Он улыбнулся земляничной улыбкой.

— На ужин?

— С ночевкой.

— Ты шутишь. Он останется до завтра?

— До послезавтра. Мамочка сказала, что ему можно.

Вау, подумала я. А затем, о нет. Если папа будет в доме, это усложнит мои ночные изыскания. Может быть, стоит отложить их, подумала я. Может быть, нужно предупредить Джексона.

— Он уже знает.

— Что? Кто?

Но Сэм уже исчез за дверью.

Я поймала Розу, когда она уходила.

— Ричард Хэтэуэй пригласил меня присоединиться к его друзьям на завтрашней вечеринке и сказал, что мне нужно принести ещё брауни. Я надеялась, что вы сможете дать мне рецепт.

Она скептически осмотрела меня, но повернулась и вытащила из поваренной книги маленькую карточку. Затем передала её мне.

— Это рецепт твоей бабушки. Ты знаешь, как это делается?

— Разумеется. Я могу следовать инструкциям. Что может быть сложного? — Я начала просматривать текст.

— Меня не будет в воскресенье и понедельник, так что...

— Хм, Роза? — я заметила, что была груба. — Простите что прервала.

— Что?

— Где я могу найти шуковину под названием пароварка?

— В этом шкафчике. — Она повернулась и вытащила из уложенных посуды. Я уставилась на них. — Нужно налить воду в нижнюю, — с подозрением пояснила она.

— Точно, — сказала я. Может быть, у бабушки есть где-нибудь смесь для

приготовления брауни.

— Мне кажется, тебе может понадобиться небольшая помощь с приготовлением. —

Определенно она догадалась, что я унаследовала кулинарные способности моей мамы.

— Думаю, я смогу разобраться.

— Я не хочу, чтобы ты испортила прибор или спалила весь дом. Ты будешь здесь в десять утра и мы поможем тебе.

— Спасибо, Роза. Прости что я такая надоедливая.

— Мне не сложно, сказала она, кладя карточку обратно в поваренную книгу. — Просто пообещай мне, что Сэм будет получать полноценный завтрак, пока меня не будет.

— Обещаю, — сказала я. — А куда вы едете?

— В Александрию, навестить свою маму.

— Вашу маму? — с недоумением повторила я. — Но я думала, что ваша мама это Нанга...

— Нанга? — Она слегка закатила глаза. — Мою маму зовут Сильвия.

И тут в дверях показалась моя мама.

— Сара, — проговорила она, — ты не могла бы приготовить постель в китайской комнате для твоего отца? Шкаф с бельем возле комнаты твоей бабушки.

— Разумеется, мам, — ответила я.

Приехал папа, на сей раз он привез с собой итальянскую еду. Мы вчетвером насладились достаточно веселым ужином. Видимо помогло и то, что на сей раз я не упоминала Ричарда или вечеринку. Не то чтобы у меня была такая возможность. Мама пустилась рассказывать одну из своих длинных и скучных историй о картине одного из своих клиентов. Видимо только папа не находил её скучной. Он забрасывал её вопросами и хмыкал в нужных местах. Мама смеялась и жестикулировала, и выглядела даже более красивой и элегантной, чем обычно. Она казалась помолодевшей. Не жесткой. Уязвимой. Это дало мне возможность понять, какими мои родители были в самом начале, когда они всё ещё были влюблены.

После ужина мама отправилась к своему телевизору, но только после того, как спросила, как прошло мое свидание под парусами. Я сказала «хорошо» самым уклончивым тоном, на который только была способна. Она слегка нахмурилась, желая знать подробности, но она также знала, что лучше этого не делать. Я даже получила некоторое извращенное удовольствие от этого.

Я спросила, могу ли я пойти с Ричардом на вечеринку завтра.

— Конечно, — ответила она, и добавила не подумав. — Сенатор хотел, чтобы ты познакомилась с некоторыми местными ребятами. Может быть, Ричард поэтому и пригласил тебя.

Вот как бы между прочим и я подумала, что может быть совершенно не интересую Ричарда, и он просто оказывает услугу своему старику, таская меня за собой. Это было больно.

— Спасибо, — пробормотала я.

Я молча сидела и отчаянно желала, чтобы мама записалась на вводный курс вежливости, когда она странно на меня посмотрела и спросила.

— Ты что-то сказала?

— Я сказала, спасибо.

— А после этого?

— Нет.

Я же ничего не говорила, ведь так? Я же не могла проклинать её вслух? Я посмотрела на папу, чтобы проверить, но он был занят с Сэмми.

— Ну ладно, — сказала мама. — Тогда спокойной ночи.

Мы с папой и Сэмми ещё немного поболтали о разных пустяках. Папа спросил меня, что я думаю о сенаторском сыне, я пожалала плечами. Кажется, этот ответ его удовлетворил. Затем он спросил Сэмми, встретился ли он с кем-нибудь, и Сэмми ответил:

— Нет, ни с кем. — Коротко, мило и ясно — классическая беседа с Сэмми. Мы с папой засмеялись.

Затем папа объявил что «превращается в тыкву». Я сказала ему, что могу уложить Сэмми, так что он отправился в свою комнату. Я, Сэмми и Злобный Мишка отправились наверх.

Было уже почти десять и я поспешно старалась отправить Сэма спать до того, как придет Джексон, чтобы продолжить наши исследования. Я также надеялась десять минут поболтать с Джеси. Я хотела получить от неё немного сочувствия по поводу моего недавнего расстройств из-за Ричарда Хэтэуэя.

К сожалению, Сэм не был настроен на сотрудничество.

— Ты видела, Сара? Он стоял перед кукольным домиком на полках в моей комнате.

— Да, дружок, ты уже показывал мне, он светится.

— Нет, Сара. — Он снял защелку на передней части домика и открыл его. Передняя часть домика распалась надвое и, развернувшись, сформировала букву U, отображая комнаты. — Смотри, — сказал он. — Это Дом Эмбер.

Он был прав. Когда начать рассматривать внимательно, это становилось очевидным. Стол в передней, эстакада, главная лестница, морская комната — весь дом до того момента как к нему пристроили два крыла и несколько разномастных архитектурных деталей. На стенах даже висели крошечные, написанные маслом портреты. Эти люди были помешаны на своем доме или ещё что?

Каждая комната была идеально воспроизведена в том виде, в каком она была когда-то — мне так показалось, — когда был сделан кукольный домик, вероятно в 1700х. Из чего следовало, что здесь не было ванн и для кухонной раковины был сделан насос. Никаких нововведений, кроме крошечных стеклянных лампочек на каждой люстре или лампе.

Здесь даже было все семейство Дома Эмбер — куклы высотой в четыре дюйма — черноволосая мама, трое детей, одетые в сатин, плюс кукла, изображавшая афро-американку в обычной льняной одежде. Я была в восторге. Я рассматривала комнаты, открывала шкафчики, брала книги с полок в библиотеке, рассматривала стол с приборами на четыре персоны, разрисованный розами. Это было восхитительно.

— Смотри сюда, Сара, — Сэм указывал на камин в гостиной. Я наклонилась, чтобы рассмотреть то, что он увидел.

С дымохода свисала пара крошечных ботинок. Я схватила и вытащила куклу-папу, одетую в военную форму.

— Хм, — сказала я.

Сэмми мрачно посмотрел на него.

— Может быть, тебе Стоит вернуть его обратно, Сара.

— У меня есть идея получше, — сказала я и собрала кукольную семью вместе. — Пора отправляться спать. Давай положим их в постели. — Я быстро рассовала их туда, где им

предполагалось находиться: мальчика — в морскую комнату, двух девочек — в спальню в юго-западном углу, маму — в комнату Дейрдре, а мужчину — в комнату заваленную оружием. — И тебе тоже пора. Отправляйся в постель. Я устала.

— Ты не кажешься мне уставшей.

— Что ж, это не так, — резко ответила я. — Тебе нужно отправляться в постель.

Мое отчаяние видимо было заметно, потому что Сэм решил подбить меня на сделку.

— Почитай мне историю, — потребовал он.

Я могла быть легкой целью для кого-нибудь знающего, но я не была глупой — я уже проходила это с ним и раньше.

— Я прочитаю тебе сказку, если, — я посчитала по пальцам свои условия, — ты почиштишь зубы, попьешь воды, наденешь пижаму и залезешь под одеяло, — ответила я ему.

— Ладно, — слишком быстро согласился он.

Я забыла что-то важное.

— И, — добавила я, — если ты обещаешь оставаться в постели до утра.

Он поник — это была лазейка, на которую он рассчитывал.

— Ладно, — согласился он более неохотно. Я решила, что я в безопасности.

Пока я достала из его рюкзака книжку со сказками, которую мы читали, он готовился ко сну. Рядом с кроватью я заметила тяжелую раму, повернутою лицом к стене. Я решила, что это должно быть был портрет, потому что Сэмми не нравились картины, которые наблюдают за ним. Я приподняла раму, чтобы взглянуть, но оказалось что это зеркало.

Когда он вернулся из ванной, я спросила его:

— Сэм, кто это сделал?

— Я.

— Ты не должен снимать со стены вещи, приятель. Зачем ты это сделал?

— Я не хотел, чтобы он наблюдал за мной.

— Ты не хотел, чтобы кто-нибудь наблюдал за тобой, — поправила я.

Сэм вопросительно посмотрел на меня, со смесью недоумения и раздражения.

— Никто из зеркала, — ответил он.

Я подняла зеркало и повернула его.

— Теперь правильно. Там никого нет. — Сэм не выглядел довольным. Я начинала злиться. — Хочешь, чтобы я вернула всё как было?

Он опять кивнул и я снова повернула зеркало лицом к стене.

Сэм забрался на свой причал и я устроилась рядом с ним так, чтобы он мог рассматривать картинки и следить за тем, что я читаю. Через иллюминаторы в нашей комнатке-в-комнате я видела, как снаружи мимо полной луны проплывают облака. Капли дождя начали стучать по стеклу.

Я читала Сэму сказку про парня по имени Джек, и мне пришло в голову, что в сказках те, кого зовут Джек, всегда просты и их всегда гнобят их старшие братья, но именно они всегда соображают, как добраться до принцессы в заколдованном королевстве и вернуть обратно её и её сестер. Потом Джек женится на принцессе, получает пол-королевства и все живут долго и счастливо.

Когда я уже почти дочитала сказку, Сэм пробормотал:

— Джек найдет её. Как ты находишь меня, Сара. Ты — мой Джек.

Я улыбнулась.

— То есть в нашей сказке я не красавица-принцесса? — Но он уже спал.

К тому времени как я разобралась с Сэмом, было уже почти одиннадцать. Я подошла к его рюкзаку, чтобы вытащить фонарик, но осталась с пустыми руками, но потом вспомнила, что в последний раз, когда я его брала, я оставила его на кухне. Я вздохнула, стиснула зубы и прокралась в холл.

Было темно, хоть глаз выколи. Я шла на ощупь вдоль стены в сторону лестницы. Высокое, широкое, пустое пространство затягивало меня, как в вакуум. Я протянула руку и схватилась за перила, чтобы успокоиться?

Подошвы моих кроссовок слегка скрипнули и звук успокоил меня. Я чувствовала себя маленькой и неуклюжей и волновалась, что шум может разбудить тех, кто должен спать. Я прокралась по ступенькам, затем пронеслась по холлу, стараясь не издавать ни звука, даже не дышать, и пытаясь подавить ощущение, что за моей спиной был кто-то, от кого я убегала.

На кухне я включила маленькую лампочку над плитой. И всё вокруг наладилось. Я улыбнулась своему бурному воображению и, усевшись, начала ждать, следя за часами над дверью.

Ровно в одиннадцать тридцать в окне показалось лицо Джексона. Он вошел в кухню промокший до нитки. Вода стекала по его подбородку и капала на грудь.

— Никогда нельзя сказать точно, когда начнется дождь. Прости, — сказал он, кивая на увеличивающуюся на полу лужу.

— Но ведь ты пришел чтобы помочь мне — мне и нужно извиняться. Здесь есть какие-нибудь полотенца?

Он сделал шаг по направлению к шкафчикам.

— Не двигайся, — приказала я. — Я достану их. Давай держать жидкость в одном месте.

— Нижний ящик. — Указал он. — Полотенца для посуды.

Я вытащила два и передала ему. Он начал вытирать волосы.

— Позволь мне взять твою куртку.

— Всё в порядке, я об этом позабочусь.

— Просто передай её мне. — Он снял куртку и я повесила её на крючок, бросив под неё ещё пару полотенец, чтобы впитать капли.

Мы взяли бумажные полотенца, чтобы вытереть его обувь. Пока он сидел и выполнял эту работу, я с помощью ещё нескольких полотенец вытерла пол.

— Ты не слишком хорош в предсказании будущего, не так ли?

— Почему ты так говоришь? — Он уставился на меня.

— А где же тогда твой зонтик?

— А, это. — Он выдавил улыбку. — Наверное, мне никогда не стать предсказателем погоды. Куда мы отправимся сегодня?

Не было похоже на то, что сегодня я буду общаться с тем же парнем, что и в прошлый раз. Этим вечером Джексон снова стал замкнутым и слегка неудобным. Может быть, он чувствовал себя виноватым за то, что не предупредил меня о тнях. А может быть он и должен себя так чувствовать. Хотя что он мог сказать такого, во что я бы с легкостью поверила?

— Я бы хотела вернуться на третий этаж, — ответила я. — Я хочу рассмотреть книги на застекленной полке.

— Третий этаж? Ты уверена?

— Я не собираюсь в большую комнату. И ты ведь не оставишь меня одну. Правильно?

— Правильно.

— Тогда на том и порешили, — сказала я, пожимая плечами. — Пошли.

В маленькой комнате с полками не было электрического света — для лампочки на рабочем столе требовалось масло. Джексон поднял её.

— Похоже на то, что в ней ещё есть какая-то плещущаяся жидкость. Попробуем её зажечь?

Пока я светила ему фонариком, он снял шар и стеклянную трубку и поднес зажигалку к оголенному фитилю. Он загорелся ровным золотистым светом, при этом не чувствовалось запаха керосина. У меня было смутное представление о том, что для ламп в девятнадцатом веке использовался настоящий китовый жир, и я подумала, не сжигаем ли мы последние капли Моби Дика.

Джексон, поместив обратно трубку и накрыв пламя, поставил лампу на стол. Она теплым светом освещала рабочую поверхность, не выходя за её пределы. У меня появилось чувство, что я шагнула в прошлое. Чувство, к которому я начинала привыкать.

Я сидела на полу перед открытым кабинетом, так что Джексон оседлал стул. Как оказалось, на «книжных» полках хранили не столько книги, сколько кипу старых тетрадей в кожаных обложках. Страницы были заполнены одним и тем же элегантным почерком.

— Похоже, всё это дневники, — сказал Джексон.

На обложке той, которую я держала в своих руках, были отштампованы числа: 1850–60. Я вытащила с полки ещё одну. Там была дата 1900–10. На следующей: 1770–80.

— Двести пятьдесят лет записей? Один человек? — вырвалось у меня. — Знаешь, кому они могли принадлежать? Мне кажется это записи моей прабабушки Фионы. Её книга про Дом Эмбер. Она, должно быть, писала её сидя за этим столом. — Я проплась рукой по поверхности стола, представив, как она сидит здесь месяц за месяцем, заполняет аккуратным почерком все эти тетради. Было сложно соотнести её с любящей вечеринки девушкой, которую описала пожилая леди на похоронах.

— Я хочу просмотреть несколько, — сказала я. — Может быть, в них есть какой-нибудь ключ к поиску алмазов. — Я стянула с полок ещё несколько тетрадей по порядку и сложила их в стопку. — Ладно, — проговорила я. — Думаю, что мы можем уходить отсюда.

Я встала и направилась к двери, но он поймал меня за локоть.

— погоди секунду. — Он подошел к заднему углу комнаты. — Здесь есть ручка. — Его пальцы нашли и пробежались по очертаниям двери, скрытой в обшивке. — Что скажешь? Откроем её?

Я хотела сказать ему «нет». У меня возникало чувство подозрительности к тому, что могло скрываться за закрытыми дверьми Дома Эмбер. Но вместо этого я сказала:

— Дерзай.

Дверь открылась в единую полость, которая должно быть охватывала всё западное крыло дома. Стена между основной частью дома и этой мансардой всё ещё была обита обшивкой от старого дома — никто так и не удосужился придать этому помещению приличный вид.

Джексон взял масляную лампу Фионы на чердак и я последовала за ним.

Мансардные окна выступали из косого, голого деревянного потолка, а кирпичная кладка от двух труб виднелась с двух концов комнаты. На открытом пространстве стояли коробки.

— Всё ещё в игре? — спросил он меня.

— Ты думаешь, что в одной из них мы найдем алмазы Капитана?

— Нет, — ответил он, — но здесь могут быть какие-нибудь другие сокровища. — Тебе не интересно, что там?

Я уже начала отрицательно качать головой, но против воли у меня вырвалось: «Ладно, мне интересно».

Джексон отряхнул от пыли старый стул с просевшим сидением и поставил лампу Фионы на поврежденный водой стол, предложил мне сесть и начал переставлять ко мне коробки для инспекции.

Большинство коробок были заполнены теми или иными финансовыми документами. В одной было изъеденное молью постельное белье. В следующей — рождественские украшения. Ещё здесь был сундук с разным оборудованием. Длинный рулон с остатками обоев. Два сундука с детской одеждой, которая выглядела так, как будто появилась здесь из шестидесятых — такую одежду могла носить моя мама. Коробка с детскими игрушками из той же эпохи.

Я не смогла устоять. Мне было необходимо рассмотреть их. Я вытащила детский, ярко раскрашенный цирковой набор, открыла его и начала вынимать животных и клоунов.

Как будто кто-то нажал кнопку, свет загорелся вокруг улыбающегося льва, которого я держала. Звук голосов стал четче, но я пока не могла их разобрать. Затем я увидела рыжеволосого малыша с глазами моей мамы, который усаживал льва в его клетку.

Моя бабушка, ещё молодая с короткой стрижкой, опустилась на колени рядом с ней.

— Все правильно, Сорока, — говорит она, — лев отправляется в свою клетку. Маленькая девочка изображает львиное рычание, а Ида откидывается назад. Они вместе смеются.

У меня мелькнула мысль, когда-то, в забытые всеми времена, моя бабушка была счастлива.

Я засунула цирк обратно в коробку. Свет потемнел. И я снова почувствовала себя нормально. Я взялась за другую коробку с игрушками, которую принес Джексон.

Коробка с пустыми банками для консервации. Коробки с посудой. Проектор, упакованный вместе с двухсторонними слайдами. Ящик с консервами времен 1940х годов.

Джексон поставил передо мной сундук. Он был наполнен холстами. Я вытащила один. Пятна краски превращались в тяжелые лозы с цветками глицинии, спускались с крыльца около входа в кухню Дома Эмбер. Я поднесла картину к свету, чтобы посмотреть кто автор.

— Хм, — вырвалось у меня.

— Что?

— Художник Энни МакГиннес.

— Это не...

— Моя мама, — кивнув, ответила я.

— Вау, — ответил он. — Достаточно неплохо.

Я вытащила ещё одну. Мазки, слившиеся в лицо симпатичной рыжеволосой девушки, с навечно застывшей легкой улыбкой. Она была похожа на маму, но с мягкими кудряшками на детском лице. Я проверила подпись. Энни МакГиннес.

Я просмотрела остальные картины: парусник на Чесапике, идущий против бури, солнечный свет, озаряющий зеленые по-весеннему поля вокруг крошечного Дома Эмбер; ещё один автопортрет моей мамы на скамейке окруженной опавшими листьями; малышка в викторианском платье, сжимающая Злобного Мишку. Все заполнены светом. Все отражают

воображение кого-то, захваченного увиденным. Я проверила подписи на каждой. Все картины были нарисованы Энни МакГиннес.

Я понятия не имела, что моя мама умеет рисовать. Почему-то я чувствовала себя преданной — как будто она десятилетиями скрывала себя за этими рисунками. Оставив мне замену, оборотня, который всего лишь выглядел как кто-то, кто однажды был Энни МакГиннес.

Я сложила холсты обратно, затем заметила этюдник, сложенный на дне сундука, маленький и почти незаметный. Это был ещё один шанс увидеть лицо моей матери до того, как она превратилась в нынешнюю застывшую личность. Я вытащила его, затем заставила себя закрыть крышку сундука.

Подняв глаза я увидела, что Джексон наблюдает за мной. Выражение его лица было добрым, но я не хотела жалости. Здесь не было ничего особенного. Я сжала зубы и пожала плечами.

— Есть ещё что-нибудь?

В ответ он тоже слегка пожал плечами, выражение лица снова сменилось на нейтральное, которое он так часто использовал. Он толкнул вперед две одинаковые коробки с папками.

Я сорвала ленту с первой. Она была полна семейных фотографий. Самые новые были со мной в младенчестве. Они показывали прошлое, прошли через десятилетия, от детства моей бабушки в бледном шерстяном пальто и черных ботинках на пуговицах до солдата в форме времен Первой Мировой Войны и семейства в конном экипаже.

— Я хочу забрать их отсюда, — сказала я Джексону. — Я хочу найти для них другое место, чтобы я могла рассмотреть их и не объясняться при этом с мамой.

— Ты можешь снести одну из коробок по лестнице?

— Думаю, да. — Я попыталась приподнять одну.

— Я возьму другую, — сказал он, беря коробку под левую руку, а в правую — лампу. Мы проскользнули через дверь. Я балансировала, держа коробку на приподнятой левой ноге, затем я запечатала ту часть прошлого моей семьи на месте.

Мы засунули коробку под кровать в западном крыле, затем Джексон покинул дом через оранжерею. Когда я подошла к своей комнате, свет у Сэмми был включен. Я просунула голову в дверь и обнаружила, что он шепчется со своим медведем. Он посмотрел на меня и легонько моргнул.

— Сэм. Что ты делаешь? Предполагалось, что ты уже должен спать.

— Хорошо, Сара. Я снова засну.

— А что тебя разбудило? Плохой сон?

Он улегся, и я подошла к нему и подоткнула вокруг него одеяло. Он проговорил.

— Хочешь послушать мою песенку, Сара? Она про паука.

Я села рядом с ним и наклонилась, чтобы удобнее было слушать. Я сказала: «Начинай».

Он улыбнулся и вытащил руки из-под одеяла. Он начал петь жутким голосом.

— Берегись доброй матушки, берегись! — Он скрючил пальцы в форме когтей. — Она скрывается на чердаке и под лестницей. — Он прошелся пальцами по моей руке в такт с текстом. — Так что если ты собираешься вынюхивать, тебе следует поостеречься. — Он начал вытягивать, добиваясь большего ужаса. — Потому что она может УКУСИТЬ кого-угодно, — и я подпрыгнула, потому что его пальцы рванулись к моей шее в притворном укусе, — кто попадет в её логово. — И он захихикал. — Я поймал тебя, Сара.

— Это точно, ты меня поймал, — сказала я и сама пощекотала его, имитируя укусы паука. Затем, — Шшш, Шшш, — успокоила я его и улыбнулась. Господи, благослови его. Не важно, какую грязь я получу от остального мира, у меня всегда будет Сэмми.

— Спокойной ночи, Сара, — сказал он, улыбаясь в ответ.

Я потянулась, чтобы выключить свет.

— Спокойной ночи, дружок Сэм.

Глава 9

— Я ненавижу оставлять тебя здесь, Кейт. Господь благословит и поможет тебе.

Прощай.

В маленькой темной комнате, все пространство которой заполняли две кровати, я — она — сжимала в объятиях девушку лет шестнадцати. Девушка была в ночной пижаме и плакала. На мне была длинная юбка и плащ. Я могла видеть свое дыхание в воздухе.

Я поцеловала её в щеку, перебросила сумку через плечо и вышла в коридор. Из другой двери вышел толстый краснолицый мужчина.

— Останься, пока я не найду тебе замену. Я заплачу тебе хорошие деньги.

— Мой срок истекает в полночь. Я не останусь под этой крышей ни минуты больше.

— Я не позволю тебе уйти. — Он протянул руку, чтобы дотянуться до моей груди. Я отбросила её и ударила его ладонью.

Его красное лицо стало алым, но я всё ещё могла видеть бело-красный отпечаток моей ладони. Он поднял руку, чтобы ударить меня в ответ. Но на полпути её поймал высокий молодой человек, который оказался за его спиной. Молодой человек ударил его прямо в живот, и он согнулся пополам. Затем он нанес ещё один тяжёлый удар, и я услышала влажный хруст треснувшей кости. Толстяк упал, словно срубленное дерево и остался лежать, с его носа текла кровь. Я обошла тело и бросилась к молодому человеку, неистово целуя его.

Затем мы покинули то место.

Мы находились на паруснике, стоя бок о бок на носу. Я увидела устье реки рядом с болотным тростником. Я показала направление.

— Туда.

Река сузилась, а берега стали выше.

— Здесь никого нет, — сказал он. — Чума забрала много индейцев, но их всё ещё достаточно. Тебе лучше держаться поближе. — Пока он поворачивал лодку к берегу, начался дождь, мягкая морось стала более сильной.

— Сорча, давай подождем, пока буря утихнет, — сказал мой молодой человек.

Но я не могла ждать.

Я поспешила через влажный от дождя лес. Ноги увязали в мокрой земле, маленькие ветки царапали меня по рукам и ногам. Лианы хотели поймать меня в плен. Я споткнулась и упала, но это меня не остановило. Я прошла остаток пути на четвереньках, борясь с грязью, которая старалась отбросить меня назад и остановить.

Деревья поредели. Я оперлась о небольшое дерево, чтобы подняться на ноги. Я вышла на поляну на обрыве, на которой росло единственное высокое дерево.

В облаках надо мной прорезался свет, затем появилась молния — она дугой ударила в поднятые ветки одинокого дерева. От раздавшегося грохота у меня зазвенело в ушах; от разряда на коже побежали мурашки. Половина дерева откололась и упала, тлея от огня.

Я увидела, как что-то выпало из середины дерева. Лиам догнал меня и схватил за руку,

чтобы остановить меня. Но я оттолкнула его и уверенно пошла вперед. Я опустилась на колени у подножия упавшего дерева, и это было там, в траве — четкая, выжженная желтая капля, в центре которой что-то было, что-то темное по своей сущности.

Я высоко подняла это.

— Это никогда не будет забыто.

И я сжала камень в руке.

Я проснулась и лежала в кровати, вспоминая свой сон. Зная при этом, что это было нечто большее, чем просто сон. Что возможно это действительно происходило с Сорчей и Лиамом. Мои пра-пра-не-знаю-сколько-ещё-раз-прабабушка-и-прадедушка.

После моего сна я встала задумчивая и угрюмая, но, к счастью, в кухне никого не было, когда я туда спустилась. Пока я стояла и ложкой ела «Чириоуз»³, которые я смешала для себя, мама совершила ошибку, позвав меня вместо того, чтобы тихо войти в комнату. Я предположила, что речь пойдет о продвижении каких-то идей по поводу вечеринки, а я не была в этом заинтересована.

Я бросила свою миску в раковину и выскользнула через дверь наружу. Я пробежала по тропинке и свернула за угол дома, надеясь, что она не увидит меня в окно. Если мне удастся скрываться до десяти часов, то потом, когда придет Роза, чтобы помочь мне с брауни, я смогу полностью уклониться от того, что требуется от меня моей маме.

Стена изгороди простиралась справа от меня, на дюжины ярдов дальше, её прорезала арка. Мне это показалось хорошим местом для укрытия. Я забежала внутрь. Арка вела в длинный, зеленый коридор, на полу которого между каменными плитами проросла трава.

В конце коридора стояла маленькая девочка, лет шести или семи, с ореолом темных волос, в прозрачном белом платье.

И я подумала, что она красивая.

Она посмотрела в мою сторону, повернулась и скрылась за изгородью.

Не остановившись, чтобы задуматься, даже не попытавшись подумать, кто она или откуда, я побежала за ней.

В конце коридор раздваивался и уходил вправо и влево. Я повернула налево и, добежав до угла, снова налево. И тут до меня дошло, что я нахожусь в зеленом лабиринте.

На полпути к следующему коридору, пересекались два прохода, и, посмотрев направо, я увидела белое пятно.

— Эй! Стой! — я побежала быстрее и натолкнулась на очередную развилку. Поворот влево привел меня в тупик.

Я её потеряла. Я почувствовала непреодолимую боль.

Я пошла назад, повернув направо на первой развилке. Увидела три тупика во всех направлениях. Тут до меня дошло, что я тоже заблудилась. Я была уверена, что мне нужно повернуть направо, затем налево. И подумала, что должно быть я пропустила поворот. Я попыталась вернуться назад, пошла налево, затем снова налево и опять оказалась в тупике.

Тогда мне подумалось, что я могу опоздать к уроку по приготовлению брауни с Розой. Может быть, даже очень сильно опоздать.

Я решила, что мне следует стать более методичной. Я начала собирать попадающиеся мне камни, чтобы отмечать найденные повороты. Лабиринт не бесконечен. Так или иначе, я найду выход.

Десять минут спустя впереди показался очередной тупик, и я начала идти назад, следуя

по моим отметкам из камней, чтобы избежать любых ранее изведанных коридоров, и думая о том, какая я умная. При следующей развилке уже находилась отметка. Я собиралась уже идти подальше от него, когда мое внимание привлек камень. Он напоминал пятнистый зеленый камешек, который Ричард нашел в комнате Дейдре. Я оставила его в кармане джинсов, которые были на мне. Поддавшись импульсу, остановилась, чтобы снова поднять его — обычный камень, мог отмечать этот коридор. Когда я повернула за очередной угол, я обнаружила сидящей на скамейке кое-кого, кого совсем не ожидала увидеть. Она вздрогнула, присмотрелась и на её лице растянулась улыбка.

— Сара, девочка, вот ты где.

— Нанга! Слава богу, что я наткнулась на вас, — выговорила я, делая ударение на каждом слове.

Она засмеялась.

— Ты слегка заблудилась, не так ли?

Я рассмеялась в ответ.

— *Полностью* заблудилась.

Изгородь позади неё была ниже, чем где-нибудь ещё, позволяя немного рассмотреть реку внизу. Я прошла к дальнему краю лабиринта и даже не знала этого.

— Не волнуйся, ты всего лишь в нескольких поворотах от того места, с которого ты начала. Я расскажу тебе, как выйти.

Она назвала повороты. Я повторяла их следом за ней, затем повторила ещё раз.

— Спасибо за помощь, — сказала я. — Я уже начала волноваться. Это большой лабиринт. Я видела здесь маленькую девочку — с ней все будет в порядке?

— Не беспокойся за неё. Она знает, как войти, и знает дорогу назад.

— Она живет где-то по соседству?

— Да, именно. Она моя маленькая подружка. Иногда она навещает меня и делает мое сердце светлее.

Я нашла странным то, что Нанга бродит по территории Дома Эмбер. Разве что она привыкла гулять здесь, когда была жива бабушка.

Как будто прочитав мои мысли, она произнесла:

— Ида никогда не была против моих визитов. Я надеюсь, что ты тоже не станешь возражать. Она улыбнулась. — Присядь на минутку. Пожалуйста.

Пожилая дама не... приводила в замешательство... как было в первую нашу встречу. Может быть, потому что она только что спасла мою задницу. Как ни странно, она казалась моложе и более близкой.

— Что у тебя в руке? — спросила она, когда я села.

Я опустила глаза и с удивлением обнаружила, что всё ещё сжимаю в руке зеленый камешек. Она как будто хотела протянуть руку и прикоснуться к нему.

— Откуда это... — она остановилась. — Это вердит. Камень, который можно встретить только в Африке, недалеко от того места, откуда произошли люди. Держи его при себе. На удачу.

Я сунула камень обратно в карман.

— Джексон сказал, что мне следует вернуться и поговорить с вами. Что вы хотели? Раньше.

— Раньше? В твоей комнате?

— Нет. Что? Нет. Возле вашего дома.

— Я обещала тебе разговор.

То, как она это сказала, выглядело почти как вопрос.

— Да. Вы сказали, что есть что-то, что вы должны сказать мне...

— С Сэмми всё в порядке?

— С Сэмми всё хорошо, — ответила я, удивляясь, почему она вообще спрашивает об этом.

— Ты знаешь, — сказала она, — я здесь уже настолько давно, что, кажется, знаю все секреты дома Эмбер, — она кивнула в мою сторону, как будто предоставляет мне слово.

— Хм. — Я не была склонна к откровениям, но она продолжала ободряюще смотреть на меня. — Итак, вы знаете о... *даре*? — Я стеснялась сказать это слово вслух.

Она снова кивнула. И я почувствовала облегчение. Кто-то кроме Джексона сказал мне, что это реально. Это не было просто чувство в моей голове.

— Что это такое? — спросила я её. — Почему это происходит?

— Твоя бабушка привыкла называть это тенями, но это не совсем правильно. Ты ведь знаешь, что на вещах могут появляться физические отметки от прикосновения, вроде царапины или зазубрины? Мне кажется, что, возможно, наши мысли и чувства могут оставлять похожие метки на вещах, к которым мы прикасаемся, которые мы любим. Или ненавидим. И женщины в этой семье... те, у которых есть дар... могут видеть подобные метки, особенно, если они настроены на них. Это имеет для тебя какой-то смысл?

— Наверное. Вроде бы. Значит, это не призраки?

Она покачала головой.

— В Доме Эмбер нет призраков.

Нет призраков, повторила я про себя, мне стало немного легче.

— А что вы имеете в виду под... «настроены на них»?

— Похоже на звонок. Нужно нажать, чтобы ответить.

— То есть, мои мысли могут стать причиной видений?

— Скорее твои чувства. Или заботы. Беспокойство. Иногда, я почти уверена, что дом сам пытается помочь.

Я попыталась это переварить.

— А вы можете их видеть?

— Нет, дитя. Я не могу видеть прошлое.

— Откуда он? Этот дар.

— С давних времен. Фиона говорила, что бабушка, которая первой приехала сюда, имела его. Она могла находить потерянные вещи и узнавать о людях всё, просто прикоснувшись к их вещам. Ей пришлось покинуть дом, потому что все думали, что у неё дурной глаз. Ей пришлось стать рабыней, чтобы оплатить свой переход.

— Сорча, — сказала я.

— Ты её видела, — сказала Нанга. — Тогда, вероятно, ты знаешь, что в этом месте было что-то, что притягивало её. Что-то, что питало её дар. Может быть, это всегда было местом силы. А, может быть, сила появилась здесь, потому что здесь жило столько могущественных женщин, как будто их существование стало причиной её появления, причина или следствие, это не важно.

— А почему только женщины? — спросила я.

— Не знаю. Женщины во многом отличаются от мужчин. Они слушают по-другому. Они похожи на пауков, всегда плетут связи между собой и другими, всегда плетут свои сети.

Я кивнула. Даже не смотря на то, что не вполне понимала её. И мне не слишком понравилось то, что меня сравнивали с пауком.

— Если тебе когда-нибудь понадобится помощь, Сара, ты можешь довериться Джексону. Он хороший мальчик, и он пойдет на многое ради тебя. — Она слегка склонила голову и посмотрела на меня. — Ты знаешь, что вы с ним родственники? Кузены, если порыться в вашем семейном древе.

— Серьезно? — Это была интригующая информация. Во многих смыслах. Ричард говорил, что Капитан занимался перевозкой рабов, но я никогда не проводила никаких параллелей между работорговлей и моей семьей. Понятия не имею почему. Наверное, я не хотела об этом задумываться. И если Нанга говорит, что у меня с Джексоном есть общий предок, то это значит, что кто-то из моих предков мужчин сделал... что? Я даже думать об этом не посмела. Причинил *боль* дальней бабушке Джексона? Я почувствовала отвращение.

— Я знаю, о чем ты думаешь, девочка. — Её глаза стали задумчивыми. — Это было ужасно. Непростительно. Это невозможно забыть. Но из-за этого ужасного деяния на свет появилось много хороших мужчин и женщин. А та женщина получила свое правосудие — правосудие тогда и правосудие в конце. — Она кивнула, и её взгляд снова прояснился. — Мне всегда казалось, что в Доме Эмбер время находило путь к излечению.

Ужасное деяние, мысленно повторила я, тряхнув головой. Я надеялась, что та женщина добилась правосудия. Я подумала, что никогда не узнаю наверняка. Мне нужно было подумать об этом.

— Ладно, — я встала. — Я должна спешить. — Роза, наверное, уже ждет. — Ещё раз спасибо вам, за... всё.

Она улыбнулась и отмахнулась от моих благодарностей.

— Прощайте, — сказала я, уходя от неё.

Нанга повысила голос мне в след.

— Ещё одна вещь. Чуть не забыла. Ты никогда не запутаешься, решая тени это или нет, зеркало всегда скажет тебе правду.

Я была занята тем, что мысленно проговаривала повороты и думала о рабыне — предке Джексона, — с которой жестоко обошелся подонок-рабовладелец — *мой* предок. И это отразилось на моей связи с этим местом и этими людьми. Так что я была уже на полпути к выходу из лабиринта, прежде чем вообще услышала её последнее предложение.

Я нашла длинный зеленый коридор, ведущий наружу. Когда я вышла, я увидела Джексона, сидящего на каменной стене.

— Привет, — сказала я. — Что ты там делаешь?

— Сэмми... сказал мне, что ты пошла внутрь. Я хотел убедиться, что ты найдешь выход.

Я кивнула и слабо рассмеялась.

— Спасибо. Ты знал, что мы с тобой кузены?

Он поднял брови.

— Да. Я знал. Ида рассказала мне о женщине, которая была моей прапрабабкой, что-то около семи поколений назад. Похоже, что это была невероятная женщина.

— Я не знаю. Бабушка говорила мне о прапрабабушке, которая была сторонником ликвидации рабства. Почему-то она при этом никогда не рассказывала мне о наших предках-рабовладельцах.

— А откуда вообще всплыла эта тема сейчас?

— Там была Нанга. Она рассказала мне, как найти выход.

— Нанга?

— Ага. Она... приятная. Слегка странная, но приятная.

— Нанга... Я помню, как Ида говорила, что Нанга сделает для друга всё, что угодно, но с ней не стоит пререкаться. Она никогда не прощает и никогда не забывает.

Я подняла брови.

— Мне не кажется, что у неё настолько хорошая память — кажется, что в действительности она не помнила нашу первую встречу. Думаю, что так всегда происходит, когда человек стареет.

Он кивнул, забавляясь.

— Она хорошо держится последние несколько лет.

— Ты знаешь, который сейчас час? Мне кажется, что я должна быть на кухне прямо сейчас. Твоя бабушка предложила мне помочь с приготовлением брауни.

— Я знаю, — ответил он. — Помощь — это я.

Вот как. Серьезно?

— Ты собираешься сделать это?

— Ну, не задаром. Мы продублируем рецепт. Половину я заберу домой.

— Ты, правда, знаешь, что делать? — Я, должно быть, выглядела слегка скептической.

Он фыркнул.

— Это всего лишь брауни.

Он четко знал, где что находится — противни, какао и орехи, мука и сахар. Он передал мне пачку масла и сказал смазать противень.

— Как *смазать*?

Вздыхнув, он забрал масло, отрезал маленький кусочек и плюхнул его на противень.

— Используй пальцы, чтобы растереть его, особенно в уголках, чтобы тесто не приклеилось. Ты вообще когда-нибудь пекла пирог?

— Для этого существуют пекарни, — ответила я. — Мне нужно *использовать* пальцы?

— Да. Тебе нужно использовать пальцы. Но сначала вымой руки, — сказал он, закатывая рукава и берясь за мыло. Я изо всех сил пыталась не смотреть на невероятные грубые шрамы, поднимающиеся к его предплечьям. Но он всё равно поймал меня.

Он слегка пожал плечами.

— Дорожная авария, когда мне было три года. Я очень сильно обгорел с левой стороны.

Я не знала, что сказать в ответ. Я пробормотала что-то вроде — мне жаль.

— Я почти ничего не помню, — сказал он, — разве что иногда бывают сны. Бабушка говорит, что я мог умереть, но мне удалось выбраться из моего кресла. Взрыв отбросил меня. Получил травму головы и несколько сломанных ребер, но я выжил. Мои родители нет.

— Ты помнишь их?

— Не то, какими они были.

Не то, какими они были?

Видимо он понял, как странно это прозвучало:

— Я... я слышал множество историй о них, от бабушки, разумеется, и в моей голове сложилась картинка, какими они могли бы быть, какими бы мы стали... — Его голос стал тихим.

Если бы все сложилось по-другому, мысленно закончила я. Я подумала, что если мы

когда-нибудь всё-таки отыщем алмазы, я должна буду убедиться, что он получит половину. Он имел на них столько же прав, сколько и я. И он заслуживал большего, чем то, что дала ему жизнь.

Он встряхнулся.

— Нам лучше шевелиться, — сказал он. — Брауни должны остыть, прежде чем можно будет резать их.

После того как я натерла противни, он показал мне, как посыпать их мукой. Затем шаг за шагом мы прошлись по рецепту. *Ст.л.* значило *столовую ложку*; одна использовалась в *пароварке*, чтобы растопить шоколад; вторая давала возможность вытащить яичные скорлупки из миксера и *не лезть* туда пальцами...

Он схватил меня за запястье, когда я собралась вытащить попавший осколок.

— Ты хочешь лишиться одного? — А когда скорлупа случайно попала в тесто, он вылил всё в раковину и начал с самого начала.

Он взял всё на себя, повторно отмеряя сыпучие ингредиенты, вбивая масло в растопленный шоколад, растирая, смешивая, добавляя ваниль, даже не отмерив, сминая орехи рукой. Он определенно знал, что нужно делать.

— Плохо, что ты хочешь стать врачом, — сказала я. — Ты был бы отличным шеф-поваром.

— Я не собираюсь становиться врачом. Я хочу заниматься исследованиями.

— Исследованиями, — с удивлением повторила я. — Просто интересно, почему ты хочешь похоронить себя в лаборатории? Ты такой общительный. Даже Сэмми ты нравишься, хотя он едва ли любил кого-нибудь.

— Сэмми чудесный ребенок, — ровно сказал он, фокусируясь на разравнивании теста по двум противням, снова и снова разглаживая его. Я почувствовала, что сказала что-то неправильно, но не знала, что именно. Когда Джексон поднял глаза, его лицо было ровным. Ничего не выражало. Снова. Он сменил тему. — Давай отправим это в духовку.

Я начала убираться, пока он делал глазурь. Когда таймер прозвенел, он показал мне, как проверить степень приготовления и заявил, что противни готовы к мытью.

— Сядь, — приказала я. — Я закончу уборку. С этим я справлюсь.

— Если ты так настаиваешь, — сказал он. Он раскатал рукава и сел так, как сидел, когда я впервые увидела его — откинувшись назад, его вытянутые ноги заняли половину кухни.

— Как скоро нужно будет поливать все глазурью?

— Дай шоколаду несколько минут, чтобы растаять. Кстати, это называется *ганаш*. Шоколад и сливки смешанные вместе.

— Ладно, — сказала я, — сейчас ты просто хвастаешься.

Искренняя улыбка, теплая и расслабленная. Как тогда, на чердаке.

— Кто, я? — сказал он. — Да никогда.

Я засмеялась, и в этот момент вошла мама. Её губы были сжаты; она была раздражена.

— Сара, я видела тебя, когда ты бежала по тропинке, собираясь сбежать... — Она оборвала саму себя и подошла ближе, рассматривая меня. — Боже, как ты умудрилась размазать муку по всему лицу?

— Ты ищешь Сэмми? — с надеждой спросила я.

— Нет. Я искала тебя. Сэм уехал в Аннаполис с твоим отцом этим утром.

— Этим утром? — озадаченно повторила я. — Ты же говорил, что... — я повернулась к Джексону.

Но он уже двигался по направлению к двери.

— Я вернусь позже и покраю глазурью оба противня, Сара. — Он выскользнул.

Я повернулась к маме.

— А почему они не дождались меня?

— Сегодня *мне* нужна была твоя помощь.

— А что мы будем делать? — осторожно спросила я.

— У нас *была* встреча с планировщиком, поставщиком продуктов и дизайнером торта.

Но они ушли тридцать минут назад.

— Прости, мам, — сказала я, изо всех сил пытаюсь выглядеть раскаивающейся, а не радостной.

— Ну да, конечно. Не важно. Сейчас тебе нужно подготовиться к поездке в Аннаполис. Смени одежду. Причешись. И не могла бы ты воспользоваться блеском для губ и помадой, пожалуйста? Мы *пытаемся* произвести хорошее впечатление в округе.

Я стояла, чувствуя себя не в своей тарелке, в миллионный раз пытаюсь понять, слышит ли мама саму себя, когда говорит подобные вещи, или это происходит бессознательно. Она вышла, позабыв обо всем.

В том смысле, я понимала, что разочаровываю её. Я не могу быть похожей на неё. Я не такая красивая. Не шикарна. Не гениальна. Но знаете что? Я *хотя бы стараюсь* быть приятной.

Что тоже не похоже на неё.

Может быть, она просто не понимает, что у людей вообще-то есть чувства. *В отличие от неё.*

Я медленно поднималась по лестнице, попутно пытаюсь сообразить, каким образом девушка, которая нарисовала те восхитительные картины в сундуке на чердаке, превратилось в мою маму.

Я открыла дверь своей комнаты и остановилась. Постель была застелена. Моя одежда не свисала с кресла. И было ещё кое-какое отличие...

Стены. Цветочный рисунок был только частичным.

Я слышала какое-то движение.

Часть меня просто хотела развернуться и уйти прочь, но другая часть этого не желала. Мне было нужно увидеть того, кто скрывался с другой стороны кровати.

Девочка с русыми волосами сидела на полу, подвернув ноги под себя. В левой руке она держала палитру с красками. Кисточкой в правой руке она рисовала мальву, плетущуюся по стене, с распустившимися цветами и листьями.

Я обошла кровать таким образом, чтобы я смогла рассмотреть лицо девочки.

Моя мама. Примерно в одиннадцатилетнем возрасте.

Я некоторое время наблюдала за ней. Поглощенной работой. Расслабленной. Изредка напевает отрывок какой-то знакомой мелодии. Слегка в беспорядке, с краской на руках, джинсах и лице. Она выглядит, как девочка, с которой я могла бы подружиться. Она кажется... счастливой.

Если бы я только могла пройти сквозь время и поговорить с ней. Я хотела бы защитить её от чего бы то ни было, что забрало её счастье.

Не задумываясь, я произнесла вслух:

— Я люблю тебя, мам.

Девочка перестала мурлыкать и склонила голову, как будто она прислушивалась. Она выглядела озадаченной. Потом она макнула кисточку в краску и вернулась к прерванной работе.

Я вышла за двери. Я не хотела ничего знать о прошлом. Я не хотела этот дар. Он ничего не изменит, а только каким-то образом заставляет меня чувствовать себя хуже.

Когда я снова заглянула в комнату, там царил мой обычный беспорядок. А сад снова был на своем месте.

Личный Эдем моей мамы. Со стеганным яблочным деревом на кровати.

Я поспешно оделась, закончила макияж и спустилась вниз.

— Прости, что не помогла тебе с планировщиком вечеринки, — пробормотала я.

Мама слегка улыбнулась и пожалала плечами.

— Всё равно, это ведь не твое, не так ли? Всё в порядке. Уже почти всё готово. Это будет сказочная вечеринка, если это имеет для тебя какое-то значение.

— Уверена, что так всё и будет.

Когда я знала, что нужно искать, я всё ещё видела ту девочку со второго этажа. В основном это были глаза. Её голова всё ещё склонена. Все ещё прислушивается.

Я слышала, что снова произношу эти слова.

— Я люблю тебя, мам.

У неё на лице появилось странное выражение. Потом она сказала:

— Я тоже тебя люблю, милая. — Она тут же отвернулась и направилась в свою комнату. — Я буду готова уезжать через десять минут, — сказала она через плечо, её голос был слегка высоковат. — Ты же будешь в машине?

— Конечно, — согласилась я.

Я хотела выйти из дома. Я вышла на улицу, опустила окно в машине и ждала её на пассажирском сидении.

В Аннаполисе мама въехала на парковку перед магазином одежды.

Снова засада.

— Эй, — запротестовала я. — Я думала, мы встречаемся с папой и Сэмми.

— Я этого не говорила. Завтра мы идем в церковь и тебе нужна какая-то одежда.

— Церковь? — С каких пор моя мама стала верующей.

— Роберт пригласил нас присоединиться к нему, а затем отправиться в клуб на бранч⁴ и ежегодную Клубную Гонку на Чесапике.

Ах. Сенатор. Это было что-то вроде хорошей и плохой новости одновременно. Мне нравились лодки. И Ричард, скорее всего, тоже будет. Но день с Робертом в церкви и «клубе»? На моем лице, наверное, явно читалось полное отсутствие энтузиазма.

— Слушай, Сара, очень важно, чтобы мы до вечеринки увиделись как можно с большим количеством людей. В церкви будет много моих старых друзей, ещё больше их будет на регате. В гонке принимают участие пять самых больших яхт-клубов на Чесапике. Так что мы вчетвером будем там, будем улыбаться, будем общительными и хорошо проведем время. Поняла?

— Звучит интересно, — ровным голосом сказала я. Мне было интересно, каким образом мне следует держаться с Ричардом. Не слишком хотелось флиртовать с ним перед моими

родителями. Моя мама направилась к вешалкам, тогда как я нашла стул и присела. Я прочитала уже половину статьи под заголовком: «Десять пикантных способов сделать это летом!» в номере *Космо* двухгодичной давности, когда мама появилась передо мной с охапкой одежды.

Здесь не оказалось никого, кто бы примерял это за меня.

Она пыталась уговорить меня на нечто розовое, но я остановилась на шелковом сарафане, расписанном водяными лилиями и маками, с поясом на талии в виде толстой черной ленты. Беспокоясь, что оно не слишком подходит по сезону, мама нашла маленький кашемировый свитер, чтобы прикрыть мои плечи.

Продавщица в магазине предложила нам пару подходящих балеток.

— Что случилось с вашей бедной головой? — Спросила она, сочась фальшивым сочувствием.

Я почти готова была сказать ей, что это просто очень большой прыщик.

— Ударилась крокетным молотком, — сказала я, сладко улыбаясь.

— Она споткнулась и ударилась о столбик кровати, — поправила меня мама.

Продавщица постаралась скрыть ухмылку.

— А теперь давай найдем что-то для завтрашней вечеринки, — энергичным голосом сказала мама.

С меня было достаточно.

— Если я не смогу пойти в джинсах, я вообще никуда не пойду.

— Ты ведь не имеешь ни малейшего понятия, что оденут остальные, ведь так? — обвиняющим тоном спросила она.

— Если мы не попали в параллельный мир, когда летели сюда, то лучше бы им носить джинсы. А если джинсов не будет, тогда я буду единственным человеком на вечеринке, не являющимся полным лузером.

Сказав это, я начала молиться, чтобы на вечеринке народ был в джинсах.

Глава 10

Шопинг в Аннаполисе, разумеется, оставил мне мало времени для подготовки к вечеринке, и мой сеанс макияжа тем вечером длился чуть дольше обычного — я продолжала пытаться тщетно затушевать тональным кремом мой лоб. В итоге я начесала на лоб челку, чтобы скрыть мои усилия.

Ричард подъехал и просигналил в назначенное время. Я поспешила к парадной двери, всё ещё одергивая одежду и надеясь, что мне удастся в последний раз посмотреться в зеркало перед выходом, но мама уже была там, держа наготове свою помаду.

— Вы с папой куда-то идете? — удивленно спросила я.

— Я ужинаю с... некоторыми старыми друзьями. Мне кажется, что твой отец предпочитает компанию Сэмми, — холодно ответила она.

— А ты его вообще спрашивала?

— Тебя там не дожидается твое свидание?

— Это не свидание, — сказала я, беря пакет с брауни, которые я оставила на столе. — Он просто подвозит меня.

— Я же не должна волноваться за тебя, Сара? Я знаю, какими могут быть вечеринки богачей.

— Нет, мам, тебе не стоит волноваться за меня. Я всё ещё на сто процентов свободна от

пороков.

— Умница.

Я закатила глаза.

— Увидимся.

— Желаю хорошо повеселиться.

Тебе того же, подумала я. Но не сказала этого вслух. И не собиралась.

— Прости, что заставила тебя ждать, — извинилась я, когда уселась в маленький черный БМВ-кабриолет Ричарда.

— Без проблем, — бодро ответил он.

Мы двинулись к Аннаполису по тому же маршруту, которым мы чуть раньше ехали с мамой, только вот сейчас мы двигались намного быстрее. Ричард любил водить в том же стиле, в каком он любил управлять лодкой. Улыбка застыла у меня на лице, я засунула руки между коленей, чтобы не выдавать нервозность, и доверила свою жизнь всем средствам безопасности, которые только мог предоставить бимер.

Ричард резко свернул на подъездную дорожку одного из тех родовых поместий, где особняк, похож на тюдоровский с оштукатуренными балками и грубо отделанным камнем. Мы снизили скорость, проезжая мимо ряда других роскошных автомобилей и вклинились на место в гараже, которое кто-то оставил для нас. Мы выбрались из авто, и нас оглушила вибрация басов от музыки, звучащей в доме.

Я проследовала за Ричардом внутрь. Внутренняя отделка была из мрамора, ковры кремового цвета, высветленное дерево и мягкая кожаная мебель. Я была под впечатлением, но Дом Эмбер испортил меня. На мой взгляд, это всё выглядело, как дом из каталога: много денег и никакого чувства стиля.

Ричард нашел хозяйку, крепко обнял её и представил меня. Как оказалось, мои джинсы не подходили абсолютно. На Кэтрин было бикини.

Я с сожалением улыбнулась.

— Ричард не сказал мне, что это будет вечеринка у бассейна.

— Дики такой забывчивый, — тоном собственницы сказала Кэтрин. — Но ты можешь одолжить один из моих костюмов.

Гадость, подумала я.

— Класс, — сказала я вслух. Я вытащила брауни. — Мой вклад, — пояснила я, от души пожалев, что не проигнорировала свой импульс, принести их.

— О Боже, — с некоторым восхищением проговорила она. — А с чем они?

— С грецкими орехами, — ответила я.

Ричард начал смеяться. Громко. Я мысленно прокляла себя.

Кэтрин ткнула Ричарда под ребра. Она наклонилась и обняла меня.

— Так мило с твоей стороны, — сказала она. — Спорю, что они всем понравятся.

Она провела меня на кухню, на мраморных стойках были разложены еда для вечеринки и напитки. Мы добавили к ним брауни.

Кухня переходила в отдельную комнату, сделанную в виде ультрасовременного развлекательного центра. Высокий потолок доходил до второго этажа, куда можно было подняться по винтовой лестнице. Кэтрин пошла вверх по ступенькам, её почти обнаженная нижняя часть была на две ступеньки выше и прямо перед моим лицом. *Никакого целлюлита*, отметила я.

— Я умираю от желания попасть на твою вечеринку, — сказала она через плечо. — Я получила приглашение этим утром, но услышала о ней ещё в среду. Ричард позвонил мне и сказал собрать народ. Что я, разумеется, и сделала. Это будет великолепно.

Среда. В этот день он был у нас со своим отцом. Он не терял времени.

— Спасибо за твою помощь, — сказала я.

— *Пффф*, — пренебрежительно фыркнула она, махнув рукой. — Я увидела одно потрясающее платье четыре недели назад у Neiman's и попросила папочку купить его, но он сказал, что не собирается делать этого, пока у меня не появится случай надеть его куда-нибудь. И теперь такой случай появился! Я жду не дождусь показать его тебе. Оно розового цвета и очень обтягивающее, и я собираюсь прикрепить на спину крылья. А каким будет твой костюм?

— Я, хм, вроде бы золотистого цвета. — Она повернулась, слегка наклонив голову набок в ожидании подробностей. К сожалению, я не помнила ничего. — Оно кружевное. Миленькое, — добавила я.

Она улыбнулась, как будто мне было четыре года.

— Уверена, что так и есть, — сказала она и продолжила подниматься по лестнице.

Спальня Кэтрин была напичкана роскошными вещами — кровать с балдахин, отделанная пурпурным шелком-сырцом и заваленная декоративными чудными подушками, телевизор с плоским экраном, обитый бархатом двухместный диванчик, компьютер, стоимостью три тысячи долларов, хрустальная люстра. Одежда была разбросана на кровати и по полу — дорогая одежда. Я посчитала её беспорядок положительным качеством.

Полочка над её столом была заставлена дюжиной фотографий с автографами, где Кэтрин была запечатлена со знаменитостями.

— Ты знакома со всеми этими людьми?

— Мой папа — музыкальный продюсер. Я летаю с ним на все церемонии и награждения, на большинстве из которых присутствовали я и один из его клиентов. Она пересекла комнату и, распахнув обе двери, открыла гардеробную, которая была больше моей ванной дома. Бикини, которое она вытащила, скорее напоминало веревочки, чем полоски ткани.

— Хм, — пробормотала я, пытаюсь сообразить, каким образом я могла бы попросить у неё цельный купальник, хоть я и чувствовала, что у неё может и не оказаться такового. Она кивнула, как бы соглашаясь.

— М-да, мне кажется, что розовый не твой цвет. Этот?

Она вытащила почти идентичное красное бикини с узором из маленьких белых сердечек. Однако здесь были небольшие шортики, так что я отдала предпочтение ему.

— Мило. Спасибо.

С воды дух холодный ветерок. Большинство гостей плавали в подогреваемом бассейне, и невероятное количество людей собралось в гидромассажной ванне. Кэтрин пришлось заставить их потесниться, чтобы освободить место для нас.

Это было неудобно, чтобы не сказать странно — мы все набились туда, наши ноги и руки терлись друг о друга. Симпатичная брюнетка слева от меня через мою голову болтала с парнем, состоящим из одних острых углов, с коричневой кожей, как у какой-нибудь звезды Болливуда, сидящим с другой стороны от Кэтрин.

— Знаешь что, Чед, — говорила она слегка заплетающимся языком. — Однажды я

лизнула ртуть. Я разбила термометр, и вся жидкость оттуда вытекла.

Кэтрин закатила глаза и вздохнула. Затем прошептала мне на ухо.

— Это Оливия. Прости. Я понятия не имею, как она здесь оказалась. Я не приглашала её.

— Подвинься, Кэт, — я оглянулась. Ричард вклинился между мной и Кэтрин. — Кэт уже познакомила тебя с кем-нибудь? — спросил он.

— Я как раз собиралась, — начала Кэтрин.

Ричард утихомирил её одним взмахом руки.

— Сара, — и он обнял меня свободной рукой за плечи и притянул к себе, обращаясь к остальным, — это все. Все, это Сара Парсонс.

— Ты та крошка, которая устраивает вечеринку в доме с привидениями, — сказал Чед.

— Там нет никаких привидений, — слабо запротестовала я, заинтересовавшись тем, что он мог слышать.

— Моя бабушка говорила, что однажды, когда она была в нашем возрасте, она была там, — сказала Оливия зловещим голосом, — и тут же начала рыдать, даже не зная почему.

— У них прямо на территории находится чертово кладбище, — сказал парень рядом со мной. — Даже рабов хоронили там. Некоторым из них это могло не нравиться, не так ли?

— Я слышал, что там кого-то *убили*, — продолжал Чед, — труп нашли в ванной, прямо как у Стивена Кинга.

— Мой папа говорил, что в этом доме люди сходили с ума, — добавила девушка напротив меня, — а какую-то умственно отсталую девочку убили на лужайке прямо перед домом, когда она была ребенком.

Я снова попыталась:

— Там нет при...

— О, там полно призраков, — прервал меня Ричард. — Я был там. Их можно почувствовать. Но ведь это же вечеринка на *Хэллоуин*, ведь так? От неё *должно* бросать в дрожь. Я прав?

— Прав, — вяло сказала я, мрачно подумав, что я могу быть единственной, кого посещают призраки. — Я надеюсь, что вы все придете.

— Они придут, — с уверенностью сказал Ричард, делая ещё один глоток своего напитка. — Мой старик попросил об услуге. Играть будет Атаксия.

— О Боже, — завизжала девушка с брэкетами. — Атаксия?

Я едва сдержалась от того, чтобы не завизжать тоже. Атаксия на *моей* вечеринке? Он *не шутит*? Услышали все в радиусе десяти ярдов. Я узнала, что одна из самых продаваемых в стране панк-рок групп будет играть у меня на вечеринке. Это было блестяще. Внезапно я расслабилась больше, чем когда-либо за последние десять дней. Есть призраки или нет, но, может быть, люди таки придут на вечеринку. Может быть, они даже хорошо проведут время.

Оливия наклонилась ближе ко мне, на этот раз смотря мне прямо в лицо.

— Эй, а Ричард разве не брал тебя с собой в плавание? — Её голос был несчастным и обвиняющим.

— Ты плавала с Дики? — ухмыляясь, спросила меня точная копия Уилла Смита. — Он провернул с тобой трюк с кораблем?

— По правде сказать, всё так и было, — кивнув, ответила я.

Все парни расхохотались.

Клон Уилла сказал:

— Клянусь, Ричард запомнил наизусть всё расписание Балтиморского порта.

— Мне не нужны будут волны, чтобы побить тебя завтра, Морган, — сказал Ричард.

— Мы говорим о регате? — спросила я.

— Ричард с Чедом выигрывали последние два года, — ответил клон-Морган. — Но не завтра. В этот раз, «*Backdraft*» привезёт его домой.

— Хочешь подтвердить это небольшой суммой денег? — подколол Ричард.

— О какой сумме идет речь, Дики? Пять сотен?

— Мелочь, — улыбаясь, ответил он. — Следовало бы уравнивать.

Морган не выглядел весёлым, но он принял пари.

— В ней может участвовать, кто угодно? — спросила я.

— Вау, кажется, она рвется в бой, — снисходительно улыбаясь, сказал Морган, качая головой, — Прости. Только члены клуба.

— Но я не...

— Хочешь взять свою старушку для регаты, Парсонс? — с удивлением спросил Ричард. — Не думаю, что у них есть разряд для *антиквариата*, но я думаю, что смогу взять тебя в нашу гонку. — Он сделал движение ртом. — Если ты хочешь.

Не то чтобы я хотела. Участвовать. Но у меня была своего рода рефлекторная реакция на его пренебрежительный сарказм, может быть, потому что я так много слышала его дома.

— Конечно, Хэтэуэй, — услышала я свой голос. — Было бы неплохо. Подписывай меня.

Ричард выглядел удивленным. Кэтрин рассмеялась.

— Плата в сотню долларов. — Сказал Ричард. — Всё ради благотворительности.

— Я смогу покрыть эту сумму.

— Кто будет в твоей команде? Твой младший братишка?

— Что ж, Сэмми смог бы побить тебя, — улыбаясь, ответила я.

Ричарду не понравилось мое подшучивание.

— Как насчет побиться об заклад?

— Отдавать собственные деньги на благотворительность — это одно, Хэтэуэй, а помогать тебе с оплатой счетов за твой бимер, — это другое.

Кажется, это задобрило его. Его рот потерял жесткость, когда он попытался улыбнуться.

В следующий час толпа в гидромассажной ванне рассеялась. Ричард куда-то исчез, я специально не следила за ним. Я отчаянно делала вид, что всё ещё наслаждаюсь горячей водой. С меня уже хватит, парень в углу похрапывал, парочка напротив обнималась, а две девушки меня игнорировали. Я подумала, сможет ли папа забрать меня, если я проберусь внутрь и найду телефон. Но я даже не знала, какой адрес ему назвать.

— Сара.

Я посмотрела Кэтрин в лицо.

— Ты становишься похожей на чернослив. Пошли, поможешь мне.

Господи, да, дайте мне какое-нибудь занятие.

Итак, я стояла и ложечкой выкладывала в миксер замороженные фрукты и мороженое для Кэт. Она делала смузи. В перерыве между гудением блендера мы болтали.

— Ты давно знакома с Ричардом? — спросила я.

— Мы ходили в одни и те же школы с тех пор, как нам было по четыре года. Он практически как брат.

Брат. Это выглядело обещающе.

— Ты, должно быть, была знакома с его матерью.

— О, разумеется. Она всегда посещала школьные вечеринки и всё такое.

— Она была хорошей?

Кэт попробовала немного смеси из последней партии.

— Хм, конечно. Что я могла знать? Я была маленькой. Она казалась слегка... безумной. Ты понимаешь? Способной взорваться? И она *ненавидела* твою маму. Она была вроде как *одержима* ею.

— Мою маму? — откуда мать Ричарда могла быть знакома с моей мамой? Мама переехала в колледж и никогда по-настоящему не возвращалась назад. — Они ходили вместе в школу?

— Я помню, как однажды мы нашли школьный кубок с именем твоей мамы и миссис Хэтэуэй начала говорить о том, что твоя мама его не заслуживала. А в другой раз, когда мы проезжали мимо твоего дома, она сказала нам, что все в твоей семье поклонялись дьяволу. — Она захихикала. — Та можешь поверить так...

Её глаза слегка расширились, а голос чуть повысился.

— Так что я не знаю, стоит ли мне надевать маску или ещё что в этом роде. Люди будут в масках?

— Что? — недоуменно переспросила я.

Я почувствовала руку на своем плече.

— Парсонс!

Это был Ричард. Он схватил клубнично-персиковый смузи, взял меня под локоть и увел подальше.

— Вкуснятина, — сказал он, пробуя его.

— Это ты сделала, Парсонс?

— Не совсем, — ответила я. — Я всего лишь следовала указаниям.

— Кэт может быть властной, — сказал он. — Как она тебе?

— Это не то, что я... — Я попыталась ещё раз. — Она кажется...

— С умом как у пуделя, да? У её отца куча денег. — Он встал передо мной, поддел пальцем одну из петель на моих шортах. — Как насчет того, чтобы найти более уединенное место?

Мне стоило этого ожидать; я должна была подготовиться к этому. Но я даже не была уверена, правильно ли я его поняла. Чем конкретно занимаются люди в «более уединенном месте»? Правда в том, что я никогда не целовалась. А этот парень определенно привык к тому, что девушки сами бросаются на него. Было сложно признаться в этом даже самой себе, но этот парень пугал меня.

— Я хочу домой, — слова слетели с моих губ сами собой, как будто они жили собственной жизнью. — Нужно рано вставать. Мы идем в церковь с твоим отцом. Мне следует позвонить домой, чтобы меня забрали?

Его реакция была лучше, чем я ожидала. Он слотнул и слегка покачал головой, чтобы дать мне понять, каким неопытным ребенком я являюсь. Но он сказал, что отвезет меня домой.

— Мне ведь тоже рано вставать, чтобы идти в церковь, не так ли?

Я поднялась наверх и переделалась в свою одежду, затем отыскала Кэтрин, чтобы попрощаться. Она крепко обняла меня, как будто мы были лучшими подружками.

— Увидимся завтра, — сказала она.

Точно. На гонке, в которой я — как полная идиотка — согласилась соревноваться.

— Парсонс, что, во имя Господа, с тобой происходит?

Погруженная в свои мысли, я вышла на улицу, где в машине уже ждал Ричард. Но когда я уходила, то с некоторым удовлетворением заметила, что все мои брауни были съедены до последнего кусочка.

Ричард сбавил скорость, когда мы слетели на гравиевую дорожку Дома Эмбер. Шины закрутило, задняя часть автомобиля начала разворачиваться. Я мертвой хваткой вцепилась в подлокотник. Мы затормозили перед входной дверью.

— Спасибо, Ричард. Было здорово познакомиться со всеми этими людьми. Передай своему отцу, что я очень ему благодарна за Атаксию.

— Нет проблем, Парсонс. — Он улыбнулся мне одной из своих кривоватых улыбок.

— Ну, — сказала я, — спокойной ночи. — Я открыла дверцу, но он поймал меня за руку. У меня даже не было времени на волнения по поводу отсутствия опыта. Он просто потянул меня на себя и поцеловал.

Мягкие губы. Щетина. Клубника. Запах одеколona. Кончик его языка лишь слегка прошелся по моим губам. Его рука всё ещё крепко сжимала мою. Рычаг переключения скорости давил мне на ребра.

Это было не то, что я себе представляла с различными вариациями за последние несколько лет. Но очень интересно. Я не думаю, что мои губы когда-нибудь были столь *живыми*.

Он отпустил меня и я откинулась на сидение. Меня только что в первый раз поцеловал парень, о котором мечтает любая девушка, и я не знала, как на это реагировать. Значило ли это, что я безнадежная неудачница? Значило ли это, что... я ему *нравлюсь*?

— Спокойной ночи, Парсонс.

— Спокойной, Хэтэуэй, — ответила я, попытавшись изобразить холодный тон. Правда, он оказался слегка пронзительным. Но это стало причиной очередной удовлетворенной и кривоватой ухмылки.

Я выбралась из машины, захлопнула дверцу и заставила свои ноги двигаться. Я не оглянулась.

Ричард завел двигатель бимера, полетел гравий. Затем он вырулил с подъездной дорожки.

А Джексон вышел из тени и встал передо мной.

— О Господи! — выдохнула я, сначала испугавшись, затем пристыженно. — Ты меня напугал.

— Прости.

— Хм, это, — я неопределенно махнула рукой, — не моя идея. — С чего я вообще оправдываюсь перед ним. — Уже так поздно. Я не ожидала, что ты будешь тут.

Он пожал плечами, затем кивнул в сторону фонарика на ступеньках.

— Думал, что мы сможем продолжить наши поиски.

Я внутренне поежилась. Я пришла домой поздно, уставшая от напряжения на вечеринке, где я не была знакома ни с единой душой. У меня был первый поцелуй с парнем, который теперь может подумать, что я начала заикаться, и, по правде говоря, в этот самый момент я просто была не в состоянии рыться в очередных коробках.

Мое нежелание, должно быть, явственно читалось. Лицо Джексона затуманилось.

— Не обращай внимания.

— Прости. Я просто устала и всё. Не думаю, что я сегодня готова столкнуться лицом к лицу ещё и с тенями.

— Всё правильно. Как-нибудь в другой раз. — Он потянулся к полоске кожи, повязанной вокруг его шеи. Затем вытянул шнурок, с которого свисала гладкая капля жженого желтого камня. Он поймал отблеск света от лампы на крыльце.

— Я уже видела раньше похожий камень. Как он называется?

— Это янтарь, — ответил он. — Ида говорила мне, что считается, что на этом камне лежит что-то вроде благословения. Всё, что я знаю, так это когда я одеваю его, я чувствую гораздо большую уверенность в том, что всё пройдет так, как было задумано. — Он протянул его мне.

Я взяла его. Камень был теплым в моих пальцах. Внутри было что-то темное. *Боже!* По коже пробежали мурашки. Дефектом в янтаре был паук, его длинные лапки застыли в той позиции, в какой его застала упавшая капля сока дерева миллионы лет назад. Изящный и смертоносный. Отвратительный и прекрасный одновременно.

— Я... я думаю, что он должен быть у тебя, — сказал Джексон.

— Я не могу забрать его у тебя, — я вернула ему камень.

Он взял его и, сделав шаг, оказался у меня за спиной, поднял кулон над головой и обернул вокруг шеи. Он сделал крепкий узелок, затем прошелся пальцами по выпавшей пряди моих волос, его пальцы прикоснулись к моей коже. У меня перехватило дыхание.

— В чем дело? — спросил он.

— Всего лишь... прохладно, — ответила я и решительно заправила волосы за ухо.

Он повернул янтарь таким образом, чтобы паук припал к моему сердцу.

— Уже достаточно поздно, — сказал он. — Может быть, нам лучше попытаться в другой раз.

— Может быть, — согласилась я. — У меня много дел завтра. И это мне напомнило...

— Что?

Я резко палила.

— Ты знаешь «*Жидкий Янтарь*» лучше всех. Как насчет быть в моей команде на регате?

— В клубе? — спросил он и покачал головой. — Ты должна быть членом клуба.

— Ричард сказал, что он всё устроит. — Я посмотрела ему в глаза. — Я хочу победить его. Но я не смогу это сделать без тебя.

Он поднял бровь.

— Побить Ричарда Хэтэуэя было бы весело, — сказал он. — Но, может быть, это не слишком хорошая идея.

Он вероятно прав. Но...

— Если я буду участвовать, — сказала я, пожимая плечами, — то только чтобы победить.

В ответ на эти слова он широко улыбнулся, его зубы сияли в темноту.

— Мы с тобой заодно, кузина.

Он протянул руку — большую, теплую, сильную, крепкую, — и я пожала её.

— Договорились.

Глава 11

Я не была в церкви уже целую вечность. Моя мама была религиозной примерно в той

же мере, в какой она любила вообще всё сверхъестественное. Но на следующее утро она вела меня за собой по ступенькам.

Церковь была выстроена из кирпича и камня, со стрельчатой аркой над главным входом, заполненной витражами. Внутри арка повторялась множество раз, устремляя к небесам ажурные каменные ребра. Пять золотых шпилей увенчивали алтарь. Скамьи были глубокими, но пространство ограниченным. Достаточным, чтобы вместить всех нужных людей — всех аристократов этой части Мэриленда.

Мы были явными аутсайдерами и на нас было направлено достаточное количество вопросительных взглядов, пока мы шли вперёд по проходу к своим местам. Сенатор сохранил для нас место на скамье позади него. Он широко улыбался, пока не увидел идущего с нами моего отца, держащего за руку Сэмми. Его сто ваттная улыбка понизилась до сорока ватт.

Ричард улыбнулся мне своей ослепительно белой улыбкой, и я улыбнулась в ответ, пытаясь скрыть смущение оттого, что из-за него мне захотелось опустить глаза. Я не была точно уверена, как я должна вести себя с парнем, который поцеловал меня накануне вечером.

Мама с сенатором обрабатывали народ. Ричард схватил меня за руку и представил меня нескольким будущим гостям на моей вечеринке. Я пыталась запомнить имена, но мне было сложно сконцентрироваться. На заднем фоне визжала мама:

— Джо, сто лет не виделись! Лиза, мой Бог, ты нисколько не изменилась!

Папа с Сэмми тихо сидели в конце скамьи, ожидая пока закончатся все объятия. Спустя целую вечность, мы все уселись в мамину машину и последовали за сенатором на бранч в клуб.

Я ела с Сэмом и папой. Не думаю, чтобы моя мама присела хоть на минуту и съела хотя бы один кусочек. С бокалом крюшона в руке она наматывала круги по залу в режиме встреч и приветствий.

Её отсутствие в нашей маленькой семейной компании дало мне шанс задать папе вопрос, который я умирала, как хотела задать:

— Как-то бабушка упоминала, что мама когда-то рисовала, — солгала я. — И очень хорошо. Ты знал об этом?

— Да, я знал.

— А почему она перестала?

Он задумался. Я не была уверена, ответит ли он, но он с осторожностью ответил.

— Наверное, она почувствовала, что слишком увлекается. Что это контролирует её, а не наоборот.

Это уже звучало увлекательно.

— Почему?

— Она работала над рисунками, но в то время должна была заниматься другими делами и это... — Он задумался над концовкой предложения. — И это имело какие-то нехорошие последствия. Так что она прекратила.

— Что за...

— Это всё, что я могу сказать тебе на эту тему. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

Боже. Ну ладно. Так быстро, как только смогла, я извинилась и вышла на улицу.

Я спустилась к доку, посмотреть на плавсредства. Не просто милые маленькие шлюпы,

каким был *Жидкий Янтарь*, — хотя здесь было и много ультрасовременных похожих версий, — но были также и яхты всех уровней, моторные (для чистюль) или двухмачтовые. Лодки, на которых можно смело плыть в Грецию.

В клубе установили небольшую платформу для тех, кто собирался наблюдать за регатой. Я села и начала смотреть в сторону Чесапика, думая, что для меня же будет лучше, если я не увижусь с Ричардом вовремя, чтобы записаться на гонку.

Хотя для этого мне следовало бы выбрать менее открытое место.

Подошел Ричард и сел рядом со мной со своей обычной грациозностью.

— Видел, что ты вышла. Пытаешься от меня отделаться, Парсонс?

— Отделаться от тебя? Даже не мечтай об этом, Хэтэуэй. — Я откинулась назад в попытке изобразить его обычные манеры. Он протянул руку, чтобы отбросить прядь моих волос.

Я невольно сдвинулась, чтобы между нами было больше пространства. Он улыбнулся и позволил локону лечь на прежнее место.

— Я задолжал тебе извинения, — сказал он. — За вчерашний вечер.

— Совсем нет, — ответила я.

— Нет, я должен. Наши родители — друзья. Я не должен был этого делать. Я надеюсь, ты не рассказала своей маме.

— Ну, разумеется, нет, — сказала я, пытаюсь сделать вид, что для меня это было не таким уж важным событием, но думая при этом, как замечательно то, что моя мама была бы тем единственным человеком, которая желала бы этого для меня. Хотя я не слишком понимала, что «это» может значить. Просто я пока не хотела, чтобы это умерло.

Он пожал плечами.

— Думал, что мне следует извиниться.

— Всё в порядке, — сказала я, желая при этом, чтобы у меня хватило смелости добавить, *что мне понравилось*. Но я никогда не была *настолько* храброй.

Тогда он улыбнулся и сказал уверенным, поддразнивающим голосом:

— Итак, что скажешь, Парсонс? — он кивнул в сторону лодок. — Идем записывать тебя в участники или ты струсил и решила, что будешь поддерживать меня с берега?

— Пошли, — сказала я.

— А ты не сдаешься, — удивленно сказал он.

— Ну, — ответила я, собирая всю свою храбрость, — я не хочу терять очки.

Это было почти-на-границе-флирта, но он уловил его. Он усмехнулся и по дороге назад обнял меня за плечи. Это было странное чувство. С одной стороны, я чувствовала себя неловко, так как не знала Ричарда достаточно хорошо для объятий. С другой стороны, какой-то тайной части меня абсолютно точно нравились объятия этого парня.

Серьезно, разве не о таком мечтает любая девушка? Я решила расслабиться и наслаждаться этим.

Поиски кого-нибудь, кто записал бы меня для участия, заняли у нас некоторое время — мы переходили от одного человека к другому. Наконец мы нашли пожилого джентльмена с пришитой к куртке эмблемой клуба.

Он не слишком хотел добавлять меня к участникам.

— Что ж, — колеблясь, сказал он, — не член клуба. А на какой лодке вы собираетесь плыть?

— Это лодка моей бабушки. «Жидкий Янтарь».

— «Янтарь»? — переспросил он. — Ты внучка Марка и Иды?

— Да.

— Тогда конечно, — с неожиданным энтузиазмом произнес он, — разумеется, ты можешь соревноваться. Твои бабушка с дедушкой помогли *основать* этот клуб. Ты практически почетный член. — Он вытащил планшет с зажимом для бумаги и форму для заполнения. — Ты уверена, что хочешь отдать мне это? — спросил он, беря протянутую пачку денег. — Твой парень может вложить деньги намного умнее, — сказал он, похлопав Ричарда по спине.

Мой парень? Мелькнуло у меня в голове, пока я ожидала, что Ричард поправит его. Но Ричард просто улыбнулся. Я сказала:

— Это же на благотворительность, ведь так?

— Да, конечно. Ты знаешь, она может составить тебе конкуренцию, Ричард. — Он широко улыбнулся. — «Янтарь» уже забирал кубок домой, — сказал он. — Это было давно, но я помню, как твои бабушка с дедушкой участвовали в гонке. Они были хорошей командой. Чёрт, жаль, что всё так случилось. — Он покачал головой. Я надеялась, что он скажет больше, но он уже сменил тему. — Эта малышка всегда была быстроходной, — закончил он. — Просто создана для этих вод.

Пожилой джентльмен дал мне карту маршрута и махнул рукой в сторону воды, где могли быть найдены буйки. Он пожал мне руку.

— Удачи тебе и «Янтарю», — сказал он.

Мы с Ричардом отправились обратно.

— Я не знаю, Парсонс, — сказал он, — может быть, мне стоит начать волноваться. Учитывая то, что «Янтарь» выигрывал гонку раньше? Когда, семьдесят лет назад? — Он от всего сердца рассмеялся над собственной шуткой.

Я тоже засмеялась.

— Просто следи, кто у тебя на хвосте, Хэтэуэй, потому что я буду там.

— *Ой-ой*, — сказал он в притворном ужасе.

Он вернулся к своему столику, а я пошла к своей семье. Когда я туда добралась, папа с Сэмми уже покончили со своими десертами. Мама, наконец, сидела рядом с ними и отщипывала кусочки тоста. Я попросила у папы ключи от машины.

— Зачем? — с подозрением спросила мама.

— Мне нужно переодеться.

— Зачем?

— Я участвую в регате и будет лучше, если я сниму это платье.

— Ты *что*? — вырвалось у мамы.

— Эй, — сказал папа, — это же здорово.

— Ричард пригласил тебя в команду? — недоверчиво спросила мама.

— Нет, — сказала я. — Я участвую сама. Я беру «Янтарь».

— *Янтарь?* Детка, это *не слишком* хорошая идея...

— Всё уже решено. Я уже заплатила за участие и всё такое.

Мама сжала губы.

— Я бы предпочла, чтобы ты спрашивала разрешения у меня, прежде чем делать подобные вещи. Ты можешь всё разрушить. — Она пальцем сделала мне знак наклониться ближе. Затем приложила губы к моему уху и прошептала. — Тебе не следует выигрывать.

Я переделалась в капри и свитер, сложив платье в машине, и отправилась к городскому причалу. Был полдень. Джексон пришвартовывал «Янтарь».

Я вытащила карту, которую мне дал пожилой джентльмен.

— Давай выйдем и проверим маршрут, — предложил Джексон.

— Я подумывала о том же, — согласилась я. Мы подняли паруса и заплыли достаточно далеко, чтобы заметить маркеры и попрактиковаться подстраиваться к ритму друг друга.

Гонка начиналась в Спа Крик, как раз рядом с устьем у Старой Бухты. Затем путь шел на северо-восток к заливу Северн, петлей обходил маркер в бухте, которая включала северную территорию военно-морской академии, затем поворачивал на восток к Чесапику и второму маркеру. Потом нужно было повернуть на юг к Howard's Point, осторожно по кругу обойти скалистый остров, на котором на небольшом расстоянии от берега находился маяк. Это будет самая сложная часть гонки из-за отмелей, проинформировал меня Джексон, там будет мелко и много скал. Но к счастью, к тому времени как мы туда доберемся, толпа уже должна будет рассредоточиться, так что не придется бороться за выгодное положение. Затем курс идет к устью Северна, вокруг небольшой бухты и на юго-запад, назад к Спа Крик. Первая пришедшая к финишу лодка получает приз.

Гонка стартовала в три часа сразу после того, как команды в возрасте до четырнадцати лет закончили свой более короткий маршрут. В классе от четырнадцати до восемнадцати лет было одиннадцать участников. «Ласточка» Ричарда стояла в первых рядах, так же как и новенький шлюп Моргана. Мы с Джексоном стояли в последней паре.

Когда мама увидела, как я занимаю свое место в паре с Джексоном, я даже на расстоянии могла почувствовать её недовольство. Но Сэмми прыгал и кричал:

— Вперёд, Сара! Вперёд, Джексон!

Обе реакции доставили мне удовольствие.

Дул северо-западный ветер, со свистом проносясь между рядами мачт, раздраживая воды, развивая паруса и раскачивая лодки. В сочетании с течением реки направление ветра давало возможность для быстрого старта на первом участке гонки в северо-восточном направлении к маркеру-буйку.

На каждой лодке команды были готовы поднять паруса. Лидеры старались не заплывать за стартовую линию, чтобы не потерять место.

Взмах стартового флага, сигнал горна, и Джексон плавно поставил наш основной парус на место, пока я держала штурвал по левому борту. Парус надулся в идеальную кривую и «Янтарь» устремился вперед. Я бросила свой вес в сторону правого борта, чтобы удержать корпус, даже если вода и помогала увеличивать скорость.

Когда устье залива расширилось, толпа начала редеть. Мы догнали нашего соседа и вырвались вперед. «Янтарь» была маленькой, но хорошо сбалансированной. Как и все остальные, мы преследовали лидирующую «Ласточку», за которой тенью следовал «Backdraft».

Я делала не слишком много, направляла нос лодки в основном направлении к буйку, который отмечал первый поворот. Джексон работал с парусами — устанавливал, балансировал, регулировал колебание — чтобы получить максимально возможную выгоду от направления ветра.

К тому времени как мы добрались до бухты Академии, половина лодок тащилась позади. Медленные лодки, менее умелая команда. Я видела, что Ричард всё ещё удерживает

первое место, а Морган и ещё две лодки преследуют его. Они уже прошли первый буй и неслись на северо-восток, почти против ветра, и я видела, что команда Моргана совершала сложный маневр — требовалось зигзагообразное движение. «*Backdraft*» сместился на третье место, затем на четвертое, и мы стали нагонять его.

Лидирующие лодки свернули на северо-восток, идя близко к болотистой местности, но Джексон назвал другой курс, который заставлял нас обходить по более широкой дуге. Большее расстояние, которое принесло свои плоды. Сначала мы извлекали скорость из течения реки, затем «*Янтарь*» поймал новое подводное течение.

— Поток, — прокричал Джексон. — Нужно слегка повернуть.

Другие лодки, следовавшие близко к берегу не получили такого толчка от этих двух невидимых рук. «*Янтарь*» выиграл от этого. Мы догнали и обошли лодку Моргана, а затем ещё две перед ним. Внезапно мы оказались на втором месте.

Мы сблизилась с Ричардом, когда подошли к следующему повороту. Ричард сместил парус, а Чед начал поворачивать. Так как Джексон уже наладил наши паруса, я навалилась на штурвал.

— Нет, стой! — прокричал Джексон.

В замешательстве я попыталась остановиться, но «*Янтарь*» уже двигался в нужном направлении. Я не видела этого до последней секунды. Чед выпрямил «*Ласточку*», так что моя очередь настала раньше него. Ухмылка Ричарда была достаточно широкой, чтобы увидеть её на расстоянии, которое разделяло нас.

— У тебя штрафной, Парсонс — прокричал он.

Меня обманули. Согласно правилам, лодка не могла начинать поворот вокруг буйка до того, как его сделает ведущая лодка. Штраф предполагал вынужденное замедление — два ненужных поворота, которые замедлят нас. Мы с Джексоном неуклюже выполняли маневр и скатились на пятое место.

Я поймала взгляд Джексона и губами прошептала «*Прости*».

Он пожал плечами, улыбнулся и прокричал в ответ:

— Мы их догоним.

С ветром, дующим в сторону залива, плыть на следующем отрезке по направлению на юго-запад к маяку было настоящим мучением для тех, кто не умел маневрировать. Джексон, к счастью, гениально управлялся с парусами. Я не знаю, каким образом, но он умудрился сократить наше отставание к последнему, самому длинному отрезку в западном направлении, и на максимально возможной скорости мы подошли к повороту вокруг маяка.

Я тревожилась по поводу того, что нам нужно замедлиться. Я видела скалы вдоль берега; я не хотела обходить по слишком широкой дуге и закончить на этих зубцах.

— Иди по ветру, — прокричала я Джексону, умоляя его убрать ветер с парусов «*Янтаря*» и замедлить его. Он покачал головой.

— Мы справимся, — прокричал он в ответ. — Доверься мне.

Я навалилась на румпель, повернув его к правому борту, и, затаив дыхание, молча проклинала его. *Если мы разобьем «Янтарь» из-за его трюкачества...*

Я смотрела, как «*Янтарь*» идет на юг, затем на юго-запад, затем отклоняется всё дальше и дальше на восток. Мы задели скалу — я чувствовала небольшое дрожание корпуса, как будто какое-то подводное препятствие задело обшивку. Но затем мы были свободны, паруса наполнились и мы неслись на восток-северо-восток. Когда лидеры только начали набирать скорость, мы уже неслись на полном ходу и обошли всех, кроме Ричарда и Чед.

Их паруса были наполнены, как и наши, сейчас обе лодки шли на северо-запад, по ветру. Подойдя к северному берегу бухты, Ричард спустил парус, замедлившись из-за необходимости обойти буй против часовой стрелки, готовясь поймать меня на тот же крючок.

— Шестьдесят градусов на запад. — Прокричала я Джексону.

Он понял, усмехнулся и спустил парус. Мы повернулись, чтобы обойти буй с противоположной стороны. Мы проплыли мимо Ричарда и Чеда, немного теряя опору, но сохраняя скорость. И когда мы завершили поворот, мы шли круто к ветру, держась на сорок градусов перпендикулярно ветру. Ричард и Чед вышли из поворота полностью против ветра и вынуждены были лавировать.

Я не была уверена, но мне казалось, что мы почти сравнялись.

— Восемьдесят по левому борту, — прокричал Джексон и я навалилась на румпель, когда парус качнулся. Мы прорезали ветер и снова сменили курс, двигаясь на запад. Ричард с Чедом шли в обратном направлении, идя к нам с востока.

Затем мы снова повернули — они пошли на запад, мы на восток, — разделившись. Сейчас я уже могла различить крики толпы. Мы были близко. Лодки снова повернули, идя нос в нос, мы вошли в устье Спа Крик. Ричард сменил направление, так что мы шли бок с бок. «Ласточка» лидировала, но мы шли этим курсом дольше, так что у нас было больше выгоды. Финиш был уже близко.

Мы прошли мимо буйков и я не могла сказать, кто победил. Я посмотрела на Джексона, тот пожал плечами — он тоже не знал.

Всё выглядело так, как будто победил Ричард. Я была уверена, что так и было.

Пока я не услышала, как он выдыхает слово из четырех букв.

Ухмылка Джексона была достаточно широкой, когда он пришвартовывал «Янтарь», но он не присоединился ко мне на церемонии награждения.

— Я не член клуба, — пояснил он. Я понимала, что он чувствовал себя слегка неудобно, потому что именно так чувствовала себя я, когда пошла одна, мысленно проклиная его за трусость. Папа с Сэмми радостно кричали, но мамы нигде не было видно.

Я нашла папу в толпе, чтобы сказать ему, что я ухожу.

— Как ты доберешься домой?

— Джексон сказал, что он довезет меня на «Янтаре».

— Твоя мама будет не слишком довольна. Сначала ты выиграла, сейчас ты скрываешься от неё.

— Ну да, но когда она вообще бывает довольна? — сказала я, пожимая плечами.

По дороге к Джексону и «Янтарю» я снова наткнулась на Ричарда. Он сидел на краю причала, глядя на беспокойные воды залива. Его кубок за второе место лежал рядом с ним. Я собралась сказать ему, что это была адская гонка, что мы были так близко, что я была уверена, что победил он. Но я не сделала этого. Я просто прошла мимо. Я почти сожалела о том, что не послушалась маму.

Глава 12

Джексон закрепил парус, чтобы поймать северный ветерок и взялся за штурвал для нашего путешествия домой вверх по реке. Тишина повисла вокруг нас словно занавес.

— Ты хороший моряк, — сказал мне Джексон.

— Похоже, ты удивлен, — прокомментировала я в притворном изумлении. — Раньше

ты не удивлялся, что бы я ни сделала.

— Правда?

— Ага, сам подумай об этом. Серьезно. Почему так?

Я едва могла видеть его лицо, но я слышала нотки юмора в его голосе.

— Почему я удивлен? Или почему я не удивлен?

— Любой из вариантов. Хотя... Давай начнем с части «не удивлен».

— Я думаю, что я не удивляюсь некоторым вещам, потому что, как мне кажется, они тебе подходят. Или, может быть, Ида говорила мне о них.

— Должно быть, бабушка проводила много времени в разговорах обо мне, — сказала я. — Видимо она становилась невероятно скучной.

— Ты думаешь, что я знаю тебя настолько хорошо?

— Иногда такая мысль приходит мне в голову.

Он рассмеялся.

— А, может быть, ты просто легко предсказуемая.

— Может быть, — ответила я с досадой, но слегка забавляясь. — Наверное, из нас, скорее всего, скучна именно я.

— Совсем нет, — милостиво произнес он. — Просто подумай о бедняге Ричарде Хэтэуэе — его ты чертовски удивила.

Вернувшись домой, мы привели в порядок «Янтарь» и поднялись по каменным ступенькам. Джексон пожелал мне спокойной ночи, я собиралась сказать в ответ то же самое, но остановила его.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Эй, — сказала я, протягивая руку, — поздравляю с отличной гонкой.

Он взял мою руку, но не пожал её, просто немного подержал в крепкой, сильной руке. Он посмотрел мне в глаза и улыбнулся.

— Команда победителей.

— Точно, — сказала я и сжала его руку. Он отпустил меня. — Как насчет охоты за сокровищами? У нас есть где-то пара часов, пока мама, папа и Сэмми закончат смотреть на фейерверки и вернуться домой. А я не хотела оставаться в доме одна.

— Конечно.

Мы нашли ленту, ножницы и фонарики в кухне.

— Куда мы пойдём? — спросил он.

— Как насчет того, чтобы подняться по лестнице здесь?

Он выглядел удивленным.

— В кухне нет лестницы.

— В кукольном домике таковая имеется, так что я просто подумала...

Выражение его лица сменилось с задумчивого на взволнованное. С внезапной уверенностью он подошел к стене справа от огромного камина. Стену занимал узкий шкафчик, а рядом стоял комод с тремя выдвижными ящиками, в которых бабушка хранила такие штуки как алюминиевая фольга и скалки.

Джексон открыл шкафчик, в котором почти ничего не было, кроме чистящих средств и гладильной доски. Он постучал по левой стене, и раздался звук, похожий на постукивание по арбузу: два коротких удара и *глухой стук*.

— Здесь пустота. — Сказал он. — Но как мы попадем туда?

Задумавшись, он склонил голову, затем пошел к двойным дверям серванта слева от

шкафа. За ними скрывалось множество выдвижных ящичков, на каждом из которых была задвижка, державшая их запертыми. Я открыла некоторые из них — там были различные предметы столового серебра, лежащие в углублениях, сделанных из ткани. Я осторожно закрыла ящички и поставила задвижки на место. Всё выглядело так, будто старую кухонную лестницу убрали много лет назад.

— Видишь это? — спросил Джексон, указывая куда-то.

Едва видимые, у основания ящичков, виднелись две горизонтальные линии из темного металла.

— Петли, — сказали мы в один голос.

Снова Джексон задумчиво склонил голову и снова посмотрел вверх с новой целью. Он ощупал верхнюю рамку на панели ящичков. С правой стороны трехдюймовый кусочек деревянной панели вжался внутрь с легким щелчком. При этом верхний край панели выскочил вперед на долю дюйма.

От удивления у меня отвисла челюсть. Весь набор маленьких ящичков был сделан таким образом, чтобы вылезти наружу и вниз на переднюю часть широких нижних ящичков. Теперь я поняла, почему все маленькие ящички с серебром были закрыты — чтобы не выпасть наружу при перемещении.

Джексон улыбнулся мне. Затем он дернул за ручку верхнего ящика.

Верхний край панели передвижных ящичков перевернулся и опустился на механическом приспособлении, созданном для замедления спуска ящичков. Скрытая задняя часть ящичков оказалась короткими ступеньками, которые вели к лестнице в открывшемся проходе.

Потайная лестница.

— Фантастика, — прокомментировал Джексон. — Интересно, Ида знала о ней?

Я направила луч фонарика в открывшееся пространство. Лестница была темной, узкой и закрученной.

— Попробуем подняться? — засомневавшись, спросила я.

Вместо ответа он поднял свой фонарик и начал подниматься. Я выключила свет в кухне и последовала за ним. Он протянул руку назад, чтобы помочь мне, и я взяла её, нуждаясь скорее в храбрости, чем в помощи. Мне пришлось пригнуться, чтобы пройти через маленькое отверстие на лестнице, когда я оказалась внутри, Джексон нажал на деревянный рычаг на краю отверстия. Он освободил вес, который удерживал двери закрытыми, когда он был в опущенном положении. Я попятилась, когда ступеньки встали на место.

На ступеньках лежал толстый слой пыли. Я пыталась не думать о существах, которые живут в темноте — многоножках и тараканах, жуках и черных вдовах. Лестница делала один виток за другим, ряды небольших треугольных ступенек. Я умирала от желания взяться за что-нибудь, но ни за что на свете я не могла заставить себя протянуть руку и прикоснуться к перилам.

Я свернула за угол, и, сделав неудачный шаг, потеряла равновесие. Я повалилась на стенку, слепо пытаясь удержаться, и задела рукой сеть из паутины. Я вскрикнула. Джексон направил на меня фонарик.

— Эй, — сказал он, — держись подальше от сетей.

— С радостью, — ответила я, вытирая руку о свои брюки.

— Нет, я имел в виду её. — Он посветил куда-то в сторону в нескольких футах от меня, — оранжевый паук, неистово трясущийся на своей паутине. — Видишь её?

— Гадость, — подтвердила я.

— Её называют доброй магушкой. Очень защищает свое гнездо. Она укусит тебя, если подберешься слишком близко. А она достаточно ядовита. Не думаю, что на Западном побережье водится что-то подобное.

— Господи, — сказала я, осторожно обходя её. — Не думаю, что я вообще слышала о ней раньше. Разве что в детском стишке, который на днях рассказал мне Сэм.

— Я знаю его.

— Интересно, откуда он его знает? — ответила я, держа себя в руках и освещая фонариком каждую паутину, мимо которой я проходила.

Джексон продолжал вести нас всё выше, пройдя площадку на втором этаже. Там ступеньки сужались, становилось сложнее передвигаться и воздух был спертый. Я была благодарна ему за то, что он расчищает путь через паутину, но мне не нравилось ощущение темноты, которая преследовала меня, торопясь закрыть последствия вторжения наших фонариков.

Он резко остановился, достигнув двери из тяжелых досок, сверху и снизу охваченных железом, и с замочной скважиной. Если её когда-нибудь и запирали, то сейчас она была открыта. Ручка повернулась, и Джексон толкнул её плечом, заставляя сопротивляющуюся дверь открыться.

Дрожащий свет от наших фонариков осветил длинный, узкий, пустой чердак с наклонным потолком и единственным окном в дальнем конце. Воздух был ледяным — я почти ожидала увидеть, как дыхание выходит из меня в виде пара — мне не слишком хотелось заходить туда. Затем мой фонарик высветил деревянный сундук, стоящий в темноте в центре комнаты.

Я перестала дышать. Я фактически чувствовала, как кровь бежит по венам, стучит в висках. Мои пальцы нашли руку Джексона и я схватила её мертвой хваткой. И я подумала, *Боже мой, это оно. Мы нашли алмазы.*

Джексон расцепил мои пальцы, взял меня за руку и повел к сундуку. Подойдя поближе, мы увидели, что он стоит на старом персидском ковре. Запертый на тяжелый замок. И ключа нигде не было видно.

— Что ты будешь делать? — спросил он меня.

— Ты что, шутишь? Давай откроем его. Разве ты не хочешь этого?

Он не ответил.

— Направь свой фонарик на замок. — Он использовал ручку своего фонарика в качестве молотка. Звук ударов оказался чертовски громким в тишине чердака. Он остановился. — Не уверен, что это хорошая идея. Может быть, кто-то хотел, чтобы он оставался запертым.

Я не верила своим ушам.

— Мне кажется, ключевое слово в твоём предложении «оставался». Прошедшее время. Судя по слою пыли, никто не был здесь уже очень-очень давно. Я думаю, что *нам* нужно открыть его сейчас. Продолжай!

Его лицо, искаженное тенями и неровным светом наших фонариков, выглядело жаждающим.

— Я... У меня просто плохое предчувствие. Я хочу открыть его, но из нас двоих именно ты всегда натыкаешься на лица в темных углах...

— Эти видения не могут ранить меня. Открывай же.

Он ударил по замку ещё раз и тот, сломавшись, открылся. Джексон снял засов. Крышка

открылась с металлическим скрипом.

Он сделал шаг назад и навел луч фонарика на сундук и его содержимое. Очевидно, что мне была предоставлена честь посмотреть первой.

От волнения у меня в груди всё сжималось. Я опустилась на колени, и моя рука задела кучку бусин, которая лежала на старом ковре давным-давно. Я поднесла их к свету: серебряные четки.

Время разверзлось. Сначала я услышала женский плач. Затем в поле моего зрения появилась она, стоящая на коленях рядом со мной — я попала на момент, когда она закрывала замок на сундуке, тот же самый замок, который Джексон только что сломал. Я увидела, как она дергает его, чтобы убедиться, что он заперт.

Я знала её лицо — она была красива даже с потекшим от слез макияжем. Это была Фиона Уоррен. Я видела её фотографию в книге. Огненный цвет волос удивил меня — старые фотографии столетней давности были с оттенком сепии. Пока я наблюдала за ней, она начала поворачивать свое лицо в мою сторону и у меня появилась иррациональная мысль, что мне нужно прервать видение, прежде чем она увидит меня. Я выпустила четки из пальцев. Она исчезла.

— Ты уверена, что хочешь сделать это?

— В чем твоя проблема? — спросила я, слегка раздражаясь. Вся эта охота за сокровищами была *его* идеей. Мы уже почти отыскали алмазы. Почему он вдруг решил пойти на попятную?

— Ты слышала старую пословицу — иногда вещи, вытащенные из коробки, уже нельзя положить обратно?

Недоверчиво покачав головой, я решительно обратила свое внимание на содержимое сундука. Там всё было в беспорядке. Алмазы могут находиться где угодно — в сумке, конверте, даже в подоле пальто.

Я увидела голенища пары черных сапог, конец маленькой деревянной коробки, рукоять хлыста, раскрошившийся шелк платья. Я протянула руку и вытащила что-то золотое — застежка на нитке коралловых бус с большим куском нефрита в центре. Я протянула их ему с ликованием. — Посмотри на...

Но слова, которые я начала произносить, замерли на моих губах, когда яркий дневной свет заполнил мое видение. Перед собой я увидела маленькую девочку с золотистыми кудряшками, в розовом сатиновом платье с юбкой с кринолином и с коралловым ожерельем. Она склонилась над деревянным корытом, разбрызгивая воду.

Это выглядело... странно. Как будто в... в воде что-то было. Что-то двигалось. Я наклонилась, чтобы рассмотреть.

Бог мой. Два маленьких машущих кулечка; темные кудряшки на макушке маленькой головки погружившейся в замутненную воду.

Подбежала чернокожая женщина, отпихнула девочку и вытащила малыша из корыта, осторожно его вытерла, пока младенец выкашливал воду.

— Шшш, — напевала она — Мама здесь, ты в безопасности.

Маленькая девочка встала и отряхнулась. Затем спокойно сказала женщине:

— Прикоснешься ко мне ещё раз и мне придется тебя выпороть. — Она склонила голову набок и слегка пожала плечами, — Ты не сможешь спасти его, ты же знаешь. Цыганка сказала папе, что он должен умереть.

Жестокое желание засунуть этого ребенка в грязь вырвало меня из видения, которое

ушло обратно в темноту. Потрясенная и испуганная, я опустила коралловое ожерелье обратно в сундук. *Кто это девочка? Хоть бы это не была моя родственница.*

Джексон наблюдал за мной.

— Может, мы остановимся? — спросил он.

Я почувствовала, как на меня накатывает что-то вроде приступа тошноты, но я не была готова прекратить.

— Нет, — ответила я. И снова потянулась к сундуку. — Там есть и хорошие вещи. — Я выудила кинжал, его рукоятка была сделана из золота с поблескивающими драгоценными камнями.

Всё вокруг меня озарилось светом от свечей, мягким и дрожащим. Я узнала гостиную внизу. Там стояла Сара-Луиза и тихо плакала, рядом сидела черноволосая женщина, позади стоял мужчина в униформе. Мэтью лежал на покрывале, постеленном на столе. Я никогда раньше не видела мертвого человека, даже свою бабушку, но пепельно-серую бледность Мэтью ни с чем нельзя было спутать.

Мужчина — Капитан — давал указания кому-то, кого я не видела:

— Мы похороним моего сына на рассвете.

Женщина бросилась к Мэтью и накрыла его своим телом.

— Он не умер, — сказала она с ужасом в голосе. — Он спит. Я видела его в своих снах. Его дух приходил ко мне. Я не позволю тебе положить его в могилу.

Я знала, что это должно быть Дейдрэ, мать близнецов. Я видела её раньше, в бальной комнате, кружащейся по залу. И я осознала, что слышала её голос раньше — на чердаке, когда она кричала в темноте.

— Он мертв, ты, безумная, — проскрежетал Капитан и дернул её за локоть.

Она ударилась спиной о сервант. Подсвечники упали, китайский сервиз разбился. Она замерла там, затем протянула руку и схватила что-то с пола.

— Нет, — выкрикнула она, разворачиваясь и закидывая руку для броска.

Он увидел это в последний момент и закрылся рукой. Затем выругался, вынимая инкрустированную камнями ручку из своего плеча.

Капитан вытащил носовой платок, чтобы остановить кровь, текущую из его раны, но его губы тронула мрачная ухмылка.

— Заприте её в детской, — сказал он. — Я больше никогда не хочу её видеть.

Последнее, что я видела, был страх на лице Дейдрэ. Я выпустила кинжал, чтобы всё это исчезло.

— Что ты видела? — спросил Джексон.

Я почувствовала головокружение и пошатнулась. Так много видений, и так быстро. И все они такие... ужасные. Он был прав, мысленно призналась я сама себе — не следовало открывать эту коробку. Я не хотела больше никаких видений.

— Может быть, мы вытащим эти вещи наружу и посмотрим что на дне? — Джексон начал складывать содержимое на полу рядом с собой.

— Не нужно. Алмазов здесь нет. Сундук был нужен не для них. Пожалуйста, положи всё обратно. — Он недоуменно посмотрел на меня. — Просто сложи всё обратно, — сказала я сквозь сжатые зубы. Я схватила полную охапку вещей, чтобы засунуть всё под крышку, и другая тьма затопила мой взгляд.

— Где ты это спрятала? — прорычал мужской голос. Огонь где-то позади меня отбрасывал танцующий свет и тени на грязь перед дубом на лужайке Дома Эмбер. Мужчина

в галифе и рубашке с закатанными рукавами стоял в грязи и ритмично постукивал хлыстом по сапогам. По его лицу струился пот, и за его внешне спокойным лицом просто кипела ярость. Это снова был Капитан, где-то лет на десять моложе, чем на похоронах своего сына. Он стоял перед чернокожей женщиной, раздетой до пояса, со связанными запястьями, привязанной к нижней ветке дерева. — Где ребёнок, чертова ведьма?

Она не ответила. Хлыст просвистел и ударил её по обнаженной спине, где красные и кровоточащие раны пересекались со старыми, побелевшими шрамами. Темные капли разлетелись от удара, темная кожа была вся покрыта такими пятнами.

Я могла бы подумать, что женщина была мертва — кровью была пропитана вся земля под ней, и она безвольно висела на веревках, связывающих её запястья. Но каждое падение капли вызывало у неё низкое хныканье. Её стоны смешивались с рыданиями черноволосой женщины распластавшейся в грязи — Дейдре, её лицо было в синяках, из свежего пореза на её скуле текла кровь. Позади неё, почти скрывшись в тени, за всем бесстрастно наблюдала маленькая девочка со светлыми кудряшками.

Я позволила хлысту выпасть из рук и скатиться на пол, назад, в холодную темноту чердака. Теперь я знала, почему все эти вещи заперли подальше. Может быть, их вообще стоило бы спалить, но прошлое в этом доме почитали. В Доме Эмбер не уничтожали даже самые уродливые воспоминания.

— Положи всё обратно, — снова сказала я и Джексон сделал так, как я просила, не задавая больше никаких вопросов. Он закрыл сундук и просунул в петлю сломанный замок. Затем он помог мне подняться. Я чувствовала себя развалиной. Лучше бы я не видела всего этого.

Я оперлась на предложенную мне руку, чувствуя жесткие рубцы шрамов под его рукавом. Я хотела обратиться отсюда; я не хотела больше возвращаться сюда.

Возле двери я заметила картину в раме, повернутую изображением к стене. Я остановилась.

— Ты не мог бы повернуть его для меня?

Он поднял её. Это был портрет, разрезанный от угла до угла. Я осторожно сложила куски. Перед бархатной тканью стоял мужчина. На нем была синяя куртка со сверкающими золотыми пуговицами, под мышку была засунута шляпа. У него были глубоко посаженные глаза над длинным, слегка загнутым носом и полные, улыбающиеся губы. В голове пронеслась безумная фраза из сказки: *«Какие у тебя большие зубы»*.

Это был Капитан. Мужчина, который только что в моем видении чуть не забил женщину до смерти.

Я отдернула руку от холста. Мне показалось, что если бы мне удалось измерить эту картину, то она бы в точности подошла к пустому пятну на стене в прихожей.

— Кто это? — спросил Джексон.

— Мне кажется, кузен, — сказала я, — что это наш сколько-то-там-прапрадедушка.

И я попросила его поставить картину обратно.

Я по пятам следовала за Джексоном до площадки на втором этаже, где он остановился и осветил фонариком пространство свободной деревянной стены. Затем он уверенно протянул руку и нажал на маленькую скрытую задвижку. Стена сдвинулась в трещину с металлическим стоном, и Джексон, просунув пальцы, задвинул её полностью. Он нашел

потайное пространство как раз напротив двери в морскую комнату. Мы вывалились наружу, упав на ковер в коридоре.

Я посмотрела назад в дыру. Трехфутовый кусок стены — от лепных украшений на уровне талии до верхней лепнины — теперь висел за соседней стеной. Джексон потянул за конец выдвижной стены. Она скользнула на место с тихим *щелчком*, и проход исчез.

— Откуда ты знал? — спросила я.

— Откуда я знал что?

— Откуда ты знал, как его открыть?

Он пожал плечами.

— Мне показалось это логичным. — Он сменил тему. — Ты хочешь, чтобы я составил тебе компанию, пока не вернутся твои родные?

Я покачала головой.

— Спасибо. Но я лучше приму душ, смою с себя пыль.

Кивнув, он легонько прикоснулся к моему лицу.

— Ты не хочешь рассказать мне, что ты видела?

Я утвердительно кивнула, но вслух сказала,

— Просто не сегодня.

— Ладно. — Он повернулся и направился к западному крылу. Я догадалась, что он снова хочет выскользнуть через оранжерею.

Я заперлась в ванной рядом с моей комнатой и включила все лампы. Девушка в зеркале выглядела неряшливо. Слезы оставили следы на запыленном лице. Я даже не понимала, что плакала.

Я почувствовала себя немного лучше после обжигающе горячего душа. Я надела свою пижаму и направилась в комнату, неся свою грязную одежду. Я собиралась отыскать способ самой постирать её — она была грязной и на рукаве рубашки была дыра от деревянной щепки, которая застряла в скатанном рукаве. Я вытащила её и задумалась, что мне с ней делать, удивляясь, откуда она вообще могла взяться.

— Сара.

Сэмми вернулся домой, пока я была в душе?

— Сара.

Я двинулась в сторону комнаты Сэмми. Меня охватило чувство, как будто я иду против течения, сквозь воздух, который отвергает мое присутствие. Это было то же самое чувство, которое, если задуматься об этом, окатило меня в ту ночь в оранжерее.

Я заставила себя открыть двери. Бледный мальчик, которого я только что видела мертвым, поднял глаза со своего места за столом.

— Всё готово, — сказал он. — Видишь?

Девочка, Сара-Луиза, сделала шаг с того места, где я стояла в проходе и подошла к нему, положив руки ему на плечи. Я видела, что он становился слабее. Его кожа плотно прилегала и казалась почти прозрачной. Я бы хотела, чтобы у меня была возможность сказать им, предупредить их, что смерть уже близко. Но они уже знали. Им не нужны были мои предупреждения.

Сара-Луиза улыбнулась при взгляде на шкатулку Мэтью. Она была готова, отполирована.

— Она чудесная, дорогой. Как ты только всё это сделал? — спросила она, проводя пальцами по замысловатому узору из листьев. Она открыла крышку, и внутри всё оказалось

выстлано бархатом, как в шкатулке для драгоценностей, на крышке было зеркало.

— Это самое лучшее, — сказал он. — Ты нажимаешь вот тут, — он вытащил один конец коробки, где-то на четверть дюйма в сторону. — Затем ты нажимаешь на весь этот кусок. — Задняя грань сдвинулась на четверть дюйма в пустоту, оставленную первой панелью. — Затем ты можешь сдвинуть эту и вот эту. — Нижний край передней панели вышел полностью. — И видишь? — Потайной ящик. Ты можешь хранить там что-нибудь, и никто никогда не узнает.

— Ты такой умный, Мэтти.

Другая Сара обняла своего брата. Крепко его сжала.

Я засунула щепку, которую держала в руках за лепнину над своей головой, там она будет в безопасности. Затем вышла из комнаты и закрыла дверь.

Внизу хлопнула входная дверь.

— Сара! — На этот раз это определенно был голос Сэмми. — Сара! Смотри, что я выиграл!

Я спустилась вниз. Сэмми выкрикивал свои новости, перемежая их невысокими прыжками.

— Мы играли в лото и я выиграл! Я выиграл ножи! — Он поднял коробку, в которой лежали ножи для стейков с деревянными ручками.

Как раз то, что нужно пятилетнему мальчику, подумала я с легкой улыбкой.

Мама успокаивающе положила руку на плечо Сэмми.

— Поднимайся наверх и подготовься ко сну, милый. — Я повернулась, чтобы уйти следом за ним. — Не ты, Сара. — Она прочистила горло. *Плохие новости*. — Какова была точная причина твоего сегодняшнего представления?

— Никаких, мам, это была просто гонка.

— Но о чем ты *думала*? Ты вообще остановилась хоть на секунду, чтобы задуматься о том, что ты теряешь?

— Что такого в том, что я выиграла у Ричарда Хэтэуэя?

— Ну и дела, даже не знаю Сара. Давай-ка подумаем. Вот у тебя есть приятный, симпатичный молодой человек, который повсюду тебя сопровождает, определенно прилагает усилия, чтобы тебя развлечь. И что он получает в ответ? Ты унижаешь его перед всеми его друзьями. Может быть, поэтому у тебя никогда не было парня? Потому что ты не имеешь ни малейшего понятия как себя с ними вести.

Я знала, что мне следовало бы прикусить язык, что мне нужно просто дать маме высказаться, но я не смогла удержаться. Я слишком устала, слишком истощена, чтобы просто молчать.

— Я не знала, что ты ведешь подсчет моих воздыхателей, мам. — Моя улыбка была слабой.

— Никаких подсчетов, детка. Просто наблюдение.

— Я не собираюсь притворяться дурой просто затем, чтобы какой-то парень чувствовал себя хорошо.

— Забудем Ричарда, ты не обращаешь внимания на то, что важно. Я пытаюсь устроить будущее своих детей за счет максимальных активов, которыми я располагаю. Ты саботировала все мои усилия, оскорбив отца Ричарда. Ты ведь помнишь его, — сенатора?

— Я всего лишь плавала под парусом, мам. — Слова вылетели из моего рта, как пули.

Она замолчала и некоторое время озадаченно смотрела на меня. Возможно, она разглядела мою усталость. Она закончила свою речь, но её тон был мягким.

— Это сложно назвать «простым плаванием под парусом» и ты знаешь это. Вы *соревновались*. Эта твоя настойчивость не всегда вовремя проявляется, например, в школе. Но если на тебя находит, помоги Господи тому, кто стоит на твоём пути. — Она вздохнула и пожалала плечами. Как будто она смирилась с поражением. — Хорошая гонка.

— Спасибо, — пробормотала я. — Прости.

— Вся хитрость в том, детка, что нужно больше думать и меньше извиняться. Я собираюсь снова помочь тебе завтра. Журналистка из «*Southern Home*» связалась со мной сегодня. Она знает о Доме Эмбер и думает, что твоя вечеринка может стать хорошим поводом для статьи в журнале. Она хочет прийти и сделать несколько предварительных фотографий, чтобы показать свои идеи редактору.

— Это круто, мам. — Я в бальном платье на своем первом приеме, запечатленная для потомков на фотографиях в каждом южном издании. Я не была уверена, что деньги этого стоят.

— Это отлично, — сказала мама. — Ты же поможешь мне, не так ли?

Я подавила вздох.

— Абсолютно.

— Тогда увидимся утром. — Она направилась в свою спальню, но, остановившись, повернулась. — Ты хорошо себя чувствуешь, милая? У тебя какие-то темные круги под глазами.

— Да, я в порядке. Я просто... хочу домой, ты понимаешь? Я соскучилась по дому.

— Я тоже, — сказала она. — Но, мне кажется, это хорошо для тебя, иметь возможность познакомиться с Домом Эмбер.

Когда я поднималась по лестнице, её слова продолжали звучать в моей голове: *познакомиться с Домом Эмбер*. Казалось, что даже моя мама думала о Доме Эмбер скорее как о живом человеке, чем о вещи.

Глава 13

На следующее утро я сдержала обещание, данное Розе — отыскала и взбила несколько яиц для нас с Сэмми. Когда я полила их достаточным количеством кетчупа, они стали почти съедобными. Сэм не жаловался.

— Сара, как можно узнать, что ты видишь сон? — Он засунул в рот кусочек, затем пальцами собрал остатки еды на тарелке в кучку.

— Как я могу узнать, *что вижу сон*, Сэм?

— Ты знаешь, — кучка маленьких кусочков попала на его вилку, — истории, которые случаются. *Всё* такое. Как можно понять?

— Ну, ты не мог бы привести пример, дружок.

— Ну, например, я встретил эту красивую леди, которая подарила мне чудесную игрушку. — Он засунул кусочки в рот. Часть из них попала, часть — нет. — Но теперь я нигде не могу найти эту игрушку.

— А где ты её встретил?

— В темной комнате без стен.

— Ага, — сказала я, — тогда я абсолютно уверена, что это был сон, Сэм. Ты проснулся после этого?

— Наверное, проснулся, — нерешительно ответил он. — Я не помню.

— Видишь ли, Сэм, всё дело в этой штуке, когда ты просыпаешься. Тебе нужно отыскать эту часть...

Стук в парадную дверь прервал наш философский разговор. Когда я пошла проверить, кто там, за дверью оказался флорист, доставивший два огромных букета с разнообразными цветами. Я предположила, что идея была в том, чтобы заставить журналиста из «*Southern Home*» подумать, что мы можем выложить пять сотен баксов за цветы в доме.

Мама оставила меня за столом с парой ножниц и дюжиной ваз. Увидев мой заспанный вид, она покачала головой.

— Тебе нужно привыкать к часовому поясу Мэриленда, Сара, и нужно больше спать. У тебя такой вид, как будто ты только что вернулась из ада. — Обычно я б обиделась на подобное замечание, но так как я чертовски плохо себя *чувствовала*, я подумала, что это справедливо.

Она стала давать указания.

— Мне нужно два больших, примерно такого роста, — она подняла руку над вазой — для столовой и гостиной. Начни с веток, чтобы установить рамки. Затем, — она кивнула на маленькие вазы, — просто рассортируй всё по размеру. Дай мне одну из тех роз. Поставь различную смесь в каждый из маленьких букетов.

Она схватила пару тряпок для пыли и флакон жидкого воска и я поняла, что мне досталась лучшая альтернатива из двух вариантов. Так что когда она спросила с сомнением:

— Ты всё поняла?

Я сказала:

— Да, — постаравшись, чтобы мой ответ звучал уверенно.

— Сэм? — сказала она. — Пошли, поможешь мне вытирать пыль.

— Хороооошо, — с энтузиазмом ответил он. Я никогда не знала точно, считать ли его странные восторги его маленькой любезностью или виной всему аутизм. Но это было неважно. Мне они нравились.

Я надеялась, что моя работа поможет мне отвлечь свои мысли от более неприятных тем, но как оказалось, это было идеальным делом для раздумий. И все мои мысли возвращали меня к женщине, привязанной к дереву, и ребенку, тонувшему в корыте. Оба действия совершили психопаты в моем семейном древе. Это всё отвратительно контрастировало с жизнерадостными астрами, альстремерией, амариллисом и эхинацеей — на каждой упаковке была наклейка, чтобы информировать невежд. Какой была я.

Я закончила с первым. Неплохо. Достаточно хорошо вообще-то. *Всё хорошо*, устало сказала я сама себе. *Двигайся в том же направлении.*

Мама вошла через вращающиеся двери, взглянула на букеты и ловко переставила несколько стеблей. Мгновенно букеты обрели красоту, которой не было у меня. Длинные чередовались с короткими в умелом художественном беспорядке.

В этом была вся мама. Лучше, чем просто идеально.

Она взяла одну большую вазу и двинулась в сторону столовой.

— Хорошая работа, — быстро сказала она. — Продолжай в том же духе.

Иногда просто отстой быть мной.

Я продолжала кропотливую работу над полдюжиной ваз (высокие и низкие, баланс цветов), когда в двери позвонил кто-то ещё.

— Я открою, — крикнула я, откладывая на стол ножницы.

Мы с мамой оказались возле дверей одновременно. Это был парень из FedEx со спецдоставкой для меня из моей школы. Мои задания на неделю.

— Тебе лучше начать их выполнять, — сказала мама.

Я уже говорила, что иногда быть мной это просто отстойно?

Я открыла конверт в своей комнате, так как посчитала, что будет легче всё игнорировать, если больше никто не увидит весь список. Я выложила стопку бумаги двухдюймовой толщины на туалетный столик и взяла верхнюю половину. Пять рабочих листов с пояснениями по геометрии. Я взяла вторую. Инструкции от моего учителя по истории для эссе «Причины Первой мировой войны». Не сегодня. Пачка десяти рабочих листов по *французскому*. Мерси, мадам Андерсон, королева бесполезной работы. Я положила весь её пакет на работу по геометрии — то, что нужно сделать срочно. Всё остальное я засунула обратно в конверт. Об этом я буду беспокоиться позже.

Со стоном приговоренного я нашла карандаш и начала выполнять задания. Два часа спустя я посчитала, что была достаточно добросовестной и отложила работу по французскому в сторону. «*Une autre fois*» — до следующего раза. Но, по крайней мере, пока я работала, я не забивала свою голову картинками агонии избиваемой рабыни.

Хотелось бы мне знать, кем она была. Я подумала, что могла бы найти что-нибудь в записях Фионы. Если исходить из того, что мужчина был Капитаном, то порка могла иметь место в поздние 1700-е. Я вытащила четыре тетради, которые засунула под кровать, и открыла самую раннюю. Я пробежала пальцами по строчкам, написанным на плотной бумаге. Какая-то часть меня услышала скрип пера, но я с усилием отбросила это. Я хотела только почитать о прошлом, а не оказаться там.

Пролистав несколько страниц, я увидела, что записи идут не по порядку. Даты прыгали от месяца к месяцу, от года к году. Однако при этом все они касались десятилетия, указанного на обложке, 1770-80. Я выбрала случайную запись и начала читать.

26 июля, 1775. У близнецов был День рождения. Сара-Луиза получила в подарок кукольный домик, сделанный по образу Дома Эмбер. Камилла была там. Она назвала это «детской игрушкой». Сара-Луиза, кажется, не обратила на это никакого внимания.

Камилла? Это ещё кто? В голове промелькнула краткая мысль, какого цвета у неё волосы.

Затем Капитан приказал Джозефу поднять Мэтью и нести его всю дорогу до причала. Подарком Мэтью была парусная лодка, одномачтовая и элегантная, её называли «Жидкий Янтарь».

Мэтью сразу же захотел забраться на неё и опробовать, но Капитан сказал, что он должен сначала стать сильнее. Но плаванье пойдет ему на пользу и «закалит его».

Я уже знала, что Мэтью так никогда и не поплавал на своей лодке.

Мэтью и Сара. Мои друзья. Не просто брат и сестра, они были близнецами. На мгновение мне стало жалко их — их потерю, то, что их разделили — как будто они были людьми, которых я знала, а не давно похороненными незнакомцами.

Из записей в дневнике мне стало ясно то, чего я не понимала раньше, и то, чего никогда не знал редактор Фионы. Ни одна из историй моей пра-пра-бабушки не была выдумкой. Она видела все события в своих видениях, как я. И она описала их в этих дневниках.

Я перевернула страницу.

Январь 1778? Я снова видела Персефону, как я её называю. Я до сих пор не имею ни малейшего понятия, кто она такая и откуда. Если бы я только могла ей помочь — я не могу

с определенностью сказать, откуда у меня такое сильное чувство, что ей нужна помощь, но я вижу в ней постоянную печаль. И ещё тот факт, что она сопровождает злобные года махинаций Капитана.

Иногда у меня есть странное чувство, что она знает, что кто-то наблюдает.

Персефона? Ребенок, заблудившийся в подземном мире? Какой в этом смысл? Значило ли это, что Фиона могла видеть ещё кого-то, кто попал в то же самое видение? Такое вообще возможно? Откуда она это знала? Я подумала, что могу долго продираться сквозь беспорядочные записи Фионы и никогда не найти ответ. Но это объясняло её настойчивость по поводу статуи, охраняющей её бассейн. Мне стало интересно, почему Фиона не могла помочь этой Персефоне. И мог ли вообще помочь хоть кто-нибудь.

Может быть, причиной того, что Фиона оказалась в психиатрической лечебнице, были её видения. От бабушки я знала, что мама Фионы была с Дальнего Юга⁵. Не была частью наследников Дома Эмбер. Может быть, родители Фионы не знали о даре. Может быть, когда Фиона начала видеть мертвецов, её родители подумали, что она — какой термин использовала моя мама? — шизофреник.

Меня передернуло. Я вспомнила, как читала о том, что делали с людьми в лечебницах в первой половине 1900-х — лечение электрошоком, лоботомия. Что они могли делать с Фионой, чтобы её мысли стали «более нормальными»? Кстати говоря, что будет делать со мной моя мама, если она узнает о вещах, которые я вижу?

Я вытащила из ящика книгу моей прапрабабушки и пролистала с начала. Я не смогла найти ни одного упоминания о рабыне, но где-то на трети пути я нашла миниатюрные портреты Сары и Мэтью. Надписи под фотографиями гласили, что Мэтью умер вскоре после того, как были сделаны эти изображения. Ниже на странице была фотография могильной плиты Мэтью на фамильном кладбище, рядом с могилой его матери, которая умерла после него. Надпись на ней гласила: «ДЕЙРДРЕ ДОБСОН ФОСТЕР, ЛЮБИМАЯ МАМА. 17. 1776. В СНОВИДЕНИЯХ ОНА УСКОЛЬЗНУЛА К ПРОТИВОПОЛОЖНОМУ БЕРЕГУ».

Я проверила краткий указатель, прилагающийся в конце книги. Поиск по слову «рабство» привел меня к странице о женщине, идентифицированной в семейном древе Фионы как её бабушка Мэйв МакАлистер. Она была активным сторонником отмены рабства в Подпольной Железной Дороге⁶ — женщина, о которой мне рассказывала бабушка. По количеству страниц, посвященных ей, было ясно, что Фиона гордилась таким родственником — по крайней мере, хоть один из членов семьи пытался искупить грехи наших предков.

Я взяла книжку, чтобы почитать её на кровати, и из неё выпали несколько листков. Они были написаны от руки, и почерк не был почерком Фионы. Верхний листок датировался 20 июня 1969 года. А это значило, что, по-видимому, их написала моя бабушка.

Врачи не могут сказать, придет ли она в себя, или нет. Она выглядит как принцесса из сказки, которая просто продолжает спать и может проснуться от прикосновения. Как я могу помочь ей? Марк говорит, что я должна быть терпеливой и положиться на врачей. Но мне кажется, я могла бы сделать что-то большее.

Я уставилась на записку и ощутила уже знакомое чувство шока. Ещё одно событие из прошлого моей мамы. Мама, видимо, была больна. Серьезно больна. И она никогда не упоминала об этом.

Мне начинало казаться, что моя мама никогда не говорила мне ничего о своем детстве. Как будто она держала всё в секрете. Мне стало интересно, чем она болела, и что случилось

потом. Я начала просматривать страницы в поисках ответа, но тут с лестницы закричала моя мама.

— Сара? К телефону.

Я положила выпавшие листки на место и сунула книгу в ящик. Затем я спустилась вниз, к телефону в прихожей.

— Итак, Парсонс, ты оказалась хорошим соперником.

Я была поражена. Я никогда не думала, что снова услышу Ричарда, не говоря уже о том, что услышу поздравления.

— Мне просто повезло, — сказала я.

— Ерунда. Они определенно знают, как тренировать вас там, за Полярным кругом.

Я хмыкнула.

— Сиэтл это не Арктика, но лучше не выпадать из лодки. Вода может быть очень холодной. Я знаю.

Он рассмеялся.

— Пошли со мной завтра в школу. Потусуешься с нами.

Вау. Давайте-ка подумаем. Никакой работы, не нужно быть внимательной, меня не вызовут как раз тогда, когда я не знаю ответ, нужно просто постараться хорошо выглядеть, стоя рядом с самым потрясным парнем, которого я когда либо видела вживую, а не в журналах? *И* сбежать из этого дома *и* от моей мамы?

— Согласна, — сказала я.

— Я заеду за тобой в восемь сорок пять.

— Хорошо. Увидимся.

— До встречи, Парсонс.

Мама появилась в начале разговора и ненавязчиво слонялась поблизости. И теперь она пристально смотрела на меня, как будто хотела допросить. Я только улыбнулась. И ничего не сказала.

— Фотограф здесь и ему нужна моя помощь, — наконец сказала она. — У меня не будет времени сделать ланч твоему брату. Приготовишь ему что-нибудь?

Я пожалала плечами. У меня тоже ещё не было ланча.

Когда я вошла в кухню, Сэмми сидел за столом.

— Мы со Злобным Мишкой проголодались, Сара. Мы хотим поджаренные сырные сэммичи.

— Похоже ты о сэндвиче с желе и арахисовым маслом, приятель. Какой джем?

— Неа. Без арахисового масла. Поджаренный сыр.

— И с виноградным джемом. — Я вытащила баночку из холодильника и начала искать арахисовое масло, которое должно было где-то стоять. — Хочешь ещё добавить туда банан?

— *Неа.* Мы хотим поджаренный сыр. Мы *ненавидим* арахисовое масло.

Ладно. Выглядит так, как будто я эгоистка. Но я знаю правила этой игры. Если такому ребенку как Сэмми придет в голову, что он хочет съесть что-то определенное, то ничто в мире не способно его отвлечь от этой мысли. И, ну вы же понимаете, он маленький и странный и вы хотите быть добрыми и сделать его жизнь легче. Но папа давным-давно сказал мне, что я не оказываю Сэмми никакой услуги тем, что позволяю ему выигрывать — он должен научиться видеть мир по-другому, принимать потребности других людей. Так что мне нужно быть с Сэмми более упрямой, и как оказалось, я хорошо с этим справляюсь. У меня даже что-то вроде природного дара. Особенно тогда, когда я не слишком хочу готовить.

— Послушай меня, дружок. Во-первых, я знаю совершенно точно, что ты не ненавидишь арахисовое масло. Ты постоянно его ешь. Во-вторых, я *не* готовлю поджаренный сыр. Я *не* мою сковородку. Если я делаю ланч, то ты можешь получить либо арахисовое масло, либо овсянку. Итак, что ты выбираешь?

— Арахисовое масло, — ответил он со смирением.

Я сделала два сэндвича, по одному для каждого из нас. Мы уже добрались до корочек, когда Джексон подошел к задней двери. Улыбаясь, он просунул внутрь голову.

— Я собирался поехать за покупками к ужину для бабушки. Она будет дома сегодня днем. Сэм? Хочешь со мной?

— Я и Сара, — сказал он и взял меня за руку с таким видом, как будто не собирался её отпускать.

— Договорились, — сказал Джексон размеренным тоном. — Если Сара сама захочет пойти.

Поход в продуктовый магазин? Мысленно я передернулась. *Ну да, конечно.*

— Если мы поедem в город, мне нужно переодеться. — С джинсами всё было в порядке, но чересчур большая футболка, которую я украла у папы, не слишком подходила для появления на публике.

— То, что на тебе надето, отлично подходит. Просто надень тенниски. Нужно выдвигаться.

— Ладно, — сказала я. — Тогда не проси меня выходить из машины.

— Пошли, Сэм, — сказал Джексон, — Только, может быть, Злобному Мишке лучше остаться дома?

— Хорошо, Джексон, — радостно ответил Сэмми. Я была удивлена тем, что он так легко согласился. Определенно моему младшему братишке требовалось некоторое поклонение герою.

Мы обули теннисные туфли и вышли через вращающуюся дверь. Вместо того чтобы пойти к парадному входу, Джексон пошел назад.

— Эй, — проговорила я, догоняя его. — Разве мы не должны куда-то ехать?

Он покачал головой.

— Я не вожу машину.

— Куда мы идем?

— За ужином, — ухмыльнулся он.

Мы последовали за ним вниз по каменным ступенькам. К причалу была привязана древняя плоскодонная лодка с облупившейся краской, на дне которой было примерно на дюйм воды. Удочка и сачок лежали под средней скамейкой и сетка из ржавой проволоки свисала с кормы. Лодка выглядела так, как будто она пойдет ко дну, как только мы заберемcя в неё.

— Джексон, ты хочешь нас утопить? — вырвалось у меня.

— Просто забирайся, — улыбаясь, ответил он. — Она держится на плаву.

Сэмми запрыгнул, чтобы забить за собой переднюю скамью. Я пробралась через воду и села на корме. Джексон занял среднюю скамью, сев лицом ко мне. Он взялся за весла, поджал ноги и начал грести.

Он определенно знал, что нужно делать. Лодка двигалась именно туда, куда он хотел, не отклоняясь от заданного курса. Мускулы на его руках и плечах группировались и растягивались, когда он откидывался назад. За короткое время мы стремительно набрали

скорость.

Однако я была права насчет того, что лодка протекала. Через пять минут уровень воды вокруг ног поднялся на два дюйма. Я, должно быть, выглядела слегка обеспокоенной. Не останавливаясь, Джексон жизнерадостно кивнул на жестянку из-под кофе и сказал мне:

— За тобой вычерпывание воды.

Я отнеслась к заданию очень серьезно. Через каждые дюжину ярдов я выливала часть Северна обратно. Кажется, его это развлекало.

— Ты собираешься рассказать нам, куда мы плывем? — спросила я.

— Ловить крабов. Мы сами поймаем себе ужин.

— Ловить крабов! — закричал Сэмми, как будто это была абсолютная вершина приключений. — А что это?

— Увидишь, — пообещал Джексон. — Мы почти на месте.

Мы приостановились в небольшой речной бухте, где деревья бросали на воду длинные тени. Он вытащил весла и опустил якорь за борт.

— Это мое место, — сказал он, — мы будем делать это по старинке, с удочкой и сачком. — Он вытащил свои снасти и показал нам. — Вот ваши удочки. Мы цепляем на них приманку, опускаем в воду и ждем, когда появится краб. Когда вы почувствуете, что краб зацепился, нужно его вытаскивать и кто-то должен подсунуть сачок до того, как краб отцепится. Затем используем щипцы, чтобы переместить краба с сачка в сетку, висящую на корме. Всё ясно?

Я сомневалась, но Сэмми энергично закивал.

— Вот приманка, — сказал Джексон, открывая сумку. От содержимого исходила жуткая вонь.

— Господи, что это? — спросила я.

— Куриные шеи. Чем больше воняет, тем больше мы поймаем.

— Я не прикоснусь к этому, — сказала я.

— Я сделаю это, — засмеялся он. Как и подобает джентльмену, он привязал куриные шеи к двум удочкам. — Опускай их, — сказал он, привязывая остальные. — Следи за ними.

Когда приманка была привязана ко всем шести удочкам, он выудил из-под скамейки кусок мыла и очистил с рук остатки курицы. Затем опустил оставшиеся удочки за борт и мы стали ждать.

— Чего мы ждем? — спросил Сэмми.

— Нужно говорить шепотом, Сэм. Ты же не хочешь распугать всех крабов.

— Чего мы ждем? — прошипел он едва слышно.

— Нужно внимательно следить за малейшим потягиванием твоей удочки. Если ты его почувствуешь, это значит, что краб пришел за едой.

— Я ЭТО ЧУВСТВУЮ! Я ЭТО ЧУВСТВУЮ! — проинформировал нас Сэмми.

Джексон расхохотался.

— *Шепотом, приятель, шепотом.*

— Я это чувствую! — прошептал Сэмми.

— Ок, — улыбаясь, прошептал в ответ Джексон, — тебе нужно очень медленно вытягивать свою удочку, чтобы проверить, прицепился ли к ней краб. Не резко, иначе краб сорвется.

Сэм начал миллиметр за миллиметром вытягивать свою удочку, на его лице застыло хитрое выражение.

подпрыгнул, вздернув кулак. — *Поряядок!*

И тут я начала смеяться. Джексон расхохотался снова. А Сэмми присоединился к нам. А затем, слегка успокоившись, мы вернулись к своему занятию, пока мы не распугали оставшихся крабов.

Когда мы добрались до дома, Джексон сказал, что он сам разберется с крабами, что для меня было очень даже хорошо и не грозило новой встречей с ними. Мы с Сэмом выбрались из лодки, ничего не неся в руках и ничем не занятые. Мы поднимались по лестнице, напевая песенку, которую только что сочинил Сэм. Песня напоминала привычную мелодию Сэмми из шести нот. Я путала слова, но Сэм был очень снисходительным партнером.

Мы вошли через кухонную дверь в неосвещённую и полную теней комнату. Женщина, которая подняла свое лицо на встречу нам, была похожа на мою бабушку, как она могла бы выглядеть лет сорок назад. Она держала в руке бокал с золотистой жидкостью. Её плечи были повисшими и сгорбившимися. Лицо было мрачным.

— Где вы были?

На миг я удивилась. Почему это видение разговаривало со мной? Потом лицо Иды превратилось в лицо моей мамы, такое же холодное.

— Где вы были? — повторила она.

— Боже, прости, — сказала я. — Мы думали, что мы быстро съездим с Джексоном, но всё обернулось целой экспедицией за крабами...

— Почему ты так много времени проводишь с этим парнем?

Сэмми выскользнул за дверь. Как бы я хотела последовать за ним.

— Джексон очень хороший, мам, и отлично ладит с Сэмми...

— Почему? Ты никогда не остановишься, чтобы обдумать вопрос, Сара. Ты знаешь, что у него на уме? Чего он хочет от тебя?

— Я не думаю, что это такое большое де...

— Ты вообще не думаешь. В этом твоя проблема. Ты просто не задумываешься. Поэтому, о чем думает Джексон? Разве ты не замечала, как он смотрит на тебя? Разве это *хорошо* с твоей стороны, поощрять его?

Поощрять его? Господи, она думает, что он запал на меня. А он на меня *запал*?

— Слушай! — выпалила я. — Между мной и Джексоном *ничего* не происходит. Ричард приедет завтра утром и мы собираемся провести весь день в его школе. Понятно? Всё отлично. Каждый использует друг друга в своих собственных гнусных целях, всё, как и должно быть, не так ли, мам? Джексон просто друг. Боже. Он даже не... мы через десять дней уезжаем. Он просто возможность убить время, понятно?

Я услышала какой-то шум. Я повернулась и увидела, что наружная дверь слегка приоткрыта. Я открыла её. Кастрюля с крабами стояла на ступеньке. Джексона нигде не было.

Глава 14

Когда я вернулась в кухню, я снова увидела свою бабушку. У неё были мутные глаза и она нетвердо стояла на ногах. Напиток в её бокале расплескался, когда она, жестикулируя, взмахнула рукой.

— Это *твоя* вина, — прокричала она. — *Ты* это сделала. Я говорила тебе и предупреждала, что тебе следует быть более осторожной. Ничего из этого не случилось бы,

если бы ты не была такой *глупой, холодной и беспечной*.

Рыжеволосая девушка, на которую она кричала, неподвижно сидела на своем стуле, уставившись в стол. Это была моя мама, моложе меня, и по её щекам стекали тихие слезы.

Я захлопнула заднюю дверь, заставляя себя вырваться из этого видения. Бабушка была права. Всё разлетелось на куски из-за моей мамы, потому что ей было плевать на то, что она может ранить людей.

Я была дурой. Из-за того, что я боялась её, я говорила глупые вещи. Я понятия не имела, есть ли способ забрать эти слова назад. Но я собиралась попробовать.

— Джексон, — позвала я. — Я обошла вокруг и пошла к каменным ступенькам. — Джексон?

Никто не отзывался.

Я начала идти по дорожке, которая шла вдоль обрыва. Я не знала, куда я иду, и небо начинало темнеть. Но дом Розы должен быть где-то впереди.

Я найду его и извинюсь. Скажу ему, что я не имела в виду то, что сказала... что я просто хотела, чтобы мама отстала от меня. Что мы с ним *друзья*. Что мы с ним... *кто*? Я определенно не хотела вводить его в заблуждение, если я ему *нравилась*. Но он ведь знал, что я вроде как встречаюсь с Ричардом.

Я прошла мимо кладбища с его единственным куском голой земли, где лежала моя бабушка, которую я едва знала. Она была близка больше с Джексоном, чем со мной. Он любил её. И она рассказывала ему о своей семье, о нас. Так что, может быть, он воспринимал семью Иды как часть своей семьи. Может быть, поэтому, когда мы разговаривали, меня охватывало чувство, что мы с ним знакомы целую вечность. И поэтому мама думала, что он уделяет мне слишком много внимания.

Я вошла в лес на конце поля. Среди деревьев тьма стала ещё более густой. Земля поднималась справа от меня, но тропинка продолжалась почти на уровне. Деревья и кусты стеной окружали меня, чернота на темно-сером фоне.

Где же может находиться их дом? Видеть становилось все труднее. Я продолжала продираюсь сквозь кусты, спотыкалась каждый раз, когда дорожка неожиданно уходила вниз. Я уже подумывала о том, чтобы повернуть назад, но решила, что сейчас я уже должна быть ближе к дому Розы, чем к своему. Я могла бы попросить их осветить мне, когда я пойду обратно.

Я услышала что-то впереди. Кто-то бежал. Сильно. Быстро.

— Джексон? — позвала я и пошла чуть быстрее. — Джексон? Это...

Я завернула слишком далеко влево, в кусты, и мои ноги нашли место, где тропинки не было — где обрыв уходил вниз, к реке. Я балансировала там, пытаюсь отыскать какой-то уступ соскользнувшей левой ногой. Выбившиеся камни полетели вниз по склону, ударившись о дерево, камни и об воду. Маленькие ветки выскользнули из моих пальцев, оставив листья в моей руке. С тошнотворной ясностью я поняла, что могу полететь кувыркком вниз.

И тут меня схватили за руку.

Меня притянули к чьей-то груди, вокруг меня обвилась рука и успокоила меня. Я крепко держалась, но голова всё ещё кружилась.

— Ты в порядке? — спросил Джексон. Он сильно дышал; его сердце билось около моей щеки. Я чувствовала, что готова разрыдаться.

— Я почти упала.

— Теперь всё хорошо, — сказал он мне в волосы. — Ты в порядке. — Его голос дрожал.

— Ты поймал меня. Как ты это сделал? Откуда ты узнал? — Я несла ерунду. Мне нужно было дышать медленнее. Но как он это сделал? Каким образом ему удалось оказаться в нужном месте и в нужное время?

— Я слышал, как ты идешь. Тропа здесь проходит слишком близко к обрыву. Я беспокоился.

Итак, он просто бежал по тропе и оказался здесь в нужный момент. Он поймал меня как раз вовремя. Это так похоже на него. Всегда ловит вещи.

Видимо я говорила вслух, потому что он переспросил:

— Что?

— Ты всегда ловишь вещи, — глупо повторила я.

Он начал смеяться. Очень сильно. Настолько сильно, что ему пришлось отступить назад и наклониться к собственным коленям.

— Боже, — выдохнул он, ловя воздух, — ты даже не представляешь. Может быть, тебе стоит перестать бросать вещи.

Он снова фыркнул. И я поняла, что меня простили за все ужасные вещи, которые я выкрикивала на кухне.

— Прости меня, — всё же произнесла я. — Я не имела в виду то, что я сказала моей матери. Иногда она сводит меня с ума. Мы с тобой друзья.

— Нет, — торжественно сказал он, — мы больше, чем друзья.

— Ты о чем?

Он улыбнулся.

— Мы родственники, помнишь?

— Точно, — я улыбнулась в ответ. — Мы кузены.

— Я провожу тебя назад, — сказал он. Он взял меня за руку и повел по тропинке. Я позволила себе насладиться чувством, которое давала его рука, твердая, безопасная, после моего почти что падения. Когда мы выбрались из леса, было не так уж темно.

— Как ты думаешь, сможешь добраться отсюда и не свернуть себе шею, сестренка?

— Обещать не могу, — сказала я, — но я постараюсь.

— Ну да, ты постарайся, — улыбаясь, сказал он. — Сегодня будет охота за сокровищами?

— Завтра, — ответила я. — Мне кажется, мне лучше пойти лечь.

— Убедись, что сначала ты поешь немного крабов. — Его голос долетел до меня из темноты деревьев. — Спокойной ночи, Сара.

Мой папа снова приехал на ужин.

— Звонил Сэмми. Сказал, что он поймал крабов, которые мне нужно приготовить, — пояснил папа.

Отличная работа, Сэмми. Я слегка беспокоилась о том, что мне придется готовить, с чем в основном справлялся папа. Я не слишком любила крабов в плане готовки.

Где-то минут через двадцать мы вчетвером уселись за стол и занялись серьезной работой по извлечению мяса. Мама разбила панцирь для Сэма, но он самостоятельно всё вынимал. Мы с ним оба ели крабов с того момента, как мы начали жевать.

После ужина папа пошел укладывать Сэма, а я начала уборку. Мама пошла в столовую, чтобы поработать над вечеринкой, всё для которой она разложила по всему столу.

Папа собирался вернуться и помочь мне, но он добрался только до столовой. Его приглушенный голос долетал до меня.

— Я не могу понять, почему ты используешь Сару как повод для этой вечеринки, Анна.

Я не расслышала ответ мамы, но её голос был грубым и защищающимся. Я выключила воду и подошла ближе к двери в столовую.

— Ты собираешься так или иначе получить кучу денег с этого места, — продолжал папа. — Тебе не обязательно смущать твою дочь ради лишних пары сотен.

— А как насчет лишних нескольких тысяч? Или пары миллионов, которые добавятся на аукционе. Но давай исключим из уравнения деньги, Том. Может быть, я просто думаю, что когда-нибудь это будет важно для Сары, вспоминать об этой вечеринке в доме её семьи. Почему тебе никогда не приходит в голову, что я могу думать о ком-нибудь кроме себя?

— Может быть, исходя из опыта совместной жизни.

— О, чудно, — мама набросилась на него. — Давай просто вскроем все старые раны, да? Снова переверошим прошлое. Потому что не я была той, кто предал наш брак.

Я услышала достаточно. Я вышла за двери в задний коридор.

Мужчина, которого я не узнавала, прошел через арку в западном крыле. Моя бабушка следовала за ним, её лицо скривилось от злости.

— Если ты уйдешь, то больше не возвращайся, — прорычала она. — Не звони, не пиши и не показывайся здесь больше.

Мужчина продолжал идти через арку к передней.

— Я скажу девочке, что ты умер, — кричала ему вдогонку Ида. — Я больше не хочу видеть твое лицо... Она исчезла в арке позади него, и её голос выключился, как свет.

Я побежала по тому же маршруту, что и они. Мне необходимо добраться до лестницы до того, как мои родители закончат ругаться, до того, как мой папа пройдет через передний зал, я не хотела, чтобы они знали, что я слышала. Почему-то это было даже хуже, чем если бы их видел кто-то ещё.

Я закрыла дверь в свою комнату и свалила за ней одежду. Это заглушит свет и будет сложнее открыть дверь снаружи.

Но мне нужна была компания. Мне нужно было быть с кем-то, кто прошел через похожую ситуацию. Я не хотела чувства одиночества.

Я вытащила коробку с дневниками и фотографиями, спрятанную под кроватью. Затем вытащила написанные от руки записи Фионы.

Поздняя весна 1750? Я проследовала за бабушкой через туннель к Дому Сердца. Не когда я достигла двери, я случайно прикоснулась к ней и увидела прошлое. Маленькая девочка в светлом платье стояла в центре комнаты. Она чувствовала сожаление по поводу маленького дома. Она наблюдала, как рабы укладывали последние кирпичи, которые закрывали окна и не впускали свет. Она сказала своей компаньонке, подростку-негритянке:

— Дом Сердца будет таким одиноким. Кто придет навестить бабушку и дедушку, когда папа похоронил их?

Старшая девочка закрыла свои глаза и сконцентрировалась.

— Они найдут их путь, мисс Дейрдре. Все, кто захочет.

Я вернулась обратно в непроглядную ночь туннеля, который сейчас сиял, был погребен и завешен корнями из живой изгороди. Я задумалась о тех, кто может прийти и о ком я никогда не узнаю. О девочке, и о том, сможет ли она сделать то, чего я не смогла —

спасти Персефону.

Опять Персефона. Эта потерявшаяся девочка. Мне стало интересно, искал ли её кто-нибудь. Кто знает? Кто-нибудь вообще знал о её существовании? Фиона какое-то время провела в лечебнице. Я вернулась к её записи, которая была не закончена:

Затем я зажгла фонарь, который взяла с собой и прошла обратно наверх через потайную дверь в самом сердце лабиринта.

Потайная дверь в центре лабиринта? Бог ты мой.

Я сжала книгу в объятиях, искренне радуясь. Туннель. И погребенный дом. И кто знает... потерянные алмазы Капитана? Азарт охотника за сокровищами снова охватил меня. Я не могла дождаться, чтобы рассказать обо всем Джексону.

Может быть, здесь было что-то ещё.

Я посмотрела на следующую запись, но она была датирована 1761, на год позднее. Без какой-либо последовательности в содержимом дневника не было никакой возможности найти продолжение истории, если оно вообще было.

Май, 1761. Эдвард снова был рядом со мной и снова, как обычно, заставил меня покраснеть, что, как я полагаю, и вызвало видение. Я оказалась в библиотеке и увидела молодого Капитана, который сопровождал Дейдрре, улыбаясь, когда придерживал для неё дверь. Её лицо было таким жаждущим, таким нежным, так хотевшим поцелуев. Но когда он наклонился и его пальцы лежали на янтаре, свисающем с её шеи, я не смогла избавиться от мысли, вспомнив фразу из сказки: «Какие большие у тебя зубы».

Я невольно вздрогнула. Те же самые слова. Она думала точно теми же словами. Можно ли унаследовать способ мышления — не так, — *мысли* твоей безумной прапрабабки?

Я прикоснулась к янтарию на своей шее. Казалось невероятным то, что он был в точности таким же, какой носила Дейдрре. Хотя почему нет? В конце концов, это ведь был Дом Эмбер, где с прошлым никогда невозможно распрощаться окончательно.

Я засунула дневники обратно. Затем разблокировала двери и выглянула наружу. В доме было темно. Папа, наверное, уехал, а мама отправилась спать. Я закрыла двери и отгородилась от темноты. Затем пошла спать с включенным светом.

Глава 15

Роза вернулась на кухню на следующее утро и любезно приготовила завтрак для Сэмми.

— Утро доброе, — поздоровалась она. Кажется, она была раздражена. Даже больше, чем обычно.

— Доброе утро, Роза. Как прошла поездка в Александрию?

— Хорошо, спасибо. Слышала, что вы с Джексоном хорошо проводили время, пока меня не было.

— Хм? Ах да. Мы выиграли на регате. Было здорово. Джексон рассказал вам об этом?

— Нет. И словом не обмолвился. Видимо, он догадался, что я это не одобряю.

Я была удивлена. Почему она этого не одобряла?

— Джексон говорил тебе что-нибудь? — спросила Роза. — О своей проблеме? Он должен был упоминать.

Я уставилась на неё, не желая уточнять, о чем речь. И не слишком уверенная в том, что хочу это услышать.

Она вздохнула.

— Это его дело. Я не хочу вмешиваться. Но так как вы много времени проводите вместе,

то тебе лучше всего знать об этом: он эпилептик. С момента аварии. Бывают моменты, когда он просто отключается. Ему нужно избегать стрессовых мероприятий, которые требуют концентрации. Есть множество вещей, которые он не может делать или не должен.

Например, водить, подумала я. И ходить под парусом. По крайней мере, так считала Роза. И, может, ещё вдобавок вся эта история о том, чтобы заняться исследованиями, вместо того, чтобы стать врачом?

Роза продолжала.

— Ему не стоит знать о том, что я тебе рассказала.

— Разумеется, Роза.

— Просто подумала, что тебе нужно знать.

Наверное, нужно. Но я бы хотела не знать.

После завтрака у меня оставалось не слишком много времени до приезда Ричарда, так что я сфокусировалась на неотложных делах. Первое — звонок Джексону, чтобы рассказать ему о туннеле и договориться о времени и месте встречи этой ночью — у входа в лабиринт. Я была расстроена, что пришлось оставить сообщение, но это было лучшее, что я могла сделать. Я сделала его коротким и загадочным, чтобы доставить себе удовольствие рассказать ему лично.

Затем я перешла к мучительной проблеме выбора одежды. В школе Ричарда носили форму. Приняв это в качестве ориентира, я попыталась найти что-нибудь не вызывающее возражений, но, вы понимаете, немного сексуальное. Я выбрала белую блузку на кнопках и плиссированную клетчатую юбку, наподобие той которую мы носили в моей подготовительной школе — плюс-минус пара дюймов. Вдобавок вместо гольфов как у школьницы, я выбрала пару ковбойских сапог карамельного цвета, которые я нашла в мамином шкафу.

Я надеялась, что не промахнулась с сапогами. Но, увидев одобрение в оценивающем взгляде Ричарда, когда он подъехал, я позволила себе испытать чувство удовлетворения.

Пока мы ехали, он объяснил мне, что Академия Святого Игнатия была чем-то вроде школы интерната и в то же время она была открыта, как обычная школа для умных местных детей, чьи родители могут позволить себе оплатить огромный счет за обучение. Здесь также учились дети политиков, знаменитостей и других богачей, повернутых на безопасности. Ему пришлось дернуть за ниточки, чтобы меня впустили в кампус, так что если кто-нибудь спросит, я посещаю уроки, потому что заинтересована в том, чтобы учиться здесь. С Ричардом за рулем мы были на месте меньше чем через двадцать минут, проезжая под огромной каменной аркой, поддерживаемой железными воротами. Охрана пропустила Ричарда внутрь.

Школа была потрясающей — увитое плющом здание в готическом стиле, корпуса со всеми удобствами в окружении ухоженных лужаек, спускающихся к реке Потомак. Ричард повел меня по брусчатой дорожке к главному входу.

— Сначала нужно записать тебя.

Дама с голубыми волосами в главном офисе была вежливой, если не сказать официозной. Я расписалась в журнале, и получила карточку с пин-кодом, на которой значилась как посетитель. Когда она забрала журнал и увидела мое имя, она сказала:

— Ой, — затем, — ты юная леди из Дома Эмбер, не так ли?

— Да, — удивленно ответила я.

— Это один из самых красивых домов в Мэриленде, — ответила она. — Я как-то говорила Иде, что она должна открыть дом для экскурсий.

— Вы знали мою бабушку?

— Да, конечно, — сказала она. — Мы были подругами, давным-давно, когда твоя мама была ещё девочкой. Мы обе участвовали в скачках. Хотя, разумеется, я никогда не была так хороша, как твоя бабуля.

Мне было сложно представить хотя бы одну из них верхом на лошади. Ричард воспользовался моментом и, взяв меня под руку, потащил к выходу.

— Спасибо вам, — сказала я через плечо, — и приятно было познакомиться с вами, — прежде чем Ричард потянул двери.

— Из-за твоей болтовни о Доме Эмбер я могу опоздать на занятия, — сказал он. — Я собираюсь снять с тебя несколько баллов, Парсонс.

— Моей?.. — Я вспыхнула и потеряла дар речи, хлопнув его по руке. Он в свою очередь притворился, что ему больно.

Над головой прозвенел колокол. Студенты высыпали в коридор. Я ловила на себе удивленные взгляды, глаза осматривали меня от сапог и до верха.

Ричард положил руку мне на спину и направил меня к повороту в сторону класса. Окна во всю стену, обрамленные радужным витражом, освещали столы и пол. Ричард сел за пустую парту на полпути к дальней стене класса и похлопал по пустой парте слева от него. Когда я заняла свое место, три девушки уселись за парты позади нас и начали перешептываться.

— Это случайно не...

— Мне нравятся её сапоги.

— Это та девушка.

Ричард искоса посмотрел на меня и улыбнулся.

— Та, кто победила его в гонке.

Он отвернулся, но я успела заметить, как он вздохнул и закатил глаза. И я слегка пожалела о том, что немного усложнила ему жизнь.

— Спорю, что он позволил ей выиграть.

— Это то, что я слышала.

Ха. Вот уж несколько.

У меня не было возможности внимательно слушать лекцию. Я была слишком занята, обмениваясь записками с Ричардом. Его почерк было сложно разобрать, но то, что мне удавалось прочитать, было дико смешно, мне приходилось сдерживать себя, чтобы не смеяться.

Учитель остановил нас на выходе. Я подумала, что нам сделают выговор за буйство.

— Вы мисс Парсонс из Дома Эмбер, не так ли? — спросил мистер Дональдсон.

— Да.

— Я читал книгу вашей прапрабабушки о доме. Я восхищаюсь его историей и ролью вашей семьи в формировании политического лица Северной Америки.

— Правда? — переспросила я. Я не имела ни малейшего понятия, о чем он говорит.

— Ричард говорил нам, что вы, возможно, будете учиться в Святом Игнатии. Мы с нетерпением ждем, когда вы станете нашей студенткой.

Я поблагодарила его, а Ричард опять потащил меня к выходу.

— Господи, неужели о Доме Эмбер знают *все* в округе? — спросила я.

— Разве ты не знала, что это что-то вроде достопримечательности в Мэриленде? Это одна из причин, по которой на вечеринку придут все.

— Я думала, что все придут из-за Атаксии.

— Ну, это тоже поможет.

После истории пришло время ланча. Для меня было слишком рано. Я ещё не проголодалась. Что было хорошо, потому что пока толпа студентов хлынула в сторону, где, как я предположила, находилась столовая, Ричард схватил меня за руку и потащил на пустую лестничную клетку. Может быть, он снова собирался меня поцеловать, с надеждой подумала я.

— Сара!

Кэтрин рванула к нам с лестничного пролета над нами. Она сжала меня в объятиях, обдав ароматом цветочных духов.

— У меня не было возможности поздравить тебя с победой в гонке!

— А где Чед? — спросил Ричард, обходя стороной эту тему.

— Ждет нас.

Мы прокрались через зазор между стеной здания и живой изгородью перед ней, затем спустились на нижнюю дорожку, пересекающую лужайку между кустами. К этому времени я догадалась, что планировалось некоторое нарушение школьных правил. Мы подошли к боковому входу большого здания со сводчатой крышей и Кэтрин постучала в дверь. Чед сразу же распахнул её, улыбнулся и кивнул мне.

— Отличная победа, Парсонс.

— Спасибо.

Порыв воздуха, донесшийся из щелей, нес отчетливый запах хлорки; мы оказались у олимпийских размеров крытого бассейна Игнатия. Все остальные, положив пакеты у подножия одной из скамеек, уселись на настил, похожий на мягкую подушку — в этом бассейне не было даже намека на нечто такое же банальное, как бетон.

У Чеда была сумка со всем необходимым для ланча: содовая и шоколадные батончики. После нескольких минут разговора о людях, которых я не знала, которые занимались тем, что мне неинтересно, он начал раздеваться. С каждой снятой деталью одежды я потихоньку отодвигалась назад, пока не оказалась прижатой к стене. Кажется, этого никто не заметил.

Чед перестал раздеваться, дойдя до своих боксеров. Затем он разбежался и бомбочкой прыгнул в бассейн. Кэтрин, на которой теперь был лишь комплект белья, последовала за ним. Ричард направился в дальний конец и выполнил идеальный, четкий прыжок.

Ричард с Чедом в основном плавали на глубине, а Кэтрин подплыла ко мне и начала уговаривать меня присоединиться. Через некоторое время она поняла, что это бесполезно. Она вылезла из воды и легла на прорезиненный настил с видом модели, рекламирующей купальники.

— На вечеринке я заметила, что ты не пьешь, — сказала она. И ты не ныряешь почти голышом. Как же ты *веселишься*?

— Кажется, со мной не так уж весело.

Она фыркнула.

— Ну, зато ты надрала Ричарду задницу на глазах у всех его друзей. Хотелось бы мне ходить под парусом. Давным-давно я это делала. — Она оперлась на руку и разгладила свои влажные волосы свободной рукой. — Мне нравятся твои сапожки.

— Спасибо.

— Это к лучшему, — продолжала она. — Он стал слишком зазнаваться. Давно пора было сбить с него спесь.

— Ой, я...

— Я в том смысле, что это, если не упоминать о факте, что это была, возможно, последняя гонка «Ласточки». Это не слишком приятно.

— Ты это о чем?

Она понизила голос.

— Его отец сказал, что хочет продать её.

— Продать лодку?

— Спорю, что он этого не сделает, — сказала Кэтрин. — Это было бы жестоко.

— Зачем ему вообще это делать?

— Он не станет, — решительно сказала она. — Но Ричард, конечно, был в шоке. Мне нужно полотенце, — заявила она. Затем поднялась и собрала с пола свои вещи. — Пошли.

Я проследовала за ней в раздевалку, туда, где, как я предположила, был её шкафчик, так как она знала комбинацию. Она вытащила большое пушистое полотенце и досуха вытерлась. Что навело меня на мысль, почему она просто не захватила с собой купальник, вместо того чтобы купаться в белье в горошек.

— Я не могу дождаться твоей вечеринки. Моя мама всё время о ней болтает. Я никогда раньше не была в доме с привидениями. Ты видела хоть одно?

Я задумалась над тем, какой ответ выбрать.

— Пока нет.

— Тебе нужно попробовать что-то вроде вуду. У меня есть доска для спиритических сеансов. Я могла бы как-нибудь к тебе заехать и мы бы могли устроить сеанс.

Сеанс в Доме Эмбер. И без него было достаточно плохо знать о своих предках столько, сколько знала я. Я была абсолютно уверена, что не хочу разговаривать с ними.

— Звучит жутко, — ответила я.

— Я знаю! — Она порылась в шкафчике и нашла расческу. Она обернула волосы вокруг запястья и начала их заплетать. — Мама рассказывала мне о твоей прапрабабушке. Она говорит, что та была абсолютно дикой. Что у неё было двадцать любовников, что она всё время устраивала попойки и занималась магией. Может быть, даже приносила в жертву цыплят...

— Звучит так, как будто бы твоя мама знает больше, чем я, — сказала я. — Почти все знают. На днях Ричард цитировал её книгу о доме, которую его мама дала ему до своей смерти.

— Что? — она склонила голову набок, в точности, как делала на вечеринке у бассейна. На лице отразилось замешательство.

— Моя прапрабабка, ну та, которая сумасшедшая, написала книгу...

— Нет. Ты сказала «до её смерти»? С чего ты это взяла? — Она с подозрением смотрела на меня. Как будто я была идиоткой или что-нибудь в этом духе. — Клэр Хэтэуэй не умирала. Она ушла. Примерно четыре года назад. Все это знают.

— Ушла? Тогда почему он солгал мне об этом?

— Да, и для Ричарда это было значительным ударом, потому что все деньги были у неё. В том смысле, что у отца Ричарда был дом, но Клэр владела всеми деньгами.

Должно быть, я выглядела шокированной, потому что Кэтрин приложила руку ко рту и

начала хихикать. Не удивительно, что его отец подумывал о продаже «Ласточки». Не удивительно и то, что он был так мил с моей мамой. Если она продаст Дом Эмбер, у неё тоже будет куча денег.

Прозвенел колокол.

— Ой, черт, нам лучше поторопиться. Уроки начинаются в десять.

Парни тоже вытирались. Определенно, к шкафчикам имели доступ все. И всех это устраивало.

Мы вышли через ту же дверь, через которую вошли внутрь. Здание искусств было в верхней части кампуса. В какой-то момент Ричард протянул мне свою руку, но я притворилась, что занята чем-то на своем рукаве. Мне не понравилось то, что он солгал мне о своей матери. Это заставило меня задуматься, в чем ещё он мог быть со мной не до конца искренним.

Учитель рисования, мистер Шрибер, к сожалению, тоже оказался *знатоком* Дома Эмбер. После того как Ричард представил меня, Шрибер завел мини-лекцию об американских портретистах, «охватывающих трехсотлетнюю историю», картины которых висели на стенах Дома Эмбер. И это не говоря уже о том, что он назвал «Nicks Biblicals» на пролетах лестницы.

— Моя двоюродная тетя Гвендолин однажды провела ночь в Доме Эмбер. — Сказал он с таким весёлым задором, что я ожидала, что за этим последует какая-нибудь интересная история.

— Правда? — поощрила я его.

— Давным-давно, когда она была маленькой девочкой. Она всегда говорила нам, что в ту ночь ей снился самый страшный ночной кошмар за всю её жизнь.

— О, — неуверенно сказала я.

— Вообще-то, это стало основой для семейной страшилки Шриберов, — с тем же энтузиазмом продолжал он. — Если мы плохо себя вели, тетя Гвен говорила нам: «Вам лучше быть осторожными или она заберет вас — Мать, Которая Приходит в Твоих Снах». — Его голос опустился до призрачного шепота, а потом он с ликованием рассмеялся. — Тетя Гвен походила на спятившую старую летучую мышь.

Да уж, подумала я. Милая история.

Мне показалось, что Ричард заметил мое прохладное отношение к нему. Когда мы пристегивались в его машине, готовясь ехать домой, он вздохнул, откинулся на спинку и спросил:

— Ладно, Парсонс, что я сделал?

Я знаю, что я, скорее всего, покраснела. Я не имела ни малейшего понятия, что отвечать. В том смысле, что он вроде как не обязан говорить мне правду или ещё что. Но слова просто вылетели из меня.

— Кэтрин сказала, что твоя мать не умирала.

Он не произнес ни слова. Я видела, как на его челюсти сжались мускулы, затем он включил зажигание и нажал сцепление. Мы пустились с места, подтяв за собой гравий.

Я была испугана и не довольна тем, что я просто так всё выпалила. В смысле, я почти назвала его лжецом. Ведь мы, вроде как, почти что встречались? Но он лгал мне.

Затем он снизил скорость и остановился на обочине дороги. Затем заговорил,

уоставившись на руль и не смотря на меня.

— Прости меня. Я не знаю, почему соврал тебе, это было глупо, хорошо? Это просто... — Он остановился, как будто ему было горько продолжать. — Я просто не хотел говорить об этом вслух, понимаешь? Что она просто ушла и оставила нас. Оставила меня. Как будто я был каким-то неправильным, понимаешь? Или с ней что-то было не так. — Он поставил локти на руль и приложил свои ладони к глазам.

Я чувствовала себя ужасно. Я потянулась и убрала его руки от его лица, затем развернула его и сплела наши пальцы. Она сжал мою руку.

— Прости, Парсонс.

Я вжалась в сидение.

— Без проблем, Хэтэуэй. Мне жаль, что я вообще это сказала.

Он наклонился и прикоснулся к моему подбородку. На мгновение заколебался, затем нежно поцеловал меня. Мне это понравилось. Очень понравилось.

Потом он снова завел двигатель и отвез нас к Дому Эмбер, при этом он вел как безумец, обогнав шесть машин и разворошив гравий у входа. И, не смотря на это, я была на удивление расслаблена, как будто мышцы, которые всё время были напряжены, одновременно расслабились. Затем до меня дошло — я просто наслаждалась днем нормальной жизни — никаких видений.

Ричард о чем-то заговорил со мной.

— Хм? — переспросила я.

— Я спросил, как насчет того, чтобы прокатиться верхом завтра, после школы? — повторил он.

— Верхом? Верхом на ком? — спросила я.

Он расхохотался.

— На лошадях, глупая. А ты о чем подумала?

— Вы держите лошадей? — спросила я.

— Ну да, — ответил он. — Так же, как и вы. Боже, Парсонс, ты вообще осматривала здесь всё? Кто-нибудь определенно должен выдать тебе карту и провести тур по твоему собственному дому.

— Ну, ты в этом достаточно хорош, Хэтэуэй, даже если требуется вечность, чтобы заткнуть тебя.

— Нужно же мне как-то отрабатывать свой приход. — Он ухмыльнулся.

— Тебе не нужно извиняться, — сказала я, ухмыляясь в ответ. — У тебя открытое приглашение. Тебе будут рады в любое время.

Я ждала, надеясь на ещё один поцелуй, и он, должно быть, знал это, прежде чем улыбнуться и, перегнувшись через меня, открыть дверцу с моей стороны.

— Твоя мама ждет на крыльце, — сказал он.

— Ох, — покраснев, ответила я. — Ты прав.

Когда я переместилась, чтобы выйти из машины, он сжал мой мизинец своим, как будто в тайном маленьком объятии.

— Увидимся завтра, Парсонс, — пообещал он. И я улыбнулась.

Глава 16

Мама открыла для меня двери.

— Ну и как всё прошло?

Я обнаружила, что мне совершенно неинтересно разбирать события прошедшего дня для моей мамы. Я б предпочла просто проскользнуть мимо неё и проанализировать всё самостоятельно.

— Всё прошло хорошо, — ответила я. — Много ребят сказали, что придут на вечеринку. Мне кажется, что это в основном благодаря Ричарду.

Должно быть, она услышала что-то в моем голосе, когда я произносила его имя — что-то в моем тоне выдало меня.

— Не увлекайся им слишком сильно, — сказала она.

Я думаю, что у меня отвисла челюсть. Это было просто замечательно, не так ли? Сначала она изводит меня по поводу того, что я унизила распрекрасного Ричарда, победив его на регате с Джексоном. А теперь она предупреждает меня, чтобы я не сближалась с ним?

— Мне казалось, что ты хотела, чтобы мне он понравился.

— Нет. Я хотела, чтобы *ты* понравилась *ему*. Я хотела заполучить его для вечеринки. Я хотела, чтобы он привел всех своих друзей.

Я не могла поверить своим ушам.

— Это звучит так... так... расчетливо. Не пойми меня неправильно... я не фанатка сенатора, но... Боже, мам, я и подумать не могла, что ты *притворяешься*, что он тебе нравится.

— Я не притворяюсь. Он мне нравится. Разумеется, он мне нравится. Как он может не нравиться?

— Нет. — Я покачала головой. Она что, играет со мной в слова? — Я имела в виду *романтический смысл*.

Она посмотрела на меня с искренним удивлением.

— Боже, нет. Я знаю Роберта Хэтэуэя с четырнадцати лет. Я точно знаю, что он за человек. Даже когда я была моложе тебя, я не была настолько глупа, чтобы *влюбиться* в Роберта.

— Значит, он тебе не нравится. Ты просто *хочешь* им воспользоваться.

— Знаешь что? Мне не нравится твой тон. — Она подошла и остановилась напротив меня. — Я понимаю, что ты всё ещё ребенок, но тебе пора понять, как существует реальный мир. Ты думаешь, что я какая-нибудь вероломная стерва, которая хочет воспользоваться связями сенатора? Детка, у меня есть для тебя новости: единственная причина того, что сенатор позволяет мне пользоваться его связями та, что *ему от меня* что-то нужно.

Я просто стояла и трясла головой. В смысле я чувствовала облегчение оттого, что мне не нужно волноваться о своей матери и маячащей перед ней кучей денег, но я всё ещё была потрясена. Мама просто использовала сенатора, использовала его сына *и* использовала меня. И её это не волновало. Совсем.

— Я ещё не выяснила, что ему нужно, — продолжала она. — Возможно, это что-нибудь простое в виде вклада в кампанию и шанса встретиться со своей богатой избирательницей без особых затрат для него самого. Или он может искать себе... компаньона.

Ладно, это мерзко.

— Или он может быть более амбициозным. Он одинок, я богата и, кажется, что он не слишком рад, когда твой отец находится поблизости. — Она закатила глаза, самую чуточку. — Но для тебя есть ещё кое-что, о чем нужно подумать, Сара, и я говорю это не потому, что хочу быть жестокой. Как ты думаешь, не говорит ли сенатор Ричарду то же самое, что я говорю тебе? «Будь очаровательным. Не испорти для меня всё дело».

Её тон был легким, но нервным и безжалостным.

— Я имею в виду, — продолжала она, — ты симпатичная девушка. Ты не должна верить и половине того, что тебе говорят. Любому парню повезет, если он будет встречаться с тобой. Но ты, правда, думаешь, что такой парень как он, смог проглотить свою гордость и пригласил тебя в свою школу просто потому, что внезапно ему разонравились все окружающие его девушки?

Может быть, она не пыталась быть жестокой. Но в этот момент я просто жаждала протянуть руку и исцарапать её. Я развернулась и вышла из комнаты, не произнеся ни слова.

Пока я поднималась на второй этаж, я вспоминала все те вещи, которые мы с Ричардом делали вместе — экскурсия по дому, бег наперегонки по коридору, плавание в бухте, поедание сэндвичей и брауни. Поцелуи. Его признание в машине. Это всё было... притворством? Просто он был «очаровательным» и помогал отцу добиться какой-нибудь выгоды?

Это было отвратительно. Это было ужасно.

А что делала при этом я? Была «милой» просто потому, что так мне сказала мама?

Я не была. Я знала, что не была. Я не была просто милой. Ричард был идеальным Ричард был великолепным. Какая девушка не захотела бы быть с ним милой?

И он не был таким, как описала моя мама. Он был смешным и очаровательным. И настоящим. Он не притворялся, что я ему нравлюсь. Или притворялся?

Я ощутила боль в животе, как будто я хотела выбросить что-то, но никогда не смогу. Я вошла в цветочную комнату, закрыла шторы, выключила свет и свернулась клубочком под одеялом.

Меня разбудил Сэмми. В комнате было темно, но я знала, что ещё не слишком поздно. Часы подтвердили, что сейчас было только время ужина.

Я видела сны. Но помнила только обрывки. Я смотрела в зеркало, но не видела своего лица. Голос — может быть, это была Нанга — говорил:

— В зеркале никого нет.

Мольбы Сэмми перемежались с фрагментами в моей голове.

— Разве ты не хочешь есть, Сара? Мы заказали пиццу.

Его голос был таким тоскливым, лишённым надежды, я почти поднялась, чтобы пойти за ним.

Почти. Но внизу была мама.

— Я не так уж голодна сегодня. Слушай, дружок, ты не сделаешь для меня кое-что?

— Угу.

— Но ты должен держать это в секрете.

— Я умею хранить секреты. Я очень хорошо храню секреты.

— Я знаю, что так и есть. Ты замечательно хранишь секреты. Именно поэтому я и прошу тебя.

— Расскажи мне, Сара.

— Мы с Джексоном хотим кое-что исследовать сегодня ночью. Мне кажется, что я знаю, где может находиться тайный проход. И если мы найдем его, я обещаю провести тебя по нему. Но мама не должна знать, что я ушла. Понимаешь?

— Ага.

— Так что я хочу, чтобы ты сказал ей, что у меня очень сильно болит голова и что я уже

легла в постель. Затем посмотри с ней телевизор и засни в бабушкиной большой кровати. Понял? Договорились?

Он кивнул мне, сделав большие глаза.

— Договорились.

Я тихонько приготовилась к ночному приключению: куртка с капюшоном, перчатки, ботинки, всё, что я могла придумать, чтобы защититься от пауков. Я подумала, что если я натяну на руки перчатки, засуну штанины в ботинки, спрячу волосы под капюшон толстовки, застегнутой до подбородка, единственным доступным для пауков участком останется кожа на лице. И мне всего лишь потребуется внимательно следить за лицом.

Самое лучшее в доме с огромным количеством лестниц — то, что твоим родителям сложно уследить за тобой. За десять минут до предполагаемой встречи с Джексоном я направилась к оранжерее. Вниз по лестнице, через двор, тихий спуск по каменной лестнице. Когда я проходила мимо окон в задней части галереи, я включила фонарик Сэма. Затем направилась прямо к входу в лабиринт.

Джексон был уже там и ждал меня.

— Я рада, что ты получил мое сообщение, — сказала я. — Спасибо, что пришел.

Он с некоторым удивлением оглядел меня.

— Милый костюмчик.

С небольшим опозданием до меня дошло, что должно быть, я выгляжу как сумасшедшая.

— Всё это из-за пауков, — объяснила я. — Особенно из-за ядовитых пауков.

— Ну, ты сделала всё возможное, — улыбаясь, сказал он. — Просто смотри за своим лицом.

Ну да, буду.

Я увидела, что он захватил набор инструментов, лом, лопату, метлу, и фонарик, больше чем был у Сэма. Он был как чертов бойскаут, подумала я, всегда готов. Жизнь никогда не застанет его врасплох. Но, может быть, человеку приходится стать таким, как он, если он проходит через то, через что пришлось пройти ему.

Я задумалась, изменило ли мое восприятие о нем знание о его состоянии. Или мое отношение к нему. Я надеялась, что нет. Это должно быть неприятно, когда люди всё время обращаются с тобой как со стеклянной фигуркой.

— Что? — спросил он.

— Хм? — ответила я.

— Ты уставилась на меня... странно.

— Прости, — сказала я. — Думала, не забыла ли я что-нибудь.

— Может быть маску пчеловода? Пошли.

Он обменял наши фонарики и положил фонарик Сэма в сумку с инструментами. Затем собрал свои вещи.

— Я могла бы нести что-нибудь, — сказала я.

— Просто неси фонарик.

Я слегка сомневалась насчет нахождения пути к центру лабиринта, но зря. Джексон знал дорогу.

— Есть система — направо, пропустить, направо, налево, пропустить, налево, направо, пропустить. Затем налево, пропустить, налево, направо, пропустить, направо и налево. — Выглядело просто в теории, но на практике... при подъемах лабиринта, поднятии и

наклонах площадки — было сложно уследить, где ты находишься. Я хотела повернуть направо тогда, когда нужно было поворачивать налево, иногда я продолжала движение мимо поворота, который я не заметила. Джексон голосом направлял меня, зовя меня, возвращая назад, но после пятого неверного шага он вздохнул.

— Если мы так продолжим, я скоро забуду все нужные повороты. Можешь это понести? — спросил он, передавая мне метлу. Он взял лом и коробку с инструментами в одну руку, в другой взял под локоть мою руку с фонариком, чтобы направлять меня.

Я беспокоилась насчет ощущения его пальцев на моей руке. Я держала его чуть-чуть на расстоянии от своего тела, так чтобы тыльная сторона его руки не прикасалась ко мне. Но он всё равно продолжал касаться моих ребер, когда поворачивал меня влево. Я задумалась, заметил ли он.

Я потеряла всякое ощущение направления, пока мы петляли по лабиринту. Мы начали в западной части, пошли на юг и, может быть, на восток, до того, как сделать пару последних поворотов. Оттуда к центру лабиринта вела прямая дорожка.

Я затаила дыхание.

Маленькая восьмиугольная беседка поблескивала в свете четвертинки луны. Она была построена из мрамора и кованого железа, и вокруг неё кольцом шли две каменные ступеньки. По аккуратной лестнице на внешней стороне можно было подняться на металлическую крышу, опоясанную перилами. Узловатые ветки старой глицинии спускались по всем четырем сторонам, пуская осенне-голые ветки по кованым аркам. Я подумала, что весной здесь должно быть чудесно.

Я поднялась по лестнице, кружащей до самой крыши. Джексон поднимался следом за мной. Осматриваясь, мы остановились у ограждения. Вокруг нас простирался лабиринт и Дом Эмбер темной массой на фоне фиолетового неба маячил вдалеке.

— В мае и июне, — проговорил Джексон, — изгородь цветет мелкими белыми цветами, а глициния создает лавандовый занавес, окутывающий беседку. Между корнями пробиваются нарциссы. Все место кишит пчелами. И миллионом бабочек.

— Это было бы идеальным местом для свадьбы.

Джексон криво улыбнулся и кивнул, соглашаясь, довольный, как мне показалось тем, что я делала такое девчачье замечание. Как будто я была одной из тех дурочек, которые постоянно вырывают картинки из журналов для невест.

— Я предсказываю, — сказал он, поднося руку к своему виску и подражая голосам пророчиц, — однажды здесь пройдет *твоя* свадьба.

Я фыркнула, чувствуя облегчение, что он превратил всё в шутку.

— Все обстоятельства говорят об обратном, Нострадамус.

— К счастью для тебя, — ответил он, — я не азартный человек.

Всё ещё слегка смущаясь, я снова посмотрела вдаль, на залитое лунным светом пространство. Во мне снова забурлила проснувшаяся злость на маму. Как она может продать это? Как она может забирать это у Сэмми и меня? У нас есть право здесь находиться. Я чувствовала... связь... с этим местом.

Я подняла глаза и представила всех своих предков, стоящих в окнах и смотрящих на меня. Если мама добьется своего, я буду последней, кто помнит о них. Последней, кто слышит эхо их голосов.

Мне показалось, что я уже чувствую потерю. Но что я могла сделать? Нет ничего, что я могла бы сказать, отчего мама изменила бы свое мнение. Если я ей хотя бы намекну о своей

связи с Домом Эмбер, это только заставит её обратиться отсюда ещё быстрее. Я вспомнила подчеркнутое отвращение в её голосе, когда она произносила слово «шизофреник». Наследственное заболевание.

Я стяхнула с себя эту мысль, как жука.

— Пошли, поищем вход в туннель, — чуть резковато сказала я.

— После тебя, — ответил Джексон, видимо не обидевшийся на мою грубость.

Мы спустились вниз и я всё внимание уделила поставленной задаче. Я обошла вокруг внешней стены беседки, тыча в землю ломиком, чтобы проверить, не скрывается ли под землей крышка люка или закрытая дверь. Но всё казалось прочно скрытым под землей. Джексон терпеливо наблюдал за мной.

— Тебе нужна помощь? — спросил он, слегка возмущаясь.

— Почему бы нам не проверить внутри беседки?

Это была простая, открытая комната с парой предметов садовой мебели и с полом, сделанным из больших квадратов черного и белого мрамора. Ничего скрытого, всё на виду. Джексон нагнулся и осветил фонариком каждый дюйм арлекиновой плитки. Затем присел и проговорил:

— Ты это видела?

— Что? — Я склонилась рядом с ним, пытаюсь рассмотреть то, о чем он говорил.

— Раствор между плитками, вот здесь. Цвет отличается от остальных.

Он вытащил швейцарский армейский нож из кармана и повернул лезвие. Затем проткнул цемент между мраморными плитками. Лезвие прошло сквозь него, как через мел.

— Это оно, — в возбуждении сказал он.

Он взял лом. Осторожно он вставил его в рассыпающийся раствор под край плитки. Он вклинил маленький деревянный блок для опоры, затем толкнул планку назад и вниз, пользуясь как рычагом, чтобы поднять мрамор. Песок и куски мягкого раствора посыпались вниз.

— Можешь поддержать это? — спросил он, указывая на рычаг. — Чтобы я мог установить контроль над ним?

Я заняла его место. Он подошел к передней части плитки, поднял её и осторожно отложил в сторону.

Мы посветили фонариком в пустоту в полу. Она была заполнена грубыми деревянными досками. Джексон улыбнулся мне.

— Я думаю, что если мы сдвинем другие три плитки, мы сможем организовать для себя люк.

Я ощутила ещё один порыв удовольствия от охоты за сокровищами. *Потайная дверь. Место, о котором не знают другие люди. Куда десятилетиями никто не входил, — может быть, никто после Фионы.* Есть там алмазы или нет, но разве не здорово исследовать подобное место, полное забытых секретов? Как много людей получают хоть один шанс сделать что-нибудь подобное?

Когда мы вытащили три оставшиеся плиты, мы открыли железные крепления двери. Джексон вытащил бутылочку с маслом из своего набора и обильно смочил петли.

— Откуда ты знал, что нужно взять с собой? — спросила я.

Он пожал плечами.

— Ты сказала «потайная дверь». Кажется очевидным, что может появиться несколько ржавых петель.

Он уперся ногами по обе стороны от двери и стал тянуть за кольцо ручки, напрягаясь так сильно, что вздулись мускулы на его руках. Влажные звуки раздавались вокруг краев; петли скрипели. Джексон потянул сильнее. С окончательным скрипучим звуком передний край приподнялся над мраморной плиткой.

Джексон попятился, поднимая дверь выше. Петли взвизгнули, но сдались. Скрипнув, дверь полностью открылась. Из черной дыры под нами поднималось невидимое облако сырого, спертого воздуха.

— Ладно, я не хотела бы показаться неблагодарной, но... — Пустота плескалась под нами как бассейн с чернилами. Я направила фонарик вниз и внутрь. Луч казался слабым, как будто тьма подавляла его. Я увидела тяжелые деревянные ступеньки, которые выглядели как каменный пол.

— Так и есть. Не думаю, что я смогу спуститься туда.

Джексон покачал головой и ухмыльнулся, посмотрев на меня.

— Что? Ты оставляешь всё веселье мне одному?

Если уж быть честной, я определенно считала, что он в состоянии проделать все разведывательные работы без моей помощи.

— Не могла бы ты передать мне метлу, — сказал он, — и осветить мне немного. Пожалуйста.

Он махнул метлой по периметру отверстия, подмел верхние ступеньки на лестнице и побил по ним, как я предположила для того, чтобы избавиться от возможных оставшихся насекомых. Затем он начал спускаться, каждый раз притоптывая по ступеньке, чтобы убедиться, что она его выдержит.

Когда он спустился вниз вместе с фонариком, в беседке стало темно. Я вытащила маленький фонарь Сэмми.

— Что ты видишь? — позвала я его. — Что там внизу?

— Я думаю, что тебе стоит спуститься и самой всё увидеть.

— Ты ведь шутишь, правда? Скажи мне, что ты видишь.

— Ну, пока нет никакой паутины. Я думаю, мы можем не опасаться нападения пауков.

— Серьёзно? Я могу тебе верить?

— Да, ты можешь мне верить. Пауков нет. Совсем. — Он сделал целое шоу из подметания оставшихся ступенек. — Так сойдет? Теперь спускайся. Здесь внизу нет ничего, что может причинить тебе вред.

Я села и помахала ногой над ступенькой. Может быть, я и смогу это сделать.

А может и нет.

— Давай же. Не будь тряпкой, — сказал он приятным поддразнивающим голосом. — Мое мнение о тебе ухудшается, кузина.

— Неужели? Тогда я не могу позволить этому случиться, — ответила я с преувеличенной тревогой. Затем, сделав глубокий вдох, шагнула вниз.

Стены прохода были сделаны из известняка, пол из грубого гранита. Он расходился в двух направлениях в темноту, которая простиралась дальше света моего фонарика. Из стен сочилась вода и тоненькой струйкой бежала посередине.

У меня по спине пробежали мурашки.

— Куда ведут эти туннели? — спросила я.

— Понятия не имею, — ответил Джексон. — Вон тот, — он махнул влево от меня, в том же направлении, в каком стекала вода, — может вести вниз, к реке. Предполагалось, что

Капитан был контрабандистом. Это может быть доказательством. Они пробили каменный туннель в твердых породах обрыва, затем заполнили его землей. А наверху высадили лабиринт, чтобы всё скрыть. Работа была достаточно сложной.

Я сняла перчатку, позволила своему разуму поплыть и прикоснулась к лестнице. В тот же миг я увидела спускающихся вниз людей в рваной одежде, их испуганные темнокожие лица искали надежду в лице мужчины, который стоял рядом со мной, держа фонарь.

— Мне кажется, кто-то ещё, кроме Капитана, должен был знать об этом, потому что этот люк использовали беглые рабы. Как минимум один раз. Что имело смысл. Фиона писала о своей прабабке — моей прапрапрабабушке, мне кажется. Говорила, что та поддерживала движение за свободу негров и использовала Дом Эмбер как перевалочный пункт для подпольной железной дороги. Фиона очень ей гордилась. Кажется, её звали Маеве.

— Ты права, — сказал он. — Ида рассказывала мне о ней. Странно, но у меня был прапрапрадедушка, который тоже помогал беглецам. Его поймали и убили.

Даже в этом жизнь не была справедлива к Джексону и его семье. Маеве умерла в преклонном возрасте в Доме Эмбер. Я даже думать не хотела о том, какой смертью мог умереть прапрапрадедушка Джексона. Мне пришло в голову, что если мы найдем дурацкие алмазы, Джексон заслуживает не просто какую-то их часть. После всего того, что сделали мои предки, он заслуживал всего.

Опустившись на колени и прикоснувшись к каменной плите за лестницей, я увидела мужчин в моряцкой одежде, которые таскали ящики вдоль длинного коридора.

— Похоже, что ты прав насчет того, что туннель использовали для контрабанды.

Он с интересом посмотрел на меня.

— У тебя было очередное видение?

— Ага.

— И на что это похоже? — подтолкнул он.

Я задумалась над ответом.

— Не всегда всё происходит одинаково. Иногда кажется, что я участник событий, но меня никто не видит. Иногда появляется только расплывчатая картинка, как будто мне всё просто привиделось. Пару раз мне снилось, что я была кем-то в прошлом, когда я спала. А иногда я только слышу голоса.

— Понятно, — кивнув, сказал он.

Я направила луч своего маленького фонарика в противоположную от реки сторону, возможно ведущую по направлению к дому.

— Значит, никаких пауков?

— Нет, — ответил он, — никаких пауков. — Он пропустил меня вперед. — Просто следи за тем, куда ступаешь, потому что камни слегка неровные.

Я последовала его совету и направила фонарик на пол, но всё же продолжала освещать и дорогу впереди. Я не собиралась попадать лицом в паутину. Или позволить ещё чему-нибудь удивить меня в темноте. Я начала направлять луч фонарика на потолок, но он остановил меня.

— Не смотри вверх.

— Что? — спросила я, внезапно запаниковав оттого, что пауки могут быть где-то надо мной.

Он поймал меня за руку.

— Не смотри вверх, — повторил он.

Я выдернула руку и посмотрела на него самым суровым своим взглядом.

— Я должна увидеть, что там вверху.

— Хорошо, — улыбаясь, сказал он. — Но помни, я предупреждал тебя.

Я направила свой фонарик на потолок и всмотрелась в сумрак среди корней. Пауков там не было; он не солгал. Но черная смола потолка была усеяна белыми пятнышками. Я прищурилась, пытаюсь рассмотреть...

— Господи! — вздрогнула я и выронила фонарик. — Боже мой, боже мой. — Потолок был покрыт — *усеян* — двухдюймовыми сверчками-альбиносами. Их были сотни. Тысячи.

— Боже мой, — для выразительности повторила я.

Джексон безуспешно постарался скрыть улыбку, взял меня за руку, поднял мой упавший фонарик и подтолкнул меня вперёд.

— Это пещерные сверчки, — пояснил он. — Они абсолютно безвредны. Перестань кричать и они не слетят вниз.

— Боже мой, — шептала я, — боже мой.

— Мы почти пришли, — сказал он. — Деревянная дверь показалась из темноты.

Я протянула руку и взялась рукой за ручку.

Внезапный дневной свет заполнил мое видение, там была Сорча, женщина из моего сна о Доме Эмбер. Она смотрела прямо на меня — нет, сквозь меня — на Лайама.

— Это прекрасно, любовь моя, всё, чего мое сердце всегда желало.

Я закрыла глаза, толкнула двери похороненного дома и вошла внутрь.

От пыли в комнате было тяжело дышать. Серое покрывало явно не тревожили годами, возможно с начала прошлого века. С тех пор маленький дом замер в темноте и ожидании.

Я выхватила большой фонарь из рук Джексона и направила его на потолок. Никаких сверчков. Ни единого.

С помощью маленького фонарика Джексон нашел старую лампу, висевшую рядом с дверью. Осторожно её встряхнул. Её содержимое захлюпало.

— Интересно, загорится ли она. — Поставив лампу на пол, он поднял стеклянную трубу. — Отступи немного назад, — предупредил он. Затем вытащил из кармана коробок спичек, чиркнул одной и поднес её к фитилю. Запахло жиром, затем пламя загорелось. Он протер стеклянную трубку штаниной, прежде чем установить её над огнем. Когда он поставил лампу на пыльный стол, стали слегка различимы очертания комнаты.

Стол, на котором стояла лампа, был квадратным, сделанным из простых досок, с тремя разномастными стульями вокруг. Рядом находился почерневший огромный камин. В углу находился перетянутый веревками каркас кровати, сгнивший от старости. У его изножья, спиной к стенке стоял простой комод с зеркалом.

С другой стороны от входа я увидела окна, которые Лайам осторожно встроил в каменных стенах более трех сотен лет назад, сейчас они были темными из-за кирпичей, удерживаемых утрамбованной землей. На стене напротив камина размещался встроенный и расписанный вручную шкаф с лепниной. Рядом с ним в ожидании, когда её откроют, находилась вторая дверь.

Я махнула на неё.

— Может быть, ты? — попросила я.

Джексон взялся за ручку и потянул на себя. Дверь скрипнула на ржавых петлях. Я поднесла лампу, чтобы посмотреть, что было за ней.

Там было маленькое помещение, чуть больше шкафа. Детская кровать, повалившаяся на бок, заполняла конец комнаты. Под другим заложённым кирпичами окном, слева от меня, размещался деревянный сундук, примитивная лошадка-качалка, её корпус был сделан из бревна, ноги — из толстых веток. Беспорядочные клочки настоящего конского волоса всё ещё свисали с её гривы и хвоста.

Я поняла, что боюсь прикасаться к этой лошадке, боюсь увидеть поколения давно умерших детей, которые катались на воображаемых пастбищах. Я отвернулась и вышла из комнаты.

— Ты будешь искать алмазы? — спросила я Джексона. Я заметила, что говорю едва слышным шепотом. Мне казалось... неприличным... говорить в полный голос в месте, где тишина правила столь долгое время. Я подумала, что, наверное, такое же чувство охватывает археологов, когда они открывают древнюю могилу. Шумный мир больше не появится здесь.

Он кивнул и начал с главной комнаты, выдвигая ящики и открывая шкафы. Это казалось насилием. Я не хотела смотреть.

Какое-то мимолетное движение привлекло мой взгляд — должно быть, это было отражение Джексона, проходившего мимо зеркала. Я подошла к зеркалу. Это была маленькая милая вещица с вручную разрисованным цветочным узором по краям. Я смахнула пыль со стекла рукой в перчатках. Черное, покрытое мухами серебро зеркала прояснилось. Я втянула воздух и заставила себя посмотреть.

Лицо за лицом появлялось на стекле и исчезало прочь, сменяясь другими. Я ждала и смотрела, как множество отражений проносилось мимо, позволяя одному из них выплыть вперед: лицо Сорчи. Её руки закрывали глаза, пока руки Лайама вели её за плечи и поставили прямо перед зеркалом. Она убрала руки, её лицо осветилось удовольствием — зеркало, вероятно, было подарком-сюрпризом.

Вперёд выплыло другое лицо, маленькое подобие Сорчи, задорно-красивое, нахмурившееся, пока она расчесывала расческой её волосы. Ещё одно лицо, — красивая чернокожая женщина — та самая, которая спасла младенца. Она протирала стекло, но замерла и на мгновение, мне показалось, что она посмотрела прямо мне в глаза. Ещё одно знакомое лицо — белая женщина, светловолосая и мечтательная, прикасается к зеркалу и смотрит в него. Затем множество лиц, все темнокожие, одно спокойное, другое — испуганное, третье — вытирает слёзы, смотрит в зеркало с удивлением, как будто никогда не видело собственное отражение.

Затем появилось молодое лицо моей мамы, её черты были грустными и сосредоточенными, губы шептали слова, которые я не могла расслышать. Каким образом лицо моей мамы появилось в зеркале? Я задумалась. Она была здесь? Она тоже отыскивала Дом Сердца?

— Сара? — позвал меня Джексон и картинка исчезла. — Есть кое-что, на что ты тоже можешь захотеть взглянуть.

В его руках было изображение, старая фотография в рамке, размером с почтовую открытку, на которой были сфотографированы женщина с ребенком из периода Гражданской Войны. Маленькая девочка смотрела назад, через плечо своей матери. У неё была копна волос, выбивавшихся из ленточки, которой они были перевязаны, кудряшки ангелочка периода Ренессанса.

— Ты знаешь, кто это? — странным голосом спросил он, привлекая мое внимание к женщине.

— Не уверена, — ответила я. — Может быть Маеве — бабушка, которая использовала это место, чтобы прятать беглецов.

— А это кто? — спросил он, показывая на кого-то в углу.

Я всмотрелась. Кажется, там был кто-то третий, стоял под деревом. Я потеряла стекло, прочищая его. Фигура была нечеткой, размытой, — ещё один «призрак» пойманный длинными выдержками старых фотографий. Он... нет, *она*... казалось, была одета странно, может быть, на ней даже были брюки. Я не могла рассмотреть, не могла различить её черты.

— Мне кажется, я знаю, кто это, — тихо предположил Джексон.

— Кто?

— Я думаю, что это ты. Разве это не твоя рубашка?

Нет. Я с полным отрицанием покачала головой. *Это не могла быть я.* По коже побежали мурашки. Я посмотрела ещё раз.

У меня была похожая рубашка, мужская футболка, и было похоже, что на фигуре были джинсы. *Джинсы!* Это могла быть и я. Может быть. Но как? И когда? Насколько я помнила, я никогда не была в том времени. И неужели маленькая девочка с фотографии *смотрела* на меня?

Это было жутко, увидеть это призрачное изображение на старой фотографии, как будто часть меня жила и уже давным-давно мертва.

Я засунула фотографию в карман своего свитера.

— Как ты думаешь... — начал он.

— Это не я, — категорично ответила я, закрывая тему. — Давай убираться отсюда.

Он выглядел так, как будто хотел сказать больше, но решил, что лучше этого не делать. Не раздумывая, я нагнулась и схватила несколько вещей, которые он взял, чтобы засунуть их обратно в сундук, откуда их достали.

Это была ошибка. Почти мгновенно я перенеслась в другое место и в другое время.

Сначала я увидела куклу, которая сейчас болталась в моей руке — её крепко сжимали маленькие ручки. Это была девочка с милым личиком, примерно шести лет, её мягкие кудряшки обрамляли её лицо. *Как у ангела Ренессанса*, онемев, подумала я. Это была девочка с фотографии, которую мне только что показывал Джексон. Она была одета в белоснежный хлопок, ноги были босыми. Она отвернулась от меня и побежала по туннелю. Кукла выпала из её рук и упала на пол, как и кукла, выпавшая из моей руки.

Я видела эту девочку раньше. Я видела её у входа в лабиринт.

Это была маленькая девочка в белом.

Глава 17

Чем... кем... была эта девочка? Когда я видела её в лабиринте, мне показалось, что она отвечает мне, общается со мной. Не было похоже на то, что она была заперта в прошлом. Не было похоже на женщину на чердаке. Так кем же она была?

Нанга настаивала на том, что в Доме Эмбер не было призраков, что мне не нужно их бояться. Но что если она ошибалась? Что если она полностью была *не права*? Может быть, Нанга не знает всех секретов дома. Или, может быть, она лгала?

И если в Доме Эмбер есть призраки, была ли я в безопасности? А Сэмми? *Может быть*, подумала я, мы должны *убраться из этого места*.

Я не знала, что и думать. Я просто хотела выбраться из этого слепого, молчаливого, похороненного дома.

Джексон, должно быть, почувствовал, что я не хочу говорить. Он сложил остальные

вещи в сундук, закрыл все двери и шкафчики и задул лампу. Затем мы молча покинули Дом Сердца. Проем всё ещё выделялся отсутствием раствора вокруг четырех плит, но Джексон сказал, что отыщет что-то, чтобы заполнить трещины. Почему-то всё ещё казалось важным, сохранить это в секрете.

Мы попрощались с входом в лабиринт.

В доме было темно, когда я, проскользнув через двери солярия, поднялась вверх по лестнице. Сэмми и мама спали. Я была истощена. Я подумала о том, что приступы адреналина в этом доме оставляют меня практически без сознания. Размышлениям над произошедшим придется подождать до утра.

Солнечные лучи нового дня, проникшие через мое окно, несколько успокоили страхи вчерашней ночи. Я задумалась над своими чувствами в тот момент, когда увидела девочку в белом — у меня не было ощущения страха. Все мои инстинкты говорили о желании встретиться с ней, поговорить с ней.

Пока я чистила зубы, я вспомнила, как видела что-то в бабушкиных записях. Я вернулась в свою комнату и вытащила их из Фиониной истории.

Я просмотрела записки, ища начало. Я нашла его почти в самом низу стопки. Записи были размытыми, едва различимыми.

Я вижу... девочку повсюду. Она одета в... ночную рубашку... и её темные волосы свободно распущены... я смотрю и смотрю... думая о том, где бы я могла её видеть... я могла бы привести её к... И думаю, что иногда я даже видела её в...

Где ты? Из какого ты времени?

Из какого ты времени, мысленно повторила я. Такой вопрос можно задать только в Доме Эмбер. Могла ли эта запись касаться моей маленькой девочки в белом? Может быть, бабушка тоже её искала? Могла ли это быть Персефона Фионы?

— Сара!

Это была мама. Я засунула книжку обратно в ящик и спустилась вниз.

Мама двигалась как всегда быстро, выполняя какую-то задачу.

— Я упаковываю бабушкину одежду и медицинское оборудование. Я хочу передать это Армии Спасения завтра, если они смогут прийти до вечеринки.

Без сомнений ей нужна помощь, но я не чувствовала сильного рвения помочь ей. Она, возможно, даже не заметила, какие ужасные вещи говорила накануне, но я не забыла. И я просто уставилась на неё.

Мама сымитировала улыбку.

— Спасибо за столь явное рвение помочь мне, но, к счастью, с этим я могу справиться сама. От тебя мне нужно, чтобы ты присмотрела за Сэмми. Держи его подальше от проблем. Хорошо?

— Разумеется, — сказала я.

— Отлично, — ответила она. — Накорми его чем-нибудь, затем для разнообразия выйдете на улицу.

Да. На улицу. Солнечный свет. Свежий воздух.

Я нашла Сэма на кухне, готовым к своему ланчу, который был моим завтраком. Проявляя щедрость, я выложила по полной — порезала банан в наши миски с поджаренной овсянкой.

Пока мы трудились над своей кашей, я рассказала Сэму о своей великолепной идее.

— Я об этом не знала до вчерашнего дня, но у нас есть лошадки.

— Лошадки? Я люблю лошадок. А они живые?

— Да, — рассмеялась я. — Живые.

— Хм, Сара, а лошади страшные?

— Нет, они не страшные, но достаточно большие.

— Точно, очень большие. Лошадки очень большие. Но не страшные.

— Нет, — согласилась я, — совсем не страшные. Но тебе нужно быть осторожным, из-за того, что они такие большие. Так что ты должен слушаться меня и делать то, что я скажу, понял, Сэм?

— Да, — сказал он, спрыгнув со стула. — Пошли!

— Сначала доешь свою овсянку.

Он засунул сразу несколько полных ложек себе в рот. Молоко стекало по его подбородку. Он протянул миску.

— Доел, — сказал он с полным ртом мокрой овсянки.

Я терпеливо кивнула.

— Жуй. — Я зачерпнула ещё пару ложек, пока он сел, откинувшись назад, и пережевывал содержимое своего рта. Он несколько раз тяжело глотнул, затем открыл рот для инспекции. — Молодец, Сэммиус.

Он снова подпрыгнул и с надеждой взглянул на меня.

Я убрала миски в раковину.

— Пошли, наберем немного морковки для лошадок, — сказала я.

— Морковку? — спросил он. — Я люблю морковку.

— Лошади тоже её любят, дружок.

Согласно карте в книге Фионы, конюшни и сарай находились на северо-восточной части владений и, видимо, поэтому я никогда не видела их. Если бабушка когда-то была наездницей мирового класса, то она, вероятно, выбросила все ленточки и трофеи, потому что я никогда не видела ничего из этого. Мама говорила, что она не смогла бы обойтись без них.

Нам с Сэмом пришлось пробираться под прикрытием деревьев, чтобы найти аккуратные конюшни, построенные из камня и дерева, окрашенные в белый цвет с деревянной обшивкой. Я отперла замок на внешней двери и широко её распахнула.

Впереди меня прошла женщина, дальше по внутреннему коридору. На ней был великолепный костюм для верховой езды: черные сапоги, галифе, белая блузка и черный жакет, в руке она держала хлыст. Её рыжие волосы были затянуты в конский хвост. Это была Фиона. Она определенно обучала маленькую девочку, мою бабушку, верховой езде.

Я услышала мужской голос.

— Может быть, отложим верховую езду и найдем какой-нибудь другой способ развлечься? — Мужчина поймал Фиону за руку и развернул её. Она легонько ударила его хлыстом по бедру. Он отпустил её. — Ой, — сказал он, потирая место, где прошелся хлыст.

— Веди себя хорошо, Эдвард, или я сделаю это ещё раз. — Она лукаво улыбнулась и исчезла в стойле, мужчина следовал за ней по пятам.

Ушли. *Слава Богу.*

— Дай мне морковки, — закричал Сэм. — Я вижу лошадь. — Он потянул за сумку, которую я держала в руке.

Большая лошадь чалой масти высунула голову из стойла. Сэм освободил морковку от пластика и двинулся к лошади. Я схватила его за воротник и оттащила назад.

— Эй! — запротестовал он.

— О чем я тебе говорила на кухне?

— Доесть овсянку? — предположил он.

— Я говорила, что лошади большие и что ты должен делать то, что я скажу.

— А, точно, — ответил он.

— Итак, слушай меня. У лошадей очень большие зубы. Тебе нужно быть осторожным, когда ты будешь давать им морковку, иначе ты можешь остаться без пальца.

— Остаться без пальца? Как?

— Лошадь может его откусить.

— Лошади едят людей, — Сэм был скептиком. — Мне не нравятся лошади, Сара. Не нравятся.

— Нет, дружок, специально твой палец они есть не станут. Но они могут сделать это случайно, если ты не будешь держать их ровно.

Сэм уронил морковку и очень ровно вытянул руки по швам вдоль штанов.

— Нет, Сэм, — так нужно делать, когда будешь их кормить. — Он не двинулся. — Смотри, Сэмми, — сказала я, поднимая с пола его морковку. — Я покажу тебе. Иди сюда...

— Н-нет.

— Сэм, я обещаю тебе, всё будет в порядке. — Я подтолкнула его за плечи, поставив его рядом с лошадьёю, но так, чтобы она не смогла дотянуться. Он всё ещё держал свои руки, прижатыми к ногам. Я с треском отломала кусочек морковки и положила себе на ладонь. — Видишь, как я держу руку, пока я даю морковку лошади?

— Нет, Сара, нет, — глаза Сэма были полны ужаса.

Я поднесла руку к лошади, которая наклонилась и осторожно нащупав, взяла морковку своими бархатными губами. Затем я показала Сэму свою руку с пятью целыми пальцами.

— Видел? — спросила я. — Всё понятно?

— Понятно.

— Хочешь попробовать?

— Нет.

— Уверен? — переспросила я. Я отломала ещё один кусок морковки и поднесла её к лошади, которая схватила её своими покрытыми оранжевой слюной губами. Я отдернула руку, смазанную слюной с морковным соком. — Фу.

— Я уверен, Сара.

Всё закончилось тем, что мы с Сэмом выбросили оставшуюся морковку в кормушки в каждом занятом стойле — всего их было пять. Стойла были вычищены от навоза, в каждом лежала свежая солома и в закромах лежало зерно. Я задумалась, кто мог сделать здесь всю эту работу, пока дверь в конюшню не отворилась, и не вошел Джексон.

— Джексон! — закричал Сэмми.

Я сказала:

— Привет, — но в который раз удивилась, почему он совсем не кажется удивленным, при виде нас. Это позволило появиться неприятному чувству того, что за мной наблюдают, изучают меня. Может быть, ему от меня нужно что-то ещё? Что-то кроме алмазов, так как он не выглядел человеком, который усиленно занимался их поисками.

— Ты не в школе? — спросила я.

— Рано освободили. — Он подошел к лошади, которая подтолкнула его своей головой. Он почесал её вдоль линии подбородка.

— Почему моя бабушка держала их? Это должно стоить кучу денег. Она ведь не ездила до последнего, ведь так?

— Нет, — сказал он. — Я никогда не видел Иду верхом на лошади. Но она много времени проводила с ними. И она научила меня ездить верхом. Я думаю...

Он остановился, как будто ему было тяжело говорить.

— Что? — подтолкнула я его.

— Ей было грустно, понимаешь? Грустно оттого, что больше никого из прошлого не осталось, нет связи с близкими. Все ушли. И появилась тишина там, где должны быть голоса. — Я подумала о родителях Джексона. А он между тем продолжал. — Мне кажется, что эти лошади были последним связующим звеном с прошлым, с людьми, которых она любила. — Он слегка пожал плечами и казался немного смущенным. — Я не знаю, правда ли то, что я сказал. Это же ведь имеет какой-то смысл?

— Разумеется, — ответила я. — Конечно же, каждому нужно иметь связь с кем-нибудь, иначе человек просто будет плыть по течению. Именно поэтому я рада, что Сэм появился в нашей жизни. — Я протянула руки и сжала своего младшего брата в крепком объятии.

Джексон наблюдал за мной.

— У тебя есть связи, — сказал он, — с гораздо большим количеством людей, чем ты думаешь. — Затем он сменил тему. — Сэм, у меня для тебя кое-что есть. Пошли.

Сэм не нуждался в дальнейшем приглашении. Он осторожно пошел дальше к середине коридора, его руки всё ещё были крепко прижаты к ногам. Джексон поднял брови. Я засмеялась.

— Длинная история, — сказала я.

Мы с Сэмом проследовали за ним к сараю позади конюшен. Соломенные тюки были сложены в геометрической форме и занимали половину чердака, а старый трактор занимал почти все пространство внизу. Лучи света, которые пробивались через дыры в стенах, сверкали от поднимающихся пылинок. Джексон присел на корточки возле корыта для водопоя.

— Посмотрите сюда, — и мы с Сэмом всмотрелись в темноту. Ложбина была выстлана сеном, на котором трехцветная кошка свернулась вокруг четырех крошечных котят.

— *Охххххх*, — сказал Сэм, — я люблю котят.

Мы на некоторое время задержались. Сэм дал клички каждому котенку и узнал от Джексона, как заставить их играть с соломой. Джексон сидел, расслабившись и вытянув ноги перед собой, терпеливо перенося веселье Сэма. И я сказала себе, что я, должно быть, спятила, когда подумала, что этот парень втихаря хочет получить от нас что-нибудь. Это просто невозможно. Может ли быть кто-нибудь ещё более открытым и честным, чем Джексон?

По пути домой я заметила что-то в траве под дубом, на котором был деревянный форт.

— Иди вперёд, дружок, — сказала я Сэмми. — Я догоню тебя через минуту.

Этим чем-то был Злобный Мишка, всё ещё влажный после ночи, проведенной на лужайке.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я его.

Я снова проверила укороченную лестницу, пытаюсь оценить, сколько ступенек придется

добавить, чтобы добраться до старых, которые всё ещё висели на дереве. Я стояла, подняв голову вверх и прислонившись к дереву, и смотрела на домик, когда я услышала голоса.

— Ты все принесла? Дай мне сумку.

— Дай *мне* сумку, Энни.

— Нет, я старше. Я понесу её.

Одиннадцатилетняя версия моей мамы обошла вокруг дерева, где сейчас была полноценная лестница. За ней следовала другая девочка, похожая на младшего близнеца. Те же глаза, губы, волосы.

— Ты первая, Мэгги, — указала моя мама, и маленькая девочка начала карабкаться вверх.

Я отдернула свою руку от сарая. Две девочки исчезли.

Мэгги, в полном шоке подумала я. *Мэгги*.

У моей мамы была... младшая сестра. Кто-то, о ком мне никогда не рассказывали.

Я чувствовала себя так, как будто потеряла часть своей прочности. Я понятия не имела, какая моя мама на самом деле. Абсолютно никакого.

И что случилось с моей тетей? Почему никто и никогда даже не упоминал её имени? Может быть, с ней было что-то не так, что-то плохое? Может быть, дело в какой-то семейной вражде? Зачем притворяться, что она никогда не существовала?

Почему с этим местом связано так много секретов?

Глава 18

Я двигалась в сторону дома с четким намерением вытащить из мамы все ответы на интересующие меня вопросы. Но я встретила её выходящей из дома, в руках она держала ключи от машины.

— Куда ты идешь? — выпалила я. — Мне нужно поговорить с тобой.

— Ну, сейчас тебе это не удастся, — сказала она. — У меня назначены встречи, есть дела. И я уже опаздываю. Я беру Сэмми с собой. Сэм? — позвала она. — Сэм! — Сэмми появился в поле зрения. — Мы поедем мороженое. Как тебе это? — Она подтолкнула Сэма к двери и вниз по лестнице и вытащила солону из его волос. — Чем, ради Бога, вы двое занимались?

— Эй! — сказал Сэм, проходя мимо меня. — Ты нашла Злобного Мишку. — Я передала его ему. И это напомнило мне о домике на дереве и Мэгги, и я открыла рот, чтобы остановить маму, заставить её ответить мне... но как я объясню ей, откуда я всё узнала?

Они уехали, оставив меня с теми же вопросами, с каких я начинала.

У меня уже пропал беззаботный настрой, но этого было недостаточно, чтобы заставить меня позвонить Ричарду и отменить наше свидание с верховой ездой. Я вошла внутрь, чтобы подготовиться.

Мой костюм для верховой езды не был таким же щегольским, как у прапрабабушки Фионы. Ни галифе, ни жилета, ни маленького черного хлыста. Но у меня были коричневые сапоги, мне понравилась идея с конским хвостом. К тому времени как я скрепила резинкой свои волосы, я выглядела достаточно неплохо. Не так великолепно, как Фиона, но достаточно мило.

Ричард въехал на подъездную дорожку как раз вовремя. Он выглядел профессионалом в поношенных коричневых сапогах, в которые были заправлены брюки цвета хаки и в белой рубашке, с закатанными до локтей рукавами. Я восхитилась тем, как он оттенил свою

смуглость. У него была серая в яблоках лошадь, огромная. Когда я подошла, он высвободил ногу из стремени и опустил руку.

— Садись позади меня, — сказал он. — Нет смысла идти пешком. — Я взяла его за руку и подняла ногу к стремени. Он с легкостью поднял меня.

Изгиб седла крепко прижал меня к нему. Он обернул руку, которую я ему подала, вокруг своей талии и пустил лошадь легким шагом. Я чувствовала мускулы его ног по всей длине своих бедер. Я была смущена. Помимо всего прочего.

Я была рада, что дорога к конюшням была такой короткой.

Ричард определил подходящую для меня лошадь, так как я была полным профаном в этом деле, он сказал, что у гнедого коня общительный нрав, а чалая кажется самой мягкой.

— Я почти такой же хороший наездник, как и экскурсовод, — сказала я ему.

Он рассмеялся и сказал:

— Тогда бери чалую. — Он оседлал её и затем удерживал, пока я тяжело покачивалась в седле. — Я всегда удивляюсь словам, которые вылетают из твоего рта, — сказал он мне.

— Правда? — Я не была уверена, что это хорошо для меня.

— Правда. Ты не вешаешь лапшу на уши, понимаешь?

— Я поняла, что я просто недостаточно умна, чтобы вешать лапшу на уши.

Он снова рассмеялся.

— Я не думаю, что тебе нужно притворяться, что ты ещё умнее, чем есть на самом деле, Парсонс.

Мы ехали к восточной границе владений, следуя по тенистой, протоптанной дорожке. У ограды он остановился рядом со мной, и, наклонившись, приобнял меня, чтобы я смогла проследить за его взглядом. То, что я увидела, оказалось красиво вылепленной рукой, мышцами под золотистой кожей, слегка присыпанной веснушками, похожую на коричневое в крапинку яйцо.

— Вон там мой дом, — сказал он.

Я сфокусировала взгляд. Холмы спускались вниз через соседний участок — очередной безвкусный особняк в сторону лесистой местности с белым домом на берегу реки. В основном я видела только крышу и печные трубы над густой кроной деревьев. Но затем я смогла разглядеть кирпичные стены, окна с белыми ставнями, огромные колонны. Фасад дома я видела со стороны реки.

— Он великолепен, — сказала я.

— Ага, это один из самых старых домов здесь, хотя нашей семье он принадлежит только около двадцати лет. Мама выбрала его. Она хотела быть как можно ближе к Дому Эмбер. Мне кажется, что она считала, что в здешней земле есть что-то волшебное. — Его голос показался слегка натянутым, когда он произносил это всё, но, может быть, я это только придумала.

— Почему её так интересовало это место?

— Понятия не имею. У меня есть чувство, что она считала, что должна здесь жить.

— Кэтрин говорила, что она недолюбливала мою маму, — сказала я. — Хотя, уж поверь мне, я вполне понимаю, почему у *кого-нибудь* могут возникнуть проблемы с этим. — Я снова подумала о Мэгги.

— Да, мне жаль, но ей твоя мама не нравилась. — Он вспоминал. — Знаешь, кто ещё ей не нравился? Тот парень, который живет на границе участка. Тип, с которым ты участвовала

В ГОНКЕ.

— Джексон?

— Ага. Что ещё хуже, заметь, это со слов моей спятившей матери... как там она высказывалась? Что-то насчет того, что он опасен или... что-то с ним не так, он не должен быть здесь.

— Джексон? Опасен? — Я покачала головой. Я не могла в это поверить.

— Мне он тоже кажется слегка опасным, Парсонс, — улыбаясь, сказал он. — Вертится вокруг тебя всё время. Может быть, я должен ревновать?

Ревновать? Мне понравилось, как это прозвучало. Но я была слегка озадачена, задумавшись над ответом. Так что я улыбнулась ему своей лучшей улыбкой Фионы, ударила по бокам свою чалую кобылу и унеслась. Он пустил своего коня в галоп и последовал за мной.

Мы ездили по восточной части владений около часа. Когда мои ступни, наконец, снова коснулись земли, ноги слегка заплетались — их словно кололо булавками и было сложно контролировать. Я начала падать, но Ричард успел оказаться рядом и обхватить меня за талию.

— Вау, Парсонс, ты выглядишь так, как будто сейчас расплывешься. — Он выпрямил меня. Я вцепилась в седло своей лошади. Коллющие ощущения становились все интенсивнее, затем начали стихать.

— Ты сможешь дойти до дома или я должен буду тебя нести?

Я, свернувшаяся в этих вылепленных руках, пальцы сцеплены вокруг его шеи, смотрящая в его голубые глаза.

— Соблазнительное предложение, — сказала я, — но думаю, что я справлюсь сама.

Он в голос расхохотался. Если он всего лишь притворялся, что я ему нравлюсь, то он был чертовски хорош. Я снова разозлилась на свою маму за то, что она не позволила мне просто воспринимать его таким, каким он казался.

Он расседлал чалую лошадь, расчесал её метки после седла металлической расческой и отвел её назад в стойло. Затем повел свою лошадь назад.

— Может быть, мы могли бы подъехать к дому? — спросил он.

Я очень надеялась, что не покраснела, но похоже, что так и было.

— Сегодня ты не затянешь меня на лошадь повторно, Хэтэуэй.

Так что он вел своего мерина по дороге назад.

— В котором часу мне забрать тебя в пятницу? — спросил он, когда мы оказались перед домом.

— Забрать меня?

— Твоя мама разве не сказала? Ты нужна в Арлингтоне для финальной примерки. Папа предложил мои услуги в качестве таксиста.

— Ой, Боже, прости меня...

— Я бы не соглашался, если бы не захотел пойти. Это будет весело.

— Ты уверен? Присутствовал когда-нибудь на примерке?

— Я мужчина с разнообразным опытом, но никогда не был на примерке платьев.

— Так же как и я, но знаешь, это звучит так же увлекательно, как, к примеру, поход к дантисту.

— Мы обязательно найдем, чем развлечься, я обещаю.

Развлечься, мысленно повторила я, кажется, мне нравилось, как это звучит.

Мама сворачивала с главной дороги. Ричард посмотрел в её сторону, протянул руку и заправил выбившуюся прядь моих волос мне за ухо. Затем ухмыльнулся.

— Если захочешь повторить нашу поездку, Парсонс, звони в любое время.

На этот раз я точно знала, что покраснела, мои щеки горели. Когда он вскочил в седло, он сказал:

— Девять тридцать в пятницу, идет?

О, точно, я вспомнила, что гениальное расписание занятий Ричарда включает свободную пятницу. Улыбнувшись, я кивнула.

— Хорошо, — сказала я. Затем он уехал, пустив лошадь рысью. Он даже не забыл помахать на прощание моей маме, когда она проезжала мимо.

Практически идеал, подумала я, качая головой. *Я могла бы привыкнуть к этому.*

Мама, как обычно, в своем извращенном стиле спросила, хорошо ли я провела время, и выглядела удовлетворенной, когда я уклончиво кивнула. *Не увлекайся им, не доверяй ему, но наслаждайся проведенным с ним временем, детка.*

Они с Сэмом привезли мексиканскую еду или то, что за неё выдавали в этой части Мэриленда. Она была почти несъедобной. Всё время, пока мы ели, я мысленно пыталась придумать способ спросить маму про Мэгги, но я подозревала, что она потребует данных об источнике информации.

— Где ты слышала это имя? — И что мне тогда говорить? Я бы с удовольствием выплюнула ей в лицо всё, что я узнала о её прошлом, но я пока не была готова покидать Дом Эмбер. Поэтому держала всё в себе.

Мама вернулась к своим планам по подготовке вечеринки, а Сэм пошел смотреть телевизор. Я положила остатки еды в холодильник и наложила себе в миску мороженого. Много мороженого. С горячей шоколадной подливкой. И взбитыми сливками. И достала из банки одну из тех отвратительно-красных вишенок, которые я ела, когда мне было двенадцать.

Джексон постучал по стеклу задней двери.

Я подняла палец — «одну минутку» — достала вторую миску, зачерпнула своего пока не тронутого мороженого (включая вишенку), и водрузила в массу ложку. Я подошла к двери и передала Джексону большую долю.

— Ты мой спаситель, — сказала я.

Он засунул полную ложку себе в рот и сказал сквозь тающее мороженое:

— В любое время.

Мы сидели на каменной ступеньке и трудились над мороженым с сиропом и сливками.

— Ты слышал когда-нибудь о Мэгги? — спросила я самым будничным голосом, на который только была способна.

Он проглотил смесь, прежде чем ответить.

— Неа, — ответил он. — А должен был? Кто она?

Я не могла заставить себя произнести: *«Тетя, о которой ни моя бабушка, ни моя мама никогда мне не рассказывали.* Может быть, существовала уважительная причина, по которой её скрывали. Может быть, произошло что-то постыдное».

Я пожала плечами.

— Просто имя, которое я видела в записях Фионы.

— Ничего не знаю о ней. — Он выскребал из миски последнюю ложку.

Спорю на что угодно, Роза знает о Мэгги.

Джексон взял мою миску, встал и поставил обе тарелки прямо за двери. Затем протянул мне руку.

— Прогуляйся со мной немного.

— Конечно. — Мы прошли через кухню и вышли. Он повернулся к каменной тропинке в сторону оранжереи.

— Я хотел спросить тебя раньше, но не мог, потому что рядом был Сэм — с тобой всё в порядке? Потому что вчера ночью ты казалась слегка расстроенной.

Я обдумывала варианты ответа, что говорить, что не говорить. Наконец, я сдалась и выпалила всё как есть.

— Я видела маленькую девочку, которая бежит здесь, в округе, — пояснила я, — и мне кажется, она видит меня. Прошлой ночью я поняла, что это та же девочка, которая была на фотографии, что ты мне показывал. Не та размытая, на заднем фоне, а та, которую держала женщина, которую я приняла за Маеве.

— Значит, ты считаешь, что видишь девочку из 1860-х. И ты считаешь, что она тоже тебя видит? — Он переваривал эту мысль. — Как такое может быть?

— Ну, мне кажется, что она призрак. И что она преследует меня. Просто я не знаю, почему.

— Ты не выглядишь испуганной.

— Я думаю, что я не боюсь. Пока.

Он выглядел так, как будто собирался что-то сказать, затем изменил мнение.

— Ты можешь мне кое-что пообещать?

— Что?

— Пообещай мне, что ты всё расскажешь, если станет страшно. Мне кажется, что ты много чего переживаешь самостоятельно и тебе нужен кто-то, чтобы выговориться.

Он был прав. Мне нужен был кто-то, с кем бы я могла поделиться своими переживаниями. Но благодаря моей маме, не было никого подходящего.

— Я обещаю, — соврала я. Затем, — Спасибо.

Он улыбнулся.

— Без проблем.

— Есть кое-что ещё, с чем ты мог бы мне помочь, если захочешь. Я хочу подняться в тот старый домик на дереве, на дубе, но на лестнице недостает с десятков нижних ступенек. Мы можем соорудить что-то на скорую руку? Мы могли бы заняться этим, когда моей мамы не будет поблизости, у неё много встреч в связи с подготовкой вечеринки.

— Мы что-нибудь придумаем.

— И ещё мне нужно выкроить время и показать Сэмми потайной ход. Я пообещала ему это прошлой ночью, в обмен на то, что он прикроет меня.

В его глазах заплескалось веселье.

— Ты собираешься снова оказаться рядом с теми сверчками?

— Ну, разве что ты захочешь пойти с нами, — с надеждой ответила я.

Он кивнул.

— Больше, чем когда-либо.

Я улыбнулась.

— Врун.

— Только не я, — ответил он. — Я, может быть, и храню кое-какие секреты, но я всегда

говорю правду. Можешь заглянуть в оранжерею? Есть кое-что, что я должен отдать тебе.

Он открыл дверь из стекла и металла. Я вошла внутрь, он шел следом за мной.

— Ида хотела, чтобы это было у тебя. Она хотела, чтобы ты знала, она думала о тебе, даже когда тебя не было рядом. — Он порылся рукой за парой папоротников в горшках на ближайшей полке.

Он вытащил серебристо-золотую маску. Маленькие, прикрепленные по краям перья были обсыпаны золотой пылью. К ней была прикреплена ручка, но, было похоже, что к ней можно также приделать завязки.

— Она идеально подойдет к моему платью для вечеринки, — сказала я. — Интересно, откуда она могла знать.

— Я никогда не удивляюсь, откуда женщины Дома Эмбер знают то, что они знают. Просто так происходит.

Я улыбнулась. Он только что сделал меня частью давнего, эксклюзивного и полностью безумного сестринства. Женщины Дома Эмбер.

— Увидимся завтра, — сказал он и ушел.

Я поднялась по лестнице в оранжерею на второй этаж — так было легче не встретиться с мамой. Мои ноги гудели на каждом шагу. К утру я вообще не смогу двигаться.

У зеркала в холле я остановилась, чтобы посмотреть, как я буду выглядеть в маске.

И услышала смешок. Собрав в кулак свои нервы, я открыла ближайшую дверь.

На женщине в прозрачном платье была моя маска, она стояла перед камином и держала бокал с шампанским. Осушив свой бокал, она потянулась, чтобы вновь его наполнить. Мужчина подхватил бутылку из ведра на подставке и наполнил его.

Он поставил пустую бутылку на каминную полку и, оказавшись у женщины за спиной, развязал её маску, позволив ей упасть на пол. Затем начал целовать её шею. Она повернулась к нему лицом — это была Фиона. Он взял её за руку, и они оказались на небольшой софе. Теперь я могла видеть его лицо, он улыбался той же ровной улыбкой, которую я иногда видела у сенатора и Ричарда.

Фиона оперлась спиной о подлокотник дивана, а мужчина возобновил свои поцелуи. Она закинула голову. Затем посмотрела в сторону двери. На меня.

— Я знаю, что ты здесь, — прошептала она.

Воздух покинул меня. Я чувствовала себя так, как будто меня вздернули на кол. Как мотылек на булавке.

— Ты ведь подсматриваешь, не так ли? — сказала она.

— Ты о чем, дорогая? — не прерывая своего занятия, спросил мужчина, стягивая платье с плеча Фионы, чтобы обнажить кожу.

— Всё в порядке, — сказала она в сторону двери, *мне*. — Иногда я тоже подсматриваю.

У меня перехватило дыхание. Я сделала шаг назад. И захлопнула двери.

Она могла меня видеть? Она что, только что разговаривала со мной?

Что здесь творится? Я научилась справляться со всеми этими тенями — с трудом. Но при условии, что прошлое будет оставаться прошлым... Сначала маленькая девочка, теперь *со мной разговаривает* эта безумная женщина.

Я заставила свои ноги двигаться по коридору, в сторону своей комнаты. Вот только я признавалась сама себе, что это была не моя комната. Она никогда не станет *моей*. Она принадлежала другим. Многим. В Доме Эмбер не было безопасного места.

Мое лицо... моя голова... горели. Мне было стыдно и неловко из-за кого-то, кто умер

десятилетия назад. Кто был тот мужчина, так похожий на Ричарда? Может быть, поэтому я продолжала подглядывать? Чтобы посмотреть, на что будет похоже, если я позволю Ричарду целовать себя таким образом?

И впервые за всё время, мне пришла в голову мысль... а может ли случиться так, что когда-нибудь, кто-нибудь, будет подглядывать за мной здесь, в Доме Эмбер? Кто-нибудь будет видеть, как я влюбляюсь в Ричарда? Спорю с мамой? Как слизываю с тарелки оставшиеся взбитые сливки?

Может быть, именно поэтому мама хочет продать дом. Может быть, она знает о тенях. Может быть, она не хочет стать одной из них. Может быть, я тоже не хочу.

Я включила свет, взяла старую фотографию, которую Джексон нашел в Доме Сердца, и снова на неё посмотрела. Затем вытащила книгу Фионы и перелистала её до поздних 1800-х. Я нашла две четкие фигуры на почти идентичных фотографиях, обозначенных как Маеве Вебстер и её удочеренная дочь Эмбер. Текст гласил, что Эмбер умерла в возрасте семи лет. Мой призрак с милым личиком.

Я прикоснулась к размытой фигуре на фотографии. Может быть, на фото всё же *была* я. В своих видениях я никогда не встречала Эмбер и её мать, но, может быть, в будущем, я смогу отыскать путь в прошлое, а камера сможет зафиксировать мое изображение — мой дух, пойманный на пленку, иногда, как говорят, с призраками так случается, чувствительные к свету химикаты реагируют с энергией призрака. И если камера из прошлого смогла почувствовать мое присутствие, то может быть, человек, такой как Фиона, тоже смог это ощутить.

Я не понимала, каким образом это работало. Когда я вижу тени, прошлое оказывается в моей реальности? Или какая-то часть меня появляется в прошлом? Или и то, и другое? Или ничто из перечисленного?

Монахиня, которая готовила меня к Первому Причастию, говорила, что Бог существует вне времени, что время это только наш способ восприятия вещей. Что если бы мы могли видеть то, что видит Господь, то мы бы знали, что всё существует одновременно. Не существует прошлого или будущего.

Я выключила свет и в темноте переоделась в пижаму. В темноте я чувствовала себя безопаснее. Невидимкой. Я уснула, всё ещё продолжая думать о людях, которые наблюдают за мной, думая, что глаза в Доме Эмбер схожи с глазами Бога, знают каждую неудачу.

Разве что, Господь может простить.

Глава 19

Я сидела в центре паутины и скручивала свои волосы в шёлк, присоединяя свои мысли к каждой нити и изгоняя их из меня, как приманку для голодных крабов. Тысячи крошечных пауков ухаживали за мной, опутывая меня своей паутиной, одеяло из мягкого, теплого снега окутывало меня как шелковое платье. Я посмотрела в зеркало. Мое лицо было лицом девочки в белом. И у меня мелькнула мысль, что мне всегда достаются жуткие случаи.

Затем пауки начали плести для меня белую фату, всё толще и толще, чтобы я могла забыть свое лицо. Чтобы я смогла остаться навечно.

Я проснулась, издавая те стонущие звуки, которые получаются, когда ты пытаешься закричать во сне. Мои руки протянулись к ослепшим глазам. Я открыла их на встречу дневному свету. *Слава Богу.* Меня передернуло, тело сбрасывало с себя ощущение всех тех паучьих лап.

До того, как мы приехали в Дом Эмбер, у меня никогда раньше не было подобных снов. Казалось, что я не могу сбежать от голосов, от глаз в этом месте, даже во время сна.

Я собрала свою одежду и пошла в ванную, чтобы переодеться. Потому что в ванной у меня никогда не было видений. Я надеялась, что это было вроде как против правил этого дома.

Я спускалась вниз, двигаясь, как старушка с артритом, виной чему была вчерашняя езда на лошади. Я доковыляла до кухни в поисках завтрака и аспирина.

Сэмми сидел за столом и пережевывал полоску бекона. Роза наблюдала за тем, как он ест.

— Как насчет парочки жареных яиц? — спросила она у меня.

— Я бы предпочла немного дыни, — ответила я, — но спасибо вам.

— Твоя мама отправилась в город, чтобы разобраться с поставками для вечеринки, — сказала Роза. — Пока её нет, вам двоим нужно держаться подальше от неприятностей.

— Да, мэм, — ответила я. — Ммм, Роза?

Она развернулась на полпути к выходу из кухни в столовую. Я посмотрела на её ничего не выражающее лицо и с трудом собралась с мыслями. Наконец, запинаясь, я спросила:

— Вы знали Мэгги?

Она вздернула голову, как будто оказалась в замешательстве, услышав этот вопрос.

— Да, дитя, разумеется, я знала Мэгги.

— Тогда, — заторопилась я, зная, что это, скорее всего, не то, что моя мама одобрила или оценила бы, но я собиралась получить информацию, — что с ней произошло? Где она?

Выражение лица Розы было невозможно описать — что-то вроде возмущения, смешанного с недоверием с неожиданными нотками сострадания. Она подошла ко мне, взяла меня за руку и наклонилась, чтобы ответить,

— Она умерла, милая. Твоя мама никогда о ней не рассказывала?

Я покачала головой.

Она оценивающе кивнула головой.

— Тогда, может быть, тебе лучше спросить у неё. Как тебе кажется?

Я так не думала, я совсем так не думала, но кивнула. Роза слегка похлопала меня по руке, затем направилась к двери:

— Хорошего дня, — сбивчиво пожелала я.

Она улыбнулась.

— *Искренняя улыбка!* — подумала я и она ушла. Я всё ещё сидела там, размышляя о тете, которую я никогда не знала, когда Джексон просунул голову в заднюю дверь из галереи.

— Она ушла?

— Кажется, да. Разве *ты* не должен быть в школе?

— Меня призвал высший долг. — Он вошел внутрь и вытащил из-за спины зонтик. — Защита от сверчков.

Я рассмеялась.

— И почему я об этом не подумала?

— Для этого я тебе и нужен, — улыбаясь, ответил он.

— Ты уже завтракал? — спросила я. — Хочешь чего-нибудь поесть?

Он развел руки, как бы говоря *что-я-могу-сказать?*

— Я растущий парень. — Затем насыпал себе огромную порцию овсянки и начал есть.

Я раздумывала над двумя проблемами, которые грызли меня. Я всё ещё не была готова рассказать ему о Мэгги. Но та штука с Фионой...

— А бабушка говорила тебе что-нибудь о том, что тени в видениях способны видеть или разговаривать с ней?

— Нет, — ответил он. Затем перестал жевать. Он изучил меня. — Что-то произошло?

Я поняла, что ему захочется узнать все мелкие подробности. Что *именно* сказала Фиона? Чем *конкретно* она занималась? Как я могла объяснить ему, почему просто стояла там и подглядывала? Может быть, если я слегка подчищу все...

Я не была такой уж хорошей лгуньей.

Я видела, что он решил не допрашивать меня. Он собрал тарелки и отнес их в раковину.

— Ну что, Сэмми? Пора выдвигаться? Хочешь увидеть потайной ход?

— Ага, — выразительно кивнул Сэм.

Я взяла свои ботинки, стоящие возле задней двери, и надела свою толстовку на молнии. Джексон рассмеялся.

— Хорошо выглядишь.

— Заткнись, — улыбаясь, ответила я.

Джексон ступил в лабиринт впереди нас, но я остановила его.

— Позволь мне увидеть, смогу ли я сделать это, — попросила я.

Я обнаружила, что при дневном свете намного легче, когда мне не нужно волноваться о том, что я могу споткнуться о корень или пропустить поворот. *Направо, пропустить, направо, считала я, налево, пропустить, налево, направо, пропустить.*

— Здесь классно, — сказал Сэмми, двигаясь трусцой рядом со мной.

— Ты ещё не всё видел, дружок, — пообещала я ему.

Мы добрались до беседки, и Сэм пошел прямо к лестнице. Его глаза расширились, когда он осмотрел всё над лабиринтом.

— Мне нравится здесь, Сара.

Потом мы с Сэмом начали искать свободные плитки. Джексон скрыл их почти идеально с помощью наполнителя из белого песка.

— Смотри, — воскликнул Сэм, — я нашел, Сара. — Его голос понизился до благоговейного шепота. — Потайная дверь.

Джексон убрал плиты и открыл люк. Сэм вдохнул пыль и воздух, поднимавшиеся снизу. Джексон вытащил фонарик.

— Хочешь идти первым, Сэм?

— Ага, — ответил он. Он взял фонарик, опустил свои маленькие ножки в дыру и спустился вниз, не задумавшись ни на мгновение. Джексон последовал за ним. Я повыше застегнула молнию, схватила зонтик и заставила себя присоединиться к ним.

Сэм уже бежал, следуя за лучом своего фонарика дальше по коридору, как будто он точно знал дорогу. Мы с Джексоном поспешили следом.

— Скрытый дом, — произнес он, когда открыл дверь, и вошел внутрь. — Целый скрытый дом. — Он повернулся ко мне и прошептал. — Здесь никого не было.

— И уже очень давно, приятель.

Он обежал весь дом, открывая всё, что мог открыть. Он открыл крышку сундука в меньшей комнате.

— Ой, смотри, — сказал он, вынимая резную деревянную игрушку. — Тигр, но он постарел и потерял свои полосы. — Он даже осветил камин своим маленьким фонариком. — Я вижу звезды, Сара.

Джексон улыбнулся мне. Энтузиазм Сэма был заразительным.

— Почему они похоронили этот хороший маленький домик? — в конце концов, спросил он.

— Чтобы скрыть его от других людей, — сказала я, — чтобы использовать его для тайных дел.

— Ох, — кивая, ответил он, — тайные дела.

Я была рада уйти оттуда, рада снова выйти на солнечный свет. Я хотела больше никогда не возвращаться в Дом Сердца. Там не было сокровищ. Там не было ничего, кроме прошлого.

Джексон закрыл люк и вернул плиты.

— Нам лучше перейти к той лестнице к домику на дереве, если ты хочешь всё закончить до того, как вернется твоя мама.

— Я первый, — крикнул Сэм и побежал к выходу из лабиринта.

— Стой, Сэм! Ты можешь заблудиться! — прокричала я. Но он даже не остановился. Пока я пыталась его догнать, он каждый раз поворачивал в нужную сторону. Маленький негодник был умным. Умнее меня.

Внутри оранжереи Джексон припрятал кое-какие припасы: сундук с инструментами, ручную пилу, доски, размером два на четыре. Мы всё забрали и направились вокруг дома, к дубу.

Двое парней принялись за работу. На трех нижних ступеньках лестницы Джексон разместил гвозди, а Сэм их вбивал.

— Используй предплечье, приятель. Это работает именно так.

Джексон установил следующие пять ступенек, а потом ему пришлось подняться выше, чтобы закрепить оставшиеся четыре. Затем он спустился вниз.

— Хочешь пойти первой, Сара? — Я кивнула. — Убедись, что ты попробовала старые ступеньки, достаточно ли они крепкие, прежде чем переносить на них основной вес. — Я начала подниматься. — Ты следующий, Сэм. Я буду следовать за тобой, хорошо?

— Хорошо.

На полпути наверх я снова увидела девочек. Мою маму в предподростковом возрасте и её младшую сестру, Мэгги.

— С тобой всё в порядке, Мэг? — Спросила моя мама у маленькой девочки, которая карабкалась как раз впереди меня.

— Я в порядке.

Мама подала руку своей сестре, чтобы помочь ей забраться в домик. Я поднялась следом за ними. Это была простая постройка, здесь были два этажа, частичная крыша и перила. Не то место, куда бы я пустила Сэмми одного.

Моя тетя сняла рюкзак и бросила его на пол. Из него вывалился Злобный Мишка.

— Давай ещё раз определимся с правилами, Мэг, — сказала мама. — Это наше тайное место.

— Наше *тайное* место.

— Мы поднимаемся сюда только вдвоем.

— Поднимаемся только вдвоем.

— Мы не рассказываем мамочке с папочкой, что мы здесь играем.

— Не рассказываем.

Мама начертила крест на своей груди, Мэгги сделала то же самое. Мама закончила.

— Вот тебе крест, провалиться мне на этом месте.

— Провалиться мне на этом месте, — повторила Мэгги.

Мама повернулась, чтобы вытащить что-то из рюкзака на полу позади неё. Это была деревянная шкатулка, которую сделал Мэттью Фостер полтора века назад.

Она осторожно поставила её между собой и сестрой.

— Ты положила это сюда, Мэг? Как и сказала Старуха?

— Я положила, Энни. В точности, как она велела.

Молодая версия моей мамы вытащила нож для масла из металлической жестянки под лавкой. Затем просунула лезвие под тонкую доску и приподняла её. Мэгги обернула шкатулку Мэттью тряпкой, а мама положила её в дыру под половицей. Затем они вместе вернули доску на место.

— Повторяй за мной, — приказала мама.

— Дерево сестер, дерево сестер, — заговорили обе девочки, держась за руки, — храни наши секреты в безопасности.

— Теперь это наш секрет, — сказала моя мама своей младшей сестренке. — Никто не должен знать.

— Никто не должен знать, — повторила Мэгги.

— Ты же не расскажешь мамочке с папочкой?

Мэгги отрицательно покачала головой.

— Никогда, — ответила она, прижимая к груди Злобного Мишку.

И тогда я всё поняла. Почему её голос был таким знакомым. Почему она всё время говорила в видениях.

Я очнулась, дико размахивая руками и ища что-нибудь, чтобы удержаться от внезапного головокружения. Джексон поймал меня за руку. Они с Сэмом тихо скользнули на платформу, чтобы не вырвать меня из моего видения.

— Что ты видела?

— Мою маму и... — мне всё ещё было тяжело произносить это. Я тряхнула головой. — Её сестру, — сказала я.

Джексон выглядел удивленным.

— У тебя есть тетя?

— Как оказалось. Но, по-видимому, ни один человек в возрасте до сорока о ней не знает. Сейчас она мертва.

— Ты не знала о её существовании? Почему они тебе не рассказывали?

— Понятия не имею, — горько сказала я. — Я думаю, может быть... потому что она была такой как Сэм.

— Как я, — повторил Сэмми, счастливо кивая.

— Или что-то в этом роде, — сказала я.

— Откуда ты знаешь? — спросил Джексон.

— Когда она разговаривала, она повторяла то, что говорила моя мама. Это называется эхолоалия⁷.

— И поэтому они никогда о ней не рассказывали? — всё ещё не веря мне, спросил

Джексон.

— Я не знаю. В те времена, люди запирали таких детей в учрежд... — Я посмотрела на Сэма и оборвала фразу. — Хотелось бы мне знать, что с ней произошло. — Я посмотрела на пол. — Твой швейцарский нож с тобой?

— Да, — он вытащил его из кармана и передал мне.

— Подойди поближе к Джексону, Сэм, — сказала я. Я вытащила маленькую отвертку из ручки ножа и приподняла маленькую доску в центре пола домика. Но в дыре ничего не было.

Вдалеке я услышала звук шин едущей по гравию машине. Я выглянула из-за листьев в сторону подъездных ворот. Мама была дома.

— Нам нужно спуститься, — сказала я. — Немедленно!

Джексон поспешил к лестнице.

— Я иду первым, Сэм. Ты идешь следом за мной так быстро, как только сможешь. — Он подождал, пока Сэм не встанет на ступеньку, прежде чем начать спускаться. Их головы исчезли за краем домика.

Я положила доску на место и засунула нож Джексона в свой карман. Затем опустила ноги на ступеньку и поспешила за ними.

Подо мной Джексон снял Сэма с лестницы, и они крадучись побежали в сторону кустов около дома. В десяти футах от земли я шагнула в несуществующее пространство.

— Мэгги, — прокричала моя одиннадцати- или двенадцатилетняя мама, поднимаясь мимо меня. — Мэгги, ты мне обещала, что не будешь подниматься сюда без меня. Я же сказала тебе, что мы пойдем вместе, как только я закончу рисовать.

Милый, сладкий голосок.

— Ты не закончила рисовать, Энни.

Я наблюдала, как она достигла вершины.

— Мэгги, стой! Передай мне Злобного Мишку, чтобы я могла взять тебя за руку. Ты слышишь меня? Не двигайся, Мэг. Стой. СТОЙ!

До меня донесся крик. Затем что-то пролетело мимо меня. Что-то белое, колеблющееся и быстрое.

Хлопнула дверца машины. Я почувствовала, что меня тянет назад, теряя равновесие, я судорожно схватилась. Я ухватилась за ступеньку и прижалась к дереву, проглатывая рыдание, рвущееся из горла.

— Мамочка, — кричал Сэмми, пока бежал по дорожке, проходящей возле оранжереи. — Ты дома! — Он схватил её за руку и потащил к двери, подальше от дерева.

— Эй, эй, Сэм, — сказала мама. — Дай мне забрать свои пакеты. Ты можешь мне помочь, хорошо?

— Хорошо, — сказал он.

— А где твоя сестра?

— Мы играем в прятки. Она меня пока не нашла.

— Ей будет ещё сложнее тебя найти, если мы пойдем внутрь. Может быть, тебе стоит пойти и поискать её?

— Ха, — пренебрежительно ответил он. — Сара всегда меня находит.

Они вошли внутрь. Я поспешно преодолела последние десять ступенек. Джексон взял меня за руку, чтобы поддержать, пока я стряхивала грязь. Затем повел меня в сторону оранжереи.

— С тобой всё хорошо?

— Ага.

— Я испугался, что ты можешь упасть. Что ты видела?

— Моя тетя... Мэгги. Она... — Я едва ли могла произнести слова вслух. Мой желудок сжимался. Слезы стояли в моих глазах. — Она упала.

Он выглядел потрясенным.

— С лестницы?

— Я покачала головой. — С самого домика. Я... Я думаю, что она умерла.

— Боже мой, — выговорил он.

Очередная волна головокружения окатила меня. Только на этот раз она исходила из моего желудка. Он снова сжался.

— Мне кажется, меня сейчас...

Я кинулась к кустам. Джексон отвел назад мои волосы. Мой завтрак оказался на земле.

— Держи, — сказал Джексон. Он протягивал мне чистый белый носовой платок.

Я понурила голову и отмахнулась от его предложения.

— Я не могу его взять.

— Я принес его для тебя.

Я взяла кусочек ткани из его руки и вытерла рот.

— Спасибо, — смущаясь, сказала я. — Ты, должно быть, считаешь меня уродцем.

— Нет, — ответил он. — Сара, нет, — он слегка присел, чтобы можно было смотреть мне в глаза. — Есть кое-что, что я уже давно хочу тебе сказать.

— Сара? — моя мама решила пойти меня поискать. Она стояла и смотрела на нас так, как будто застукала нас за чем-то непристойным.

— Мам, — сказала я, прочистив горло. — Джексон просто помогал мне искать Сэмми.

— Вот как, — сказала он.

— Ага. Ты видела его?

— Он внутри. Может быть, тебе тоже следует пойти в дом. И разве Джексон не должен быть в школе?

Теперь была моя прощальная реплика. Я повернулась к Джексону.

— Спасибо тебе за помощь, — сказала я.

— В любое время.

Я уже собиралась пройти в дом, но следующие слова мамы заставили меня остановиться.

— Джексон, — сухо произнесла моя мама, — после того, как ты объяснишь Розе, почему ты не в школе, ты не мог бы оказать мне услугу? Минут через двадцать кое-кто приедет, чтобы забрать лошадей.

Я резко развернулась.

— Лошадей? Но... У Сэмми ещё даже не было возможности, чтобы покататься на них.

Я чувствовала, что Джексон смотрит на меня, я чувствовала его напряжение, но он знал, что он не был участником этой дискуссии.

— Я буду в конюшнях через двадцать минут, миссис Парсонс. — Затем он ушел по направлению к дому.

Мамин взгляд ничего не выражал.

— В Сиэтле есть лошади. Сэмми может ездить верхом там, если ему так сильно захочется. Мне нужно оборвать здесь всё концы.

— *Оборвать концы.* — Милый эвфемизм, описывающий более чем трехсотлетнюю

семейную историю. Я не знала, что на меня нашло, но я не могла сдерживаться.

— Знаешь что, мам? Ты хоть раз спросила у Сэмми или меня, хорошая ли это идея, продавать это место. А что если мы думаем, что оно должно остаться в нашей семье?

— Ты понятия не имеешь, о чем ты говоришь. Это просто старый дом, переполненный старой рухлядью. У тебя не может быть к нему никакой привязанности. Ты никогда не была здесь раньше.

— Но сейчас-то я здесь. И нам с Сэмми очень нравится это место. Мы не хотим, чтобы ты продавала его незнакомцам, которым оно не принадлежит.

— Сара, *ты и Сэмми* не принадлежите к этому месту. Я к нему не принадлежу. У нас есть жизнь за три тысячи миль отсюда. Ты хочешь, чтобы мы там всё бросили? — Она остановила меня, прежде чем я успела ответить. — Даже если у тебя есть какой-нибудь романтический повод, который мог бы заставить меня остаться, я никогда этого не допущу. Одни лишь налоги на недвижимость съедят меня заживо. Мы должны будем разрезать это место и продавать его по кусочкам, пока едва ли что останется. Ты этого хочешь?

— Папа мог бы помочь...

— Твой отец не имеет с этим ничего общего, — со злостью в голосе прервала она меня.

— Мы могли бы позволить себе его, если бы ты не тратила так много на эту дурацкую вечеринку.

— Только так я *могу позволить* себе выгодно продать этот дом, — выплюнула она. — Это не обсуждается. Может быть, если б ты была взрослой женщиной с собственными доходами, мы могли бы задуматься о том, чтобы сохранить этот дом. Может быть, в лучшем из миров, мы могли бы что-нибудь сделать. Но нам необходимо решить проблему с Домом Эмбер сейчас, в данном временном отрезке, и это единственное возможное для меня решение. Мы закончили с этим разговором? — раздраженно спросила она. — Или ты хочешь ещё что-нибудь добавить?

Но я больше не смогла найти ни одной причины. Похоже, что у Джексона не остается времени для поисков алмазов; а у меня не было денег, чтобы спасти дом. Пока я поднималась по ступенькам, я подумала, как иронично то, что, в конце концов, время оказалось не на стороне Дома Эмбер.

Глава 20

Мне показалось, что моя мама сейчас была в настроении задавать вопросы и отдавать приказы, так что я прокралась наверх, прежде чем у неё появится возможность для одного из вариантов. Я направилась в ванную, почистила зубы, затем намочила полотенце и легла на кровать, положив его себе на глаза.

Я только что видела чью-то смерть. Я поблагодарила Господа за то, что мне не довелось услышать, как тело Мэгги ударилось о землю. Не думаю, что я смогла бы пережить это.

А ещё меня вырвало прямо перед Джексонном. Он держал мои волосы и был очень милым, но это я тоже не могла пережить. Я не была окончательно уверена, почему это так важно, но я не хотела, чтобы Джексон видел меня в таком состоянии. Я убрала эту мысль подальше в уголок и Мэгги снова вышла на первый план. Чем больше я о ней думала, тем больше всё остальное имело смысл, кусочки складывались.

Бабушка, должно быть, винила маму в смерти Мэгги. Мама была старшей, а Мэгги была такой как Сэмми или что-то похожее. И, наверное, они не должны были подниматься в домик на дереве. Разумеется, бабушка винила в этом маму. Разве что, как могла моя бабушка быть такой жестокой? Если моя мама чувствовала к Мэгги то же самое, что я чувствую к

Сэмми, она сама винила себя во всем, без чьей-либо помощи.

Наверное, бабушка начала пить с того времени. Скорее всего. И моя мама... должно быть, она сдалась. Перестала рисовать. Перестала чувствовать. И, наверное, начала ненавидеть Дом Эмбер.

Та маленькая девочка, о которой бабушка писала в своем письме в книжке Фионы, та, которую она искала в воспоминаниях Дома Эмбер, — это была Мэгги. На что это похоже — быть в ловушке в месте, где ребёнок, которого ты потеряла, всё ещё живет в тених прошлого? Ждать, искать и тосковать по кому-то, кто даже не был призраком? Просто какой-то разновидностью *записи*, которая была когда-то сделана и никогда не произойдет снова. И моя мама, должно быть, винила себя за *всё* это.

Это было ужасно.

Смерть Мэгги разорвала их, заставила раны кровоточить, оставила шрамы. И мы всё ещё расплачивались за неё, спустя столько лет. Я и Сэмми. И папа. И мама. Она не была виновата в этом. Она не заслуживала того, что с ней сделала бабушка.

Впервые в жизни я пожалела свою маму.

Боль медленно отступала; я подумала, что свежий воздух может помочь.

Я спустилась вниз и выскользнула через переднюю дверь. Сквозь деревья, на востоке, я увидела очертания грузовика и большого трейлера. Наверное, это приехали забрать лошадей. Я решила посмотреть за тем, как грузят «моих» лошадок.

Когда я туда добралась, Джексон выводил злющую кобылу. Он обмотал полотенце вокруг её глаз и что-то тихо шептал ей в ухо. Металлический трап заставил её слегка отступить, но Джексон погладил её по носу и успокоил её. Она позволила ему ввести себя в трейлер. Заметив меня, он кивнул, но продолжил выполнять свою работу.

Мне пришло в голову, что это должно быть очень болезненно для него. Во мне промелькнула вспышка гнева на маму, за то, что она продает лошадей, хотя я думала, что у нас с Сэмом было право оставить их, но Джексон знал этих животных много лет. Он, наверное, любил лошадей. Почему мама не спросила его, не хочет ли он оставить хотя бы одну?

Следующей была чалая лошадь, которая покорно шла за ним, подталкивая его в плечо, чтобы он её погладил. Джексон был её другом.

Больше я не смогла смотреть. Я вернулась в дом.

Мама вышла на улицу как раз в тот момент, когда я подошла. Прибыл очередной грузовик с надписью «Садовое освещение» на боку. Двое мужчин в рабочих комбинезонах вышли из него, чтобы поговорить с ней. В руках у мамы была диаграмма с разметкой сада. Они втроем несколько минут обсуждали её, затем мужчины вернулись к грузовику и начали доставать удлинители. И лампочки. *Много-много* лампочек.

Мама повернулась, чтобы войти в дом.

— Подожди, — сказала я, подходя к ней. Я поняла, что пока я старалась найти слова, даже понимая маму немного лучше, всё равно не смогу изменить её решения. Она всё также оставалась резкой, жесткой и суровой. — Насчет лошадей...

— Слушай, Сара, мне жаль, что ты расстроилась по поводу лошадей, но уверена, что ты понимаешь, что мы должны избавиться от них.

— Джексон заботился об этих лошадях долгое время, мам. Тебе не кажется, что стоило хотя бы спросить его, не хочет ли он оставить себе одну из них?

— Знаешь, эти лошади достаточно дорогостоящие животные. Они хорошей породы и могут быть хорошими производителями. Но если отложить в сторону вопрос денег, то ответ на твой вопрос, да, я спрашивала. Я спросила Розу. Она поблагодарила, но сказала, что у них нет места, где их держать, и они не смогут позволить себе содержать их, даже если бы захотели. Всё ясно?

— Ой, — сказала я.

Она легонько выдохнула, как будто пыталась успокоиться.

— Слушай, я знаю, что ты не поверишь мне, но я *пыталась*. Мне не наплевать на Розу и Джексона. Они заботились о твоей бабушке много лет, и это не было легко. Она была сложным человеком.

— Я знаю, мам.

— Я знаю, что ты и Сэмми воспринимаешь этот место иначе, чем я. Я знаю, что ты хотела бы сохранить некоторые вещи. Ты можешь выбрать, что именно. Мы можем упаковать это и сохранить для тебя, пока ты не станешь старше. Ты должна иметь хоть что-то.

Некоторые вещи, подумала я. Кусочки моего прошлого, в которых не останется жизни после того, как мы перевезем их отсюда. Все сокровища Дома Эмбер скоро исчезнут, будут проданы на аукционе. Будут отрезаны от того, что давало им голос. У меня перехватило дыхание, я почувствовала, что слезы наворачиваются на глаза, но в ответ я сказала лишь:

— Это было бы хорошо, мам.

Она собралась уходить, но снова развернулась. Прочистила горло.

— Есть ещё кое-что, о чем ты должна знать, кое-что, что я должна тебе сказать. — Она подняла руки и сжала виски, прикрыв на мгновение глаза. Затем прямо посмотрела на меня. — Я продала лодку.

Мне потребовалась секунда, чтобы переварить это.

— Что? Ты продала «Янтарь»?

— Да.

Я почувствовала себя так, как будто потеряла друга.

— Я хотела её. Как ты могла сделать это и даже не спросить у меня? Даже не сказать мне?

— У меня появилась возможность продать её по хорошей цене кому-то, кто видел, как ты победила на регате. Мы не сможем держать эту чертову лодку. Что мы с ней будем делать? Поплывем на ней до самого Сиэтла? Ты хоть знаешь, сколько стоит перевезти что-то подобное через всю страну?

Я не знала, каким образом, но всё становилось только хуже. Это было, как наблюдать крушение поезда в замедленной съемке — одно столкновение за другим и ни малейшей возможности всё остановить. Она не должна была делать это за моей спиной. Она должна была проявить порядочность и сказать мне всё прямо. Слова вырвались из моего рта, когда я даже не успела обдумать их.

— Каждый раз, когда я начинаю думать о тебе, как о хорошем человеке, ты делаешь всё, чтобы доказать, что я ошибаюсь.

— Как ты смеешь говорить со мной в таком...

— Я тебя ненавижу, — сказала я ей. — Я никогда тебя не прощу.

Ничего не видя перед собой, я убежала прочь, но обнаружила, что заворачиваю за угол дома к каменным ступенькам, которые спускались к реке. Я побежала вниз, перепрыгивая

сразу через две ступеньки. *Если бы я нашла алмазы*, мелькнула у меня дикая мысль, *всё было бы по-другому*. Тогда у нас было бы достаточно денег. Я смогла бы выкупить «Янтарь». Я могу забрать её сейчас, где-нибудь спрятать её, может быть на причале Ричарда. Он поможет мне. Он найдет место, где её можно спрятать...

Но её уже не было. Причал был пуст.

— НЕТ!

Затем я начала рыдать. Я оплакивала не только «Янтарь». Я оплакивала всё. Я не знала, любила ли я Дом Эмбер или ненавидела его. Но моя мама ошибалась. Было недостаточно просто собрать «какие-то вещи» для меня и Сэмми, какие-то маленькие кусочки то там, то тут. У нас должна была быть возможность сохранить *всё* целиком. Даже если мы не росли здесь, не жили здесь, это всё было частью того, кем мы являлись. И мы были частью всего этого. Всё это *умрет*, когда мы уедем.

Я стояла на пустом причале и оплакивала всё это.

— Сара.

Это был Джексон.

Я шагнула к нему, он открыл мне свои объятия и позволил укрыться в них, на его груди. Я чувствовала шрамы под его рубашкой, пересекающие мышцы, и это заставило меня плакать ещё сильнее. Жизнь — дерьмо, вы знаете это? У него остались шрамы на всю жизнь, его родители умерли, когда он был слишком маленьким, чтобы запомнить их. А как насчет Мэгги, с которой произошел самый глупый несчастный случай, который только мог произойти когда-либо? А как насчет бабушки, моей мамы, папы и Сэмми? Как насчет меня?

Я плакала до тех пор, пока рубашка Джексона не стала влажной, а он просто стоял и обнимал меня, положив щеку на мои волосы.

— Всё будет хорошо, — сказал он мне.

Я, наконец, перестала плакать и он вытащил ещё один чистый платок из своего кармана. Он приподнял мой подбородок, высушил мои слезы, затем передал платок мне.

— Я не могу забрать его у тебя, — сказала я.

Он сделал движение губами.

— Просто захватил его для тебя. Вытри свой нос.

Я сделала так, как мне велели. Я чувствовала себя немного лучше.

— Она продала «Янтарь».

— Я знаю. Мне жаль.

— Мне жаль лошадей.

— С ними всё будет в порядке, — сказал он. — Он вытащил из кармана латунный зажим. — Успел стащить его с «Янтаря» прежде, чем её забрали. Подумал, что ты бы хотела сохранить что-нибудь на память.

Я взяла его в руку и услышала шум ветра и волн.

— Спасибо тебе.

— Ты в порядке?

— Я не хочу уезжать отсюда.

— Никто не может сказать, как всё обернется в итоге.

Я грустно улыбнулась.

— Я достаточно уверена.

— Не знал, что ты можешь предсказывать будущее, — улыбнулся он в ответ.

Я начала было отвечать, но он прижал палец к моим губам, заставив меня замолчать. Он

прикоснулся к уголку моего глаза — поймал последнюю слезинку — затем прочертил пальцами вниз по моей щеке. Я увидела такую тоску на его лице, я была поражена. Его рука скользнула мне за шею, другой рукой он очертил линию моего подбородка.

Он шагнул ближе, почти соприкоснувшись настолько, что я могла чувствовать его тепло от кончиков пальцев до подбородка... Его палец пробежался по моим губам, прикасаясь, как будто они были самой мягкой, самой сладкой вещью.

Я почувствовала дрожь где-то в глубине, глубоко в сердце. Я не понимала.

Он склонил голову, раздвинул мои губы своим пальцем и приблизил свой рот ко мне. Я закрыла глаза. Я чувствовала его дыхание на своей коже, свежее и теплое. Его нос прикоснулся к моему и он сделал глубокий вдох, впитывая мой запах.

Во мне всё начало подниматься, течение двигалось в сторону его дыхания. Я ждала.

Но он сделал шаг назад, отпуская меня, его руки упали.

— Я должен сказать тебе кое-что, — запинаясь и смотря в сторону, сказал он.

— Скажи мне.

— Я боюсь. Я боюсь рассказать тебе об этом.

— Скажи мне, — повторила я.

— Я... — Он выглядел так, как будто испытывал страдание. Но он должен был продолжать. — У меня есть дар, Сара. Как у тебя.

— Как у меня?

— Иногда, я вижу вещи. Вещи, которые ещё не произошли.

Месяц назад я бы ответила: *«Ну да, конечно»*. Но теперь до меня дошло. *Ну, разумеется.*

— Так вот почему ты всегда всё вовремя подхватываешь.

Он слабо улыбнулся.

— Ага.

— Но это гораздо круче, чем возможность видеть прошлое, — с недоумением сказала я. Почему это плохо? — Как много ты можешь видеть?

— В основном это короткие вспышки, например, перевернувшаяся бутылка воды...

— ...или кто-то, падающий с обрыва, — подхватила я. — Не так уж и мало.

— Нет, — он остановился, подыскивая слова. — Иногда я вижу наперёд, на месяцы, даже года. Большие видения. Но всё они касаются лишь одного единственного человека. Снова и снова. С тех пор, как я впервые оказался здесь.

Он посмотрел мне в глаза, словно ища что-то. Что же тут было такого, что ему так трудно произнести?

Он сжал челюсти. Он заставил себя говорить.

— Они всё о тебе. Я знал, что ты приедешь сюда. Я знал, как ты выглядишь, какой ты будешь ещё до того, как встретил тебя.

Я вспомнила, как он пристально наблюдал за мной на похоронах.

— Я знал, что ты любишь ходить под парусом, вишневую колу и «Властелина колец».

И ты прочитал его, подумала я. *Полностью. Даже не смотря на то, что ты не любишь книжки. Это слегка... впечатляло.* Как только я подумала об этом, я сделала шаг малюсенький шагок назад.

Он это заметил. Он выглядел потерянным. Часть меня хотела взять его за руку, но я прислушалась к тревожному звонку в своей голове. Я не двинулась с места.

Его губы сжались, но он продолжил.

— Это ещё не всё. Ты должна это знать. Это то, что я должен был тебе сказать давным-

давно.

Я ждала.

— В Доме Эмбер нет никаких сокровищ.

Мне потребовалась секунда, чтобы переварить его слова.

— Ты соврал?

— Это была не совсем ложь, — сказал он. — Здесь есть кое-что, что для меня важнее всего на свете. И мне... мне нужна ты. Чтобы ты осталась. Помогла мне отыскать это.

— *Что ты хочешь найти?*

Слова, вырвавшиеся из моего рта, прозвучали резко, что удивило меня. Это было в точности похоже на мою маму. И её голос продолжал брюзжать в моей голове: *«Пора тебе повзростеть, Сара. Всем что-то нужно. Каждый использует другого для своих целей».*

Даже Джексон, горько подумала я. И мне захотелось, нелепо, да, снова зарыдать.

Он мог это увидеть.

— Я знаю, что это плохо выглядит, но я не просто использовал тебя, Сара. Это сложно объяснить...

— Я всё ещё слушаю. — Слова были похожими на маленькие льдинки.

— Когда я впервые попал сюда, когда мне было года четыре или пять, у меня был... припадок. Так они его называют, по крайней мере. Но это был не совсем припадок. Как будто мир вдавился внутрь, в темноту, и я прошел через эту маленькую дыру и оказался в другом месте. Месте, где я уже был взрослым, и стал врачом — хирургом. И я не был испуган. Потому что аварии никогда не было. Мои родители были живы.

Он остановился. Слегка тряхнул головой.

— Ты можешь такое представить? Я вырос с ними. У меня были родители. Они любили меня. И я не был один. И не был... поврежденным. Всё было возможно.

Ничего из этого не было возможным, жестоко подумала я.

— Такое происходило несколько дюжин раз, в течение многих лет. Ты должна понять. — Умоляюще произнес он. — Я чувствовал, что это не просто галлюцинация или сон. Это было реальностью. Я знал, что каким-то образом, *положение* вещей могло *измениться*.

Допустим.

— И что у меня общего со всем этим?

— В том месте я снова и снова видел, что в другом будущем, где я был хирургом и... мы... — Он вздохнул, опустил взгляд, затем посмотрел прямо мне в глаза. — Мы с тобой были женаты.

Ещё один кусочек головоломки лег на свое место. Джексон так странно вел себя со мной, потому что он... *любил её*. Другую Сару, которую он там видел. Я ощутила неприятное давление в груди. Он соврал мне, чтобы заставить меня остаться, чтобы мы с ним могли *что? Пожениться* когда-нибудь? Это было безумием. *Он... спятил.*

— Ты же знаешь, что ничто из этого не может произойти? — осторожно спросила я.

— Я не знаю. Иногда я чувствую, что теперешний мир неправильный, невозможен.

— Мне так жаль, Джексон, — сказала я так мягко, как только могла. — Не думаю, что я могу помочь тебе. Хотела бы, но... мне нужно идти.

Я развернулась и понеслась вверх по ступенькам. Он не пытался остановить меня. И не последовал за мной.

Я чувствовала боль из-за того, что купилась на его сказку о сокровищах. Что я поощряла

его... фантазии. Его одержимость. Он хотел, чтобы я... что? Сделала так, что его родители волшебным образом оказались живы? Вышла за него замуж? Из-за того, что в его воспаленном мозгу возникали какие-то картинки?

Это было немного больше способности просто видеть умерших людей. Слегка.

Ну, и, разумеется, не было никаких алмазов. Они были такими же настоящими, как и мысль о возвращении умерших людей. После всего у меня не было возможности спасти Дом Эмбер. И я ещё собиралась отдать ему половину... Капитан был таким же его предком, как и моим. Я хотела *помочь* Джексону. Но я делала это, не помогая ему. Я была совершенно перегружена. Не думаю, что смогу вынести ещё хоть что-нибудь.

Я бы хотела никогда не приезжать в Дом Эмбер. Я бы хотела ничего не знать о моей тете и моей маме. О Джексоне. Обо всём этом. Хотела бы я просто вышвырнуть всё это из своей головы. Пусть прошлое остается прошлым.

Я добралась до вершины каменной лестницы и пошла прямо внутрь. Поднялась по лестнице в цветочную комнату. Я вытащила дневники, фотографии и записки из-под своей кровати и выбросила всё в мусорное ведро. Я стащила янтарь со своей шеи и швырнула его поверх всего остального.

С меня хватит. Я просто хотела вернуться назад в Сиэтл.

Я оставалась в комнате весь остаток вечера. Я не хотела ни с кем разговаривать, кроме Сэмми. Я не позволю дому разговаривать со мной.

В пятницу я поеду в Арлингтон с Ричардом. В субботу будет вечеринка. Затем мы сможем уехать. Мне нужно пережить два дня. Будет тяжело прощаться с Ричардом, но в воскресенье я поеду домой. Ничто не сможет остановить меня. С меня было достаточно этого места.

Глава 21

Знаете те колючие ощущения между лопатками... как будто за вами кто-то наблюдает? У меня они были всё утро пятницы. Я жаждала выбраться из Дома Эмбер.

Поездка к портнихе может занять как минимум часа два-три и чем дольше, тем лучше, таково было мое мнение. Я понятия не имела, с чего вдруг Ричард согласился проходить через это тяжкое испытание, но я была благодарна за эту возможность побега. Не только из-за постоянного чувства, что за мной наблюдают. Мама полностью погрузилась в режим подготовки к вечеринке и по дому и саду сновали тучи работников, что было непереносимо. К тому же меня охватило сильное желание любой ценой избежать возможной встречи с Джексонном.

Я сидела возле окна у передней двери в ожидании знакомого звука бимера Ричарда, но вместо этого услышала звук другого двигателя, ехавшего по подъездной дорожке. Автомобиль притормозил перед домом как раз в назначенное время — *лимузин*. Водитель в черном костюме и в солнцезащитных очках обошел вокруг, чтобы открыть для меня дверцу. Я замерла на ступеньках и уставилась на него.

Ричард высунул голову из машины.

— Парсонс, это Тулли. Тулли, Парсонс. — Водитель кивнул. — Ты идешь, или как?

Не слишком грациозно я забралась в холодную темноту салона.

— Я думала, что за рулем будешь ты. — Произнесла я.

— Папа сказал, что мы можем воспользоваться им. Нужно кое-что сделать в Округе Колумбия. С этим у нас не будет проблем с парковкой. Разве тебе он не нравится, Парсонс?

— С уверенностью могу сказать, что он мне нравится, Хэтэуэй.

Я впервые в жизни оказалась внутри лимузина. Как оказалось, мне здесь понравилось. Внутри везде была черная кожа и лакированное дерево. Я пооткрывала всё, что смогла открыть, посидела на каждом сидении. Затем остановилась на хорошо укомплектованном мини-баре.

— Мы можем что-нибудь взять? — спросила я.

— А что конкретно у тебя на уме? — спросил он, приподняв брови.

— Вишневая кола?

Ричард расхохотался.

— Господи, я-то уж думал... из всего возможного ты выбрала вишневую колу?

— Знаешь что, Хэтэуэй? Ты прав, — ответила я, стараясь не думать о последнем разе, когда я поддалась своей зависимости, в кухне с Розой и... — Может быть, в этот раз пора выбрать свой другой любимый напиток, чтобы я не казалась такой... предсказуемой. Как насчет чего-нибудь из этого? — Я вытщила бутылку «натуральной газированной питьевой воды, смешанной с соком граната и ягодами асаи», что бы это ни было.

Ричард вытщил два бокала — хрустальные — поставил их на выпавший столик, положил в них лёд из покрытого кожей ведерка и наполнил оба бокала напитком. Затем передал мне один из них. Потом, улыбаясь, приподнял свой.

— Я никогда бы не сказал, что ты предсказуема, Парсонс. Твое здоровье!

Мы чокнулись бокалами. Затем Ричард включил маленький телевизор, и мы уселись смотреть комедию, которую я пропустила в кинотеатрах. Хотя я, по большей части, рассматривала людей в других машинах и на улицах, которые поворачивали головы, пытаюсь рассмотреть, кто же сидит в лимузине, скрывшись за затемненными стеклами.

Шоссе, по которому мы ехали, проходило по Вашингтону, где я с тоской смотрела на зеленые развертки Эспланады⁸, желая, чтобы мы могли здесь остановиться и сделать всё, что делают туристы. Вместо этого мы поехали прямо в Арлингтон, в студию портнихи. Она находилась в промышленном районе складов и фабрик, но машина остановилась возле закрытой акционерной компании Марсден, где сосредоточились все первоклассные импортируемые товары.

Мы прошли через стеклянную дверь в комнату, которая могла бы понравиться моей маме. Простая ультрасовременная мебель, чистые линии. Ковер был такой толстый, что в нем с легкостью можно было потерять булавку. Всё было отделано в приглушенных тонах персикового, золотого и бургунди, освещалось непрямым светом, дающим подходящее освещение.

Приятный молодой человек с безупречной внешностью появился, как только мы вошли внутрь. Он мягко пожал нам обоим руки и представился как Стивен. Затем он открыл дверь в салон.

Ричард собрался пройти внутрь.

— Нет, — сказала я, схватив его за локоть.

— Что, — спросил он с шутливым возмущением, — у меня не будет предварительного просмотра?

— Это маскарад. Предполагается, что ты не должен видеть мое платье. Предполагается, что я должна быть *загадкой*.

— Тогда, конечно, — сказал он, усаживаясь на диван. — Ты права. Ты наденешь маску, а я *никогда* не догадаюсь, кто из присутствующих ты.

Стивен проводил меня в гардеробную. Я ахнула, когда прошла через открытую дверь. Мое платье висело там, сверкая в огнях. Я понятия не имела, как оно будет выглядеть, — как я ни старалась, я не могла припомнить кремовую версию, которую выбрала моя мама.

Я должна была знать. У этой женщины есть вкус...

Всё было отделано светящимся золотом, у платья был приталенный лиф из парчи в виде переплетающихся листьев спускающихся до бёдер. На декольте и нижней части лифа, к краям листьев были прикреплены крошечные переливающиеся кристаллы, сверкающие золотом на солнце. Юбка состояла из двух слоев шелковой тюли, заканчивающейся кружевом, края которых также отделаны листьями, украшенными золотом.

— Что это? — спросила я, прикоснувшись к раю листика. На моих пальцах остались золотые крапинки. — Это блески?

— Нет, мисс. — Стивен осторожно снял их с моей руки и вернул назад на платье. — Это четырнадцатикаратная золотая пыль.

— Вы ведь шутите, да? Настоящая золотая пыль?

— Примерно одна четвертая унции. Мисс Марсден никогда не использует блеск в своих материалах.

— Точно, — выговорила я. — А что это за маленькие бусинки?

— Смесь, мисс. Жемчужный песок и кристаллы.

— Точно, — снова сказала я.

— Все аксессуары, которые вам понадобятся к платью тоже здесь. — Он вышел и закрыл за собой дверь.

Усевшись на стол в гардеробной, я открыла коробки. Внутри я обнаружила бюстгальтер без бретелек, шелковые колготки и пару атласных балеток на низком каблуке с ленточками точно такого же цвета, как и платье.

Я разделась и начала примерять платье. Колготки от талии до бедер были сделаны из эластичной нити, которая тесно меня сжимала. Никакой тряски. Лифчик был небольшим чудом, обеспечивающим возможность приподнятости без всяких бретелек.

Подняв платье над головой, я начала продираться сквозь пышные слои тюля. Затем так аккуратно, как только смогла, завязала сзади ленточки.

В центральном помещении раздевалок свет был сфокусирован на пятне как раз перед зеркалами U-образной формы, где меня ждал Стивен.

Он поставил меня прямо перед зеркалами и начал суетиться вокруг меня, развязывая и завязывая заново бантик, разглаживая листья, проверяя на месте ли талия, разравнивая и разглаживая юбку. Обойдя меня в последний раз, он назвал платье «идеальным». Затем он осторожно подвел меня к площадке под лампами.

И... я не смогла поверить в то, что девушка перед зеркалом была я. Я была похожа на какую-нибудь представительницу королевской семьи или знаменитость на красной дорожке. Декольте открывало мои плечи и спускалось вниз к ложбинке, о наличии которой я даже не подозревала. Мою талию можно было назвать скульптурной.

— Да, — выговорила я, — всё идеально. Спасибо вам. Пожалуйста, скажите мисс Марсден, что мне кажется, что она — гений.

— Вы совершенно правы. Если вы готовы, Марианна упакует всё для вас.

Я посмотрела в зеркало ещё один раз, впервые ощутив возбуждение при мысли о предстоящей вечеринке. Платье было... волшебным.

Затем я отправилась в гардеробную, чтобы переодеться в свою одежду. Именно тогда я

заметила маленькие блестящие пятнышки на ковре. Выглядело так, как будто я оставляла за собой следы из четырнадцатикаратной фейской пыли.

Они принесли всё в комнату ожидания, платье было упаковано в очень длинный мешок, издававший шуршащий звук благодаря оберточной бумаге, в которую Марианна обернула платье, чтобы оно не измялось. Все остальные вещи поместились в одну симпатичную сумку. Стивен встретил меня у двери и передал мне крошечную баночку.

— Здесь небольшое количество золотой пыли для ваших плеч, лица и волос. Передайте её своему визажисту. Он или она знает, что с этим делать.

Мой визажист? Я удивилась. Он что, шутит?

— Хорошо, — сказала я. — Ещё раз спасибо за всё.

— Вам всегда будут рады здесь, мисс. Пожалуйста, приходите к нам ещё раз.

Ну, разумеется, подумала я. Я буду заглядывать к вам каждый раз, когда мне нужно будет идти на очередной бал.

По пути назад мы свернули на дорогу, которая вела вокруг Эспланады. Когда мы проезжали мимо Мемориала Линкольна, я прижалась лицом к окну. Ричард посмотрел на меня и рассмеялся.

— Тулли, не мог бы ты остановиться? Забери нас на другом конце минут через тридцать.

Я получила возможность поглазеть на невероятно огромную каменную статую Линкольна, затем мы прогулялись к северной стороне, посмотрели на Мемориал ветеранов Вьетнама и подошли к площадке у подножия Мемориала Вашингтону. Прямо на юге, через воду находился Мемориал Джефферсона, на севере — Белый Дом. Мы продолжили идти на восток между строениями Смитсоновского музея и к Капитолию в самом конце. Всё это была история немного другого масштаба, чем та, что жила в Доме Эмбер.

Войдя внутрь, Ричард вежливо поздоровался с охранниками на входе, как и по всему зданию. Он провел меня в офис его отца, комнаты со столами из красного дерева, кожаными стульями и картинами, написанными маслом. Он взял пакет у симпатичной секретарши за крайним столом, затем мы двинулись дальше.

Когда мы добрались до парковки, Тулли был там и ждал нас, открыв дверцу. Он отвез нас в район возле Капитолия, где дома были построены в основном в георгианском стиле из кирпича и камня.

— Последнее задание, — пообещал Ричард. Ему нужно было забрать какую-то формальную одежду для себя и отца в их городском доме.

Это оказалось трехэтажное здание из серого камня с белыми фронтонами, окнами с черными ставнями и с черной дверью. Оно имело четкие линии и выглядело респектабельным.

— Пошли, — сказал он, выбираясь из лимузина. — Это займет всего секунду. Осмотришься.

Внутренняя отделка дома соответствовала внешней: темные деревянные полы, персидские ковры, причудливая отполированная антикварная мебель. Я бродила по гостиной. Пара портретов висела по обе стороны от камина — мужчина, одетый в консервативную колониальную одежду, и женщина, значительно моложе его, — красивая женщина с поразительными светло-золотистыми волосами.

— Это мои предки, — сказал он, — по маминой линии. Мистер и миссис Джеральд Фитцджеральд.

— Ох, — я поморщилась. — Серьезно? Бедный Джеральд.

— Точно. — Рассмеялся он. — Милое имечко, не правда ли. Пошли. Я проведу короткую экскурсию.

Формальная столовая, современная кухня, кабинет сенатора на первом этаже, хозяйская спальня, библиотека и гостевая комната на втором. Ричард остановился возле гардеробной его отца и достал упаковочный мешок, затем подошел к комоду и вытащил набор золотых запонок, которые он засунул в карман.

— Третий этаж, — сказал он.

Лестница выходила на большое помещение, которое охватывало почти всю длину дома. Здесь было всё, чего мог бы пожелать любой подросток: бильярдный стол, музыкальная система, огромный телевизор с плоским экраном, тренажеры. На другом конце комнаты была королевских размеров кровать с комодами по бокам, книжные полки, стол, диван. Я улыбнулась и покачала головой.

— Твоя жизнь полна лишений, Хэтэуэй.

Он ухмыльнулся.

Я заметила серебристый лэптоп на его столе.

— О, Господи, — вырвалось у меня. — Могу я быстренько послать сообщение? Можешь поверить, что в Доме Эмбер нет интернета?

— Я бы не поверил, если бы ты мне не сказала, теперь верю. — Он махнул в сторону кресла. Пока он упаковывал свой смокинг, я послала Джеси письмо с последними новостями:

«Ты ни в жизнь не согласишься, где я сейчас нахожусь... я в спальне у парня, похожего на моделей Аберкромби⁹... и нет, мы не делаем ничего, кроме того, что забираем одежду для вечеринки, маленькая нахалка с грязными мыслями. Здесь происходит какое-то безумие, но это слишком длинная история. Я очень-очень жду возвращения домой».

Ричард выбрал именно этот момент, чтобы появиться за моей спиной, так что я нажала «отправить» так быстро, как только успела.

— Что это? — спросила я, заметив что-то возле его компьютера. На полке стояла маленькая лошадь, вырезанная в миниатюре и с полной сбруей, кожаные элементы были выполнены идеально, вплоть до крошечных серебряных стремян и уздечки.

Он казался слегка смущенным.

— Мама дала мне это. Это была моя самая первая старая вещь. Это так она называла остатки прошлого — «старые вещи». Он развернул мое кресло и протянул мне руку.

— Давай уберемся отсюда.

Он взял две упакованные сумки, и мы вышли из дома.

Уже было темно, когда мы подъехали к Дому Эмбер. Последние рабочие уже уходили. Ричард удивил меня, попросив Тулли припарковаться.

— Мы можем поговорить минутку?

— Конечно, — ответила я.

Мы вышли наружу и Тулли пошел к багажнику, чтобы достать мое упакованное платье. Ричард перекинул его через плечо и взял меня за руку. Затем он повел меня по тропинке, которая проходила вокруг оранжереи, давая мне возможность полюбоваться на гениальную

работу осветителей.

Растения вдоль дорожки были увиты лампочками. На деревьях, которые образовывали арки над головой, пришлось обвивать каждую ветку, чтобы обрисовать их очертания в темноте. Над патио в задней части крошечные лампочки свисали на невидимых проводах и походили на упавшие вниз звезды.

— Черт возьми, — сказал Ричард. — Это будет грандиозная вечеринка.

Я просто кивнула головой. Это всего лишь моя мама. Если она за что-нибудь берется, то она добивается совершенства.

Он дал мне руку — руке, которую он всё ещё удерживал, было приятно, комфортно, замечательно — он легонько потащил меня на буксире к двери в оранжерею. Мы пошли по дорожке, пока не нашли фонтан.

— Вот мы здесь, — сказал он. — Вернулись туда, где всё началось.

Он повесил платье на руку Персефоны и присел на край бассейна, похлопав по плите рядом с ним.

— Присаживайся, Парсонс.

— Слушаюсь, сэр, — сказала я с притворным послушанием и села.

— Я знаю, что ещё рано, — он вытащил что-то из своего кармана, — но я хотел отдать это тебе до того, как тебя завалят горой подарков.

Мое внимание разделилось между двумя вещами: фразой «гора подарков» — неужели каждый из гостей собирался мне что-нибудь подарить? — и замечательно упакованной маленькой коробочкой, которую Ричард протягивал мне.

— Боже, Хэтэуэй, — сказала я, — ты не обязан мне ничего дарить. Ты и так уже достаточно много сделал для меня.

— Просто открой её, — сказал он.

Я осторожно её развернула, развязав золотую сатиновую ленточку, затем развернула ещё слой тяжелой звездно-полосатой темно-голубой бумаги. Затем подняла крышку маленькой коробочки.

— Боже мой, — вырвалось у меня.

— Эта цепочка принадлежала моей матери, — сказал он, слегка смущаясь, — но я выбрал для тебя подвеску. Я спросил у твоей мамы, что подойдет лучше всего.

Я вынула ожерелье из коробочки. Золотая цепочка была выполнена в виде чередующихся прямоугольных и круглых звеньев, восхитительная старина. Через петельку была продета подвеска в виде пары листьев из белого и желтого золота.

— Она идеальна, — сказала я.

— Сзади есть гравировка.

Я перевернула листья и поднесла их так, чтобы можно было поймать свет, льющийся из окна: «Листья жизни падают одно за другим».

— Это из поэмы «Рубайят», Омара Хайама.

— Это так прекрасно, — сказала я. Затем надела цепочку на шею. Ричард улыбнулся слегка кривоватой улыбкой. Затем протянул руку и перевернул золотой листик.

Потом он наклонился ко мне, его губы были всего в паре дюймов от моих. Я склонилась ему навстречу. Наши губы мягко соприкоснулись, очень мягко. Его пальцы прошли по моей щеке. Затем он снова меня поцеловал, сильнее, требовательнее, его руки удерживали мое лицо, и я обнаружила, что с жадностью целую его в ответ, запустив пальцы в его волосы.

— Ого, — он отодвинулся, выглядя наполовину удивленным, наполовину беззащитным.

Я сделала что-то не так? Почему он остановился?

— Я должен идти, — сказал он, резко поднимаясь. — Тулли уже заждался.

Я снова кивнула, но осталась сидеть. Он осторожно взял локон моих волос и на мгновение замер. Затем легонько обнял меня.

— Увидимся завтра, Парсонс. С Днем Рождения.

— Увидимся, — сказала я и он исчез за дверью.

Я чувствовала себя потрепанной, неуверенной. Я не хотела, чтобы он уходил. Я хотела, чтобы он целовал меня снова и снова, сильнее. Я прикоснулась к своим губам. Они почти что болели.

— Соберись, Парсонс, — громко сказала я сама себе. Я подумала, это плохо, что мне так сильно нравится этот парень. Будет больно отпускать его. А потом я подумала, что Джексону должно быть очень больно, видеть насколько сильно мне нравится Ричард. Но эту мысль я отбросила.

Я взяла пакет с платьем и маленькую сумку из салона Марсден, затем направилась к металлической лестнице под серьезным взглядом королевы подземного мира.

Я задела ветви, свисающие на моем пути. Затем услышала далекий смех, мельком увидела Фиону, идущую той же дорожкой и с улыбкой поворачивающуюся к своему преследователю, прежде чем снова упорхнуть от него.

Деревья расступились; лестница была как раз впереди.

Моя рука прикоснулась к железным перилам, чуть ниже другой руки, которая принадлежала моей юной маме. Молодая версия моего папы поймала её за руку, притянула её поближе и наклонилась...

Я закрыла глаза и поднялась выше на пролет. Здесь была бабушка, стояла возле перил и смотрела на сад, мой дедушка был рядом с ней, целовал её шею. У меня закружилась голова и начало слегка лихорадить. Я отвернулась.

Как будто весь дом следил за мной, когда я целовалась с Ричардом. Как будто бы он знал, какие чувства вызвали во мне эти поцелуи, и посылал мне собственные воспоминания об этих чувствах. Я почувствовала вторжение, как будто за мной шпионили. Но затем подумала, *это просто смешно. Это всего лишь дом, всего лишь дерево и камень.*

Я сконцентрировалась на настоящем. Всё выглядело слегка по-другому — готовым, подумала я, к демонстрации для потенциальных покупателей среди гостей вечеринки. Пятна лунного света освещали длинный зал западного крыла — все двери в комнаты были распахнуты. Я подошла к первой двери и заглянула внутрь. На столе стояли цветы. Покрывало с узором из обручальных колец лежало на кровати. Шторы балдахины были открыты, всё было готово для демонстрации, это была одновременно вечеринка на мой шестнадцатый День рождения и рекламная картинка в исполнении моей мамы.

Я заглядывала в другие комнаты, пока шла по коридору. На плитке в ванной комнате лежали полотенца, а на полу теплый ковер. На постели Фионы лежало покрывало с петельками и стеганое ватное одеяло, на столе перед камином светилась серебристая ваза с белыми лилиями.

Я подумала, сколько же прошло времени с тех пор, как Дом Эмбер приукрашивали к приему гостей.

И нравилось ли это ему.

Глава 22

Я повесила упаковочный пакет с платьем на полки в своей комнате, расстегнула его и,

вытащив чуть примявшимся, взбила его. Бледный поток коснулся свежесподметённого пола. *Ох, ну хорошо*, подумала я. Затем вытащила свое ожерелье и положила его на подушку.

Мой желудок заурчал. Я понадеялась, что в кухне осталось что-то, что мне позволят съесть.

Когда я туда вошла, Роза была там и сидела за кухонным столом. Каждая поверхность в кухне блестела, включая пол.

— Это место определенно выглядит чистым, — сказала я. — Вы придете на вечеринку?

Она покачала головой.

— Костюмированная вечеринка это не то, к чему я привыкла, дитя мое. Но я надеюсь, что твой день рождения пройдет замечательно.

— Спасибо, Роза.

— Я тут всего лишь немного помогу. Я здесь единственный человек, который знает, где и что находится. — Она пожала плечами. — Твоя мама не может найти даже покрывала для постелей. И, Господи, помоги мне, но я хочу, чтобы дом Иды выглядел замечательно. Кажется, это будет его Лебединая песня. Очень жаль, что твоя мать продает его.

— Я тоже так думаю.

— Я оставила для тебя в холодильнике бумажную тарелку с кое-чем. Тебе лишь нужно будет выбросить её в мусорное ведро, когда ты поешь. Не устраивай здесь беспорядка. Или где-нибудь ещё в доме, если уж на то пошло.

— Спасибо, Роза.

Она сняла свой свитер с крючка у двери и оглянулась, держа руку на дверной ручке. — Ты уже спрашивала свою маму про Мэгги?

— Я ещё не решилась на это.

— Ну, тебе стоит это сделать, дитя. У тебя есть все права знать, что произошло с твоей семьей. — Кивнув, она ободряюще мне улыбнулась, и закрыла за собой двери.

Слова Розы уютным эхо звучали в моей голове. Я знала, что случилось с моей семьей. Смерть Мэгги пробила в ней дыру и эта дыра до сих пор не затянулась.

Я вынула завернутую в фольгу тарелку, которую она для меня оставила. Там было четыре кусочка жареного цыпленка и две небольших кучки салата с цыпленком и картофелем. Я съела примерно половину и поставила всё назад в холодильник. Остальное съем чуть позже.

Сэмми и мама были в комнате моей бабушки. Сэмми сидел на кровати и смотрел телевизор; мама сидела в кресле, установленном на паре простыней, завернутая в накидку, её волосы были освещены. Парикмахер подняла глаза и широко улыбнулась, когда я вошла.

— Хорошо, что ты вернулась, — сказала мама. — Надеюсь, ты хорошо провела день.

— Да, всё прошло достаточно неплохо, — ответила я. — Я до сих пор не простила ей продажу лодки. И я не собиралась обдумывать детали, которые говорили бы в её пользу.

Она сменила тему.

— Анжелика, это Сара. Сара, Анжелика. Она покрасит твои волосы и обрежет секущиеся кончики.

— Не думала, что у меня они есть, — слегка раздосадовано сказала я.

— Их не очень много, — сказала мама, как всегда не обращая на меня никакого внимания.

— В любом случае, спасибо, Анжелика. Я понятия не имела, что стилисты приходят на

дом.

— Твоя мама так много работала. Я сказала ей, что не против прийти сюда и сэкономить для неё немного времени. Кроме того, я получила возможность взглянуть на это место внутри. — Она улыбнулась и продолжила работу.

— Как твое платье? — спросила мама.

— Хорошо, — ответила я. — Оно хорошо на мне сидит.

— Принеси его. Позволь мне посмотреть.

— Ты можешь увидеть его завтра, — сказала я, не сдвинувшись ни на дюйм.

— Я хочу увидеть его сейчас. — Мама перевела на меня взгляд.

Я пожала плечами.

— Я хочу удивить тебя.

Она уставилась на меня на мгновение, как будто она раздумывала, стоит ли ей злиться или оставить всё как есть, затем её брови поднялись, а плечи повторили это движение.

— Нам нужно обсудить украшения, — сказала она.

Телефон на ночном столике зазвонил. Это была Кэтрин.

— Сара, ты можешь разговаривать? — спросила она, слегка задыхаясь.

— Это меня, — сказала я. — Я возьму трубку в библиотеке. Прости, Анжелика, но не могла бы ты повесить её здесь, когда я сниму её там?

— Без проблем, дорогая. — Она улыбнулась.

Я добежала до библиотеки и сказала в трубку:

— Взяла, — затем услышала щелчок на другой линии. — Можем говорить, — сказала я, усаживаясь в одно из кожаных кресел.

— Ты какая-то ведьма или что-то типа того? — спросила она.

Я сглотнула. Что она слышала? Что она знает?

— Что? — запинаясь, спросила я.

— Что ты сделала с Хэтэуэем?

Стоп. Погодите-ка. Серьезно?

— А что не так?

Она захихикала.

— Я никогда его таким не видела. Я разговаривала с ним по телефону, а он всё время говорил только о тебе. О том, что ты такая смешная и что ты никогда не притворяешься кем-нибудь другим. Какая ты невинная и что ты всегда говоришь то, что взбредет тебе в голову.

Это всё хорошие качества?

— Точно, — сказала я, — Мне удалось сильно опозориться.

Она рассмеялась.

— Ты смешная, — сказала она, куда уж яснее.

— А он говорил что-нибудь ещё? — я постаралась, чтобы мой голос не звучал слишком заинтересованно. Это было тяжело.

— Ну, он *спросил* меня, были ли у меня когда-нибудь отношения на расстоянии.

Боже мой. Фраза продолжала звучать у меня в голове. *Отношения на расстоянии.* Такое вообще возможно? Я заметила, что я снова замолчала. Маленьким человечкам, которые отвечают за речевые функции в моей голове, следовало бы лучше выполнять свою работу.

— Хм, Кэт, парикмахер здесь и она ждет меня, чтобы заняться моими волосами. Мы можем поговорить в другое время?

— Ого, вау, — сказала она. — Вызов на дом. Я тебя отпускаяю.

— Увидимся завтра, хорошо?

— Там будут все. Увидимся, сладенькая. — Она выдала два чмокающих звука.

— Пока, Кэт.

Я повесила трубку. И легонько улыбнулась. Ричард не притворялся. Я, правда, нравилась ему. Моя мама будет чертовски удивлена.

Я сказала себе в двадцатый раз, что мне будет больно оставлять его.

Анжелика высушивала мамины волосы, когда я вернулась.

— Кто это был, детка? — попыталась перекричать фен мама.

— Это была Кэтрин. Одна из подруг Ричарда. Она сказала, что на вечеринку собираются прийти все.

— Я знаю. Я не могу поверить, что столько людей подтвердили приглашение.

Ты же отослала двести пятьдесят приглашений, подумала я, ты должна была ожидать толпу народа.

— Не могла б ты взять со столика шкатулку с украшениями и принести сюда? — сказала она. Я взяла коробку и поставила её на столике рядом с ней. Это была маленькая китайская шкатулка из вишневого дерева со вставками из нефрита.

— Открой её, и давай-ка посмотрим, что там. Тебе нужно что-нибудь на шею и запястье.

Анжелика выключила фен. Затем поднесла зеркало так, чтобы моя мама смогла рассмотреть вид сзади. Стрижка была ровной, с легкими слоями, её природный золотисто-каштановый цвет волос был слегка усилен. Её волосы выглядели готовыми для любого украшения, которое она решит завтра надеть.

— Всё замечательно, — сказала она. — Если ты сможешь разместить всё в ванне через холл, Сара скоро придет туда. — Анжелика с сожалением посмотрела на шкатулку с украшениями, очевидно очень желая увидеть её содержимое, но собрала свои вещи и направилась в ванную.

— Давай-ка быстренько посмотрим, что тут есть, — сказала мама.

— У меня всё есть, мам, разве что, может быть, нужна пара сережек. Я уже знаю, что собираюсь надеть.

— И что же у тебя есть?

Тебе нужно подождать, и ты всё увидишь.

Она немного разозлилась, но решила промолчать. Я была удивлена этим. Может быть, мама всё же не будет до конца моей жизни диктовать мне, что носить, что думать и что говорить.

— Тогда, *помоги* мне найти что-нибудь и если вдруг что-то привлечет твой взгляд, мы подумаем над ним, хорошо?

В первом ящичке лежали кольца и серьги.

— Бери рубиновые и изумрудные кольца, дорогая и серьги к ним в пару. Я не знаю, что лучше подойдет, зеленые или красные камни. — Я также нашла золотой комплект для себя — несколько маленьких нитей в виде плотно сплетенных золотых цепей свисающих с геральдической лилии.

В следующем ящичке находились алмазы и один золотой браслет с витиеватым орнаментом, дюйма в полтора шириной. В третьем ящичке были изделия из серебра и

бирюзы, и в четвертом было рубиновое ожерелье с подвесками в виде капель и три подходящих к нему браслета.

В самом нижнем ящичке лежало ожерелье с изумрудами, единственный камень в виде капли в обрамлении жемчужин. У меня перехватило дыхание.

— Что скажешь? — спросила она.

— Мне нравятся изумруды, — ответила я.

— Мне тоже, — сказала она. Я вынула ожерелье из ящичка и положила его на её ночной столик.

— А здесь что такое? — Внутри нижнего ящичка обнаружилось два малюсеньких ушка, за которые можно было потянуть. Ещё одно отделение. Я сняла верхний слой.

В потайном месте лежал маленький конверт с единственным словом: *Энни*.

— Что это? — спросила я у мамы.

Она выглядела слегка сомневающейся.

— Я не знаю.

— Это от бабушки?

— Не её почерк. — Она протянула руку. Я передала ей конверт.

Она с минуту изучала надпись на конверте, затем вынула его содержимое. Там была аккуратно сложенная стопка карточек. Когда мама открыла конверт, ей на колени упала газетная вырезка. Она взглянула на неё, начала читать карточку. На её лице появилось выражение растерянности и недоверия. Затем она рассмотрела газетную вырезку. Чуть слышно она проговорила.

— Оставь это там, где я смогу найти. — Затем она посмотрела вниз и прикрыла глаза рукой. Мне показалось, что я услышала, что она сказала, — трусиха.

Когда она снова подняла лицо, её губы были крепко сжаты.

— Что там такое, мам?

— Ничего, — ответила она. Затем она положила вырезку и карточки обратно в конверт и бросила в мусорную корзину, полную волос. — Можешь положить рубины назад? — Затем повернулась к моему брату, который все ещё смотрел телевизор. — Пошли, Сэм. Пора в постель.

— Я просто хотел... — начал он.

— *Сейчас*, — рявкнула она.

Глаза Сэмми широко раскрылись, он сполз с бабушкиной кровати и выскользнул за двери следом за мамой.

Мои глаза тоже были широко распахнуты. Я подошла к двери, чтобы убедиться, что они поднялись по лестнице. Затем выудила конверт из-под обрезков волос и засунула его себе в карман. Затем завязала мусорный мешок и забрала его с собой в ванную. Пусть мама думает, что Анжелика решила его выбросить.

Анжелика установила для меня другое кресло и всё подготовила. Я бросила пакет, заняла место.

Она пробежалась пальцами по моим волосам.

— У вас такой замечательный медовый оттенок, интересно, а вы пробовали его когда-нибудь выделить?

— Вообще-то нет.

— Всё когда-нибудь бывает в первый раз.

— Значит, вам *не* нравится цвет? — рассмеялась я.

— Всегда можно улучшить хорошую вещь. По крайней мере, я могу это сделать.

Она работала быстро и качественно, покраска и мелирование, подрезание секущихся кончиков. И всё это время, конверт в моем кармане колот меня в бедро.

Она высушила мои волосы. Они были легкими и блестящими. Я трянула головой, наслаждаясь их видом.

— Блестяще, — сказала я.

— Скажи своей маме, что тебе нравится, — сказала она, заговорщицки улыбаясь. — Это поможет мне с чаевыми. — Затем она начала уборку, стряхивая обрезки и собирая их. Я взяла метлу и начала подметать волосы. — Ты не должна этого делать, милая.

Вот только мне нужен был этот пакет для мусора. Я должна быть уверена, что оба пакета отправятся в мусорные баки на улице, чтобы скрыть мое воровство.

— Я не против. Мой способ сказать «спасибо».

— Какая же ты миленькая! — воскликнула она. Я улыбнулась и продолжила подметать.

— Хм, спасибо ещё раз. — Сказала я, когда мы закончили, и направилась в кухню, неся в руках оба пакета.

— Увидимся завтра.

Серьезно? Она со мной ещё не закончила?

— Хорошо. Увидимся завтра.

Когда я избавилась от обоих мусорных пакетов, я, наконец, получила возможность удовлетворить свое любопытство. Спрятавшись в ванной комнате наверху, я вытащила конверт.

19 Декабря, 1982.

Дорогая Энни,

Я хотел бы, чтобы ты знала, как сильно мне тебя не хватает. Я знаю, что твоя мама считает, что сейчас неподходящее время для нас, чтобы быть вместе, но когда вы с ней почувствуете, что это время пришло, просто знай, что я с нетерпением жду встречи с тобой. Я надеюсь, что ты используешь то, что лежит в конверте, чтобы купить себе что-нибудь, что ты очень сильно хочешь.

Счастливого Рождества. Я люблю тебя.

Папочка.

Сначала я ничего не поняла. Почему это письмо так сильно расстроило мою маму? Потом я сложила вместе все кусочки. Мама говорила мне, что её отец умер, когда ей было двенадцать. Но открытка была датирована 1982 годом. А она родилась в 68.

Затем я посмотрела на вырезку. Там была фотография улыбающегося, симпатичного мужчины. Я опознала его как мужчину, которого я видела внизу в холле, когда спорили мои родители. Заголовок статьи гласил: «CMDR. Марк МакГиннес умер от рака. Дата его смерти 21 Декабря 1989 года».

Я положила вырезку и открытку обратно в конверт и засунула его за пояс своих джинсов, под футболку. Поднимаясь по лестнице, я подумала, что Дом Эмбер наполнен не только прошлым. Он состоял из разломанных кусочков жизней людей со всё ещё острыми краями. И когда ты прикасаешься к ним, они тебя режут.

Глава 23

Я танцевала, танцевала с Эдвардом, его руки скользили по тонкому шелку моего

платья. Вокруг нас всё было в тени, но мы были в лучах света. Его губы оказались возле моего уха: «С днем рождения, Фи». И я с недоумением подумала, что меня должен обнимать Ричард, но затем вспомнила, что вместо него был Эдвард. Это был мой день рождения. Мне исполнился двадцать один год. Я уже взрослая. Мама с папой больше не могут указывать мне, что делать.

Резкий повторяющийся звук вторгся в мой сон. Сонная и измученная я потянулась к будильнику и медленно осознала, что шум исходит из наполовину открытого окна. Это был звук дающего задний ход грузовика.

Ещё до того как я разобралась в этом, дверь распахнулась и Сэмми бросился на мою кровать.

— С днем рождения, с днем рождения, сегодня ты родилась, — радостно пел он, танцуя и прыгая, его маленькие ножки осторожно обходили мои ноги, прикрытые одеялом.

— *О Боже*, не надо, — простонала я хриплым голосом.

— Вставай, вставай. Здесь сейчас грузовики с цветами и люди в оранжевых жилетках. Пошли. — Он спрыгнул на пол и начал решительно тянуть меня за руку.

— Да иду я, иду.

Он выбежал из комнаты. Сэм, мой мальчик. Всегда с сияющими глазами и взъерошенный от заката и до рассвета. Я ненавидела в нем эту черту.

Я обдумала возможность похищения чашки кофе у моей мамы, пока я спускалась вниз по лестнице, и уже почти достигла последней ступеньки, когда до меня дошло, что в холле полно мужчин в светоотражающих жилетках, которые пьют кофе и сок с подноса на столике.

— Доброе утро, — поздоровался один из них.

Я замерла. На мне были лишь пижамные штаны, грязная лагерная футболка и *никакого лифчика*. Не говоря ни слова, я прошмыгнула через холл, чтобы скрыться в кухне, которая оказалась заполненной незнакомцами, роющимися во всех ящиках и шкафах.

Отказавшись от кофе и тоста, я скрестила руки на груди и юркнула обратно наверх так незаметно, как только могла. Оказавшись в безопасности в своей комнате, я переоделась в джинсы, майку и *лифчик*, затем заплела свои спутавшиеся волосы в свободную косу. Нанесла немного подводки для успокоения. Затем я отправилась на поиски Сэмми.

Он был на переднем дворе, сидел на вершине серых деревянных бревен. Видимо, это то, что осталось от забора на пастбище. Он показал на желто-оранжевый погрузчик.

— Смотри. Этот грузовик собирает эти бревна. — Он спрыгнул вниз со своего наеста, чтобы продемонстрировать мне процесс. — Двое рабочих складывают их, затем он поднимает всё на плоскую поверхность и потом грузовик отвозит всё в сарай, так что когда сюда приедут люди, у них будет место, где поставить машину.

— Очень много работы.

— Это был хороший старый забор, — грустно сказал он. — Теперь он разбит.

— Мы сможем его починить, — заверила я его. — Что здесь есть ещё интересного?

— Сюда, — он взял меня за руку и потянул. — Пошли.

— Не так быстро, дружок, — сказала я, еле волоча ноги. — Слишком жарко для бега. — Теплая погода, которую моя мама заказала специально для вечеринки, оказалась с определенной долей влажности и моя легкая одежда прилипла к телу.

Но Сэм неумолимо тянул меня к передней части дома, где на гравийной дорожке были

припаркованы три белых грузовика. Мой нос унюхал слабый, но нарастающий аромат приготовленного мяса.

— Вся еда в этих грузовиках, Сара, — сказал он.

— *Во всех?*

— Ага.

— Её *очень* много.

— Ага. Есть ещё больше. Пошли. — Он развернулся на сто восемьдесят градусов и направился на заднюю часть участка.

Множество рабочих устанавливали подмости для танцпола и сцены. Ещё больше рабочих расставляли небольшие круглые столы, накрывали их темно-синими скатертями, которые под различными углами переливались оттенками от небесно-голубого до черного. Флористы начали устанавливать вазы на столах — ярко-апельсиновый, цвет индиго, пурпурный, лаймово-зеленый, все цветы расставляли в вазы из выдолбленных тыкв. Осветители развешивали связанные в гроздья стеклянные лампочки.

Сэмми чуть не прыгал от переизбытка эмоций.

— Это так ЧУДЕСНО, — кричал он, размахивая в воздухе своими маленькими ручками. — Какая замечательная вечеринка! Ты должна мне рассказать, как всё пройдет, хорошо?

— А разве тебя с нами не будет? — спросила я.

— Неа. Мапочка сказала, что я буду с нянькой.

— Что? — В смысле я понимала, что ему всего пять лет и он слегка непредсказуем. Не разве у него ещё когда-нибудь будет шанс увидеть подобную вечеринку? Если он хотел пойти...

Я присела рядом с ним.

— Слушай меня. Если ты хочешь прийти, то ты придешь. Это моя вечеринка. Ты хочешь быть здесь?

— Я просто хочу увидеть, как ты задуваешь все эти свечи.

— Все эти свечи? — Я выпрямилась и уперла руки в бока в притворном негодовании. — Ты за кого меня принял? Я не *настолько* стара.

Он рассмеялся, обнял меня за талию и крепко сжал.

— Ты всё ещё хорошая.

— Ну, тогда ладно. Я думаю, что мы договоримся насчет торта и свечей.

— *Ураааа*, — ответил он, слегка подпрыгнув и вздернув кулак вверх.

Мы вернулись внутрь, чтобы посмотреть, сможем ли мы найти тихое местечко. Мы были чересчур оптимистичны.

В западном крыле рабочие передвигали огромное количество мебели. Используя удобные кресла и столы из солярия и бильярдной, они переоборудовали северную часть крыла — кабинет, ванную и студию — чтобы превратить её в гардеробную и комнату отдыха для Атаксии.

Ещё больше рабочих устраивали казино в двух комнатах с видом на реку. Бильярдный стол переделали в стол для крэпса¹⁰. К нему также пристроили рулетку. Оставшуюся мебель из солярия установили вдоль стен, чтобы освободить место для блэкджека, покера и баккара. Вдоль одной из стен установили игровые автоматы. Моя вечеринка играла также роль в качестве сбора средств для исследований рака — такова жизнь, подумала я, если ты

собираешь в одном месте достаточное количество богачей, ты просто обязан выдоить из них *какое-то количество* денег на благие цели.

В библиотеке устраивали бар, в добавление к тому, что был установлен в патио. В столовой готовили еду, которую будут выносить сразу же по прибытии гостей, с дюжиной дополнительных столов снаружи. Мама решила, что буфет даст возможность гостям больше двигаться вокруг — общаться, исследовать дом, тратить деньги в казино — так что она предпочла его ужину за столами.

При этой мысли мой желудок заурчал.

— Мой тоже, Сара, мой животик тоже голоден.

Нам не оставалось ничего другого, кроме как снова пробраться на кухню. Я заглянула внутрь, прокралась мимо рабочих и вытащила бумажную тарелку, которую Роза оставила мне накануне. Затем мы с Сэмми отправились в морскую комнату, чтобы руками поесть салата из картофеля и капусты. Сэмми решил, что это здорово.

— А где твой медвежонок, Сэм? — спросила я, заметив его отсутствие.

Он покачал головой и пожал плечами.

— Мама будет недовольна, если ты его потерял. Это достаточно ценный старинный мишка.

Он сконцентрировался на картофельном салате в своих руках.

— Его никто не брал? — сказал он.

— Нет, дружок, его никто не брал.

Он снова пожал плечами.

Мы были в моей комнате и читали сказку из книжки Сэма, когда папа просунул голову в дверь.

— Прячетесь? — спросил он.

— Точно, — ответила я.

— Могу я к вам присоединиться?

— Конечно, папочка, — милостиво пригласил Сэмми. — Садись рядом с Сарой, тогда ты сможешь видеть картинки. Хочешь, чтобы Сара начала сначала?

— Нет, спасибо, Сэм. — Ответил папа, послушно усаживаясь рядом со мной. — Я думаю, что я знаю начало истории.

Мы так и сидели в уютном спокойствии. Мы закончили первый рассказ и уже приближались к интригующей концовке другого, когда нас прервала мама. Она стояла в дверях и рассматривала свою старую комнату с таким видом, как будто это был зоопарк и в ней может таиться какое-нибудь животное. Затем она сфокусировалась на мне.

— Сара, тебе нужно спуститься в мою комнату, чтобы тебя причесали и сделали макияж.

Вся в делах. Ни малейшего признака расстройства, которое она испытала прошлым вечером. Она только что узнала, что её мать лгала ей о смерти её отца и не допускала их встречи, но она по прежнему была в строю, выглядела холодной, собранной и раздражающе красивой. Её волосы были собраны на затылке в овальный пучок, который давал идеальную возможность для обозрения изумрудного ожерелья, которое она наденет позже. Её идеальное лицо выглядело ещё идеальнее обычного. Определенно, она уже завершила свой сеанс с укладкой и макияжем.

— Поторопись, — сказала она слегка раздраженно.

— Так рано? — спросила я.

— Уже почти два, детка. Это не десятиминутная работа.

Ну да, конечно. Для того чтобы придать мне приличный вид, необходимы часы интенсивной работы.

— Сэм хочет увидеть, как я буду задувать свечи, мам, — сказала я, когда встала.

— Это определенно не слишком подхо...

Я начала садиться. Она поспешно ответила.

— Мы подумаем над этим, хорошо?

Это было немного подло с моей стороны, знаю, но я вроде как наслаждалась своей новоприобретенной силой. Как там её называют? Пассивное сопротивление?

— Ты же закончишь рассказ для Сэма, пап? Увидимся позже.

— А Джексон будет там, Сара? Я несколько *дней* его не видел.

Я слегка поежилась, услышав имя Джексона, подумав о его возможном присутствии на вечеринке. С тех пор как Роза сказала, что она не придет, я предположила, что Джексона также не будет, но теперь мне пришло в голову, что если захочет, то он может появиться. Я надеялась, что он не захочет.

— Я не знаю, дружок. Но не думаю, что он придет. Посмотрим.

— Я найду его, и скажу, чтобы он пришел, хорошо?

— Не нужно, — чуть резко ответила я. Папа странно посмотрел на меня. — Прости, Сэм. Но Джексон уже всё знает о вечеринке. Если захочет, он придет. Так что не нужно ему ничего говорить. Хорошо?

Я надеялась, что это его остановит. Я не хотела, чтобы он опробовал свои способности к убеждению на Джексоне, который, кажется, питал к нему слабость. И который, к тому же, мог подумать, что я послала Сэма на это задание.

Когда я подошла к двери в комнату бабушки, я увидела четырех женщин, сидящих с выражением скуки на лицах, пока один довольно симпатичный мужчина лет тридцати пяти расхаживал в центре комнаты.

— Да где же она? Она вообще *понимает*, сколько времени может уйти на...

Анжелика привлекла его внимание и перенаправила на меня. Он повернулся и улыбнулся, его зубы сияли неестественной белизной.

— А, вот и наша маленькая принцесса, — сказал он. — Ты готова к своему сеансу макияжа, милая?

Да ладно вам. Серьезно. Принцесса *и* милая.

— Простите, если заставила вас ждать, — жизнерадостно сказала я, пытаюсь, сильно пытаюсь быть приветливой. Затем протянула руку мистери Ультра-Белые-Зубы. — А вы кто?

Он пожал мою руку.

— Меня зовут мистер Пул.

— Рада с вами познакомиться. Я — Сара. Или вы можете называть меня Парсонс. — Я усмехнулась, чтобы показать, что я безобидна. — Не *милая*. И уж точно не *принцесса*. Договорились?

Он на миг замер, затем смягчился.

— Парсонс, говоришь? Я подумаю над этим. — Затем он представил остальных. — Анжелику ты уже знаешь. Это Кэти — маникюрша, Луиза — удаление волос; и Дженни — *специалист по загару*. У нас много работы, народ, так что давайте начинать. — Он бросил

мне маленькое хлопковое кимоно. — Переодевайся, Парсонс.

Я поймала его и направилась в ванную с видом приговоренного смертника.

Когда я вернулась, они усадили меня в салонное кресло, откинули меня на спину и выпрямили ноги. Затем три женщины, которых я до этого никогда не встречала, обступили меня и начали работу. Луиза намазывала, Кэти полировала, а Дженни удаляла омертвевшую кожу с запущенных участков на левой стороне.

— Если будешь загорать неправильно, — сказала она, — у тебя появятся пятна. — Когда все трое закончили работу, они сменили позицию. За работой они обсуждали вечеринку.

— Ты видела казино?

— Гондолы на воде.

— И все эти ящики с шампанским.

Я изо всех сил старалась притворяться, что меня здесь нет. Я чувствовала себя куском мяса, который подготавливают к приготовлению. Затем Дженни подтолкнула меня в сторону ванной комнаты, чтобы приукрасить мой загар и зону бикини.

Когда всё было готово, у меня была мягкая кожа, легкие волосы и небольшой загар. Три дамы собрались, пожелали мне счастливого дня рождения, взяли конверты у мистера Пула и ушли.

Я вернулась в кресло, чтобы Анжелика смогла заняться моими волосами. Она выравнивала, завивала, закалывала, обрызгала меня каким-то спреем с едким запахом, затем сделала шаг назад и широко улыбнулась улыбкой триумфатора. Я наклонилась к маленькому зеркалу, чтобы проинспектировать итоговый продукт.

У меня на затылке располагался гладкий, задрапированный узел, удерживаемый с помощью большого золотого гребня, по форме напоминающего скопление листьев. Его строгость была уравновешена челкой, слегка взбитой и зачесанной на одну сторону.

— Вау, — еле выговорила я.

Она быстро обняла меня и прошептала в ухо:

— Удачи, детка. — Затем она взяла свой конверт и ушла. Остались только мы с мистером Пулом.

Он раскрыл огромный кожаный ящик с такой кучей бутылочек, тюбиков и баночек с порошками, что даже моя мама решила бы, что это чересчур. Здесь был любой продукт, любой расцветки, которую только можно вообразить.

— Вы, правда, собираетесь использовать всё это? — пошутила я.

— Если придется, — безжалостно ответил он.

— Хм, у меня этот ужасный синяк на лбу...

— Ага. Сложно не заметить. Я справлюсь с этим.

Значительный промежуток часа он работал молча. Он вычищал и тщательно подготавливал, затем взялся за кисточку и начал слой за слоем накладывать тени. С помощью пинцета он приклеил накладные ресницы. Наложил тушь крохотной кисточкой, покрасил мне губы, наконец, с помощью кисти и прозрачной, но сверкающей жидкости, мистер Пул нарисовал завитушки у уголков моих глаз. Затем он закрепил горсть кристаллов.

— На случай если ты не захочешь носить маску всю ночь, — сказал он. — Он сделал шаг назад, чтобы полюбоваться на свою работу. — Ты хорошо выглядишь, Парсонс.

Я посмотрела на себя в зеркало. Я не знаю, как он сделал это. Мой слишком длинный нос сейчас выглядел аристократичным и элегантным. Мои щеки красиво подчеркивались

высокими скулами. Мои и так большие глаза казались ещё больше. А мои губы... я всегда считала, что они слишком тонкие, но не сейчас. Не под слоем артистичного исполнения мистера Пула.

— Хм, а можно покрыть всё это каким-нибудь лаком, — я обвела свое лицо пальцем, — чтобы я могла всегда так выглядеть?

Он рассмеялся.

— Я — гений, Парсонс, но ты сама можешь научиться делать это. У тебя хорошее строение. Просто помни, что в этом мире чертовски мало природной красоты.

— Спасибо вам *огромное*.

Он наклонился и легонько обнял меня.

— Всегда пожалуйста, принцесса. — Он улыбнулся во весь рот. Я рассмеялась. — Теперь, пойдём и оденем тебя.

Я подняла брови.

— Нет, — заверил он меня. — Я не буду заходить в комнату. Просто мне нужно видеть конечный результат.

Я провела его в цветочную комнату, которую он объявил «великолепной». Он ждал снаружи, пока я натягивала свою праздничную амуницию. Потом я распахнула двери.

— О мой бог, — сказал он, — Она выглядит просто невероятно. Я чрезвычайно горд. — Он слегка покружил меня, чтобы осмотреть со всех сторон. — Это Марсен?

— Да, — с удивлением ответила я.

— Я так и думал. Она хорошо делает свою работу.

— Хм, — они дали мне это вместе с платьем. — Я протянула ему маленькую баночку с золотой пылью.

Он взял на ладонь немного средства, наложил его, затем размазал смесь по моим плечам, предплечьям и ключицам.

— Готово. Теперь ты похожа на Золушку, Парсонс. Наслаждайся этим.

— Я постараюсь, — ответила я.

— Нужно больше чем просто постараться. Такая ночь не может повториться в жизни любой девушки. — Он пожал мне руку. — Надо бежать. Почти вовремя. — Он улыбнулся и ушел.

Я не знала, куда себя деть. Я заглянула в комнату Сэмми, но Сэм и папа ушли. Я вышла на лестничную площадку к ряду окон, выходящих на каменные патио и реку. Все остальные рабочие, казалось, уже ушли, кроме официантов в белом, которые, ожидая, ходили по округе и болтали друг с другом. Сейчас было пять двадцать — вечер начнется в шесть. Солнце только что зашло, а луна маленькой серебристой щепкой поднималась на горизонте. Когда она взойдет, она будет полной.

Как раз то, что нужно моей маме, подумала я.

Воздух казался немного густым. Я подошла, чтобы открыть окно и впустить речной воздух. Я увидела, как рука моей бабушки встретилась с моей в том же движении. Она стояла чуть правее, наслаждаясь свежим воздухом, её лицо было чуть затемнено.

К ней подошел маленький мальчик, его зеленые глаза были широко открыты.

— Кто эта леди? — спросил он, указывая на меня. — Она похожа на принцессу.

Моя бабушка повернулась в мою сторону, но определенно не увидела меня.

— Ты кого-то видишь, милый?

— Да, — он задумался на мгновение. — Ты думаешь, я проснулся?

— Да, я думаю, что ты проснулся, — сказала она, — но я не знаю, стоит ли тебе верить мне на слово. — Она улыбнулась и ушла по коридору.

Он снова посмотрел на меня.

— Кто ты такая, леди? — шепотом спросил он.

Я не знала, должна ли я отвечать. Каким образом он мог меня видеть? Каким образом он мог разговаривать со мной?

— Меня зовут Сара.

— Сара, — повторил он. — Привет, Сара.

И тут я увидела шрамы, более свежие и четкие, чем те, которые я знала, шли вниз по его руке и поднимались к лицу.

Маленьким мальчиком, конечно же, оказался Джексон.

Глава 24

Я услышала маму ещё до того, как она показалась на лестнице.

— Сара? Ты готова? Скоро всё начнется.

Освещение слегка изменилось и маленький Джексон исчез. Мое горло болело... переполненное словами, которые я бы хотела сказать ему, если бы смогла. Что-то, чтобы он узнал, что всё будет хорошо. Что он не был сумасшедшим.

Он не сходил с ума.

— Сара?

Я быстро повернулась. Она выглядела уставшей, обеспокоенной и изнуренной. Но когда она увидела меня, на её лице появилась самая замечательная улыбка.

— Сара, — мягко сказала она, — ты выглядишь такой красивой.

Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не расплакаться, настолько это было приятно.

— Но не настолько красивой, как ты, мам.

А она выглядела даже лучше, чем обычно. Она выглядела так, как никоим образом не должна выглядеть мама дочери-подростка. Зелёный камень сверкал как раз над вырезом платья.

Мама отмахнулась от меня.

— Я знаю, что ты считаешь меня красивой... и я рада и благодарна тебе. Но ты выглядишь намного милее, чем когда-нибудь выглядела я.

Я покачала головой.

— Ты не понимаешь, — сказала она. — Ты видишь только то, что тебе кажется несовершенным. Ты не понимаешь, что моя красота достаточно обычная, её можно увидеть на любой коробке с краской для волос и забыть о ней через десять секунд. Твой тип красоты забываем.

Мой нос снова зачесался.

— Ради Бога, только не начинай плакать. — Она рассмеялась. — Мистер Пул уже ушел.

У меня вырвался смешок и я осторожно протерла уголок глаза кончиком пальца.

Она протянула руку и прикоснулась к моему кулону в виде листьев.

— Это то, что тебе подарил сын Роберта?

— Ага. Очень красиво, правда?

— Правда, — согласилась она. — Он сделал хороший выбор. — Она выглядела впечатленной. — Пошли вниз и покажем тебя папе, пока ещё никто не приехал.

— Ой, подожди, — сказала я и вернулась в комнату. Я вышла оттуда с золотой маской

Фионы, держа её на уровне глаз.

— Боже мой, — сказала мама, — она великолепна.

— Мне кажется, что она принадлежала твоей маме. Я... я нашла её в ящике. —

Интересно, почему я решила солгать.

— Должно быть, это её. Как и всё здесь.

Она начала спускаться по лестнице, я следовала за ней, думая о маленьком мальчике. Думая о том, что для Джексона, должно быть, очень тяжело общаться со мной, ведь он определенно знал меня намного дольше, чем я его. Мне было жаль этого ребенка... который никогда не знал что реально, а что возможно. Его мысли... *эмоции*... были завязаны на девушке, которая, может быть, даже и не существовала. Такие вещи могут заставить кого угодно сомневаться в своей вменяемости.

Когда мы с мамой появились на нижней площадке, фотограф из «Домов Юга» закричал: «Замрите!». Мама взяла меня за руку и изобразила сияющую улыбку. Я постаралась сделать то же самое. Я ненавидела улыбаться на камеру.

Фотограф захотел сделать несколько персональных снимков именинницы, так что мама спустилась вниз и встала рядом с ним. Я сфокусировалась на её глазах и улыбнулась для неё. Так было легче.

Папа с Сэмом смотрели какую-то передачу про динозавров в комнате бабушки, Сэм увидел меня первым и его глаза стали просто огромными.

— Ты похожа на принцессу из сказки, Сара.

— Спасибо, дружок.

Папа встал. Он выглядел, ну вы понимаете, — как настоящий спецагент в итальянском смокинге. Исходя из того, что у него всегда был слегка помятый вид, я была в восхищении. Он сказал мне, что я выгляжу «прекрасно и так похожа на твою маму», а мама выбрала именно этот момент, чтобы резко сказать, что пришло время встречать гостей. Папа собирался провести ещё какое-то время с Сэмом и подойти чуть позже.

Разумеется, сенатор оказался первым прибывшим гостем. Он собирался встать рядом с мамой и помогать ей с именами, а также подарить каждому солидную долю его очарования. Он похлопал меня по руке и пожелал «волшебного дня рождения», затем занял стратегическую позицию.

Ричард пожал руку маме, прежде чем подошел, чтобы поздороваться со мной. Его улыбка была такой застенчивой, что едва коснулась уголков его глаз. Он протянул руку и прикоснулся к золотому листику.

Я сказала:

— Выглядит идеально, не так ли?

Он кивнул.

— Ты выглядишь идеально, Сара.

Я улыбнулась глупейшей улыбкой до ушей.

— Только не это, — сказала я. — Для тебя Хэтэуэй, я всегда была Парсонс. Или ты хочешь, чтобы я чувствовала себя как глупая девчонка? — Он ухмыльнулся в ответ.

— Может быть.

— Ты не мог бы остаться здесь, со мной? — прошептала я. — Не думаю, что у меня хватит сил выдержать всё это в одиночку

— Я не могу, — сказал он. — Но у тебя всё получится. Увидимся позже.

Он исчез как раз в тот момент, как открылась передняя дверь. Она оставалась широко распахнутой в течение следующего получаса. Через проем я видела постоянный поток фар на подъездной дорожке. Фотограф присел в сторонке и фотографировал некоторых гостей, как я предположила, исходя из их значимости, а не из-за их костюмов. Только некоторые из них были в маскарадных костюмах, тогда как большинство ограничилось формальной одеждой и маской. Как и я, если подумать.

Мама приветствовала каждого прибывшего так, как будто она была в восторге видеть его. Я пожимала руки одну за другой с застывшей улыбкой, пытаясь быть дружелюбной, благодарила их за поздравления.

Многие из них принесли подарки для меня и едва я успевала восхититься ими, женщина в костюме *Pirouette* забирала их у меня и относила на стол. Когда на столе образовалась куча, кто-то из других работников унес часть подарков куда-то в дом. У меня будет много подарков. Я лишь понадеялась, что мама не ожидает, что я собираюсь лично писать всем ответы с благодарностями.

Когда поток людей прекратился, мама посоветовала мне пойти и пообщаться с толпой. Она должна была остаться и поприветствовать опоздавших. Я отправилась на поиски Ричарда.

Я пробиралась между гостей, которые уже сделали свой вклад в исследования рака, на зеленом сукне столов для блэкджека. Я вышла на патио через французские двери. Затем я остановилась и восхитилась увиденным.

Я видела различные элементы того, что организовывала мама, но я никогда не складывала всё в одну картинку, никогда не представляла её перед глазами — весь *спектакль*, который она, должно быть, продумала до малейших деталей.

У меня перехватило дыхание.

Когда вы проходили через французские двери, вы как будто оказывались в прошлом, на венецианском карнавале семнадцатого века. Полная луна освещала верхушки деревьев, оранжевая, сразу после восхода, как будто какой-то тыквенный бог решил спуститься и благословить осеннее празднование. Черно-белый танцпол превратился в трехуровневый каскад, освещённый по бокам позолоченными канделябрами. Длинные столы, расставленные на каждом уровне, ломались от разнообразных сыров, нарезанных овощей и фруктов, крошечных пирожных. Кроме того, на лужайке, под старыми деревьями, под белозолотым плетением были расставлены маленькие круглые столики.

Сцена, обтянутая фиолетовым и синим сатином, стояла снаружи оранжереи, освещённая фальшивыми свечами в медных подсвечниках, но ловила более надёжный свет от лампочек, скрытых в ветвях деревьев. На данный момент там выступало трио жонглеров.

Гости появлялись и исчезали, как призраки, их костюмы и маски появлялись и исчезали из поля зрения в отблесках фонарей и крошечных лампочек, наполнявших сад. Шуты в пестрой одежде бродили между гостями, развлекавая их, выполняя трюки и раздавая жетоны. Их можно было обменять на прогулку с гондольерами среди фонариков в виде водяных лилий, которые плавали по Северну.

Это было волшебно. Я понятия не имею, как мама смогла организовать всё это. Ошеломленная, я оперлась о столб и просто смотрела.

Пока я наблюдала, сцена изменилась. Передо мной разыгрывался другой спектакль — платья в виде хлопушек и сшитые на заказ смокинги. Маленький ансамбль играл регтайм. Я

начала высматривать рыжеволосую женщину, которая определенно должна быть здесь. И нашла её в дальнем углу патио. Кто-то, кто выглядел в точности как моя бабушка. Она уставилась на меня, в её глазах застыл вопрос. *Что за...*

Затем по моим барабанным перепонкам ударил пронзительный визг и меня обняли со спины.

— Господи! — прокричал голос Кэтрин, пока она развернула меня, и в поле зрения вернулся реальный мир. — Ты выглядишь потрясающе.

На ней была надета шелковая шифоновая юбка, которая была задрапирована вокруг того, что было корсетом из розового кружевного шелка. Я понятия не имела, каким образом ей удалось в него втиснуться. Почти такой же загадкой для меня оказались два крыла из розовых перьев, между золотыми завитушками на её спине.

— Ты кто — ангел? — спросила я.

— Нет уж, — рассмеявшись, ответила она. — Я фламинго, глупенькая!

Я рассмеялась в ответ. Теперь до меня дошло: розовый цвет, перья, черное кружево. Кэтрин сияла. Её определенно можно было возненавидеть за то, что она была такой совершенной, вот только было невозможно не любить её. Она была похожа на Сэмми в какой-то мере. В ней была какая-то невинность, отсутствие хитрости и это очаровывало.

— Где твой столик? — спросила она.

— Ещё не выбрала.

— Садись со мной. — Она взяла меня под руку и начала указывать путь. — Просто чтобы ты знала. — Мы с Морганом расстались, взаимно и навсегда, — но я определенно постараюсь заставить его пожалеть об этом. Так что я решила пофлиртовать сегодня с одним из парней Атаксии.

Я чуть не подавилась.

— Хотя так как ты у нас сегодня именинница, позволю тебе быть первой в очереди, — быстро сказала она. — В смысле солист очень даже ничего, но тебе стоит присмотреться и к барабанщикам. Кто-нибудь точно подойдет.

Я смогла выдавить только:

— Всё в порядке, не беспокойся обо мне.

Она расхохоталась,

— Всё время забываю, Саре Парсонс требуется встряска.

Фламинго-ангелочек Кэтрин привела меня именно к тому столику, который я искала; когда мы подошли, Ричард встал, чтобы пододвинуть мне кресло. Я постаралась не залиться краской. Кэтрин села рядом с Чедом, который с запозданием привстал, чтобы помочь ей сесть. Оливия села на одном из двух оставшихся стульев.

— Кто ты? — спросила Оливия, когда я заняла свое место.

— Прости, не поняла. — Ответила я, удивленная обвинительными нотками в её голосе.

Она показала рукой на мое платье.

— Я имею в виду образ.

— Тупица. Сара — Осень. — Вмешалась Кэтрин. — Разве непонятно?

Я бросила на Кэтрин взгляд, который, как я надеялась, выражал благодарность.

— Классная вечеринка, — вставил Чед.

— Она *невероятна*, — пришла в восторг Кэтрин. — Посмотри на эти столики. Твоя мама просто *невероятная*.

В добавление к цветам мерцающие скатерти на каждом столе были усеяны опавшими

листьями и крошечными свечами в импровизированных подсвечниках в виде тыкв. На каждом столе положили разномастные столовые приборы из коллекций десяти поколений невест в Доме Эмбер — всё было отполировано до блеска, сверкающие поверхности отражали танцующий свет свечей.

— *Ооо*, ты только взгляни, — с восхищением продолжала Кэтрин. Она указала на женщину за соседним столиком, одетую в ярко-фиолетовые одежды, держащую руку мужчины. — Гадалка! Мы просто *обязаны* пойти к ней.

— Есть ещё одна за столиком чуть дальше, — сказал кто-то.

Именно в этот момент гадалка подняла взгляд. И посмотрела прямо на меня. Она слегка нахмурилась, затем вернулась к ладони перед ней.

— Я собираюсь пойти и принести что-нибудь поесть, — сказал Ричард, вставая. — Похоже, что начинают выносить основные блюда.

— Я иду с тобой, — сказала я. — За весь день я съела лишь жалкие остатки капустного салата.

В буфете подавали нарезанную вырезку и жареную индейку. Также были блюда с картофелем, рисом, роллами и вездесущими кукурузными лепешками. Шесть или семь блюд с разнообразными овощами, салаты, соусы и заправки. Мы оба наполнили свои тарелки.

— Думаю, мы здесь закончили, Парсонс? — Ричард пристроил свою руку мне на спину и через меня как будто прошел маленький разряд. Мое удовольствие, вероятно, было очевидным, потому что я заметила как высокая, светловолосая женщина в дальнем конце стола смотрит на нас с восхищением. Свободной рукой я взяла Ричарда под руку и мы пошли назад к нашему столику.

Когда мы вернулись на наши места, предсказательница склонилась над рукой Кэтрин.

— Вот это линия любви у тебя, — сказала она. — Так много поклонников.

Кэтрин кивнула и улыбнулась.

— Я же вам говорила?

— Отличное здоровье на протяжении всей твоей жизни. Ты ни в чем не будешь испытывать недостатка. Ты найдешь свою истинную любовь. Кто знает, может быть, это будет кто-то, кого ты встретишь сегодня?

Кэтрин ухмыльнулась мне.

— Таков и мой план.

— Это всё, что я могу сказать тебе, — закончила женщина и перешла к Оливии. Каждый за столом давал ей свою руку. Все были вознаграждены одними и теми же щедрыми банальностями.

Но когда она перешла ко мне, то нахмурилась и покачала головой, как будто ей было тяжело сфокусироваться. Она пробежала пальцами по моей ладони, прослеживая линии на ней кончиками пальцев. Затем вернулась к центру ладони.

— Что это за отметка? Это шрам?

Я была удивлена.

— Там не было никакой отметины.

Она прочистила горло и начала говорить, но затем остановилась.

— Что, — хмыкнула я, ощутив легкое беспокойство, — я умру молодой?

Она качнула головой.

— Нет. — Затем открыла рот и снова его захлопнула. Наконец она сказала. — Мне нужно немного отдохнуть. Простите меня. — Она встала и быстро ушла.

— Черт, Парсонс, ты смутила гадалку. — Засмеялись все остальные.

— Боже, — я думала, её хватит удар, — сказала Кэтрин. — Жаль, что она не погадала тебе. Со мной она хорошо поработала.

Я услышала, как включили систему громкой связи, и повернулась к сцене. У микрофона был ведущий, он включил его и поднял руки, чтобы привлечь внимание присутствующих:

— Меня все слышат?

Девушка недалеко от реки завизжала.

— Боже мой! — затем внезапно все присутствующие моего возраста оказались на ногах и бросились на танцпол перед сценой, включая нашу группу. Мы отыскивали место поближе.

Ведущий рассмеялся в микрофон.

— Я вижу, что мое объявление все давно ждут.

Сзади раздался ещё один визг и распространился по толпе, как какая-нибудь инфекция. Я рассмеялась и улыбнулась Кэтрин, которая улыбнулась мне в ответ, закатив глаза к небу и обмахивая лицо рукой.

— Тогда приготовьтесь! — сказал ведущий. Затем, повысив свой голос до крика, он перешел к делу. — Встречайте, Атаксию!

Толпа загудела, когда на сцене появились четыре молодых человека, парень с бас-гитарой уже начал играть начальные аккорды их самой известной песни. Барабанщик подхватил ритм, к ним присоединился гитарист, колонки завибрировали и толпа пришла в движение.

На каждом танцах, которые я имела несчастье посетить, все костюмы и платья сбивались при танцевальных движениях, так что я редко получала удовольствие от танца. Я изо всех сил старалась двигаться как можно меньше, чтобы не испортить все труды мистера Пула, но, в конце концов, я просто подхватила подол своего платья и начала наслаждаться. Ричард, разумеется, был отличным танцором. Ничего экстраординарного, но каждое движение было идеальным.

Когда песня закончилась, все криками высказали свое одобрение и началась следующая. Так продолжалось где-то около часа, группа старалась изо всех сил. Их пиджаки сбились, пуговицы на рубашках были растегнуты. Мой голос превратился в охрипшее карканье. Я смеялась и кричала так много, что мускулы на лице ныли. Во время двенадцатой песни взрослые, которые разошлись, когда началось выступление Атаксии, вернулись на лужайку и собрались вокруг танцпола. Когда песня закончилась, солист призвал всех к тишине.

— Спасибо, спасибо всем вам, — произнес он, пытаясь утихомирить толпу. — Как вы все, *вероятно*, знаете, меня зовут Рафи, — ещё больше криков, — и я хочу поблагодарить всех вас за то, что пришли сегодня отпраздновать день рождения... — Он на мгновение заколебался, пока парень с басом что-то прошептал ему в ухо. — Сегодня же день рождения Сары, не так ли?

Толпа расхохоталась и взревела.

— Эта маленькая богиня в золотом здесь, ведь так? Стоит рядом с соблазнительной куколкой в розовом. — Он указал на меня и луч света выхватил в толпе нас с Кэтрин.

— Для нашего последнего номера, — продолжал Рафи, — к нам присоединится специальный гость. — Он сделал знак таинственному исполнителю и внезапно там оказался мой младший братик, несущийся к центру сцены, чтобы встать рядом с Рафи. Певец держал ладонь в приветственном жесте и Сэмми изо всех сил хлопнул по ней.

— Не могли бы вы немного расступиться здесь, — сказал Рафи, указывая на левую

отлично провела время. Я никогда её не забуду.

— Тогда, спасибо, дорогая. — Она слегка порозовела. — Ты просто... спасибо, — снова сказала она.

— С тобой никто не сравнится, Энни, — сказал папа, затем посмотрел на нас с Сэмми. — Она невероятна, не правда ли?

— Правда, — согласились мы.

На сцене появилась другая группа, которая играла музыку, более подходящую для большинства гостей. На танцполе начали кружиться более старшие пару. Ричард вернулся и пригласил меня на танец.

Я слегка покраснела под пристальными взглядами обоих родителей.

— Спасибо, сказала я, — но я не умею танцевать вот так.

— Это легко. Я покажу тебе.

— Прости. Для меня достаточно конфузоз для одного вечера.

— Тогда пошли в казино, — предложил он.

— Серьезно? А нам разрешено? — спросила я у мамы.

— Двадцатидолларовый лимит на фишки для тех, кому не исполнилось двадцать один, — кивнув ответила мама. Папа дал мне двадцатку.

Сначала мы спустились по лестнице, чтобы воспользоваться нашими жетонами для прогулки на гондоле. Я не видела, чтобы Ричард давал взятку, но должно быть между ним и гондольером что-то произошло, потому что в следующий миг, я увидела, как мужчина выпрыгивает на пирс. Ричард начал вести лодку по пути, отмеченному светильниками в виде лилий.

Влага в воздухе привела к образованию клубов тумана вдоль берегов реки. Облака плыли на запад со стороны Атлантического океана. Но луна всё также светила на чистом участке неба, её близнец плыл по черной поверхности Северна. Я опустила свои идеальные золотисто-розовые ногти в воду и почувствовала себя созданием из более романтической эпохи. Ричард был занят, ловко управляя маленькой лодкой, что я нашла достаточной причиной для восхищения, особенно к парню в смокинге. Я улыбнулась именно в тот момент, когда он посмотрел на меня.

— Что? — спросил он.

— Я не слишком много знаю о прогулках на гондолах, Хэтэуэй, — сказала я, — но определенно уверена, что предполагается, что ты должен также петь.

— Я не пою, Парсонс.

— Ой, да ладно тебе. Что-то, ну ты понимаешь, итальянское, про луну и прочую ерунду.

— Я не пою, Парсонс.

Шест застрял и Ричард зашатался. Он одновременно старался не упасть и выровнять лодку, затем постарался вытащить шест.

Я сделала серьезное лицо, стараясь не рассмеяться.

— И я только собиралась сказать... — У меня вырвался смешок.- ...собиралась сказать... — я начала хрипло смеяться, — ...что ты погряз в рутине, Хэтэуэй. — Я начала смеяться громче. — Но теперь... сейчас... — я начала задыхаться; живот начал болеть, — ... я просто не могу.

— Он тоже расхохотался. — Это было патетично, Парсонс. Я сделаю тебе уступку... — Шест начал ослабевать и Ричард пошатнулся, всё ещё смеясь... — потому что это твой день рождения и всё такое. Но в следующий раз подобные шуточки не пройдут.

— У девушки должны быть некоторые недостатки. У меня плохо с юмором.

— А у меня, очевидно, это не способность смеяться над неудачными шутками.

— Вы, парни, всегда жалуетесь, что я недостаточно развлекаюсь, — сказала я. — Я смешная, я расслаблена, я развлекаюсь.

— Не согласен.

— Что? Я не смешная, Хэтэуэй?

— Нет. Я не жаловался, Парсонс.

Усмехнувшись, он толкнул лодку вперед. Я откинулась на подушки и продолжила наблюдать за ним.

Пока мы поднимались назад по каменным ступенькам, я указала на блестящую дорожку из золотой пыли, которая оставалась после меня.

— Я похожа на какую-то змею-переростка, — сказала я.

Вместо того чтобы переходить танцпол, мы пошли в обход по траве, наблюдая за тем, как наши лунные тени идут по лужайке перед нами. Мы приблизились к двери солярия и услышали звук сирены, оглашающий о джекпоте на игровом автомате. Мы обменяли наши деньги на фишки.

Ричард направился напрямиком к столу для блэкджека.

— Лучшие шансы, — сказал он мне. Я встала рядом с ним и наблюдала некоторое время, затем сделала несколько ставок, когда я решила, что поняла правила. Но моя стопка фишек быстро уменьшилась.

Я двинулась к автоматам и выиграла джекпот на третьем круге. Вспомнив о благотворительных целях машины, я скормила все выигранные фишки. Когда у меня набралось ещё несколько баксов, я снова вернулась к Ричарду. Он всё ещё выигрывал. Я заметила рядом с его локтем почти пустой бокал с шампанским и задумалась, его ли он. Положив свои фишки на его стопку и пожелав ему удачи, я сказала, что скоро вернусь.

Комнаты через коридор, те самые, которые организовывали для группы, сейчас были пусты, но забросаны пустыми бутылками и мусором, а также парой девушек, которые рылись в этом мусоре. Ещё несколько девушек ожидали в очереди, чтобы воспользоваться уборной.

По пути назад я заглянула в китайскую комнату. Женщина держала разноцветные ткани, разложенные на столе. Это была гадалка, которая сбежала от меня. Я поспешно двинулась дальше.

— Нет, стой, — позвала она меня. — Ты ведь именинница, да? Заходи. Я погадаю тебе.

— Нет. Я... не хочу беспокоить вас.

— Нет проблем. В свой день рождения ты должна получить свое предсказание. Путь к будущему больше всего открыт в день твоего рождения.

— Так мило с вашей стороны, — смягчившись, сказала я, — Спасибо вам.

— Прости за то, что случилось раньше. Я не знаю, что на меня нашло. Просто странное чувство, как будто... увидеть двойника. Нужно было убраться с жары. Садись, — сказала она, распрямляя свою одежду и вытаскивая из сумки колоду карт. — Я перешла на них — это карты Таро. С ними мне легче. — Она разложила карты лицевой стороной вверх. Они были более разноцветными, чем обычная колода, с яркими изображениями. Она вытащила четыре. — Это Pages, — сказала она. — Одна карта ниже, чем Pages. — Возьми одну.

Я выбрала карту с изображением девичьей фигуры, которая держала над головой меч.

— Интересно, — сказала она. — The Page of Swords ассоциируется с

беспристрастностью, наблюдением, может быть, даже со шпионством/подглядыванием. Эта карта представляет тебя.

Она выложила остальные карты на стол и перемешала. Затем она начала раскладывать карты. Первую положила лицом вверх над желтой картой.

— Ого, — сказала она. Затем задержала дыхание. — Это карта испытаний — она показывает проблемы, с которыми ты сталкиваешься в своей жизни сейчас и она представлена Тремя мечами, иногда её называют Повелитель скорби. Она обозначает чрезмерную боль, разделение, разрушение, но, — сказала она, повышая голос, — с положительным результатом в итоге. Поняла? — спросила она. — Это твое испытание.

Она вытащила ещё девять карт, всё положила картинками вниз, первую на верхушке карты Трёх мечей, остальные четыре по кругу центральной карты и ещё четыре в стопку справа.

Она перевернула карту в центре.

— Маг, перевернутый. Эта карта представляет энергию, которая создает сложности для решения твоей проблемы. Она означает растерянность, неспособность сделать решающий выбор. Также она может означать трудности при обучении.

Она перевернула южную карту.

— Ой-ой, — прокомментировала она, взглянув на неё. Волосатый человек-зверь сидящий на троне. — Дьявол, перевернутый. Это отдаленное прошлое, старые корни проблемы. Это означает... — она заколебалась. — Истинное зло. Рабство. Злоупотребление властью. Эмоциональный шантаж. То есть когда-то давным-давно, кто-то злой стал причиной тех проблем, с которыми ты столкнулась сейчас. — Она обеспокоенно посмотрела на меня. — Ты хочешь услышать остальное?

Я кивнула.

— Ладно, — сказала она. — Эта карта, — она перевернула западную карту, — это новый корень проблем. Королева мечей. Она обозначает сложную, мужественную и умную женщину, которая переживает какое-то глубокое горе, чаще всего по вине мужчины. Знаешь кого-нибудь такого?

— Нет. Хотя, это похоже на мою маму.

Она открыла северную карту.

— Это твое ближайшее будущее. Семь кубков — Повелитель иллюзорного успеха. Она говорит о необходимости выбора со значительной проницательностью. Также может обозначать вдохновляющий мистически опыт.

— Отдаленное будущее. — Она перевернула восточную карту. — Башня, очередная сложная карта. Говорит о свержении существующего образа жизни, ведущем к просветлению и свободе. — Она слегка покачала головой. — Это также третья карта из Главного Аркана. Так что это очень важная карта.

Затем она перешла к стопке из четырех карт.

— Итак, эти карты показывают что-то, что блокирует твой путь к достижению цели. — Девять мечей, которые относятся к твоим предчувствиям, потребностью проснуться после плохих снов, перенести страдания с помощью веры. И это твой четвертый Меч, что просто кричит о «грядущих переменах».

— Эта карта, — она перевернула следующую, — это цель. — Шесть Кубков. Новый элемент, вошедший в твою жизнь, связанный с прошлым, действующий через настоящее, чтобы создать будущее.

Она взяла ещё одну карту.

— Эта карта определяет, как другие люди воспринимают твою ситуацию. Семь Жезлов — стойкость и мужество перед лицом невзгод. Люди, должно быть, думают, что ты очень смелая.

— Люди могут очень сильно ошибаться, — сказала я.

Она улыбнулась.

— Последняя карта, сказала она, переворачивая её. — Наиболее вероятный исход твоей проблемы. — Она открыла её. Это был скелет верхом на лошади.

Смерть.

Она поспешила разуверить меня.

— Вообще-то это хорошая карта. Она обозначает конец старой, бесполезной жизни и начало нового пути, согласно выбранным решениям. — Она откинулась назад. — Должна тебе сказать, я никогда не видела такого набора карт, который бы так мощно говорил об изменениях, как этот. Ты ожидаешь каких-нибудь сильных перемен?

— Может быть, речь идет всего лишь продажа этого дома. — Я пожала плечами.

— Ну, это важно, ты права. Но я не знаю, об этом ли речь. Эти карты говорят скорее о том, что центром всех перемен будешь ты. И... — она слегка наклонилась, чтобы посмотреть мне прямо в глаза. Они предполагают, что именно ты столкнешься с этими испытаниями. Ты должна помнить, что если станут происходить слегка безумные события, то карты говорят, что ты способна справиться с ними. Поняла?

— Спасибо за то, что не бросили и рассказали мне всё это. — Я улыбнулась ей. — Мне никогда раньше не предсказывали будущее.

— Что ж, — она улыбнулась в ответ, — я буду с нетерпением ждать возможности увидеться с тобой когда-нибудь, чтобы ты рассказала мне, как всё разрешится.

— Я тоже, — ответила я, направляясь к дверям.

Это заняло больше времени, чем я ожидала. Я надеялась, что Ричард не отправился на мои поиски.

Когда я проходила мимо окон, я выглянула и посмотрела на вечеринку. Там уже было намного меньше людей; кое-кто из гостей уже откланялся. Но оставалось ещё достаточно много людей, решивших насладиться десертами и танцами под луной.

Мое внимание привлекло яркое пятно. Возле входа в лабиринт.

Маленькая девочка стояла возле прохода у живой изгороди. Смотрела прямо на меня.

У меня мелькнула мысль, что мне следовало бы встревожиться, испугаться. Кто она такая? Как она может меня видеть? Но затем желание встретиться с ней, поговорить с ней, как боль разрослось у меня в груди. Не имея возможности остановиться, я повернулась и начала бежать.

Я понеслась по восточному крылу по направлению к двери в конце него. Затем я побежала напрямик по каменной дорожке, которая вела к лабиринту. Я увидела, как девочка развернулась и начала убегать вдаль по зеленому коридору, затем сделала первый поворот вправо. Я понеслась за ней.

Каменная дорожка всё ещё светилась серебром в свете луны, хотя ту слегка скрывали сиреневые облака.

Налево, пропустить, налево, я бежала, преследуя белое пятно. Звуки вечеринки приглушенно преследовали меня, как будто я оказалась уже в другом мире. Мы двигались к сердцу лабиринта. Я приподняла подол юбки, чтобы мне было легче бежать. Выбившаяся из

зеленой изгороди ветка разорвала тюлеву ю ткань. Воздух звенел на моей коже — статическое электричество как перед грозой.

Направо, налево бежала я дальше, затем направо и снова налево.

Впереди я увидела очертания беседки, черные линии поднимались в сиреневой дымке ночи, её крыша, казалось, держалась на ветках старой глицинии. Она мягко мерцала при свете свечи. Девочка была на мраморных ступеньках, ходила по ним вверх и вниз.

— Подожди, — прокричала я ей.

Но когда я добралась до маленького домика с лепными украшениями, её там не было.

Там был Джексон.

Глава 26

— Ты её видел? — задыхаясь, спросила я его.

Он странно на меня посмотрел.

— Да, я видел её. Но я понятия не имею, каким образом ты её видишь.

— Что? А я не должна?

— Она не призрак из прошлого.

— Тогда кто она такая?

— Она... — Он сделал несколько шагов в мою сторону, затем остановился. Я уже видел тебя в этом платье, когда я был...

И я закончила за него его же предложение:

— ...маленьким мальчиком.

— Ты меня видела.

— Я сказала тебе, как меня зовут.

— Ты права, — ответил он. — Он почти улыбнулся — улыбались его глаза, но не губы.

— Прости меня, — медленно начал он, — за то что я сказал... Если я огорчил тебя. Я не знал, должен ли я говорить тебе. Но у меня было такое чувство, что я солгу, если не скажу тебе.

— Так же как ты солгал насчет алмазов? — Это было грубо, но вполне оправданно, решила я.

— Ну, это было скорее преувеличение, чем ложь. Алмазы это местная легенда. И я знал, что ты никогда не поверишь правде. С чего тебе верить? Я сам большую часть времени думал, что схожу с ума.

Я вспомнила милого маленького мальчика, которого встретила на верхней галерее.

— Когда это случилось в первый раз, я ещё даже не ходил в школу. Твоя бабушка показывала мне фотографии, которые она сделала, когда навещала вас. — Он больше не смотрел на меня. Он смотрел в другую сторону, сфокусировавшись на воспоминаниях. — Ты была на одной из них, сидела рядом с Рождественской елкой. С этого всё началось.

— Это были просто звуки, чувства. Я думал, что это всё мое воображение. Но с течением времени всё становилось более реальным. Походило на воспоминания, которые я ещё не прожил. Или сцены, которые разыгрывались передо мной. Они всегда были произвольными. Но во всех них была ты.

— И я не... я никогда не встречал тебя. Это не имело никакого смысла. Я знал, что это было безумием. Я думал, что со мной происходит что-то неправильное, что Бог наказывает меня. И я боялся сказать кому-нибудь. Бабушка не отсюда и она не поймет ничего. Но... иногда я думал, что Ида подозревала что-то. Она пыталась пояснить мне разное, когда

бабушки не было рядом. О моей семье и твоей.

Сколько же лет Джексон хранил свой дар как какой-нибудь постыдный секрет? Мое сердце ныло из-за того маленького мальчика, отрезанного от любой живой души из-за того, что он видел то, что не хотел видеть. Я хотя бы знала, что я не была в единственном роде.

— Но затем, у меня было видение её похорон и я знал, когда и как она умрет. Я не знал, могу ли я что-нибудь сделать... должен ли я говорить что-нибудь? «Если вы не перестанете пить, то умрете от цирроза печени, не дожив и до семидесяти лет?» Поверит ли она мне? Может быть, какая-то часть её поверит, но в основном она будет считать меня ребёнком, который сует нос не в свои дела, выдумывает глупые сказки. И я даже не знал, действительно ли случится именно то, что я видел. Так что я решил молчать.

Намного позже, когда она ушла именно так, как я видел, я увидел тебя на её подъездной дорожке с Сэмом и родителями. Именно такой, какой я тебя видел все эти годы. Ты даже не сможешь представить, что для меня означал тот день. Потому что теперь я знал. Я знал, что всё это время это было реально. Я начал верить.

Это было действительно ужасно. Всю его жизнь его преследовали призраки из неизвестного будущего. Я преследовала. И затем, когда я приехала сюда, призраки обрели тело. Невозможность стала почти реальной.

И при этом он обращался со мной так мягко. Так осторожно. А я вела себя с ним как с сумасшедшим.

— Я знаю, что это всё невозможно, — сказал он. — Ты не можешь изменить прошлое. Мои родители мертвы. Ты не можешь вернуть их назад. Я знаю это. Ну разумеется, я всё знаю. Но вот какая-то часть меня продолжает думать, а вдруг это возможно.

Ночь, спустившаяся на края беседки, становилась все темнее; сгустившиеся облака полностью скрыли луну. У меня появилось ощущение, как будто нас отрезали, поймали в маленький пузырек, в ловушку лампы и объятия глицинии.

— Я больше не могу видеть слишком много, — сказал он, — всего лишь маленькие обрывки. Я не знаю, что может произойти дальше.

— Почему?

— Не знаю. Может быть, потому что твоя мама продает дом, вы вернетесь домой и... возможность... исчезла. — Он пожал плечами. — От сделанного выбора отвлекается слишком много возможных вариантов. Я стараюсь удержаться за нить, которая приведет меня к будущему, которое я видел. Я пытаюсь появляться в нужном месте, делать нужные вещи. Я пытаюсь не сделать чего-нибудь, из-за чего всё это... — его сжатые пальцы раскрылись, выпуская небытие, — всё это исчезнет. — Он тряхнул головой. — Может быть, то, что я видел это лишь та жизнь, которая у меня могла бы быть, если бы события пошли по другому пути.

— Другие возможности, — сказала я.

Он посмотрел на меня и с тоской кивнул.

— Это была хорошая жизнь, то, что я видел. За неё стоило побороться. — Он снова пожал плечами. Затем кончики его губ приподнялись в улыбке. — Ты танцуешь?

И как по команде я услышала отголоски музыки с вечеринки, на которую он не пришел.

— Не очень, — ответила я. — Я никогда не училась. И я не самый грациозный человек на планете.

— Подруга моей матери научила меня. Они обе поехали в Нью Йорк, чтобы стать танцовщицами.

— И там твой отец впервые встретился с твоей мамой, — вспомнила я.

— Точно, — улыбнувшись ответил он. — Я учился танцевать, чтобы ощутить с ней более сильную связь.

— Как звали твою маму?

— Сесилия. — Он сделал шаг вперёд, поднял руки и раскрыл объятия. — Потанцуешь со мной?

Он стоял, уязвимый, в ожидании моего ответа. Парень, который знал, что я люблю вишневую колу. Который брал меня ловить крабов и схватил меня, когда я чуть не упала со скалы, и вытирал мои слезы, когда мое сердце было разбито. Парень, который так же, как и я, был обречен слышать голоса из другого времени.

Конечно, подумала я. Конечно же, я потанцую с Джексоном.

Я взяла его за руку.

— Все очень просто, правда, — сказал он. — Просто делаешь шаг, раз-два-три и идешь туда, куда ведут мои руки. — Он положил свою руку мне на талию. — Прислушайся, — посоветовал он. — Он вслушался в ритм. — Теперь, раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три.

Мои ноги приноровились к ритму музыки. Мы медленно кружились по кругу. Я чувствовала давление его правой руки, в основном кончики его пальцев, не ладонь, побуждавшие меня кружиться против часовой стрелки, говорящее со мной без слов; его левая рука слегка подталкивала меня.

Я закрыла глаза, чтобы сконцентрироваться на шепоте его рук. Давление изменилось, мы сменили направление. Шаги стали более длинными. Я расслабленно откинулась на его руку, чтобы прислушаться чуть внимательнее. Мне нравилось быть участницей этого разговора, такого тихого, такого нежного.

— Видишь? — сказал Джексон. — Ты вполне грациозна.

Я чувствовала себя изящной, я плыла на цыпочках. Я больше не думала о шагах. Я плыла по реке звуков, и руки Джексона вели меня по этому течению. Музыка и движение наполняли просторы за закрытыми глазами цветом и сиянием. Я как будто танцевала на ковре из звезд.

Затем сильные пальцы обхватили мою руку и нас разделили.

— Что ты делаешь?

Здесь был Ричард, он тяжело дышал, его лицо скривилось от злости, боли и неверия.

— Что, черт тебя подери, ты делаешь?

Я чувствовала кислые нотки шампанского и слышала его в его голосе. Я не знала, что сказать ему.

Заговорил Джексон.

— Я просто учил её тан...

Ричард развернулся и ударил его в лицо.

— Заткнись!

Из губы Джексона потекла кровь, багрово-красная в полумраке. Его кулаки сжались, а глаза потемнели, но он, напротив, видимо был сделан из камня.

В ярости я бросилась вперёд, мои руки сжались в кулаки.

— Ты совсем спя... — Но, взглянув на Ричарда, я замерла.

— Кажется, мне ты сказала, что не можешь танцевать, — обвиняющим тоном проговорил Ричард. Его лицо стало уродливым, но он выглядел так, как будто готов был

разрыдаться. — Я думал... ты и я...

От ужаса я онемела. Я хотела сказать... что-то, но слова застряли у меня в горле, заклинили за образовавшейся в нем болезненной шишкой. То, что он сделал с Джексоном, было непозволительно. Но правда в том, что безумная влюбленность, которую я испытывала к Ричарду, испарилась где-то в середине танца. Правда в том, что ненамеренно, я предала этого парня.

И небо выбрало именно этот момент, чтобы высвободиться от своего бремени. Большие капли дождя начали стучать по металлической крыше над нами.

Он тихо проговорил.

— Как ты могла так поступить со мной? — Затем он протянул руку, его пальцы сжались вокруг золотых листьев у моего горла. Я вскрикнула, когда меня рвануло вперед, цепочка натянулась у меня на затылке, прежде чем застежка поддалась.

Он стоял, слегка покачиваясь и глядя на сломанную вещь в своей руке.

— Боже мой, — нетвердым голосом проговорил он. — Мне так... Пожалуйста. Прости меня. — Он развернулся и ушел в дождь и темноту.

Я чувствовала боль от неверия и злости, и стыда, и онемения.

— Мне так жаль, — прошептала я, обращаясь к Джексону. — Я подошла к нему, чтобы вытереть его губу. — Так много крови...

Он отвернул голову.

— Всё в порядке, — сказал он.

— Мы должны пойти туда. Я позову папу и...

— Всё в порядке, — повторил он. — Есть ещё кое-что, что ты должна понять. — Он отошел, чтобы поднять что-то, прислоненное к столбу. Он вернулся и протянул мне зонтик.

Я устала на него.

— Ты знал, что пойдет дождь.

— Да, — ответил он.

— А ты знал, что Ричард тоже придет сюда?

Он покачал головой. Мне показалось, что он подыскивал слова, чтобы всё объяснить. Наконец, он пожал плечами.

— Я знал, что это может произойти. Но я знал, что должен быть здесь. Я знал, что мы должны поговорить. Прости меня. Я не могу видеть всё... Я не могу видеть даже большую часть. Я просто пытаюсь придерживаться нужного пути.

Черный зонтик завораживал и отталкивал меня. Мне стало грустно. Прошрое и будущее каким-то образом переплелись в этом месте. Мне это не нравилось. Я просто хотела вернуть старую себя. Кого-то более простого. Более невинного.

— Спасибо за зонтик, — сказала я, протягивая руку и не смотря на него. Он вложил его в мои пальцы. Я взяла его и ушла.

Вечеринка закончилась. Я увидела маму на переднем крыльце, которая прощалась с последними гостями. Она подняла брови. Должно быть, я выглядела так, как будто я побывала в аду. Я завтра расскажу ей, что произошло. Когда я смогу говорить об этом.

Когда я проходила мимо зеркала, я увидела красный рубец вокруг моей шеи. Большинство заколок Анжелики выпали, а мои кудри безвольно спадали мне на плечи. Все блестки осыпались с моей кожи, а мой макияж потек там, где слезы смешались с тушью.

Но внутри я себя чувствовала даже хуже, чем выглядела снаружи.

Я ступила на лестницу, боясь, что могу разрыдаться в любую секунду. Я сняла с себя

золотистое платье и бросила его на стул, затем скользнула в пижамные штаны и натянула футболку. Я смыла остатки трудов мистера Пула и свернулась, как маленький зверек, на своем одеяле.

Я чувствовала себя такой уставшей и старой, как только может себя чувствовать шестнадцатилетний подросток.

Луна плыла высоко над головой. Я танцевала с Джексоном на черно-белом полу, который плавал посреди океана. Большая черная рыба выплыла из глубин и проглотила луну, которая плавала на поверхности воды.

Затем Джексон исчез и вокруг меня образовались стены с тремя высокими окнами по обе стороны. Окна были распахнуты, а я должна была подойти к ним, чтобы маленькая девочка не вскарабкалась на них и не прыгнула в море. Все углы комнаты были затянуты мягкой паучьей паутиной.

В комнате было много школьных парт и я — Дейдрэ — сидела в конце комнаты на троне, держа в руке меч. Светловолосый мужчина, одетый в пальто капитана, улыбался жестокой улыбкой.

— Пожалуйста, верни мне моего ребенка, — взмолилась я. И Капитан ответил:

— Ты больше никогда его не увидишь.

Паук закрутился в сверкающем потоке и бледная женщина последовала за ним, вниз по тайной лестнице, затем через люк и снова вниз, в темный дом, где на покрытом пылью столе стояли семь кубков, а девять мечей пронзали стену. Нить вела в лабиринт, полный лунных теней, где бегал маленький мальчик и кричал:

— Сара, Сара, где моя шкатулка?

Но мой рот был запечатан паутиной, которую мне пришлось срывать. Губы были сшиты паучьим шелком, но я с усилием раскрыла их. И я с усилием вытолкнула слова из своего рта, которые вырвались оттуда, как черная летучая мышь.

— Сэмми!

Я открыла глаза к утру, в моих ушах всё ещё звучало имя моего брата.

Глава 27

Когда я проснулась на следующее утро, то чувствовала себя ужасно, как будто поучаствовала в поединке с профессиональным борцом. Я подошла к шкафу, чтобы вытащить какую-нибудь одежду, и была удивлена тем, что я нашла в верхнем шкафчике: дневники Фионы, записи Иды, старые фотографии. И янтарный кулон на вершине всей стопки.

Кто выудил всё это из мусорника? Только не моя мама. Может быть Роза? Или Сэм. Наверное, это Сэм.

Я надела янтарный кулон на шею. Она слегка болела, потому что я при этом задела свежую ранку, оставшуюся от золотой цепочки. Но я всё равно оставила его.

Когда я спустилась вниз позавтракать, мама сидела за кухонным столом, склонившись над своей чашкой с кофе. Ночное гуляние на ней тоже сказалось — она выглядела почти больной от усталости.

— С тобой всё хорошо? — спросила я.

— Ой, ну разумеется, — ответила она, слабо улыбнувшись. — Просто мне нужно влить

в себя первую чашку кофе. А как насчет тебя? Ты вроде как выглядела расстроенной, когда ты вернулась прошлой ночью. И одежда на тебе была слегка потрепанной.

— Я, хм... — В моей голове пронеслась мысль, что мне нужно сказать ей о Ричарде, но потом я решила, что это может подождать и не стоит вываливать сейчас эту новость. — Я немного устала, наверное. Прямо как ты. Классная была вечеринка.

— Так и планировалось. — Она допила свою чашку. — Но всё прошло достаточно хорошо, как мне кажется.

— Никто до конца своей жизни больше не увидит подобную вечеринку.

Снова улыбнувшись, она покачала головой.

— Сомневаюсь в этом, детка. Организация вечеринок это соревнование.

— А где Сэм?

— Я не видела его.

— Хм, — сказала я. — Это странно. Он никогда не спит так долго.

— Для него это тоже была значительная ночь.

— Он был великолепен. — Я улыбнулась, вспоминая.

— Так и есть. Он чудесный ребенок.

Именно, подумала я, удивившись, что она тоже так считает.

— Наверное, мне стоит пойти разбудить его.

— Есть кое-что, что мне нужно... — Она замолчала. — Не обращай внимания. Иди, найди Сэма. Потом я поговорю с вами обоими.

Я заставила себя снова подняться наверх, вспоминая Сэма на сцене, сжимающего микрофон и подпевающего Рафи. Мой мальчик, Сэм, я твердо верила в поговорку, что если вы хотите, чтобы что-то было сделано правильно...

Его не было в морской комнате. Я спустилась вниз, чтобы проверить, нет ли его у телевизора в комнате бабушки. Там его не было.

Я замерла на мгновение, пытаюсь почувствовать его. Я мысленно представила его. Его милое личико. Его улыбку.

Вот только Сэмми, которого я увидела в воображении, не улыбался. Его лицо было ровным, как будто даже гладким. Я не смогла его почувствовать.

— Сэм? — позвала я, когда начала проверять все комнаты в восточном крыле. — Сэмми?

Я вернулась назад и поднялась по главной лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки. Я проверила цветочную комнату. Проверила комнату Капитана. Открыла двери в комнату Дейрдре.

— Сэмми, где ты, дружок?

Я пронеслась через западное крыло, в комнату Фионы, чтобы посмотреть через окно на домик на дереве. Через двери оранжереи, вниз по ступенькам и вдоль по тропинке. Я быстро проверила нижний этаж, затем снаружи у солярия. На этот раз я не волновалась насчет реки — он точно где-то был. Я чувствовала его. Мне просто нужно было его отыскать.

Рабочие разбирали то, что осталось после вечеринки — сцену, танцполы, освещение. Я спросила у них.

— Вы не видели здесь маленького мальчика? — Я повернулась и прокричала вниз, в сторону причала. — Здесь не было маленького мальчика? — Все отрицательно покачали головами.

Наверное, он в лабиринте.

Я не хотела идти туда. Это вернет воспоминания, к которым я пока не была готова. Но я сконцентрировалась на Сэмми и вбежала внутрь, слегка скользя по каменным плитам, всё ещё влажным после ночного дождя

Золотые отблески блестели на влажной траве. Должно быть, по этим следам Ричард нашел меня. Следовал по змеиному следу прямо к центру...

Я сделала последний поворот. Безвольное тело лежало на ступеньках беседки, маленький коричневый комочек Злобного Мишки лежал в нескольких футах от него.

— Боже мой! — закричала я. — Сэм!

Я опустилась на колени рядом с ним и подняла на руки его маленькое тельце, одетое в пижаму, похлопывая его по руке. Его щеки были холодными на ощупь, губы слегка приоткрыты. Он неглубоко дышал.

Я постаралась поднять его, чтобы посадить его к себе на бедро и унести, как я всегда делала, когда он был младше. Но это было невозможно, пока он не будет обнимать меня ногами за талию.

— Давай, дружок, нам нужно унести тебя отсюда, — Я стояла и плакала, прижимая его к себе, его голова откинулась назад, руки свисали. Я прокричала к небу. — Помогите мне! Кто-нибудь, пожалуйста, помогите мне!

И тут Сэма забрали из моих рук. Джексон пришел сюда. Он повернулся и начал двигаться к выходу из лабиринта. Я схватила Злобного Мишку и последовала за ним.

Мама закричала, когда мы вошли в кухонную дверь.

— Сэмми! Он упал? Он был на дереве?

— Он не падал, мама. Я не знаю, что произошло. Я нашла его лежащим в лабиринте.

— Что же случилось? Как он там оказался?

Она схватилась за телефонную трубку.

— Мне нужна срочная перевозка по воздуху. — Мой сын без сознания. Я хочу отвезти его к его отцу в госпиталь Джона Хопкинса.

Когда мы услышали шум спускающегося вертолета, Джексон понес Сэмми к выходу. Медики встретили нас с каталкой. Они сказали, что места хватит только на то, чтобы с Сэмом полетела мама. Она посмотрела на меня.

— Лети ты, — сказала я ей. Роза отвезет меня.

Она кивнула, забралась в вертолет и они улетели.

Мы вернулись, чтобы я смогла собрать кое-какие вещи — свою куртку, немного наличных. Когда я направлялась к двери, я заметила кое-что краем глаза. Кое-что в зеркале в холле. Я замерла.

У меня отказали ноги. Я тяжело осела на пол. Джексон опустился на колени рядом со мной.

— Что случилось?

Меня трясло, а ещё я задыхалась. Маленькое лицо, гладкое и бледное, окруженное темнотой, казавшейся бездонной, как будто в шкафу, в котором нет стен.

— Скажи мне, — попросил Джексон.

Я едва могла выдавить из себя слова.

— Сэмми там, — сказала я. — Сэмми в зеркале.

Это было доказательством того, с чем Джексон жил всю свою жизнь — он никогда не сомневался в том, что я говорила. Он помог мне встать и сказал.

— Мы разберемся с этим.

— Мы с этим разберемся? — повторила я с возрастающей истерикой.

— Мы должны, — сказал он. — Мы единственные, кто может. — Он усадил меня в кресло и присел передо мной.

— Сэмми говорил мне, что он видел людей в зеркале, — пролепетала я, между всхлипываниями. — Я ему не поверила.

— Существует старое суеверие, что духи могут оказаться запертыми в ловушке в зеркалах. Поэтому нужно закрывать их, когда кто-то умирает.

— Роза говорила, — что это не они оказываются в зеркале, а зеркало показывает тебе другую сторону. Место, где могут застрять умершие. Но... Сэм ведь не умер.

— Нет. Он всё ещё жив.

Его слова «всё ещё» пронзили меня.

— Ты думаешь, что он умирает?

— Я думаю, что нам нужно забрать его из этого зеркального мира. И чем скорее, тем лучше.

И тут мне в голову пришла мысль, ужасная мысль. Я схватила его за рубашку с насилием, кипящим внутри меня.

— Ты знал, что это произойдет? Ты знал и не сделал ничего, чтобы предотвратить это? — Я почти визжала.

Он накрыл мои сжатые кулаки своими руками. Он покачал головой и мягко, убедительно заговорил:

— Нет. Я клянусь, я не знал, Сара. Я бы не допустил, чтобы такое случилось с Сэмом, не попытавшись при этом остановить это.

— Нет, — всё ещё пребывая в ярости сказала я. — Ты знал, что Ричард может прийти. Как ты мог не знать о Сэме?

— Это то темное пятно, какие всегда были у меня — это как будто Сэм был в середине этого и я не мог увидеть его. — Он наклонил голову, чтобы посмотреть мне в глаза. — Я не знал, Сара. Я не видел этого. Пожалуйста, поверь мне и позволь помочь тебе сейчас.

Я не хотела верить. Мне было необходимо кого-то обвинить. Стряхнув его руку, я в ответ прорычала.

— И как же ты собираешься помочь мне, если ты не можешь видеть Сэмми?

Кто же может мне помочь? Может быть... кто-то кто уже помог мне раньше. Кто-то, кто странно дважды спрашивал меня, всё ли в порядке с Сэмми.

Я спрыгнула и побежала к двери. Джексон последовал за мной.

— Куда ты идешь?

Я не ответила ему. Не могла. Я едва могла дышать из-за узла в моей груди, мне нужно было сбросить дыхание для бега. Я пронеслась через луг и рассеянно вбежала в лес, перепрыгивая через поваленные бревна, продираясь через кусты.

Нанга спрашивала меня о Сэмми. Нанга может знать, что делать.

Я с трудом поднималась по холму, и Джексон был рядом со мной. Я чувствовала, как он поддерживает меня под руку, помогая мне. Я вышла на поляну.

И обнаружила развалины. Четыре обвалившиеся стены. Разбитые стекла и дымоход. В середине проросли молодые деревца. Эта была та же хижина. Вот только в ней давным-давно никто не жил.

Я набрала воздуха, полностью уничтоженная.

— Я видела её. Она сидела вон на том крыльце. А из дымохода поднимался дым.

Джексон поддержал меня.

— Она умерла, — сказала я. — Я разговаривала с призраком.

— Ты же говорила что в Доме Эмбер нет привидений.

— Она мне так сказала. А как ещё она могла разговаривать со мной?

— Ты разговаривала со мной в прошлом.

— Потому что ты можешь видеть будущее, — сказала я, затем сложила всё вместе. —

Она может видеть будущее. И потому что я могу видеть прошлое, мы могли разговаривать друг с другом. Значит, она должна знать, как помочь. Ты знаешь, кто она такая?

— Она была рабыней, — сказал он. — Она была собственностью Капитана. Она была моей бабушкой. Какой-то дальней родственницей. Дети называли её Нанга, но саму себя она называла Ниангу.

Женщина, поняла я, которую изнасиловал Капитан. Было слишком ужасно думать об этом сейчас, когда Сэмми нужна моя помощь. Я подошла к сгнившим ступенькам, и начала подниматься.

— Не...

— Не говори мне, чего я не должна делать, — прорычала я. — Ты сам сказал, что у нас не так много времени.

Я перебралась через остатки крыльца, распределяя свой вес и молясь о том, чтобы не упасть. Я прикоснулась к старому разбитому каркасу кресла-качалки, надеясь, что это та же самая.

— Тише, тише, Сара, девочка, — услышала я её голос со странным акцентом, но она разговаривала не со мной. Каштановые кудряшки Сары-Луизы рассыпались на коленях Нанги, пока рабыня гладила девочку по голове.

Женщина, которая сидела и предлагала утешение, не знала меня, и она не была моей старушкой. Она была моложе на десятилетия, но старше, чем была, когда я видела её в последний раз — спасающей тонувшего ребенка. Она была красивой женщиной, с высокими, сильными скулами, темными глазами, Нанга и Ниангу одновременно.

— Она не проснется, — всхлипывала Сара-Луиза. — Прошло уже десять дней. Каждый раз, после того, как она засыпает, маме нужно всё больше времени, чтобы проснуться, и с каждым разом она становится слабее.

— Она счастлива в своих снах, дитя, — счастлива так, как никогда не будет в реальности.

— Она не узнала меня, когда я разбудила её. Она оттолкнула меня и сказала, что её «малыш» зовет её.

— Ты должна быть готова, Сара-Луиза. Ты же знаешь, что я видела. Я не думаю, что она уже когда-нибудь проснется.

— Как же я буду жить с Капитаном без неё? Он и Камилла заберут всё. Дом Эмбер будет потерян. Мы с тобой будем потеряны.

Я чувствовала боль от вторжения в эту горестную сцену, но Сэмми нуждался во мне, а мне нужна была Нанга. Сфокусировав все свои силы на том, чтобы дотронуться до неё, я протянула руку и прикоснулась к ней.

— Нагна, — прошептала я и почувствовала укол статического электричества на кончике пальца.

Её голова дернулась, как будто она услышала меня.

— А теперь поспеши, Сара-Луиза, есть ещё кое-кто, кому нужна моя помощь. —

Девочка села прямо, попытавшись успокоиться.

Нанга вслепую повернулась в мою сторону и проговорила.

— Говори со мной, друг мой.

— Нан... — начала я, но мне показалось неуважительным, называть её этим именем. Я попыталась снова. — Ниангу.

Её голова дернулась, она застыла, тяжело дыша. Как Джексон, подумала я. А затем, пузырь лопнул и я поняла, что до этого момента мы были в разных мирах, но теперь, мы оказались рядом. Как раньше. Глаза Ниангу расширились и, кажется, впервые, она меня увидела.

— Кто ты? — спросила она.

— Меня зовут Сара. Ты сказала, что если мне нужна будет помощь, я могу обратиться к тебе.

— Мы уже разговаривали?

— Дважды. Хотя ты была намного старше.

Она на мгновение задумалась.

— Тогда мне кажется, Сара, что, может быть, тебе следует отыскать Нангу, с которой ты встречалась, потому что сейчас я не знаю, как тебе помочь.

Вмешалась Сара-Луиза.

— Её зовут так же, как и меня?

Пузырь лопнул. Сейчас я могла видеть их обеих, но я знала, что Ниангу больше не может видеть меня.

— Может быть, её назвали в честь тебя, Сара-Луиза, — но вам не следовало бы разговаривать. — Ниангу сказала в пустоту. — Надеюсь, что ты ещё слышишь меня. Ты должна вернуться в Дом Эмбер и найти меня, Сара. Силы в доме становятся сильнее. Я буду искать тебя в комнате Сары-Луизы, прикоснувшись к кровати с балдахином. Ты должна найти меня, тогда я постараюсь помочь тебе.

Я начала идти, затем побежала.

— Мне нужно снова её отыскать. Она сказала, что будет ждать меня в цветочной комнате. Вот только... — проговорила я, когда начала бежать, — вспомнит ли она.

Вернувшись в дом, Джексон последовал за мной наверх.

— Что ты имеешь в виду под «вспомнит ли она»?

— Для нас прошло всего пять минут, — мрачно сказала я, — но для неё могли пройти лет двадцать. — Я попросила его остаться снаружи. — Пожалуйста, не производи никакого шума, — не нарушь мою концентрацию.

Я бросилась на пол и прикоснулась к уголку кровати. Обстановка переменилась и я увидела Ниангу, сидящую и держащуюся за столбик кровати. Кажется, она оказалась здесь раньше меня. На два столетия раньше меня. — Ты можешь меня слышать, Ниангу?

— Ты можешь называть меня Нанга, как и все остальные.

— Но это не твое имя.

— Также как и Ниангу. Это было имя, которое мне нравилось. Какая помощь тебе нужна, Сара-гостья?

— Мой брат, я нашла его без сознания в лабиринте, а потом я увидела его в зеркале.

— В зеркале? Как такое могло случиться? — Она была шокирована. — Никогда не слышала о том, чтобы наш дар мог появиться у маленького мальчика.

— У Сэмми такие же видения, как и у меня? — Как я могла упустить это? Почему я не

догадалась?

— Такое может быть. Если он оказался в зеркале. Если он застрял в промежуточном мире.

— Застрял? Как он мог застрять там? Как мне его вернуть оттуда?

— Он мог заблудиться. Как дух, который не может найти дверь в следующий мир, — пояснила Ниангу. — Тебе нужно найти его. Помочь ему вспомнить дорогу назад. Иначе он умрет. Он может оказаться слишком надолго отделенным от твоего духа.

— Но как я могу это сделать?

— Этого я не знаю, дитя. Я никогда не делала этого. Найди его. Помоги ему вспомнить, что он ещё жив.

Вошла Сара-Луиза.

— Нанга, я искала тебя. Пошли, поужинаем со мной. — Ниангу вздрогнула и больше не могла видеть меня.

— Нет, стой, — закричала я. — Я не знаю, как это сделать.

И к моему разочарованию я тоже не могла больше видеть её. Я пошла к двери.

— Что она сказала? — спросил Джексон.

— У Сэмми есть дар, — ровным и лишенным надежды голосом ответила я. — Он оказался в промежуточном мире и не может найти дорогу назад. Предполагается, что мне нужно помочь ему, найти выход. И быстро.

— В промежуточном мире? Что это такое?

— Понятия не имею. Она сказала, что это что-то вроде места, где духи застревают, если не уходят туда, куда должны уходить. — Я разозлилась и заплакала. Мне нужна была помощь получше.

— Так как же мы вытащим его?

— Я не знаю, — в отчаянии повторила я. — Постараемся узнать, каким образом он мог потеряться?

Мы знали, что Сэм бродил в лабиринте прошлой ночью. Мне просто было нужно соединиться с чем-нибудь, что позволит мне увидеть момент, когда он... ушел. Что-то, подумала я, из его кровати. Я схватилась за ручку двери в морскую комнату и увидела, как другая рука схватила её раньше меня. Ниангу была здесь.

Она была стара и иссушена, как Сфинкс. С седыми волосами. Её кожа была морщинистой. Её глаза затуманились из-за катаракты. Но она не смогла бы меня увидеть, даже если бы не была слепой — я смотрела в прошлое, но я чувствовала, что она не смотрит в будущее.

Она разговаривала с пустотой.

— Сара, дитя. Я ждала, чтобы увидеть тебя ещё раз. Искала подходящий момент долгое время, но он никак не настаивал. Так что я верю, что ты увидишь меня здесь, прежде чем отправишься на поиски своего маленького брата. Как я сказала тебе когда-то, сейчас Дом Эмбер получил возможность отвечать при необходимости.

Я не ответила ей, так как знала, что она меня не услышит.

— Есть кое-что, что тебе нужно знать. — Её рука держалась за ручку, её пальцы одновременно прикасались и не прикасались к моим. — Ты должна найти шкатулку. Ты слышишь меня? Это необходимая вещь. — И она исчезла.

Глава 28

Я снова вернулась и держалась рукой за ручку на двери в комнату Сэмми. Пока я не

могла войти внутрь.

— Нанга сказала, что мне понадобится шкатулка.

— Она вернулась?

— Только намного старше. Лет на тридцать, наверное. Как будто... у неё было что добавить, что-то, что она выяснила после того, как мы разговаривали в моей комнате, и она должна была сказать мне это до того, как я отправлюсь за Сэмом.

— Какая шкатулка?

Я вспомнила ту ночь, когда Сэмми, как лунатик, пришел в мою комнату, и Сэмми в моем вчерашнем сне. Оба раза он искал шкатулку. Я, наконец, поняла и слишком поздно, что всё то время, пока мы были здесь, Сэм был вовлечен во что-то, чего я не видела. Потому что не уделяла ему достаточно внимания. Я была настолько увлечена собственной драмой, что мне даже в голову не пришло, что у Сэма тоже может быть этот «особенный» дар. Может быть, он у него даже сильнее, чем у меня. Может быть, это потому, что он тоже особенный.

Я была идиоткой. Я виновата в том, что случилось с Сэмми.

— Мне кажется... наверное, это шкатулка Мэтью. Сына Капитана. — Я описала Джексону шкатулку, используя руки, чтобы показать размер. — Последний раз я видела её в домике на дереве. Моя мама и Мэгги спрятали её там. Но когда мы смотрели на следующий день, её уже там не было.

— Кто-то забрал её.

— Должно быть, моя мама. После того, как Мэгги умерла. Но я понятия не имею, куда она её дела.

— Позвони ей. Спроси.

Я боялась спрашивать у мамы. Боялась, что она узнает, что мне известно больше, чем я должна знать. Что я... слышу дом. Что я втянулась во всё это. Пробудила его. Она не хотела оставаться, не осталась бы здесь, если бы не обманули её.

Я не хотела, чтобы она поняла, что это по моей вине Сэмми заблудился в Доме Эмбер.

Когда я подошла к телефону и поднесла трубку к своему уху, я снова скользнула в сопротивляющееся пространство и увидела другую руку на трубке — маму в юности. Другая рука нажимала кнопку отсоединения связи, которую она тихо, осторожно держала. Она собиралась подслушать разговор.

Я наклонилась ближе к её голове. Я слышала слова, звучащие из ресивера, тихие и дребезжащие, как шум насекомого.

— Состояние Маргарет не стабилизировалось. Нам пришлось вставить инкубационную трубку.

Доктор говорил о Мэгги.

— Когда она очнется? — Это была бабушка.

— Средняя продолжительность комы может длиться от нескольких дней, до нескольких недель. Пациент либо восстанавливается, прогрессирует в вегетативном состоянии, либо... умирает

— Она не умрет. — Тишина. — Скажите мне, что она не умрет.

— На данный момент, — сказал врач, — мы не можем быть уверены в степени неврологических повреждений, вызванных падением Маргарет. Судя по снимкам, я бы не сказал, что причиной её состояния является травма как таковая. Есть очень мало признаков кровоизлияния. Она не перенесла ничего сильнее, кроме кратковременной потери сознания. Нам нужно сделать больше тестов. Но... сейчас, — он, заколебавшись, повторил, — я не

могу сказать вам, что я ожидаю её выздоровления.

— Боже мой, — услышала я голос Иды, прежде чем мама тихо вернула трубку на место.

— Боже мой, — эхом повторила мама, прежде чем исчезнуть.

Мэгги впала в кому перед своей смертью. В кому, с которой они не смогли разобраться. Дом забрал и её тоже.

Внимательная медсестра на другом конце провода нашла мою маму в зале ожидания детской реанимации. Сэмми делали МРТ.

— Они нашли что-то? — спросила я.

— Ничего, — ответила мама безжизненным голосом. Она снова вернулась к событиям с Мэгги, подумала я. Снова вернулась к утрате, которая забрала с собой всё. — Твой отец сейчас с Сэмом, консультируется с другими врачами. Они ещё не знают, что с ним не так.

Я знала, что с ним было не так. Я тяжело выдохнула.

— Был один чертеж, — сказала я, — в морской комнате. Шкатулка с секретом. Мне нужно знать, где сейчас эта шкатулка

— Зачем? — голос мамы стал подозрительным.

— Сэм... хотел её. Мне нужно найти её для Сэма. — Слова, исходящие из моего рта, казались ненатуральными. Хотелось бы, чтобы я умела врать лучше.

Я почти слышала, как она думает, складывает вместе все кусочки.

— Что ты скрываешь, Сара? Чем вы с Сэмом занимались?

Должна ли я ей рассказывать? Может быть, она сможет помочь. Может быть...

Её голос стал жестким.

— Ты нужна мне здесь. Немедленно. Ты меня поняла?

— Мам, я...

— Немедленно. Скажи Розе, что тебе нужно сейчас ехать. Если ты не появишься здесь, в комнате ожидания, через тридцать пять минут, я звоню в полицию, чтобы они тебя привезли. Ты меня поняла? Я хочу, чтобы ты убралась из этого дома.

И я поняла, что не смогу сказать ничего, что убедило бы мою маму, что она движется не в том направлении. Если я заговорю о шкатулке, это только подстегнет её быстрее увезти меня отсюда. Единственное, что я могла, так это выиграть немного времени.

— Хорошо. Я в пути. Но... мне нужно несколько минут, чтобы переодеться, взять пару вещей.

— В таком случае, у тебя есть сорок пять минут. И потом ты мне нужна будешь здесь, нам с тобой необходимо поговорить. Ты должна будешь рассказать мне в деталях, чем вы с Сэмми занимались.

Я уже собиралась повесить трубку, когда мама снова заговорила.

— И я должна сказать тебе то, что собиралась сказать вам с Сэмом вместе, но ты должна знать. — Она прочистила горло. — Дом Эмбер продан.

— Продан?

— Женщине, с которой я была знакома в старшей школе. Она была на вечеринке. Я даже не поняла. Она сделала мне предложение, от которого я не смогла отказаться. Она предложила намного больше, чем этот дом стоит. Сара, Клэр Хэтэуэй, мама Ричарда, это та женщина, которая покупает Дом Эмбер.

Блондинка в маске, подумала я без всякой на то причины, но с абсолютной уверенностью. Почему мысль о том, что мама Ричарда станет хозяйкой Дома Эмбер, так

испугала меня? Бедный дом. Интересно, знал ли Ричард об этом. Горе с двойной силой охватило меня, лишило дыхания. Я готова была расплакаться.

— Ты ещё здесь? — я, должно быть, издала какой-то утвердительный звук, потому что она продолжила. — Она хочет его со всей мебелировкой, со всем, что есть, как только мы сможем закрыть сделку. Так что мы заберем личные вещи и на этом всё. Тем временем ты должна прибыть в больницу. Мне нужно идти. Твой отец вышел, чтобы поговорить со мной. — Я услышала щелчок на её конце провода.

Для этого не было времени. Я поднялась, вытирая слезы с уголков глаз, и повернулась к Джексону, придумывая план.

— У нас есть час, чтобы со всем разобраться. После этого, сюда прибудет полиция, чтобы доставить меня в Балтимор. И я не думаю, что когда-нибудь вернусь назад. Дом Эмбер продан.

Боль на его лице совпадала с моей собственной. Он выглядел так, как будто хотел задать вопрос или запротестовать. Но он просто кивнул.

— Сперва нам нужно вернуться в домик на дереве.

— Я была вполне уверена, что шкатулки там больше не было, но все-таки решила перепроверить. И посмотреть, смогу ли я вызвать видение и увидеть того, кто переместил её.

Когда я прикоснулась к дереву, чтобы забраться вверх, прошлое открылось. Появилась вспышка — женщина и ребенок позировали для фотографии. Фотографии из Дома Сердца подумала я. Я была достаточно близко, чтобы понять, что маленькая девочка, это совсем не девочка в белом. Они были очень похожи, — обе красивы и обе смешанной расы. Но маленькая девочка, дочка Маеве, — это не та маленькая девочка, которую я видела.

Для этого нет времени. Я вынырнула и начала подниматься. Я подняла паркетную доску, прежде чем Джексон успел просунуть голову в люк. Определенно её здесь нет, — сказала я. Я сконцентрировалась на прикосновении, пытаюсь отыскать нужный момент в прошлом. Но я ничего не видела.

Хотя. Кое-чего я не заметила раньше. Нитку бус, зажатую между краем доски и веткой. Я осторожно подняла сгнившую нить и увидела бусы такими, какими они были раньше — целые, сверкающие на полу домика на дереве, среди других детских сокровищ высыпавшихся из шкатулки Мэтью.

Женская рука подняла коробку. Затем другая рука начала яростно перебирать сокровища, бросая их в воздух. Я услышала всхлипывания.

— Так глупо, — сказала она. — Как приманка, чтобы заманить её сюда.

Бабушкин голос.

— Господи, — сказала, я, схватившись руками за голову. — Что она сделала со всем этим? Куда она могла её положить?

И потом меня осенило. В Доме Эмбер было лишь одно место, куда бы моя бабушка спрятала то, что причиняло ей столько боли.

— Она в сундуке, на чердаке.

Должно быть, он увидел, как что-то сжалось на моем лице, что-то, что выдало ужас, который я ощутила при мысли о том, чтобы вернуться к тому одинокому сундуку.

— Ты не должна идти туда, — сказал Джексон. — Я заберу её.

— Нет. Я могу увидеть что-то ещё, что-то, что может помочь. Я пойду.

Я спустилась с дерева и снова бросилась бежать. Время утекало. На площадке второго этажа Джексон схватил меня за руку и потащил меня в сторону восточного коридора.

— Так будет быстрее, — сказал он.

Возле стены с потайной панелью он остановился и нажал на неё ладонями. Я увидела, как напряглось его тело, голова слегка откинулась и вырвался рык. Затем он расслабился. Он уверенно потянул за литую ручку, которая щелкнула под его пальцами, и панельная стена открылась. Я поняла, что он только что видел будущее, увидел себя, как он это делает. У меня не было времени, чтобы задумываться над тем, как это работает.

— Тебе больно? — спросила я, забираясь внутрь.

— Не настолько, чтобы это имело значение, — ответил он. — Нельзя не нажимать слишком сильно. Нельзя зайти слишком далеко. Подожди секунду. — Он забежал в морскую комнату, поднял что-то с пола и вернулся через полминуты с фонариком Сэма. — Держи.

Когда я знала, к чему прислушиваться, я услышала всхлипывания, которые наполняли длинную комнату наверху в Доме Эмбер. Несмотря на то, что я сейчас очень торопилась, я тихо подошла к сундуку, чтобы не потревожить собравшуюся там печаль. Я опустилась на колени, чтобы открыть замок и появилась Фиона, вся в слезах, и моя бабушка тоже была в слезах и много других женщин, проливавших реки слез.

Деревянная шкатулка, которую я помнила с нашего последнего визита сюда, была похоронена под слоем вещей, которые мне пришлось сдвинуть. При прикосновении, горе столетий пронеслось перед моим взглядом: ребенок в гробу в голубой дымке; мужчина, кричащий, пока хирург отрезает ему ногу; женщина в ванной с розовой плитой, в луже крови, текущей из её порезанной руки. Я закрыла свои мысли от всего этого, заставляя себя увидеть настоящее. И вот она.

Шкатулка Мэтью.

Я открыла крышку, отчаянно желая найти что-то, что поможет мне спасти Сэмми. Но внутри шкатулка была пуста, за исключением зеркала под крышкой.

Я недоверчиво покачала головой. Здесь должно что-то быть. Здесь должно быть то, за чем послала меня Ниангу.

— Стоп, — вспомнив, сказал я. — это же шкатулка с секретом. — Я начала нажимать на стенки, пытаюсь определить фрагмент, который может сдвинуться.

— Дай я попробую, — сказал Джексон. Он осторожно осмотрел края, затем сильно нажал на заднюю часть боковой стороны. Вся панель сдвинулась вперед.

— Да! — сказала я. — Именно так он и делал! — Джексон по очереди убирал все части, пока полностью не открылся маленький потайной ящичек. Внутри лежала брошь с двумя переплетающимися прядями волос, спрятанных под стеклом с серебряной основой.

— Это любовный узел, — сказал Джексон. — Пряди волос двух влюбленных, связанные вместе. Своего рода знак привязанности.

Я поднесла её к глазам, чтобы рассмотреть. Слова были нацарапаны сзади. ЭННИ И МЭГГИ НАВСЕГДА.

И это то, что Ниангу хотела, чтобы я нашла?

Так это или нет, но у меня не было времени искать что-либо ещё. Осталось чуть меньше получаса. Я опустила любовный узел в основное отделение шкатулки и встала. Нужно двигаться дальше.

— Нам всё ещё нужно выяснить, каким образом Сэмми мог заблудиться, — сказала я. — Идем в морскую комнату. И... если я найду след, я не могу его потерять. Потому что у меня может не получиться найти его снова. Я не могу допустить, чтобы что-то нарушило мою концентрацию. Никакого шума, никакой мебели у меня на пути. Никаких закрытых

дверей. Ты можешь помочь?

— Я справлюсь с этим, — ответил он.

Я засунула шкатулку Мэтью в рюкзак Сэмми и просунула руку в одну из лямок. Затем я легла на причал в морской комнате и сжала в объятиях медведя. Я закрыла глаза и представила Сэмми, попытавшись вернуться туда, где он был прошлой ночью.

Я представила, как он лежит, свернувшись под одеялом, прижимая к груди Злобного Мишку. Я представила, как он тихо дышит, его глаза двигаются под веками, брови хмурятся из-за снов. И я слышала его голос.

— Никто?

Я открыла глаза в темноту эхо. Рядом со мной, не просыпаясь, Сэмми встал и пошел к двери. Я сделал то же самое, что и Сэмми в моем видении. Я смутно слышала, как Джексон следует по пятам за нами.

Он тихо прошел по коридору в своей мягкой пижаме. Его глаза были открыты, но я знала, что он не просыпался. Балансируя, он остановился на верхней ступеньке. Бесплезная и беспомощная, я беспокоилась за него, стоящего там, окруженного темнотой, на вершине длинной лестницы. Затем он пошел вниз.

Я проследовала за ним к восточному крылу и дальше, к двери в конце коридора. Сэмми открыл её и кажется, кого-то увидел.

— Никто, — снова сказал он и спрыгнул вниз, на каменную дорожку. Он пустился бежать, как будто его кто-то преследовал, в сторону входа в лабиринт.

Мы бежали по коридорам из листьев, наполненными светом и тенями, отбрасываемыми полной луной, которая светила прошлой ночью. Ткань на ногах от пижамы Сэма намочила от росы, оставшейся после дождя, но он не проснулся и продолжал бежать дальше. Даже во сне он знал, как найти путь к центру лабиринта.

Он остановился в конце последнего коридора, где изгородь открывалась вокруг кованой беседки. Когда я встала рядом с ним, он снова устремился вперед, к мраморным ступенькам, где он опустился на колени и потянулся за чем-то.

Сэм стоял, держа вещь перед собой, затем всмотрелся вглубь беседки. Он прошел пару шагов, его ладонь растопырилась, как будто он собирался взять за руку кого-то, кто был выше его. Затем он рухнул, как марионетка, ниточки которой внезапно обрезали.

— Сэмми, — вскричала я и, подбежав к нему, опустилась на колени, не имея возможности прикоснуться к его маленькому телу, упавшему здесь накануне ночью.

Он кого-то видел. Он поднял какой-то предмет и это вызвало видение человека, который предложил ему руку. Кто же это мог быть? Мог ли дар Сэма отличаться от моего? И человек, которого он видел... может это кто-то, кто мог видеть будущее?

Я должна увидеть то, что видел Сэмми.

Я мельком видела это в видении прошлой ночи, золотой блеск на полу беседки, недалеко от того места, где лежал Сэмми. Это была моя маска с вечеринки. Я потянулась за ней, но почувствовала лишь холодные мраморные плиты. Я могла видеть её перед собой, но в том времени, где находилось мое тело, маска была где-то ещё.

Мои глаза ослепил яркий дневной свет. Я моргнула. Я была в беседке, и Джексон присел рядом со мной.

— Сэм прикоснулся к моей маске и затем, кажется, увидел кого-то, — сказала я ему. — Он протянул руку, как будто собирался дотронуться до кого-то. Мне нужно найти...

— Маску. — Он уже нашел её там, где она лежала. Протянул её мне.

— Я не понимаю, как такое возможно, — сказала я ему. Я не могла прикоснуться ни к чему в моем видении. Как он мог взять кого-то за руку?

Он на миг задумался.

— Сэмми был лунатиком. Спал.

Он прикоснулся к кому-то во сне? Он прикоснулся... и упал. Я всё поняла. Наконец-то я разобралась. Прикосновение было причиной того, что он потерялся. Нет. Прикосновение было причиной того, что его забрали. Кто-то уговорил его спящий дух покинуть его тело.

— Боже, мой, — сказала я, тряхнув головой. — Как же мне отправиться следом за ним?

— Та игра, в которую вы играете — Горячо-Холодно — ты же не прикасаешься к его телу, Сара. Ты ощущаешь его дух. Этот дух всё ещё здесь, в ловушке Дома Эмбер. Ты найдешь его, — сказал Джексон. — Всегда находишь.

Я кивнула, проглотив свои сомнения, как комок в горле. Затем я взяла маску из его рук и закрыла свои глаза от солнечного света.

И открыла их для сумерек. В зелёных стенах вокруг меня шумели сверчки и лягушки, глициния была в полном цветении, а живая изгородь доставала мне примерно до плеч. Это было время, когда лабиринт был всё ещё молод. Я огляделась вокруг, но Сэмми не увидела.

Вот только... я снова могла чувствовать его. Он был здесь. Он был близко. Я чувствовала его жар, мне просто было нужно сконцентрироваться.

Молодая женщина вышла из лабиринта, темноволосая, в зотолисто-серебряном платье. Дейдрре. У неё на лице была моя золотая маска. На мужчине, который шел следом за ней был фрак, отделанный золотой тесьмой — военная форма. Высокий, светловолосый, голубоглазый, с полными губами и слегка искривленным носом. Капитан, такой молодой, каким я его никогда не видела. Он казался внимательным и флиртующим, но также отстраненным, как будто бы он танцевал и восхищался собственными шагами. Я ненавидела его. Он наклонился и пробормотал что-то девушке на ухо, затем протянул руку и сорвал с неё маску.

Ей было лет шестнадцать, красotka с кожей цвета слоновой кости. Она смотрела на него с застенчивым желанием. Он запустил пальцы в её волосы, и прикоснулся губами к её губам.

Мое внимание привлекло движение. Маленькая девочка в белом платье спускалась через люк в недавно построенной беседке. Это была не та, кого я ожидала, — это не была моя девочка в белом. У этого ребенка была бледная кожа и голубые глаза. И черты моей мамы.

— Мэгги, — произнесла я.

Она посмотрела на меня. Она посмотрела прямо на меня. Это не было похоже на Ниангу, которая смотрела в будущее, в то время как я смотрела в прошлое, или даже на Фиону, догадавшуюся о моем присутствии. Мэгги из будущего был здесь в точности, как и я. Так каким же образом она могла меня видеть. Или я её?

Казалось, был единственный возможный ответ. Хотя её тело давным-давно умерло, её дух всё ещё бродил по Дому Эмбер. И из-за того, что она попала в тот же момент прошлого, что и я, её дух каким-то образом был в курсе моего присутствия. Также как и я знала о ней.

Если это было правдой, то, когда Сэм пришел сюда прошлой ночью, какая-то другая женщина из Дома Эмбер могла тоже оказаться здесь. Могла увидеть его. И забрать.

Я усиленно соображала. Почему Мэгги здесь? Какое безумное совпадение перенесло её

сюда в тот же момент, как и Сэма и его... похитителя душ? И я поняла, что это не было совпадением. Мэгги привела сюда Сэма. Что он там говорил во сне, когда вставал с постели? Он сказал «Никто»? Может быть, он так её называл. Своего воображаемого друга, который играл с ним в прятки и показывался в зеркалах по всему дому. Никто. Я меня по коже побежали мурашки.

Мэгги умышленно привела сюда Сэма. Но зачем? Кто бы это ни был, но Мэгги не могла быть тем человеком, который увел его. Сэм потянулся, чтобы взяться за невидимую руку.

У меня не было ни малейших мыслей о том, что же здесь происходило, но мне казалось, что я должна поговорить с Мэгги. Если такое вообще возможно.

И именно в этот момент она поманила меня за собой. И спрыгнула в дыру, к сердцу лабиринта.

Глава 29

— Мэгги! Стой, — закричала я, побежав вслед за ней. Я перекинула ногу на ступеньку и опустилась позади неё.

Часть меня удивилась, как мне это удалось, пройти через дверь в моем видении, которая не была открыта в настоящем. Потом я поняла, что Джексон делает то, что обещал — создает мне условия для того, чтобы я оставалась в видении. Он, должно быть, предвидел то, что мне нужно будет спуститься в люк, и открыл его. Я благословила его и задумалась, чего это ему стоило, но я сфокусировалась на преследовании Мэгги. Мэгги, которая определенно хотела, чтобы я следовала за ней. Мэгги, которая двигалась по направлению к той теплой энергии, что влекла меня.

Она исчезла в темноте, когда я оказалась внизу. Я бы хотела, чтобы здесь был свет, но знала, что мне придется обойтись без него. Туннель был прямым, а его пол достаточно ровным. Я заставила себя двигаться, прикасаясь рукавом своей рубашки к стенам, чтобы иметь возможность продвигаться. Я снова услышала, как Джексон следует за мной.

Моя рука наткнулась на дерево. Я добралась до двери в Дом Сердца. Она была открыта. Я слепо вошла внутрь, держа руки прямо, боясь, что могу наткнуться на что-нибудь. Дверь в комнату отца была приоткрыта, из неё шел слабый свет. Прижав руки к груди, я вошла туда.

Мэгги была там, держа в руках свечу и смотрела на меня. Может быть, даже ждала меня. Она повернулась и нажала на скрытую панель, открыв проход, который я раньше никогда не видела. Она вошла внутрь, с ней вошел и свет.

— Нет, — простонала я. — Ещё одна потайная дверь, — ещё одна, которую нельзя открыть в моем времени. Но затем, я вспомнила про Джексона. — Рычаг находится футов на пять вверх, возле центра стены. — И я услышала, издали, щелчок, треск. Я почувствовала, услышала запах, волна спертого воздуха окатила меня. Проход был открыт.

Тьма, окутавшая меня, была холодной и безликой; черный проход был мерзким, я не хотела входить туда. Но Сэмми был там, на другом конце. Я поставила правую ногу на ступеньку, пробуя её ширину. Затем сделала шаг вперёд. Поставила обе ноги на первую ступеньку, затем повторила процесс и спустилась на вторую.

Я чувствовала — на своем лице, на руках — мягкие, тоненькие нити, которые становились всё гуще с каждым новым шагом. Казалось, все пауки Дома Эмбер сделали всё возможное, чтобы закрыть и скрыть этот проход. Хорошие матери, подумала я. От моего виска к щеке пробежали маленькие ножки. Но я не закричала. Я следовала за тоненькой нитью моей связи с Сэмми всё дальше и дальше.

Более чем через дюжину шагов вверх, моя голова ударилась о дерево. Я ждала, боясь прикоснуться к нему руками, держась за свои чувства к Сэмми, думая и не думая о Джексоне. Я отказывалась слышать приглушенные звуки движения позади меня. Но когда меня окатила волна свежего воздуха, я снова начала двигаться вперёд, в уборную в кухне Дома Эмбер, её дверь открылась к свету огня в сердце того времени, в котором я оказалась.

Какая-то часть меня, физическая часть ощущала налипший на меня покров из паутины. Я посмотрела на свои руки и увидела, что они чистые, но при этом я чувствовала, что они липкие от паучьего шелка. Я пробежалась руками по лицу и волосам, одновременно чувствуя и не чувствуя серые нити, свисающие с них, которые я сгребала своими пальцами. Я не увидела паука, который пробежался от запястья до ладони и вонзил клыки в её центр, боль расцвела на моей руке. Я лишь стряхнула его и продолжила идти.

Через столовую и в дверь. Я чувствовала сердцем свой путь и знала, что нужно подняться по лестнице. Я посмотрела наверх и Мэгги была там, оглядывалась на меня. Она развернулась и побежала.

На полдороге вверх по лестнице, мое внимание отвлекла тревожная пустота справа от меня — там висело зеркало. Я увидела свое отражение, задрапированное в паутину, стоящее в тени освещённого коридора, Джексон был позади, его лицо искажилось от беспокойства, руки были слегка приподняты, как будто он хотел помочь. Мое зрение наполнилось солнечным светом, я потеряла связь.

Я зажмурилась и снова сконцентрировалась на Сэме. Я ждала растущей теплоты, отвернув свое лицо от зеркала, Когда я открыла глаза, я снова вернулась в тени давно прошедшего вечера.

И я чувствовала Сэма, становилось горячо. Он был наверху.

На площадке второго этажа, я увидела движение в портале восточного крыла. Кто-то стоял там, наблюдал за мной. Я чувствовала её присутствие, как ледяную статую, как холодную ярость. Я попятилась на два шага, затем повернулась и побежала дальше по лестнице.

Тьма скрывала узкие ступеньки на самом верху. Когда я добралась до последней площадки, из приоткрытой двери в конце коридора показался свет. Я проскользнула внутрь.

Большое чердачное помещение, которое в мое время было пыльным и захлавленным, в этом времени было у детской, пустой и заброшенной. У дальнего окна стояло два пустых каркаса от кроватей; два детских стульчика стояли посреди комнаты перед простым сундуком из нешлифованного дерева. Остальное пространство пустовало.

На этих стульчиках сидели Сэмми и Мэгги и оба посмотрели на меня, когда я вошла.

— Привет, — сказал Сэм и Мэгги повторила:

— Привет.

— Сэм? — позвала я.

— Сэм — это мой мишка, — ответил мне мой брат. — Ему пять лет. А ты кто?

Кто я? Про себя повторила я, ощутив холодок.

— Я — Сара, Сэмми. Разве ты не помнишь?

— Сара? — Сэмми рассмеялся. — Мою сестру тоже зовут Сара. — Он махнул рукой в сторону Мэгги.

— Тоже Сара, — кивнула Мэгги.

— Ты — Сара? — с недоумением повторила я.

— Ты видела мои игрушки? — спросил Сэм, спрыгивая, чтобы забежать по комнате, показывая. — Это моя лошадка. А это мой кораблик. А это мой тигр.

Казалось, он не замечал того, что каждое место, на которое он указывал, было пустым.

Я напредила себе, что он спит, видит сон. Правда в том, что он был в том же прошлом, что и я, иначе как ещё я могла разговаривать с ним. Но он пришел сюда во сне и во сне он и оставался. И этот его сон не имел никаких связей с реальностью. Там, где я видела заброшенную детскую, он видел комнату полную несуществующих игрушек. Мне стало интересно, видела ли их и Мэгги.

— У тебя чудесные игрушки, — сказала я ему. — Как тебя зовут?

— Меня зовут Мэтью.

Мэтью. Чьей сестрой была Сара. Сэмми снилось, что он кто-то другой, в точности как я видела себя на месте Сорчи, Фионы и Сары-Луизы.

Мне необходимо разбудить Сэмми. Нужно заставить его вспомнить, кто он такой, заставить его вспомнить реальный мир. Но я не могла даже прикоснуться к нему. Как же мне его разбудить?

Я смутно ощущала, как Джексон смотрит на меня, и чувствовала благодарность за это его присутствие. Но потом я снова вернулась к детям.

— Как ты здесь оказалась? — спросила я у Мэгги.

Она пожала плечами, в поисках собственных слов.

— Мама забрала меня, — сказала она.

Мама. Дейдрре. Она забрала Мэгги в смерть, подумала я и затем до меня дошло: Персефона. Мэгги ушла в подземный мир, чтобы никогда не вернуться оттуда.

Как такое могло произойти? Каким-то образом, Мэгги упала с дерева, потеряла сознание — её спящий дух путешествовал в прошлом, как Сэм и как я несколько раз. Затем её дух попал здесь в ловушку, не имея возможности вернуться назад в свое тело, назад к жизни. Из-за этого её тело умерло.

И сейчас то же самое происходит с Сэмом.

И «мама», Дейдрре, сделала это. Дейдрре, женщина, которая сошла с ума после потери её детей. Я вспомнила, что она провела последние недели своей жизни, почти не просыпаясь, не смотря на то, что Сара-Луиза изо всех сил пыталась её разбудить. Может быть, спящий дух Дейдрре наткнулся на Мэгги и каким-то образом увлек её в свои безумные видения. Затем она начала искать и Мэтью. Чтобы воссоединиться с обоими своими детьми. И она нашла Сэмми в момент своего первого поцелуя.

Мне нужно было забрать Сэма отсюда. Необходимо разбудить его прежде, чем с ним случится то же самое, что и с Мэгги.

— А ваша мама разрешает вам выходить? — спросила я у Мэгги.

— Нет, — ответил Сэм. — Мы никогда не выходим отсюда. Там не хорошо. Там всякие темные создания. И пауки.

— Пауки, — повторила Мэгги.

— Мама закрывает все замки, — сказал Сэм.

— Не все, — сказала Мэгги.

Нет, не все, подумала я. Только не потайную дверь, которая ведет в Дом Сердца. Которую нашла Мэгги. Умная девочка. Вот как она путешествует по прошлому, подумала я, так она встретила Сэма, и стала Персефой Фионы.

— Ты искала кого-то, кто бы мог помочь, — сказала я ей.

Она кивнула, её глаза наполнились болью.

— Кого-то, кто может помочь.

— Кого?

Она пожала плечами и тряхнула головой.

— Кого-то, — сказала она.

Никого, кого она могла бы вспомнить, с тоской подумала я. Но может быть, она искала свою любимую старшую сестру. Которая больше не могла бродить по тем же путям.

Тут заговорил Сэм, его голос был немного злым.

— Нам не нужна помощь. Мама дает нам всё, что нужно. — Он просветлел, подумав о чем-то. — Хочешь увидеть самое интересное? — Он рванулся вперед, чтобы остановиться прямо передо мной, и указал на что-то невидимое, стоящее на уровне груди. Он сделал движение, напоминающее поворот ключа. — Видишь? — спросил он. — Карусель! С мелодией. — И начал что-то напевать.

Я закрыла глаза и постаралась услышать через слух Сэмми, увидеть его глазами. Попыталась представить карусель, установленными на ней животными, которые кружились по кругу, пока изнутри лилась мелодия.

Когда я открыла глаза, я почти увидела воображаемую детскую Дейдрдре, как проблески на периферийном зрении. Зоопарк, с животными, запертыми в клетках. Лошадку-качалку, разрисованную вручную. Модель трехмачтового корабля. Игрушки и мячики, и книги, и головоломки всех форм и размеров.

Голые стены, на границах моего зрения, стали уютными, благодаря стенам, задрапированным в ткань, красно-желто-белым рисунком. Плетеный коврик утеплял пол, а посреди комнаты стоял стол, накрытый скатертью. Воображаемая детская, украшенная с безумным великолепием для двух детей, которые попали сюда в своих снах и теперь не могли проснуться.

И в центре всего этого находилась китайская карусель, играющая мелодию, которую я очень хорошо знала. Мелодия из шести нот, которую Сэмми напевал с тех пор, как начал говорить. Как такое возможно?

Мне стало холодно под ложечкой.

— Это прекрасно, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно.

— Спасибо тебе, — жизнерадостно ответил он.

— Всегда пожалуйста, — ответила я в стиле нашей старой шутки, наклонив голову, чтобы поймать его взгляд. Он быстро посмотрел на меня, между его бровями пролегла крошечная бороздка.

Издали, как будто через эхо в туннеле, я услышала стук молотка о входную дверь в Доме Эмбер. Должно быть это полиция. У меня вышло время. Детская ускользнула и темнота скрыла края комнаты.

Я сфокусировалась на Сэмми. Я держалась за него. Музыка прекратилась, тени были пусты, но я всё ещё была там. И Сэмми был рядом.

— Я должна скоро уходить, — сказала я ему.

— Это плохо, — сказал он.

— Я хочу, чтобы ты пошел со мной.

— Хочу уйти, — тихо сказала Мэгги.

— Нет, — сказал Сэм. — Я не могу выйти.

— Смотри на меня, дружок. — Я опустила на пол, где мир был тверже, и я могла

смотреть Сэмми в глаза. — Я твоя сестра. Сара.

— Я так не думаю, — сказал он. — Я уверен, что я бы помнил это.

— Ты должен всё вспомнить, Сэмми. — Я протянула к нему руку. И одернула саму себя.

Мои пальцы прошли сквозь него, но не могли к нему дотронуться. — Сэммиус, — умоляюще произнесла я. — Сэм, дружок.

Тут он заколебался.

— Нет! — выкрикнул он.

Моя ладонь болела, боль просачивалась на всю руку. Джексон говорил, что добрая матушка была ядовитой. Я устала, очень устала. Я опустила рюкзак Сэма. И вспомнила, что там находится — необходимая вещь.

Я открыла рюкзак и вытащила шкатулку Мэтью. Открыла крышку. И увидела саму себя, сидящую на пустом чердаке. Зеркало покажет тебе правду, давным-давно сказала мне Нанга.

Едва ли я смогу увидеть Сэмми снова. Мальчик из дыма. Я закрыла глаза и постаралась почувствовать его. Теплее, теплее. Я повернула зеркало в его сторону, представляя его там, смотрящим в зазеркалье Мэтью. Утвердив эту мысль в своем сознании, я попыталась удержать обе эти вещи — Сэма и зеркало.

— Я принесла твою шкатулку. Разве не её ты искал? Ты можешь видеть её? — Я с усилием открыла глаза, он был там.

Он посмотрел на предмет у меня в руках. В его взгляде появилось беспокойство. Но присмотрелся.

— Я не отражаюсь в зеркале.

Я устало кивнула.

— Потому что по-настоящему тебя здесь нет, дружок. Ты спишь. Тебе нужно проснуться.

— В зеркале темно.

— Я пришла, чтобы найти тебя, Сэм.

Он посмотрел на меня, затем прошептал.

— Ты — мой Джек.

Дверь открылась. За моей спиной повеяло холодом. Я повернула голову, чтобы посмотреть, что там. Это была женщина с чердака — безумная Дейдрре — одетая в мешковатую рубашку, её спутанные волосы были седыми.

— Тебя здесь быть не должно, — испуганно сказала она. — Кто ты?

— Я — Сара. — Я сделала жест рукой в сторону Сэма. — Он не... твой сын.

— Как ты смеешь говорить, что я не узнаю своего сына? — возмущенно спросила она. — Мой муж послал тебя? Он всё ещё пытается запутать меня.

Я устала, подумала я. Мне нужно поспать.

Она подошла ближе и посмотрела прямо на меня. Я не знаю, почему она меня пугала. Сейчас она выглядела славной. Красивой. И доброй.

— Приляг ненадолго, — ласково произнесла она.

Я забылась. Я повернулась к своему брату. Он исчезал в темноте.

— Сэм? — проговорила я.

Наверное, он ответил.

— Я должен идти.

— Мэтти? — закричала Дейдрре, страх вернулся в её голос. Она протянула к нему руки.

— Нет, — ответил мой младший братишка. Часть меня улыбнулась. Всё хорошо, Сэмми.

Смутно я увидела, как он идет в сторону двери в своей пижаме.

— Пошли, Сара, — сказал он. Затем он исчез.

Мэгги всё ещё была здесь. Из её глаз капали слезы. *Персефона*, снова подумала я. Я почувствовала досаду. Я хотела спать.

— В зеркале темно, — повторила она. Тени сгустились вокруг неё, скрывая. Мэгги, которую я никогда не знала, её дух был пойман здесь в ловушку ещё до того, как я родилась.

Я вспомнила вещь внутри шкапулки, которую Нанга послала меня найти. Брошь с любовным узлом. Я могла сделать эту последнюю вещь. Я вытащила её из своего кармана и положила на сундук передо мной. Может быть, я увидела, как Мэгги смотрит на неё. Может быть я увидела, как её губы шепчут «Энни».

Тьма нарастала. Комната кружилась, превращаясь в торнадо. Призрачная девочка поднялась с пола и пошла к двери, где остановилась, чтобы посмотреть на меня. Затем она тоже исчезла.

— Он не был Мэтью; а она не была Сарой, — полным скорби голосом проговорила леди.

— Я — Сара, — сказала я, опуская голову на плетёный ковер в красно-бело-желтой комнате.

Прекрасная леди опустилась на колени рядом со мной, прикоснулась к моей щеке.

— Сара, — сказала она, как будто видела меня впервые. — Сара-Луиза.

Когда-то, — тупо подумала я, — я была Сарой-Луизой. Но это был сон, ведь так? Ещё один человек, которому нужно проснуться, поняла я с пугающим нежеланием. Я готова была разрыдаться. Мой язык вяло шевелился. — Я не, — проговорила я, — ваша дочь.

— Моя дочь, — мягко сказала леди, её прикосновение к моей голове было легким. Я не могла вспомнить, чтобы кто-нибудь так раньше так до меня дотрагивался. Так сладко. Так нежно. Прикосновение доброй матушки...

— Нет! — попыталась прокричать я, но это был лишь шепот. Было больно говорить, слезы катились из моих глаз. Но я должна попытаться. — Не... дочь. — Что там было ещё? Ах да. — Вы. Спите.

— Сплю? — Она непонимающе посмотрела на меня. Глупая женщина.

— Просто сон. — Я хотела просто спать. Соль моих слёз коснулась губ. Что-то настоящее. Я снова дернула головой. — Сара-Луиза. Держит вас за руку. Вы её чувствуете?

— Я чувствую тебя, моя сладкая девочка, — сказала она.

— Проснитесь, — прорычала я. У меня едва оставался воздух для следующих слов. — Вы ей нужны. Она боится. Капитана.

— Я боюсь Капитана.

— Нужно. Помочь ей. — Разбудить её! — Ей нужна. Её мать.

— Ей нужна её добрая матушка, — повторила она. — Да. — И тут в её глазах наконец-то появилось понимание. — Боже мой. Что же я наделала? Я заставила себя забыть, но она не должна... оставаться с ним одна. — Ты в точности, как моя Сара. Мне жаль тебя. Но я должна идти. — Она посмотрела в сторону двери. — Я нужна Саре-Луизе. — Её слова улетали, как эхо. И я больше не видела её.

Я знала, что лежу на пыльном полу чердака. Я не чувствовала собственного тела и холод просочился в мою голову. Мелькнула равнодушная мысль.

— Это сон, после которого ты не проснешься... если твой дух улетит, ты навечно останешься здесь.

Затем эта мысль ускользнула из моего разума, и я не могла вернуть её назад. Всё, что находилось в моей голове, — образы, плоские и сжатые, — как будто унесло ураганом, и я не могла вернуть ни один из них.

Начали наступать стены, свет становился всё более тусклым и скрывался за дверью слишком маленькой, чтобы пройти через неё. Я сжалась и вслушивалась в вой бури за границами этой крошечной комнаты. Темнота внутри меня заполнила всё пространство. Стены сжимались. Потолок нависал над моей головой. Дом Эмбер наваливался на меня. Время пришло.

Пора уходить.

Рука — большая, теплая, сильная, крепкая — взяла мою и рванула меня на ноги, в кольцо его объятий.

Я посмотрела в его зелёные глаза. Мы были связаны, он и я, ведь так? Я чувствовала это. Течение, как дыхание плыло между нами, когда мы встретились в этом месте, в последнем месте, которое когда-либо могло быть. Мы стояли в центре, а шторм бушевал вокруг. Я проговорила

— Джексон...

— ...Джексон. — Маленький мальчик с зелеными глазами. Автомобиль скользит по дороге, визжат шины, кричит женщина, её пальцы отчаянно пытаются разжать ремень. Огонь наполняет мир...

Затем боль, жгучая боль, ослепляющая боль. Я обмякла, удерживаемая им... мальчиком с зелеными глазами.

— Шшш, шшш, — успокаивал он меня, его рука со шрамами обнимала меня. Я чувствовала прикосновение тысяч других времен, других возможностей, неудержимо притягивающих меня, и он был единственной постоянной вещью, оставшейся в мире. Он гладил меня по волосам своими длинными пальцами хирурга. — Не ускользай от меня, — сказал он. — Остайся со мной. Проснись.

— Проснись.

— Мама только что открыла глаза, просто открыла, Нанга. — Сара-Луиза сжимала в объятиях Ниангу, которая слепо смотрела на меня. Я чувствовала, как она ищет.

— Ты слышишь меня, Сара, девочка? Это возможно. Ты должна вспомнить...

— ...Ты должна вспомнить, — сказала бабушка, засовывая янтарь в отверстие под лапой медведя. Затем она снова зашивает его. Она наклонилась, чтобы посмотреть в глаза Сэмми, и сказала ему. — Нанга сказала, что ты будешь единственной, кто не забудет. Скажи ей...

— Ты изменила вещи один раз, сможешь изменить снова, это воз...

— ...можно, — закончил мальчик, всё ещё удерживая меня. Его странные зелёные глаза были наполнены такой надеждой, что это было больно. — Я тоже это вижу. Я вижу, что ты видишь, Сара. Мы просто должны помнить...

— ...должны помнить, — сказала моя безумная пра-прабабушка, кладя перевернутый Мир¹¹ на накрытый скатертью стол, — что когда карта перевернута, как сейчас, то это значит, что события ещё не пришли к своему завершению. — Маленькая девочка с зелёными глазами и медового цвета кожей стояла рядом с ней и смотрела на меня.

— Но их необходимо завершить, — закончила Фиона. — Она смотрела на меня, её лицо

закрыли тени, но глаза были странно яркими. Я видела в них жалость. — Ты...

— ...Ты спишь, Сара? Сара? Детка? Проснись.

Эпилог

В ушах чувствовалась пустота, как будто шум должен быть, но его там не было. Только птичья трель. Умиротворяющий звук. Я лежала на траве под старым дубом, и кто-то осторожно похлопывал меня по руке. Я почувствовала, как легкие наполняет воздух, как будто раньше я не могла дышать, а теперь могу. Было слегка больно.

Я посмотрела вверх, лицо скрывало солнце, светившее в спину, — затемненное лицо в ореоле света. Так похожее на лицо моей мамы, но мягче, проще.

— Мэгги, — произнесла я, вспомнив, где я нахожусь и зачем. — Мама послала тебя за мной?

— Да, — сказала моя тетя. — Твоя мама послала меня.

— Уже пора?

— Да, — снова согласилась она. — Уже пора.

— Тогда, наверное, нам лучше пойти. — Я взяла Мэгги за руку. Я потянулась, чтобы прикоснуться к броши на её воротнике, которую она никогда не снимала: любовный узел, который они с мамой сделали, когда были детьми. Однажды, она едва не умерла; после падения она впала в кому, а когда проснулась, то попросила эту брошь, и с тех пор носила её всё время.

— Твоя счастливая булавка, — сказала я.

— Да, — ответила она. — Очень счастливая.

Мы стояли на холме, за чугунной оградой внутри семейного кладбища. Был поздний октябрь, приближалась зима, воздух становился морозным, с деревьев начали опадать листья, укладываясь влажным покрывалом у корней.

Мы собрались возле открытой могилы, как стая скворцов. Священник пел торжественным голосом. Мой младший братишка, Сэмми сам с собой играл в прятки среди надгробий, только он и Злобный Мишка. Все остальные казались замороженными, включая мою маму.

Папа взял её за руку и сжал её. Должно быть, это хорошо, подумала я в сотый раз, так сильно кого-то любить.

За забором, в отдалении стояли Роза и Джексон. Когда я посмотрела на них, Джексон отвернулся, как будто его застали за подглядыванием. Ещё выше на холме, чуть в отдалении от остальной группы, стояло семейное трио, все высокие и светловолосые, отец, мать и сын. Я заметила, как несколько скорбящих тайком указывали на них. Это были старые друзья моей мамы, Сенатор и миссис Хэтэуэй и их сын, Ричард.

— И будет время для всего под солнцем, — голос священника поднялся на заключительной ноте... — время для смеха и для танцев. Я верю, что даже сейчас, Ида танцует в лунном свете в объятиях своего любимого Марка.

Я посмотрела вдаль, за кладбище, через поля и деревья на дом моей семьи, дом, притаившийся за густой границей сада. Порыв ветра сдул волосы на лицо, зашептал мне в ухо. Я услышала эхо голосов, возможно, долетающих с каких-то лодок на реке.

Казалось, мы с Сэмми были единственными, кто слышит голоса.

Поток спустился с холма к дому, где Роза приготовила обед. Я была одной из последних, вошедших в двери. У меня болела голова с тех пор, как Мэгги разбудила меня,

боль была тупой, доводившей до оцепенения.

Дом был битком набит людьми, многие уже держали в руках тарелки с едой. Они тихо беседовали, разбившись на маленькие группы, как я предположила, о моей бабушке. Она была заметной фигурой здесь. Участвовала в деятельности церкви, сообщества. Организовала сбор средств для исследований функций мозга и неврологических отклонений.

Даже со всеми этими людьми, дом казался пустым без неё. Впервые за всё время, я чувствовала все эти пустые пространства. Впервые я ощутила высокие потолки, длинные коридоры, пустые комнаты, казалось, они ловили звуки и удерживали их там, в тусклом эхо.

Наверное, это всё просто головная боль.

Я нашла маму в маленьком зале справа от лестницы. Она в одиночестве сидела на диване, на коленях стояла нетронутая тарелка с едой. Она сделала мне знак сесть рядом с ней.

— Где папа? — спросила я.

— Помогает миссис Виппл с её машиной.

— А почему закрыты все зеркала? По всему дому.

— Должно быть это сделала Роза, — ответила мама. — Южное суеверие. Чтобы помочь духу бабушки перейти на другую сторону. — Она сделала глубокий вдох. Я накрыла её руку своей. — Она прожила хорошую жизнь, как ты думаешь? — спросила она. — Это случилось так неожиданно, понимаешь? Удар. И всё. Я никогда такого не ожидала.

— Да, — сказала я.

— Но сегодня я проснулась и было такое чувство, что это не было неожиданностью. Как будто... я давно об этом знала... — Её голос слегка надломился, но она успокоилась, — Я рада, ну, что мы смогли отпраздновать твой День Рождения до того, как мы все узнали.

— Да, — сказала я. — Я тоже.

Она потерла свой висок ладонью.

— У меня жутко болит голова. Ты не могла бы принести мне аспирин, детка? Пожалуйста?

Я продиралась сквозь толпу, пробивая себе дорогу к вращающейся двери в конце коридора. Я добралась до кухни.

Роза повернулась и уставилась на меня.

— Ой, — сказала я, — Простите. — У меня в ушах звенело, и я была слегка сбита с толку.

— Что-то не так? — спросила Роза.

— Нет, хм... Я... Разве Джексон не должен быть здесь?

Понятия не имею, почему я так сказала. Очевидно, что Роза тоже ничего не поняла.

— Ты что-то хотела? Может быть перекусить?

— Я бы убила за вишневую колу.

Она подошла к холодильнику и порылась в его содержимом. Я подошла к узкому шкафчику, в котором бабушка хранила аспирин.

— Ты плохо себя чувствуешь? — спросила Роза, заметив таблетки, когда передавала мне напиток.

— У мамы болит голова.

— Кажется, это сегодня со всеми происходит.

— Точно, — сказала я. — Спасибо за содовую.

— Мне нужно вернуться туда, убрать часть тех тарелок. Крошки будут повсюду. У нас...

— ...под диванами появятся тараканы, — закончила я. Она уставилась на меня. — Простите, — снова сказала я, — я не собиралась заканчивать за вас ваше предложение.

— Не забудь стакан с водой, — сказала Роза, подозрительно осматривая меня.

— Что?

— Для твоей мамы.

— Точно, — сказала я.

После того, как я отнесла маме аспирин, я пошла на поиски Сэмми. Я нашла его там, где, как я знала, он должен был быть — в морской комнате наверху. Он жил здесь каждый раз, когда мы приезжали сюда.

Сэмми сидел за столом, во вращающемся кресле, и медленно крутился в нем. Он вопросительно посмотрел на меня.

— С тобой всё хорошо, дружок? — спросила я.

— Болит голова, — в конце концов, ответил он, — но я в порядке.

— Хорошо, — сказала я. — Думаю, тогда я пойду вниз. — Я повернулась, чтобы уйти.

— Сейчас лучше, чем было раньше, — сказал он.

— Лучше? — повторила я. — А что лучше, дружок?

— Вещи, — ответил он. В этом был весь Сем. Мастер конкретики. — Я должен тебе кое-что отдать, Сара. Кое-что, что я нашел.

— А что ты нашел, Сэммиус?

Он вытащил Злобного Мишку и пальцы в дырку под лапой игрушки. Он потянул за конец цепочки, которую он выудил из отверстия. Кулон на другом конце выскочил из дырки.

Сокровище, глупо подумала я.

— Что это? — спросила я у него.

Он вложил его в мою руку. Это был гладкий камень, желто-оранжевый и полупрозрачный. Янтарь. И внутри него находился паук с длинными, тонкими лапками. По моей коже пробежали мурашки. Я всегда ненавидела пауков.

— Он ядовитый. Укус никогда не проходит даром.

— Я знаю, Сара.

— Он восхитительный, — сказала я.

— Всегда пожалуйста, — кивнув ответил он.

— Точно, спасибо, дружок. — Я одела его на шею. И тут мне показалось, что я должна увидеть кого-то ещё, сказать что-то. — Мне нужно идти, Сэм, хорошо? Мне нужно найти... Джексона.

Он оценивающе осмотрел меня.

— Ага, — сказал он. — Тебе нужно найти Джексона.

Я вышла на улицу. Пошла к конюшням и заглянула внутрь. Лошади тихо ржали. Я побродила по передней лужайке и в садах. Спустилась вниз по каменным ступенькам, к причалу, где покачивался «Янтарь».

Поднимаясь назад к дому, я свернула в сторону и вошла в лабиринт. Я отыскала путь к центру, поднялась по мраморным ступенькам кованного домика.

Он был там.

Он улыбался. Мне нравилась его улыбка. Она ему подходила. Теплая, дружеская, открытая.

Я знала Джексона всю жизнь. Мы вместе играли иногда, когда были детьми, когда мы приезжали сюда. Я даже не замечала его шрамы... Джексон был просто Джексоном. Так

странно, что я заметила его улыбку. И мускулы под тканью его рубашки. И то, что его руки в точности напоминали руки отца... руки хирурга, огромные и квадратные, с длинными пальцами. Было странно, когда я задумалась, на что это будет похоже, когда эти руки обхватят мое лицо чтобы...

Додумав до этого места, я остановилась. Я увидела, что он наблюдает за мной, как будто точно знает, о чем я думаю. Я попятилась.

— Я надеюсь, что мы теперь переедем сюда, — сказала я.

— Так и будет. — Он едва кивнул.

Я улыбнулась в ответ на его уверенный тон.

— Ты знаешь что-то, чего не знаю я?

— Я много чего знаю, — с ухмылкой сказал он.

— Заткнись, — фыркнув, ответила я. Я потерла лоб. На этом места у меня когда-то была огромная шишка. Или нет? Сейчас лоб был холодным и гладким. — У меня был этот сон. Хотелось бы мне его вспомнить. Но он всё время как будто ускользает от меня, понимаешь? И было ещё что-то... — мой голос оборвался. — Что-то важное.

— Скажи мне, — попросил он.

— Это возможно. — Слова ускользали.

Его глаза расширились. Зелёные глаза наполнились надеждой.

Почему я это сказала?

— Что должно произойти? — спросила я, чувствуя необходимость, которую я не понимала.

На мгновение мне показалось, что он хотел что-то сказать, но затем он лишь улыбнулся.

— Нам нужно лишь подождать и мы всё увидим. Ведь так?

Он протянул руку, прикоснулся к краешку моего глаза, и показал мне кончик своего пальца.

— Слеза, — сказал он.

Она блеснула, поймав свет. Я закрыла глаза.

Что будет, если он проведет рукой вдоль моей щеки? И разделит мои губы своим пальцем? И склонится так близко, что его дыхание станет моим дыханием?

Что будет если он, наконец, наконец... поцелует меня?

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Благодарности

Мы узнали, что нужно свернуть горы, чтобы сделать что-то в своей жизни, в том числе для того, чтобы замысел о книге добрался до книжных полок. Нам нужно поблагодарить много людей, которые превратили Дом Эмбер в книгу.

Во-первых, нашу бабушку и Капитана, Лори и Лунди Муров, которые разделяли любовь к старинным вещам, и нашего мальчика, Синджена Рида, который разделяет любовь к рассказыванию историй и который предложил много полезных идей для этой книги. Эти трое всегда поддерживали нас во всех начинаниях, какими бы безумными они ни были. Следующей будет наш самый первый читатель и критик — Джессика Вандершейд. Джеси — твой энтузиазм давал нам силы продолжать дальше, даже во время сложностей процесса передачи на рассмотрение.

Бесконечная благодарность нашему благословенному, восхитительному, нежному, пронцательному, терпеливому, бесстрашному агенту Дженнифер Велтц из Jean V. Naggar

Literary Agency. «Дом Эмбер» стал гораздо лучше благодаря её критике и предложениям. Также спасибо замечательным Джессике Ригел и Лакре Биаджи в JVNLA.

Мы также благодарим небеса за наше второе благословение, Черил Клейн, чей пристальный, дотошный взгляд просто поражает. Всегда весёлая и обнадеживающая даже при острой критике, Черил это редактор, иметь которого повезет каждому писателю. Также в Scholastic мы должны поблагодарить наших тружеников, координатора Элизабет Старр Майо, дизайнера Уитни Лил, и издателя Лорен Фелсенштейн.

И наконец мы благодарим наших друзей, которые нашли время чтобы прочитать и прокомментировать: Джона Хикса, Дэвида Лейванта, Дэвида Наггара и Тэмми Стинки Спасибо Морин Грейди и Ненси Харевуд, которые помогли представить раннюю версию этой истории. Спасибо Деборе, которая сделала достоверными все морские элементы. И спасибо всем в Annapolis Small Boat Rentals, кто предоставил нам карту и лодку, чтобы мы смогли исследовать прекрасные воды Северна и залива Чесапик.

И спасибо вам, великодушным читателям, — вы бесподобны.

Об авторе

Кэлли Мур впервые задумалась о «Доме Эмбер», когда училась в юридической школе, и первый черновик истории был написан в середине 1980х годов. Когда её дочери Такер и Ларкин Рид обнаружили рукопись несколько лет назад, то втроем, они решили переписать её. Такер сейчас учится в Университете Южной Калифорнии, а Келли и Ларкин живут в Джексонвилле, штат Орегон, в доме, битком набитом антикварными вещами.

Пожалуйста, посетите их вебсайт www.theamberhousetrilogy.com.

Notes

[

←1

]

Волосы, растущие треугольным выступом на лбу — примета, якобы предвещающая раннее вдовство.

[

←2

]

Синдром дефицита внимания с гиперактивностью.

[

←3

]

Чириоуз (англ. Cheerios [ˈtʃiəriˈəʊz]) — товарный знак сухого завтрака из цельной овсяной муки и пшеничного крахмала с минерально-витаминными добавками в форме колечек.

[

←4

]

Бранч (англ. brunch, образовано слиянием двух английских слов breakfast и lunch) — в США и Европе приём пищи, объединяющий завтрак и ланч. Бранчи проводятся в ресторанах по выходным дням между 11 часами утра и 16 часами дня. Обычно бранч проходит в формате «шведский стол», гостям предлагаются несколько десятков блюд:

закуски и горячие блюда, десерты, а также напитки, в том числе и алкогольные, без ограничений.

[

←5

]

Глубокий или Дальний Юг — обозначение географических и культурных регионов на юге США. Исторически сложилось, что он отличается от «Верхнего юга» как штаты которые больше всего зависели от плантационного типа сельского хозяйства в период Гражданской войны в США. Глубокий Юг также называют Нижний Юг или Хлопковые штаты. В первую очередь термин относится к штатам Алабама, Джорджия, Луизиана, Миссисипи и Южная Каролина. В меньшей степени это относится к Техасу, Флориде и Теннесси.

[

←6

]

Подпольная Железная Дорога — обозначение тайной системы, применявшейся в США для организации побегов и переброски негров-рабов из рабовладельческих штатов Юга на Север. Действовала вплоть до начала Гражданской войны в США в 1861 году.

[

←7

]

Эхолалия (др. — греч. ἠχώ, «эхо, повторение» и λαλία, разговор) — неконтролируемое автоматическое повторение слов, услышанных в чужой речи. Наблюдается у детей и взрослых при различных психических заболеваниях (шизофрении, аутизме, фенилпировиноградной олигофрении, поражении лобных долей мозга и других расстройствах), но иногда встречается у нормально развивающихся детей как один из ранних этапов развития и становления речи.

[

←8

]

Эспланада — отрезок музейно-парковой зоны в центре г. Вашингтона между Капитолием и мемориалом Линкольна.

[

←9

]

Abercrombie&Fitch — это яркий молодежный бренд с некоторым намеком на шик и на «элитарность». Когда говорят «Abercrombie&Fitch», всегда представляется образ молодого, увлекающегося спортом, подтянутого юноши англо-саксонского типа, студента престижного американского вуза, одетого в неизменное облегающее поло или джемпер с логотипом «лося». Это и есть стиль «Abercrombie&Fitch» — яркий, дерзкий, запоминающийся, молодежный и, при всей яркости, удивительно консервативный.

[

←10

]

Крэпс (Кости) — одна из древнейших игр. Инструментом для игры являются

кубики (кости) в количестве от одного до пяти в зависимости от вида игры. При правильной разметке противоположные грани костей должны в сумме составлять 7 (6 против 1, 5 против 2, 4 против 3). Суть игры состоит в выбрасывании кубиков и дальнейшем подсчёте очков, количество которых и определяет победителя. Разновидности игры предполагают разный подсчёт очков.

[

←11

]

Мир — карта Таро.